

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО
И
МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

JOURNAL OF PUBLIC AND
MUNICIPAL ADMINISTRATION

№ 1(51) 2024

ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL
ADMINISTRATION**

Выходит четыре раза в год

Том 13, № 1 2024

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам. зав. кафедрой правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vesnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию и продвижению (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Харитоновна Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории и стран ближнего зарубежья, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: natahari@yandex.ru

**Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»**

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Dmitry V. Aronov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Nicolai Z. Arabadjiiski, Doctor of Economic Sciences, Professor, New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Pavel A. Astafichev, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Vardan Bagdasaryan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Luka K. Bruzati, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Tamara N. Gella, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

Dmitry G. Gorin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Anatoly L. Eliseev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Alexander G. Zaluzhny, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Vladimir V. Zaitsev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Victor G. Zubarev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Milena Karadzova, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadzova@yahoo.com

Victor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Alexander A. Maslennikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Evgeniia S. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Angela V. Melikhova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Marko Meneguzzo, Doctor of Economic Sciences, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Sergei I. Mikhailchenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Victor V. Nekhaev, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Alexander B. Ruchkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Alexander Yu. Saran, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Editorial Board:

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Victor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Nadezhda V. Mironenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА, Deputy editor-in-chief of the magazine for development and promotion (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Evgeniia S. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management,

Branch of RANEPА, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Dmitry V. Aronov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Natalia I. Kharitonova, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: natahari@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Елисеев А. Л. Родионов И. М.	Подготовка Орловского военного округа к Великой Отечественной войне	12
Ковалев Б. Н.	Военный комендант Орла генерал Гаманн: как построить «новую Европу» на русской земле	23
Булышкин И. Б.	Нацистская пропаганда на оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны (на примере газеты «Речь»)	33
Меркулов А. В. Панарин И. А.	Восприятие Второй мировой войны Ж.-П. Сартром и Л.-Ф. Селином	49

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хазанов А. М. Гастрян С. М.	Внешняя политика Сирии в 1970-х – первой половине 1980-х гг.	61
Кабачкий М. С.	Политические аспекты в истории государственности европейских парламентских монархий	70

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Илларионова Т. С.	Высшая партийная школа при ЦК КПСС – кузница послевоенных партийных кадров (1946–1991 гг.)	81
Федотов С. П. Нехаева Д. В.	Особенности становления органов государственной статистики в России	102
Рыбин Д. В.	Партийное строительство легалистских организаций и их участие в выборах в Государственную Думу в 1906–1907 гг.	113
Бочанов М. А.	Становление добровольчества в Российском государстве	124

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Попова А. В.	Особенности проявлений преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX в. (1870–1890-е гг.)	137
Харитонов Г. П.	Институт членства в губернских статистических комитетах: анализ законодательного регулирования и персонального состава (на материалах Костромской губернии)	153

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Абдуллаев Д. Н.	Вопросы филантропии и деятельность русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе (вторая половина XIX – начало XX века)	166
Четверикова А. С.	Передвижные выставки как ведущая форма просветительской деятельности Орловской картинной галереи (1950–2000-е гг.)	175
Савоськин А. В. Новиков И. В.	Развитие Орловского областного отделения общества охраны памятников в 1988–1991 гг.	190
Орлова Л. Н. Цыганкова Е. А.	Пионерские газеты 20-х годов XX века: региональный аспект	205

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

Eliseev A.L., Rodionov I.M.	Preparation of the Orel Military District for the Great Patriotic War	12
Kovalev B.N.	Orel Military Commandant General Hamann: How to build a «New Europe» on Russian Soil	23
Bulyshkin I.B.	Nazi propaganda in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War (a case study of publications in «Rech»)	33
Merkulov A.V., Panarin I.A.	Jean-Paul Sartre's and Louis Ferdinand Celine's Perception of the Second World War	49

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Khazanov A. M., Gasratyan S. M.	The Foreign policy of Syria in the 1970s – the first half of the 1980s.	61
Kabatsky M. S.	Political Aspects of the History of Statehood of European Parliamentary Monarchies	70

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Ilarionova T. S.	Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party as a source of post-war party personnel (1946-1991)	81
Fedotov S. P., Nehaeva D. V.	The development of State Statistics Services in Russia	102
Rybin D. V.	Party building of Legalistic Organizations and their participating in the State Duma Elections in 1906–1907	113
Бочанов М. А.	Volunteering in Russia: Features of the Development and Modern Youth Goals	124

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

Popova A. V.	The features of crime in Yaroslavl province in the second half of the 19th century (1870-1890s)	137
Kharitonov G. P.	Provincial Statistical Committee membership: legislative and personnel analysis (a case study of Kostroma province)	153

CONTENTS

HISTORY OF CULTURE AND ENLIGHTENMENT

Abdullaev D.	Philanthropy and the activities of Russian Charitable Societies in Turkistan (the second half of the 19th - early 20th century)	166
Chetverikova A. S.	Traveling exhibitions as a leading form of educational activity of the Orel Art Gallery	175
Savoskin A. V., Novikov I. V.	The development of the Orel branch of the Society for the preservation of monuments in 1988-1991	190
Orlova L. N. Tsygankova E. A.	Pioneer Newspapers in the 1920s: the Regional Context	205

ПОДГОТОВКА ОРЛОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть процесс формирования военных округов в отечественной истории. Орловский военный округ (ОрВО) – оперативно-стратегическое территориальное объединение РККА Вооружённых сил РСФСР и СССР, существовавшее в 1918–1922, 1938–1941 и 1943–1945 годах. Орловский военный округ 1-го формирования был образован приказом Высшего военного совета РСФСР 31 марта 1918 года. Располагался на территории Орловской, Курской, Черниговской, Воронежской губерний. 29 июня 1919 года в состав округа была передана также Тамбовская губерния. Расформирован округ 9 марта 1922 года. Территория и войска переданы в Московский и Киевский военные округа. Орловский военный округ 2-го формирования создан приказом народного комиссара обороны СССР № 0154 от 28 июля 1938 года. Его создание было на базе управления 10-го стрелкового корпуса и войсковых частей, учреждений и заведений из состава Белорусского и Московского военных округов. В состав округа входили территории Воронежской, Курской, Орловской и (с 1939 года) Тамбовской областей. В начале Великой Отечественной войны, в июне 1941 года, в Орловском военном округе была сформирована 20-я армия. На основании архивных данных авторы выявляют особенности становления кадровой политики Красной армии накануне начала Второй мировой войны. Орловский военный округ являлся тыловым и предназначенным для обеспечения насущных потребностей Белорусского особого и Киевского особого военных округов. Основной задачей округа считалось обеспечение военно-мобилизационной готовности войск путём их перевооружения на новую технику. В этот период также происходило налаживание работы военкоматов по постановке на учёт допризывной молодёжи и ведение воинского учёта. Всё это отрабатывалось в ходе осуществления мобилизации в стране начиная с осени 1938 года. Большое значение отводилось работе с приписным составом воинских частей. Стоит отметить, что каждый район, входивший в состав военного округа, был прикреплен к конкретной воинской части и призывники шли служить в соответствующие воинские формирования. В воинских частях основное внимание уделялось боевой подготовке красноармейцев и приписников, путём проведения военных сборов в летних лагерях, зимних штабных игр, учений и т. д. Не оставались в стороне и вопросы идеологического обеспечения проводимых в стране мероприятий.

На основании архивных документов авторами рассматривается система управления округом, а также структура воинских частей, составляющих округ. Анализируется влияние мобилизационных планов на функционирование округа. Раскрывается деятельность руководства округом по решению таких вопросов, как организация боевой и политической подготовки воинских формирований округа, проведение мобилизации приписного состава, перестройка мобилизационной системы и т. д.

Авторы в качестве основных выводов определяют особенности военно-мобилизационной работы в округе на примере 120-й стрелковой дивизии. Отмечается особая роль военкоматов в призыве граждан на воинскую службу. На основании проведённого исследования можно в дальнейшем изучать роль основных структурных элементов военной структуры Советского Союза в наращивании воинского потенциала страны и повышении боевой готовности воинских формирований накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: военный округ, кадровая армия, Орловский военный округ, 120-я стрелковая дивизия, боевая подготовка, оперативная игра, мобилизация, военно-мобилизационная работа, приписной состав, Вторая мировая война, Великая Отечественная война

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Елисеев А.Л., Родионов И.М. Подготовка Орловского военного округа к Великой Отечественной войне // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 12–22.

PREPARATION OF THE OREL MILITARY DISTRICT FOR THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The purpose of the article is to consider the formation of military districts during the Russian history. The Orel Military District is an operational and strategic territorial association of the Red Army of the RSFSR and the USSR in 1918-1922, 1938-1941 and 1943-1945. The First Orel Military District was established by the Supreme Military Council order on March 31, 1918. The Orel Military District included Orel, Kursk, Chernigov and Voronezh provinces. On June 29, 1919, Tambov Province also became the part of the District. The First Orel Military District was however disbanded on March 9, 1922. The territory and the troops were transferred to the Moscow and Kiev Military Districts. The Orel Military District of the 2nd formation was established by the USSR People's Commissar of Defense order No. 0154 on July 28, 1938. The second district was based on the 10th Rifle Corps, military units and institutions of the Belarus and Moscow Military Districts. The District included Voronezh, Kursk, Orel provinces, and Tambov region since 1939. At the beginning of the Great Patriotic War, in June 1941, the 20th Army was formed in the Orel Military District.

Based on archival data, the authors identify the peculiarities of the Red Army human resources policy at the beginning of the Great Patriotic War. The Orel Military District main task was to meet the urgent needs of the Belarus and Kiev Military Districts, to rearm the troops, and to ensure their military mobilization capacity. During this period, the recruiting offices work was organized in order to enroll youths and to keep military records. It was worked out during the mobilization in the country since the autumn in 1938. The assigned personnel of military units were of great importance. It should be noted that each part of the Military District was attached to a military unit, and conscripts were forced to serve in the corresponding military units. The soldiers and assigned personnel underwent combat training by means of military training in summer camps, winter staff games, exercises, etc. Special attention was paid to the ideological support of the events held in the country.

Based on archival documents, the authors examine the District's management system, as well as the structure of the military units. The mobilization plans impact on the functioning of the district is analyzed. The district leadership activities for solution of such tasks as organizing combat and political training of military units, mobilizing assigned personnel, and restructuring of the mobilization system are discussed. As a result, the authors identify the features of military mobilization work in the District using the 120th Rifle Division case. The special role of recruiting offices in conscripting citizens for military service is noted.

The research results can be useful for further study of the role of the Soviet Union military structure elements in building up the country's military potential and increasing the combat capacities of military units at the beginning of the Great Patriotic War.

Keywords: Military District, professional Army, Orel Military District, 120th Rifle Division, combat training, operational game, mobilization, military mobilization work, assigned personnel, World War II, Great Patriotic War

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Eliseev A.L., Rodionov I.M. (2024) Preparation of the orel military district for the great patriotic war. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, no. 1, P.12–22.

ВВЕДЕНИЕ

Большое значение для усиления военной мощи России имели военные округа. Впервые военные округа появились в пореформенной России в 1862–1864 годах благодаря реформам военного министра Д.А. Милютин. Создание военных округов стало ответом на вызовы того времени. Необходимо было создавать более гибкую систему управления в военной сфере. Так, Д.А. Милютин отмечал, что необходимо отходить от излишней централизации управления в руках военного министерства и дать большую свободу в принятии решений в данной сфере местным управлениям.

В основу реформы была положена идея создания военно-окружной системы управления войсками. Указом императора от 6 августа 1864 года утвердили Положение о Военно-окружных управлениях, вступившее в действие с 1 сентября 1864 года. Первоначально создали 15 военных округов (позже их количество снизилось до 12), а также область Войска Донского. К началу Первой мировой войны создали еще два военных округа.

Переход на военно-окружную систему был по достоинству оценен многими военными теоретиками и историками. Так, П.А. Зайончковский спустя почти столетие после принятия решения писал, что «в результате организации военных округов создавалась относительно стройная система местного военного управления, устранявшая ту крайнюю централизацию, которой характеризовалась ранее деятельность Военного Министерства» [6, С. 97]. В целом такая система организации дел военного ведомства вполне себя оправдала на рубеже XIX – XX веков.

Однако в 1917 году эта система была уничтожена. В соответствии с приказом Наркомвоена № 71 от 22 января 1918 года были упразднены все военно-окружные советы, являвшиеся органами управления в военных округах. Взамен них были образованы военные отделы Советов. Они должны были приступить к формированию новой армии.

Орловский военный округ (ОрВО) сформировали 31 марта 1918 года на основании приказа Высшего военного совета (ВВС) Советской России № 23. Наряду с Орловским были сформированы ещё пять военных округов в европейской части страны: Беломорский, Московский, Приволжский, Приуральский и Ярославский. В состав Орловского округа были включены Воронежская, Курская, Орловская и Черниговская губернии со штаб-квартирой в городе Орле. Чуть позднее (29 июня) в его состав вошла Тамбовская губерния. Стоит отметить, что в истории нашей страны были два Орловских военных округа – 1-го и 2-го формирования. Одной из отличительных особенностей Орловского военного округа являлось то, что в его составе была одна дивизия, входившая как в первое формирование, так и во второе. Это 6-я стрелковая дивизия, получившая почётное наименование «Орловская» (в соответствии с приказом РВСР № 2710/450 от 30 ноября 1921 года).

Командование округом последовательно осуществляли: А.Я. Семашко (май 1918 – январь 1919 гг.), А.Д. Макаров (январь 1919 – январь 1920 гг.), О.А. Скудре (январь 1920 – март 1922 гг.). Перед командованием округа ставилась задача по формированию новых частей и соединений для Красной армии, а также организация системы всеобщего (всеобщей воинской подготовки). За годы Гражданской войны в округе призвали на воинскую службу порядка 300 тыс. человек, сформировав из них четыре стрелковые и одну кавалерийскую дивизии и другие воинские формирования. Округ был расформирован 9 марта 1922 года в соответствии с приказом Революционного военного совета Республики (РВСР) № 0154. Это было связано с общим сокращением армии после окончания Гражданской войны.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Накануне Второй мировой войны Орловский военный округ был воссоздан (28 июля 1938 года) приказом Народного комиссариата

обороны (НКО) № 0154 на базе 10-го стрелкового корпуса по штату № 2/401-415 и 2/316-317 (по графе ХВО) с центром в городе Орле. В него вновь вошли Воронежская, Курская и Орловская области. Позднее добавилась Тамбовская область (октябрь 1939 года). В округ вошли все воинские части, размещённые в этих областях. Все они в кратчайшие сроки (до 1 сентября 1938 года) должны были организационно влиться в состав округа. Округу поручалось поддержание военномобилизационной готовности войск, их перевооружение на новые образцы техники и подготовка молодёжи к службе в вооружённых силах. Командующим округом был назначен комкор Михаил Григорьевич Ефремов, начальником штаба – майор А.Д. Корнеев. Стоит отметить, что эти назначения были произведены на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б). Чуть позже, 2 августа 1938 года, были назначены и другие руководители округа: членом Военного совета – батальонный комиссар И.З. Сусайков, начальником политуправления – полковой комиссар А.П. Пигурнов.

Воссоздание округа, прежде всего, было связано с осложнением международной обстановки накануне Второй мировой войны. 1 сентября 1939 года официально началась Вторая мировая война. К этой дате многие ведущие страны мира готовились заранее. Они пытались решить свои задачи путём нового передела мира и завоевания мирового господства.

Начало Второй мировой войны во многом объяснялось геополитическими факторами. Именно этим были продиктованы планы ведущих мировых держав. Так, руководитель фашистской Германии А. Гитлер, пришедший к власти в 1933 году, ещё за несколько лет до этого момента провозглашал идею «похода на Восток». Геополитические поползновения выходили далеко за пределы Азии. Лидер фашистской Италии Б. Муссолини считал, что Италия является «...узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье...», поэтому необходимо двигаться к Индийскому

океану. Небольшие государства Европы, такие как Венгрия, Польша, Румыния, Финляндия, находясь в фарватере политики «великих государств», рассчитывали добиться не только безопасности своих границ, сложившихся после Первой мировой войны, но и претендовали на расширение своих территорий. Преследовал свои цели в будущей войне и СССР. Прежде всего, оставалась идея о грядущей мировой революции, которая поставит под вопрос само существование капитализма. В своём выступлении на XVIII съезде ВКП(б) И. Сталин отмечал, что надо «поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга – а потом – когда они достаточно ослабнут – выступить на сцену со свежими силами, конечно, в интересах мира и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия» [10, С. 30–31].

Второй мировой войне предшествовал ряд локальных военных столкновений в Азии, Европе и на Африканском континенте (вторжение Японии в Маньчжурию, Центральный Китай; война в Испании, аншлюс Австрии со стороны Германии; захват Эфиопии Италией и т. д.). Всё это завершилось Мюнхенским договором по расчленению Чехословакии.

Однако отдельные историки вполне справедливо полагают, что началом войны могут служить события марта 1939 года, когда Германия грубо нарушила мюнхенские соглашения, присоединив к своей территории Богемию и Моравию и признав независимость Словении.

Несколькими днями ранее, 10 марта, И. Сталин выступил на XVIII съезде ВКП(б), отметил, что на смену пацифизму и разрушению пришла лихорадка вооружения, все стали вооружаться и ввиду этого «наша страна... развернула серьезнейшую работу по улучшению боевой готовности нашей Красной Армии» [10, С. 37–39]. Страна стала переходить на военные рельсы.

В соответствии с решениями съезда стали формироваться военные отделы, действующие при партийных органах: ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах,

окружкомах, райкомах ВКП(б). Они были обязаны оказывать помощь при осуществлении военно-мобилизационной работы.

Не стоит забывать и тот момент, что на основании изменений 1935 года в военно-административной системе РККА военные округа делились на две группы. Первую группу составляли так называемые лобовые округа, которые в случае необходимости разворачивались во фронты. Во вторую группу входили «тыловые» округа, которые должны были подпитывать в случае необходимости «лобовые» округа. Группа, состоящая из одного «лобового» и двух «тыловых» округов, образовывала стратегическое направление. В этой связи можно говорить о том, что Орловский военный округ должен был подпитывать своими ресурсами Белорусский особый и Киевский особый округа, получившие свой особый статус за два дня до образования Орловского военного округа (26 июля 1938 года).

Управление военного округа представляло собой сложную управленческую структуру, включавшую в себя различные управления, отделы, службы. Руководству округа предстояло решать многие вопросы – не только касающиеся повседневной работы по организации боевой и политической подготовки воинских формирований округа, но и обусловленные сложившейся в стране ситуацией (проведение скрытой мобилизации, перестройка мобилизационной системы и т. д.).

Со второй половины 30-х годов в СССР был взят курс на построение кадровой армии. В соответствии с этим все территориальные дивизии переводились в разряд кадровых стрелковых дивизий тройного развертывания по 5220 человек [7, С. 122]. Каждая такая дивизия («тройчатка») в условиях военного времени превращалась в базу для развертывания трёх дивизий военного времени.

В состав Орловского военного округа вошли: 6-я стрелковая Орловская краснознаменная дивизия (управление дивизии – г. Орёл; командир – комбриг Н.Г. Золотухин); 19-я стрелковая Воронежская ордена Трудо-

вого Красного Знамени дивизия (управление дивизии – г. Воронеж; командир – комбриг Н.И. Орлов); 55-я стрелковая Курская дивизия имени Ворошилова (управление дивизии – г. Курск; командир – комбриг К.Н. Степанов). Все эти три дивизии находились в тот момент на стадии реформирования в кадровые дивизии тройного развертывания. В процессе реформирования дивизий важная роль отводилась запасным частям, базировавшимся в Орловском военном округе (8-я и 9-я запасные стрелковые бригады, три армейских запасных стрелковых полка, два запасных артиллерийских полка, один запасной полк бронепоездов, один запасной авиационный полк и другие формирования).

Значительный опыт по проведению частичной мобилизации командование округа получило осенью 1938 года, когда 29 сентября была получена телеграмма о проведении кампании по призыву приписного командного и политического состава количеством 250–275 человек в течение двух дней. Этот опыт был проанализирован на итоговых заседаниях Главного военного совета РККА и Военного совета при народном комиссаре обороны СССР в октябре – ноябре 1938 года.

Конкретная работа с приписным составом велась в воинских частях и до создания Орловского военного округа. Так, 6-я стрелковая дивизия весной и в начале лета 1938 года проводила первый сбор приписного состава первой очереди, а в июле – сентябре – сбор всего приписного состава второй очереди (РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.3. Л.7 об.). Общий сбор 19-й стрелковой дивизии проходил с 6 мая по 5 августа 1938 года в Коротояжских лагерях (РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.9. Л.13 об.).

Боевая подготовка воинских формирований в округе велась в соответствии с утвержденными планами на 1938 год. Однако новое командование не устраивало качество этих планов. Так, в Докладе командующего войсками ОрВО М.Г. Ефремова начальнику Управления боевой подготовки РККА от 9 ноября 1938 года отмечалось, что «в планах упускалась (иногда) тыловая тактическая под-

готовка, ночные занятия. Взаимодействие пехоты с артиллерией и танками часто выпадало благодаря тому, что рода войск стояли в разных лагерях. Недостаточно планами уделялось внимания отработке ПВО, ПТО, ПХО и боевым тревогам» (РГВА. Ф.31983. Оп.3. Д.128. Л.43–44).

Анализируя проведенные сборы, Главный военный совет РККА в своем постановлении от 11 декабря 1938 года отмечал, что необходимо «укомплектовать местные органы военного управления начальствующим и вольнонаемным составом, назначаемым по номенклатурам НКО». В постановлении также имелась просьба к руководству страны в лице ЦК ВКП(б) и СНК СССР по отводу необходимых помещений для вновь организуемых и реорганизуемых районных и областных военкоматов.

О масштабах проблемы в сфере военно-мобилизационной системы можно судить на примере вновь формируемых военкоматов в Воронежской области, когда во второй половине 1938 года там было создано более 90 военкоматов. Аналогичные процессы протекали в Орловской и Курской областях. Но дело здесь было не только в помещениях, а прежде всего в кадрах. На многие вакантные места приходилось назначать лиц, находящихся в запасе. Всё это не могло вызывать оптимизма у руководства Красной армии. Об этом прямо заявил нарком обороны К.Е. Ворошилов на Военном совете 29 ноября 1938 года, отмечавший, что работа по реорганизации военкоматов безобразно затянулась и её необходимо закончить до декабря месяца. На основании этого можно говорить о том, что перед командованием военных округов ставилась задача по контролю за реорганизацией военно-мобилизационной системы во вверенных округах.

Три представителя Орловского военного округа вошли в состав вновь сформированного Военного совета при наркомате обороны (1938 год): командующий округом комкор М.Г. Ефремов, член Военного совета округа бригадный комиссар И.З. Сусайков и началь-

ник Борисоглебского авиационного училища полковник В.П. Ухов.

Весной 1939 года Генштаб ввел в действие мобилизационный план № 22, разработанный ещё в 1937 году, но не реализуемый на практике из-за необходимости осуществления определённых подготовительных мероприятий. Военские части округа получили шифротелеграмму № 22 о введении данного мобплана от Военного совета ОрВО 27 марта 1939 года (РГВА Ф.34912. Оп.1. Д.30. Л.2 об.). Однако Красная армия ещё не до конца была готова к воплощению этого плана в жизнь. К сожалению, в архивах нашей страны не сохранились сведения о его осуществлении в Орловском военном округе.

Большая работа проводилась политическими органами по идеологическому обеспечению выполнения мобилизационного плана № 22. Основным направлением здесь стало проведение различных политических занятий в форме военно-исторических докладов. Наилучших показателей здесь добились представители Орловского, Воронежского, Курского и Елецкого гарнизонов. Дальнейшее распространение получила практика по организации социалистического соревнования между частями и подразделениями округа в рамках третьей сталинской пятилетки.

Основные вопросы жизни страны и военного округа находили своё отражение на страницах окружной газеты «Сталинец», первый номер которой вышел 17 октября 1938 года. Редактором газеты стал А. Кузьмин. В газете не только освещались положительные моменты в деятельности округа, но и размещались критические материалы. Наряду с этим в округе выходили и дивизионные многотиражные газеты: «Краснознаменец», «Призыв» и другие.

Большое внимание в своей деятельности политуправление округа уделяло сотрудничеству и социалистическому соревнованию с Калининским военным округом, созданным одновременно с Орловским военным округом. Между ними даже был подписан договор по этому поводу.

Работа по подготовке приписного состава в 1939 году велась на основе окружных планов в летних лагерях. Так, большой учебный сбор приписного состава 19-й стрелковой дивизии прошёл с 6 мая по 6 августа 1939 года в Коротоякских лагерях (РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.9. Л.13 об.).

Основным мобилизационным мероприятием весной 1939 года стал весенний призыв. Призывная кампания в целом прошла удовлетворительно, без особых замечаний, хотя по отдельным райвоенкоматам возникали определённые вопросы, и их работа получала низкую оценку. В целом на 1 мая в округе насчитывалось 81 212 призывников (РГВА. Ф.25887. Оп.2. Д.4. Л.1–3).

29 мая 1939 года была утверждена директива № 004839 Военного совета ОрВО. В соответствии с этим документом устанавливался порядок общей или частичной мобилизации. Особое место в директиве отводилось такому мероприятию, как скрытая мобилизация, проводимому в виде Больших учебных сборов (БУС) (РГВА. Ф.7. Оп.15. Д.77. Л.1). При этом устанавливался строгий режим секретности при осуществлении скрытой мобилизации.

В начале 1939 года уделяли много внимания вопросам темпа и принятия новой военной присяги, которая должна была заменить торжественное обещание («красную присягу») 1922 года. Руководством Красной армии было решено привести к присяге все воинские формирования страны в один день – 23 февраля 1939 года, в двадцать первую годовщину создания РККА.

Особое внимание в 1939 году уделялось боевой подготовке воинских частей округа. Здесь можно выделить зимние штабные игры, учения (войсковые и штабные), лагерные сборы, артиллерийские стрельбы, игры на картах и т. д. Важнейшим мероприятием стало проведение оперативно-военной окружной игры в июне 1939 года. В ходе игры отрабатывались две операции: 1) наступательная операция армии с прорывом «Ура!» и с отражением флангового контрудара противника в

процессе развития операции; 2) наступление ударной армии с прорывом в «Барановичи» и последующим разгромом слонимской оперативной группы противника (РГВА. Ф.31983. Оп.3с. Д.146. Л.132).

Через месяц была проведена ещё одна оперативно-военная окружная игра. А вскоре состоялась полевая армейская поездка, в ходе которой отрабатывалось наступление армии с преодолением водной преграды и с поворотом фронта в сторону фланга (РГВА. Ф.31983. Оп.3с. Д.146. Л.132).

Подводя итоги учений по боевой подготовке, командование округа отмечало, что планы были выполнены, поставленные задачи решены.

Большое внимание в своей деятельности политорганы округа уделяли разъяснению решений XVIII съезда ВКП(б). При этом содержание политзанятий варьировалось в зависимости от года службы красноармейцев. Командованием округа отмечалось, что «политорганы добились серьезных успехов в улучшении качества политических занятий... что они становятся интересными, увлекательными» (РГВА. Ф.31983. Оп.3с. Д.146. Л.118). Не оставался в стороне от учёбы и командный состав округа. Обучение проводилось в рамках марксистско-ленинской подготовки в виде конференций, дискуссий, бесед.

Проверка, проведенная ПУОКРом в августе 1939 года, зафиксировала высокий уровень политической подготовки частей и соединений ОрВО. Так, в 6-й стрелковой дивизии эта работа была оценена в 3,57 балла (из 5).

С целью укрепления кадрами политработников в округе открыли окружное военно-политическое училище, а позднее и Брянское военно-политическое училище (по распоряжению наркома обороны СССР).

В целом командование округа оценивало общее политико-моральное состояние как здоровое, а боеспособность – на высоком уровне (РГВА. Ф.31983. Оп.3с. Д.146. Л.128).

Важное значение для реорганизации армии имело совещание у наркома обороны по

вопросам проведения новых организационных мероприятий 16 июля 1939 года. В своём выступлении К.Е. Ворошилов отметил, что «дивизии, так называемые тройчатки, должны быть развернуты так, чтобы каждый полк данной дивизии превратился в дивизию» (РГВА. Ф.4. Оп.14. Д.2385. Л.1).

15 августа 1939 года нарком обороны подписал директивы № 4/2/48601–4/2/48611 для 11 военных округов страны, в соответствии с которыми они должны были сформировать 18 управлений корпусов, перевести кадровые дивизии на новый штат в 8900 человек и развернуть 36 дивизий тройного развертывания в 92 дивизии по 6000 человек. В соответствии с директивой № 4/2/48611 в ОрВО предстояло на базе трёх дивизий-тройчаток (6, 19 и 55-й стрелковых дивизий) развернуть девять дивизий по 6000 чел. каждая. Наряду с этим предписывалось создать в округе и новое корпусное управление (30-й стрелковый корпус).

Вслед за этим 1 сентября, в день начала Второй мировой войны, принимается Закон «О всеобщей воинской повинности», призванный обеспечить призыв необходимого контингента для укомплектования вновь создаваемых частей. Через день утверждается постановление СНК № 1355-279сс, в соответствии с которым по новому Плану реорганизации сухопутных сил Красной Армии на 1939–1940 годы устанавливается штатная численность армии в размере 2 265 000 человек.

В соответствии с принятыми решениями в Орловском военном округе предписывалось создать на базе имеющихся трёх дивизий-тройчаток девять новых дивизий. Всё это было выполнено в установленные сроки.

В Орловском военном округе планировали в будущем сформировать танковую бригаду на основании директивы № 4/2/48611. В этой связи танковые подразделения стрелковых дивизий не должны были быть расформированы.

В ответ на нападение Германии на Польшу и объявление войны Великобританией и Францией советское руководство приняло решение о проведении скрытой мобилизации в стране путём Больших учебных сборов по литературе А.

Она началась 7 сентября 1939 года. В стране проводилось развертывание отдельных частей с тылами по штатам военного времени. В Орловском военном округе в БУС участвовали управление стрелкового корпуса и девять стрелковых дивизий (новая 6-я (Орёл), 122-я (Елец), 180-я (Ливны), новая 19-я (Воронеж), 120-я (Бобров), 149-я (Острогожск), новая 55-я (Курск), 185-я (Белгород) и 113-я (Рыльск). Все дивизии были пополнены приписным составом до штатов военного времени. Всего было призвано на БУС из резервов военного округа 219 904 человека (РГВА. Ф.40443. Оп.3. Д.298. Л.142). Командование округа в целом положительно оценило итоги подготовки и проведения БУС, отметив, что «части округа, при высоком политико-моральном состоянии в период БУС, были вполне сколочены для непосредственного выполнения боевых задач» (РГВА. Ф.31983. Оп.2. Д.321. Л.19).

Скрытая мобилизация продолжалась недолго, и уже 22 сентября 1939 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации призванных на учебные сборы военнообязанных запаса». Вслед за этим нарком обороны подписал аналогичный приказ № 177 от 23 сентября 1939 года. А уже в октябре начали увольнять призванных по мобилизации. В Орловском военном округе из приписного состава, призванного по БУС, к 1 января 1940 года осталось всего 2934 человека (РГВА. Ф.40443. Оп.3. Д.298. Л.142).

В первой половине 1941 года в СССР активно проходила подготовка к возможной войне с фашистской Германией. Так, были проведены две оперативные игры, направленные на отработку наступательных операций Красной армии. Позднее прошёл сбор начальствующего состава округов и фронтов, отвечающих за связь в войсках, завершившийся ещё двумя играми. Всё это являлось ответом на те события, которые происходили в фашистской Германии.

В феврале 1941 года прошла очередная игра, затрагивающая деятельность армий, находящихся во второй линии обороны.

В феврале 1941 года наконец-то был утверждён мобилизационный план на 1941 год,

предусматривающий проведение мобилизации в стране по двум вариантам – по скрытому и открытому порядку осуществления. По результатам этих мероприятий численность армии должна была увеличиться до 8,9 млн. человек (ЦАМО. Ф.15А. Оп.2154. Д.4. Л.199–287).

Орловский военный округ принял участие в проведении полевой поездки штабов трёх военных округов, осуществленной по инициативе Генерального штаба Красной армии 13–20 марта 1941 года (РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.450. Л.83–85 об.). В ходе этого мероприятия отрабатывались наступательные действия в условиях труднодоступной местности в зимних условиях против противника, перешедшего в контрнаступление.

Полевая поездка показала недостаточный уровень подготовки и проведения таких операций со стороны как высшего командования, так и штабных подразделений. В соответствии с предписаниями командования Красной армии в феврале 1941 года нужно было создать в Орловском военном округе управление 33-го стрелкового корпуса, в который должны были войти 89, 120 и 145-я стрелковые дивизии (ЦАМО. Ф.121. Оп.21930. Д.5. Л.88, 89, 99, 102, 108, 110, 112). Основные силы 120-й стрелковой дивизии по-прежнему находились в городе Ливны Орловской области, кроме 540-го стрелкового полка и 599-го лёгкого артиллерийского полка, дислоцировавшихся в городе Орле. К началу Великой Отечественной войны дивизия находилась в Орловских летних лагерях «Лужки».

Большое внимание в первой половине 1941 года уделялось военно-мобилизационной работе. За это время было проведено два призыва граждан (частичный и плановый весенний). Эти мероприятия в Орловском военном округе прошли в штатном режиме.

С конца мая 1941 года в Орловском военном округе развернулась работа по проведению учебных сборов дивизий округа с привлечением приписного состава.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы отметить, что в соответствии с первоначальным планом предписывалось про-

вести сборы шести дивизий в одну очередь с 1 июля по 15 октября 1941 года с привлечением 30 тысяч членов приписного состава. В последующем было решено увеличить количество дивизий, привлекаемых на сборы приписного состава, с увеличением количественного состава приписников с пяти тысяч до шести тысяч на каждую дивизию.

После вторжения Германии в Советский Союз 22 июня 1941 года в округе была сформирована 20-я армия под командованием командующего округом Ф.Н. Ремезова. Генерал-лейтенант П.А. Курочкин сменил Ф.Н. Ремезова на посту командующего Орловским военным округом, а в июле его заменил генерал-лейтенант А.А. Тюрин. В округе также были мобилизованы годные к военной службе, сформированы новые части и соединения, отправлены на фронт походные батальоны, расширена сеть госпиталей и других тыловых служб. После 22 июня в районе были сформированы 17 стрелковых дивизий, пять бригад и восемь резервных бригад.

2 октября немецкие войска начали операцию «Тайфун» – наступление, направленное на захват Москвы. Немецкие танковые войска быстро прорвали советские рубежи и продвинулись вглубь советского тыла. 4-я танковая армия достигла Орла 3 октября, удивив штаб военного округа, который спешно покинул город. А.А. Тюрин, начальник штаба округа генерал-майор П.Е. Глинский, военный комиссар штаба округа бригадный комиссар Н.Е. Ефимов были признаны виновными в оставлении Орла, А.А. Тюрин был приговорён к семи годам лишения свободы, а П.Е. Глинский и Н.Е. Ефимов – к пяти годам. Однако позже все трое были помилованы, понижены в должности и отправлены обратно на фронт. Штаб округа впоследствии был переведен в Елец, Тамбов и Оренбург. Поскольку большая часть территории находилась под немецкой оккупацией, 8 декабря округ был расформирован, а оставшаяся территория передана Приволжскому военному округу. Из штаба Орловского военного округа 26 ноября в Оренбурге был сформирован штаб Южно-Уральского военного округа.

Библиография / References:

1. Безугольный, А.Ю. История военно-окружной системы в России, 1862–1918 / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Ковалевский, В.Е. Ковалев; А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Ковалевский, В.Е. Ковалев; Военная акад. Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, Институт военной истории. – М.: Центрполиграф, 2012. – 463 с. – (Россия забытая и неизвестная. Золотая коллекция). – ISBN 978-5-227-03506-6. – EDN OYRASY.
 2. Бондарев, Ю.И. История 18-го Краснознаменного Ливенского стрелкового полка 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии // Сборник материалов научно-практической конференции, 18 октября 2012 года «Орел – город воинской славы». – Орёл, 2013. – С. 61–62.
 3. Великая Отечественная война. 1941–1945 годов. В 12-ти томах. – М.: Кучково поле, 2015. – Т. 1. – 976 с.
 4. Елисеев, А.Л. Партизанское движение в Орловской области в годы Великой Отечественной войны / А.Л. Елисеев // Великая Победа: взгляд через 75 лет: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 22 марта 2020 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2020. – С. 39–43. – EDN ZMJSZB.
 5. Елисеев, А.Л. Опыт реализации государственной молодежной политики на региональном уровне (на материалах Орловской области) / А.Л. Елисеев, Д.А. Трещев // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нефтекамск, 15 ноября 2019 года. – Нефтекамск: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 50–54. – EDN AXVMKX.
 6. Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. – М.: Издательство Московского университета, 1952. – 371 с.
 7. Захаров, М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы: Воспоминания соратников и современников: Воспоминания соратников и современников / М.В. Захаров. – М.: Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [и др.], 2003. – ISBN 5-94953-004-7. – EDN QOSRBN.
 8. Кен, О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 20-х – середина 30-х гг.). – СПб.: Издательство Европейского университета, 2002. – 472 с.
 9. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина: схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2008. – 537 с. – ISBN 978-5-9533-2697-1. – EDN QPKICD.
 10. Сталин, И. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года. – М., 1950. – 167 с.
1. Bezugol'nyy, A.Yu. (2012) Istoriya voyenno-okruzhnoy sistemy v Rossii, 1862-1918 [History of the military district system in Russia, 1862-1918] / A.Yu. Bezugol'nyy, N.F. Kovalevskiy, V.E. Kovalev; A.Yu. Bezugol'nyy, N.F. Kovalevskiy, V.Ye. Kovalev; Voyennaya akad. General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil RF, Institut voyennoy istorii. – M.: Tsentrpoligraf. – 463 s. – (Rossiya zabytaya i neizvestnaya. Zolotaya kolleksiya). – ISBN 978-5-227-03506-6. – EDN OYRASY. (In Russ.).
 2. Bondarev, Yu.I. (2013) Istoriya 18-go Krasnoznamenogo Livenskogo strelkovogo polka 6-oy Orlovskoy Krasnoznamennoy strelkovoy divizii [History of the 18th Red Banner Livensky Rifle Regiment of the 6th Oryol Red Banner Rifle Division] // Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii, 18 oktyabrya 2012 goda «Orel – gorod voinskoy slavy». – Orel. – S. 61–62. (In Russ.).
 3. Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941–1945 godov [Great Patriotic War. 1941–1945. In 12 volumes]. V 12-ti tomakh. – M. Kuchkovo pole, 2015. – T.1. – 976s. (In Russ.).
 4. Yeliseyev, A.L. (2020) Partizanskoye dvizheniye v Orlovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Partisan movement in the Oryol region during the Great Patriotic War] / A.L. Yeliseyev // Velikaya Pobeda: vzzglyad cherez 75 let: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy

konferentsii, Orol, 22 marta 2020 goda. – Kursk: Zakrytoye aktsionernoye obshchestvo «Universitetskaya kniga». – S.39–43. – EDN ZMJSZB. (In Russ.).

5. Yeliseyev, A.L. (2019) Opyt realizatsii gosudarstvennoy molodozhnoy politiki na regional'nom urovne (na materialakh Orlovskoy oblasti) [Experience in implementing state youth policy at the regional level (based on materials from the Oryol region)] / A.L. Yeliseyev, D.A. Treshchev // Aktual'nyye problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii: Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Neftekamsk, 15 noyabrya 2019 goda. – Neftekamsk: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. – S. 50–54. – EDN AXVMKX. (In Russ.).

6. Zayonchkovskiy, P.A. (1952) Voyennyye reformy 1860–1870-kh godov v Rossii [Military reforms of the 1860–1870s in Russia]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. – 371 s. (In Russ.).

7. Zakharov, M.V. (2003) General'nyy shtab v predvoyennyye gody: Vospominaniya soratnikov i sovremennikov: Vospominaniya soratnikov i sovremennikov [General Staff in the pre-war years: Memoirs of comrades-in-arms and contemporaries: Memoirs of comrades-in-arms and contemporaries] / M.V. Zakharov. – M.: Vydayushchiyeya polkovodtsy i flotvodtsy Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [i dr.]. – ISBN 5-94953-004-7. – EDN QOSRBN. (In Russ.).

8. Ken, O.N. (2002) Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 20-kh – seredina 30-kh g.g.). [Mobilization planning and political decisions (late 20s – mid 30s)]. – SPb. Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta. – 472s. (In Russ.).

9. Mel'tyukhov, M.I. (2008) Upushchenny shans Stalina: skhvatka za Yevropu, 1939–1941gg.: (dokumenty, fakty, suzhdeniya) [Stalin's missed chance: the fight for Europe, 1939–1941: (documents, facts, judgments)] / M.I. Mel'tyukhov. – M.: Veche. – 537 s. – ISBN 978-5-9533-2697-1. – EDN QPKICD. (In Russ.).

10. Stalin, I. (1950) Otchotnyy doklad na XVIII s"yezde partii o rabote TSK VKP (b). 10 marta 1939 goda. [Report at the XVIII Party Congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)] – M. – 167s. (In Russ.).

Информация об авторах:

ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, SPIN-код: 8257-6196

РОДИОНОВ Игорь Михайлович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: mist.rod-5@yandex.ru, SPIN-код: 7630-5568

Authors:

ELISEEV A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEP (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, SPIN-code: 8257-6196

RODIONOV I.M., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEP (Russian Federation, Orel), e-mail: mist.rod-5@yandex.ru, SPIN-код: 7630-5568

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 11.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 25.01.2024.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ ОРЛА ГЕНЕРАЛ ГАМАНН: КАК ПОСТРОИТЬ «НОВУЮ ЕВРОПУ» НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Аннотация. Целью статьи является анализ некоторых материалов уголовного дела военного коменданта Орла генерала Адольфа Гаманна. Хозяйственные управления и команды не охватывали все населённые пункты на оккупированной территории нашей страны. В некоторых сельскохозяйственных районах функции этих органов выполняли местные военные комендатуры. Они организовывались непосредственно штабами действующих частей. Местные комендатуры в первый период оккупации осуществляли административное управление и организовывали борьбу с советским сопротивлением. Среди местного населения они выявляли коммунистов и евреев. Для упрощения процесса управления они назначали сельских старост и бургомистров, организовывали вспомогательные отряды полиции и отдельные гражданские административные управления. Комендатуры в городах возглавлялись старшими офицерами, а в наиболее крупных из них – генералами. Например, комендантом города Орла был назначен генерал Гаманн.

Комендатура поддерживала тесную связь с гестапо и имела в своём составе агентурную сеть. Отдельно оборудовали помещения для арестованных и организовывали команду по их охране. В некоторых комендатурах были отделы: военный, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных и финчасть и др.

И даже при такой организации немецкая политика, направленная на разложение русского населения путём запугивания или предоставления ему каких-либо экономических подачек при сборе налогов, провалилась. Советское сопротивление при поддержке большинства жителей оккупированных областей России сорвало эти планы захватчиков.

Изучение тематики возможно при использовании различной методологии и подходов. Изучение жизни и деятельности военного коменданта Орла генерала Адольфа Гаманна можно рассмотреть в контексте библиографического метода. Сравнение подходов и мнений поможет выявить особенности видения «новой Европы», уточняя политический и военный контекст. Проведение анализа документов, выступлений и других архивных источников, связанных с деятельностью Гаманна, может показать более точное представление о его стратегиях, целях и влиянии на современное политическое пространство. На основании новых архивных материалов автором сделан ряд уточнений по приговору о злодеяниях немецко-фашистских войск на территориях Орловской, Брянской и Бобруйской областей в период оккупации. Для советских людей Адольф Гаманн стал одним из символов преступлений нацистского оккупационного режима. В конце июня 1944 года он попал в плен Красной армии под Бобруйском. В документальном фильме «Проконвоирование военнопленных немцев через Москву» его охарактеризовали следующим образом: «Генерал-майор Адольф Гаманн – комендант Бобруйска, бывший комендант Орла. Палач и убийца! Десятки тысяч советских людей стали жертвами его злодеяний!» При этом Гаманн всячески пытался избежать наказания. Он практически не ответил на вопросы, заданные ему советскими чекистами. Казни, которые по его приказу проводились в Орле, он объяснял необходимостью борьбы с уголовными преступниками. Адольф Гаманн был повешен по приговору советского суда в декабре 1945 года в Брянске.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистский оккупационный режим, военные преступления, Орел, генерал Гаманн, советские органы государственной безопасности

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Ковалев Б.Н. Военный комендант Орла генерал Гаманн: как построить «новую Европу» на русской земле // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 23–32.

© Ковалев Б.Н., 2024г.

**OREL MILITARY COMMANDANT GENERAL HAMANN: HOW TO BUILD A
«NEW EUROPE» ON RUSSIAN SOIL**

Abstract. The purpose of the article is to analyze some materials from the criminal case of the military commandant of Orel, General Adolf Hamann. Economic departments and teams did not cover all settlements in the occupied territory of our country. In some agricultural areas, the functions of these bodies were performed by local military commandant's offices. They were organized by the headquarters of the operating units. During the first period of occupation, local commandant's offices exercised administrative control and organized the fight against Soviet resistance. They identified communists and Jews among the local population. To simplify the management process, they appointed village elders and burgomasters, organized auxiliary police units and separate civil administrative departments. Commandant's offices in cities were headed by senior officers, and in the largest of them – by generals. For example, General Hamann was appointed commandant of Orel.

The commandant's office maintained close contact with the Gestapo and included an intelligence network. Separately, they organized premises for those arrested and a team to protect them. Some commandant's offices had departments: military, police and punitive detachments, agricultural, transport, registration of the population, prisoners of war affairs and financial unit, etc.

And even with such an organization, the German policy aimed at the decomposition of the Russian population by intimidation or providing them with any economic handouts in tax collection failed. The Soviet resistance, with the support of the majority of residents of Russian occupied regions disrupted the invaders' plans.

Various methodologies and approaches are used in the research. The goal of the bibliographic method is to consider the life and work of Orel military commandant General Adolf Hamann. Comparing different approaches and views helps to identify various features of a «New Europe» within the political and military context. Analyzing documents, speeches, and other archival materials related to Hamann's activities reveals his strategies, goals, and influence over the modern political space.

Due to the new archival materials, the author clarifies the details of the verdict in the case of Nazi troops' atrocities in Orel, Bryansk and Bobruisk regions during the occupation. Adolf Hamann became the symbol of Nazi regime crimes committing against the Soviet people. He was captured by the Red Army near Bobruisk at the end of June 1944. The director of the documentary «Escorting German Prisoners of War Through Moscow» described him as: « The former commandant of Orel, the commandant of Bobruisk Major General Adolf Hamann is an executioner and a murderer! Tens of thousands of Soviet people became victims of his atrocities! ». At the same time, Hamann tried to avoid punishment in every possible way. He did not answer the Chekists' questions. He explained that the executions were carried out in Orel in order to fight criminals. Adolf Hamann was hanged under the Soviet court sentence in December 1945 in Bryansk.

Keywords: Great Patriotic War, Nazi occupation regime, war crimes, Orel, General Hamann, Soviet State Security Bodies

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Kovalev B.N. (2024) Orel Military Commandant General Hamann: How to build a «New Europe» on Russian Soil. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, Issue 1. P.23–32.

ВВЕДЕНИЕ

Его знали в лицо миллионы людей. И не только в Советском Союзе. Для них он являлся воплощением абсолютного зла. В документальном фильме «Проконвоирование военнопленных немцев через Москву» был показан «парад побеждённых» – немецких солдат и офицеров, захваченных в плен во время боёв в Белоруссии. Закадровый голос на фоне патетической музыки информировал зрителей: «Сегодня, 17 июля 1944 года, солдатам Гитлера предоставлена возможность побывать в Москве. Вот они: 57 600 пленных немцев. Остатки разбитых полков, дивизий, корпусов.

Вот их полководцы, их генералы... Всего 19 немецких генералов!» [1].

Они шли во главе этой колонны военнопленных. Одним из них был Гаманн: «Генерал-майор Адольф Гаманн – комендант Бобруйска, бывший комендант Орла. Палач и убийца! Десятки тысяч советских людей стали жертвами его злодеяний!» [1].

Поэт Натан Альтерман (*его изображение помещено на самой крупной современной банкноте Израиля – 200 шекелей. – Б. К.*) посвятил Адольфу Гаманну стихотворение. Оно было опубликовано в ивритоязычной газете «Давар» (Тель-Авив) 7 июля 1944 года. В нём он описывал диалог следователя-еврея с немецким преступником. Советский чекист напоминал пленному генералу ветхозаветную историю Амана (евр. Гамана) – палача еврейского народа (в еврейской традиции символ антисемита, ненавидящего еврейский народ и замышляющего его погибель). И как библейский Аман был повешен, такая же судьба обещалась немецкому генералу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В марте 1945 года, когда до Победы оставались считанные недели, в Москве вышла книга «Палачи Европы», написанная известными публицистами (Ильёй Эренбургом, Да-

видом Заславским, Жаном-Ришаром Блоком и др.). Понятно, что в ней речь шла о руководителях Третьего рейха (Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гиммлере и др.). Нашлось место и для союзников Третьего рейха (Антонеску, Муссолини), а также для коллаборационистов первого уровня (Петен, Лаваль, Квислинг).

Очерк П. Сноссырева, помещённый между биографиями лидера итальянского фашизма и палача Украины Эриха Коха, назывался «Гаманы и Актаны». Адольф Гаманн – это военный комендант Орла, а Актан – Михаил Октан, главный редактор местной коллаборационистской газеты «Речь» [2].

Генерал-лейтенант (1944) Гаманн, отслуживший в германской армии более 40 лет, ещё со времен Второго рейха не совсем похож на классического нациста. Скорее, это типичное порождение прусского милитаризма в его самой отвратительной форме, где особое место занимает циничный прагматизм. Он профессиональный военный, участник Первой мировой войны. После начала Второй мировой войны принимал участие в боях против Польши и Франции. В период немецкой оккупации территории СССР поочередно являлся военным комендантом Орла, Брянска и Бобруйска.

Из книги «Палачи Европы» следует: «Гаманн появился в Орле 3 октября 1941 года и, бесчинствуя и зверствуя, устанавливал там «новый порядок» вплоть до 4 августа 1943 года, когда, взорвав на прощание город, ушёл. Он ушёл из Орла, но дальше Бобруйска ему не удалось уйти. Не упрятаться ему от сурового суда народа. Орловские и бобруйские «подвиги» его не изгладятся из памяти.

Возможно, имя генерала войдёт в разговорный язык народа. Станет таким же нарицательным ругательным словом, как ирод и каин. Уже на первом митинге в освобождённом Орле это слово произносилось едва ли не каждым выступавшим, и произносилось вовсе не как фамилия, а как кличка одной из цепных собак Гитлера» [2, С. 207].

4 декабря 1945 года брянские чекисты в

тесном сотрудничестве с коллегами из Орловского управления НКГБ возбудили против него и трех других военных преступников уголовное дело [3].

Также ими использовались материалы допросов, которые были проведены в Москве в 1944 году.

В рамках одной статьи практически невозможно проанализировать все эти документы, поэтому будут рассмотрены лишь некоторые из них, непосредственно связанные с деятельностью Гаманна в Орле.

Свидетельские показания о преступлениях гитлеровских военных преступников собирали в России и Белоруссии. 18 октября 1944 года пришло сообщение из Орла: «...Гаманн, комендант, появился в городе вскоре после его оккупации. Все приказы о расстрелах мирных жителей и также о повешении подписывались лично Гаманном. Без его разрешения не проводился в исполнение ни один смертный приговор и в большинстве случаев при их исполнении, особенно при казни партизан, присутствовал сам Гаманн.

Все приказы об отправке русской молодёжи, юношей и девушек, в Германию, напечатанные на немецком и русском языке за подписью Гаманна, расклеивались в городе» [3, Т.1, Л.14].

«Новый порядок» в Орле в немалой степени поддерживался через устрашение населения. Всем местным жителям убедительно показывалось, что любое проявление недовольства, а тем более какого-либо сопротивления будет караться самым жестоким образом: «...трупы повешенных не убирались неделями, некоторые расстрелянные были повешены после смерти, а иные прямо вешались на глазах у проходивших людей. «Парк танкистов» был излюбленным местом казни. Решение мирового суда утверждалось также Гаманном. Он или утверждал, или отменял приговор по своему усмотрению, а не по ходу дела...» [3, Т.1, Л.14–15].

Судя по этому донесению, немецкий комендант и его окружение не отказывали себе в удовольствии понаблюдать за обнажённым

женским телом: «Перед отправкой девушек в Германию на бирже труда проходила так называемая «врачебная комиссия», где иногда присутствовал и Гаманн с офицерами из комендатуры.

Девушек заставляли раздеваться догола и в таком виде входить в комнату, где находились вышеупомянутые, заставляли её делать несколько кругов по комнате, не обращая внимания на её слёзы. Если девушки сопротивлялись, их отправляли из биржи в полевую жандармерию, там били палкой, бросали в подвал и через несколько дней возобновляли издевательства перед лицом Гаманна и других лиц из комендатуры» [3, Т.1, Л.15].

Для отсылки в Германию требовался качественный товар. И здесь речь шла не только о физическом состоянии потенциальных оstarбайтеров. Особую ценность представляли лица, владеющие немецким языком, ведь их можно было почти сразу ставить на более сложные работы. Но такие кадры требовалось предварительно подготовить.

У одной из свидетельниц была дочь 1923 года рождения, которую принудительно отправили в Германию по личному распоряжению коменданта Гаманна при следующих обстоятельствах: «...когда в 1942 году началась отправка молодёжи в Германию, то тех, кто учился на курсах немецкого языка, никуда не отправляли и не трогали ни на какие общественные работы. Дочь поступила во 2-й набор на курсы в октябре 1942 года. Причём объявили, что отличников никуда в районы и другие города на работу после окончания курсов отправлять не будут, а оставят в Орле» [3, Т.1, Л.17].

Девушка окончила эти курсы и успешно сдала все экзамены. Она хотела устроиться работать в подсобное хозяйство около города. Однажды к ней в класс вошёл немецкий офицер, осмотрел всех находившихся там, подошёл к дочери свидетеля и заявил: «Эта девушка поедет со мной» [3, Т.1, Л.17].

На автомашине под конвоем жандармов её с подружкой привезли в Орёл, сначала на биржу, где им задали вопрос: «Желают ли

они ехать на работу в великую Германию?» После её отказа начал на неё кричать, говоря, что она хочет сбежать к партизанам в брянские леса. После этого их отвели лично к Гаманну [3, Т.1, Л.18].

По словам свидетеля, «Гаманн сильно на неё топал ногами и чуть не ударил, а, быть может, и ударил, но она, чтобы не расстраивать мать, скрыла это, но, когда жандарм привёл её за вещами, девочка была бледна, как полотно. Когда мать хотела идти к Гаманну, она сказала: «Лучше не ходи, ты хочешь, чтобы меня расстреляли, а тебя выпороли в жандармерии» [3, Т.1, Л.18].

16 июля 1942 года она была привезена в Барышкино, а 17-го без оформления на бирже труда отправлена в Германию.

Когда мать стала просить об оставлении дочери хотя бы на время, чтобы купить ей туфли и платье, то никакие просьбы не помогли. Начинали вроде говорить: «Ну хорошо», – но когда узнавали, что это личный приказ Гаманна, то никто не решался его нарушить.

Когда после отправки дочери у матери произошел приступ и она не вышла на работу, за ней был прислан жандарм, и её отвели в комендатуру. Гаманн лично не вышел, а передал через своего помощника: «Если она не выйдет работать – расстрелять...» [3, Т.1, Л.18].

Следует отметить, что в этом уголовном деле очень хорошо проработанная доказательная база. Данный факт, по словам свидетельницы, могли подтвердить ещё пять человек. Их фамилии и адреса были предоставлены следователям.

Особый интерес для исследователей нацистского оккупационного режима на Орловской земле представляет разработанный советскими чекистами под грифом «совершенно секретно» «...вопросник для допроса немецкого генерал-майора Гаманн, бывшего коменданта гарнизонной комендатуры города Орла, существовавшей в период временной оккупации немецкими войсками последнего...» [3, Т.1, Л.22]. Он состоял из

26 вопросов. Его подписал начальник Второго отдела УНКГБ Орловской области майор государственной безопасности Пётр Столяров¹. Их можно разделить на несколько тем, которые в первую очередь интересовали советские органы государственной безопасности. Особенно волновала советских чекистов деятельность немецкой агентуры в освобожденном от гитлеровцев Орле:

«...1. Какова структура и штаты бывшей германской гарнизонной комендатуры г. Орла.

2. Каковы функции каждого отдела гарнизонной комендатуры, в частности подробно: 7-го (гражданского) отдела, отдела 1Ц, отдела 1А и суда (кто их возглавлял и работал в них).

3. Кто персонально из работников гарнизонной немецкой комендатуры занимался агентурной работой среди гражданского населения.

4. Кто из агентуры и содержателей конспиративных квартир немецких разведывательных и контрразведывательных органов, оставленных в городе Орле после отступления немецких войск, ему известны.

5. Какие и где в городе Орле размещались контрразведывательные и карательные немецкие органы, их структура, штаты, кто персонально работал с агентурой, и кто ему известен из агентуры этих органов.

6. Какой карательный немецкий орган дислоцировался в городе Орле по Черкасской улице в доме № 71, его структура и функции. Кто персонально из работников этого органа занимался агентурной работой, и кто из агентуры этого органа ему известен.

7. Какова была структура, штаты и функции созданной немцами Русской тайной полевой полиции, кто персонально из работников тайной полевой полиции, работавших с агентурой, а также, кто из агентуры этого аппарата ему известны.

8. Что ему известно о структуре и личном

¹ Столяров Пётр Иванович (1901–1961). В органах государственной безопасности служил с 1921 по 1957 год. В Орловском управлении – с 1937 по 1945 г.

составе разведывательного отдела 2-й немецкой армии «Виддер», в частности, кто из агентуры и содержателей конспиративных квартир этого органа ему известен по городу Орлу.

9. Какой контрразведывательный немецкий орган «Фельдпост № 09358» дислоцировался в городе Орле по Георгиевской улице в доме № 27/29 (руководитель – «Карл Матвеевич»), его структура, функции, личный состав и кто из агентуры и содержателей конспиративных квартир этого органа ему известны.

10. Что известно Гаманну о существовании в городе Орле других разведывательных и контрразведывательных немецких органов и, в частности, групп: «Визель», «Леопард», «Тигр», группы Власова и Калинина.

11. Что ему известно о немецких контрразведывательных органах «Корюк» и «Зондерштаб Р», а также о деятельности предателя обер-бургомистра Локотского округа Каминского.

12. Что ему известно об оставленной в городе Орле и на периферии специальной немецкой агентуре для подрывной работы в нашем тылу.

13. При освобождении города Орла нами захвачен «Список лиц, особо преданных немецкому командованию». Что из себя представляют эти лица и не являются ли все они немецкой агентурой?

14. Каким принципом руководствовались при подборе и приёме на работу лиц из числа русских в немецкие разведывательные и контрразведывательные органы и комендатуру. Кто из этих лиц является немецким агентом?» [3, Т.1, Л.24–25].

Чекистов особо интересовала организация эвакуации в немецкий тыл в 1943 году сотрудников различных коллаборационистских учреждений города Орла:

«15. Добровольно или насильно эвакуировались в тыл немецкой армии работники гарнизонной немецкой комендатуры из числа русских, в частности, кто из них завербован, оставлен или заброшен в наш тыл для подрывной работы?» [3, Т.1, Л.25].

Советские органы государственной безопасности рассчитывали получить информацию и о конкретных лицах, считая, что Гаманн вполне может знать об их настоящем местонахождении:

«16. В гарнизонной немецкой комендатуре работал Шнейдер Антон Антонович (старый кадровый немецкий резидент). Известно ли ему, где он находится?» [3, Т.1, Л.25].

Один из самых болезненных вопросов оккупационного режима – наличие в антигитлеровском Сопротивлении провокаторов и создание гитлеровскими спецслужбами лжепартизанских отрядов и лжеподполья:

«17. Что известно Гаманну о провокационной деятельности немецких контрразведывательных органов по созданию в городе Орле ложных советских патриотических подпольных организаций. Кто персонально и каким порядком проводил эту работу, кто из немецкой агентуры, завербованной таким путём, известен ему?» [3, Т.1, Л.25].

Генерал Гаманн являлся апологетом максимального использования потенциала захваченной территории. Для него было очень важно, чтобы все предприятия и организации работали с полной отдачей для обеспечения немецких солдат. Но и в экономической деятельности гитлеровцев советские чекисты пытались найти свои профессиональные интересы:

«18. В условиях оккупации немецкими войсками города Орла на предприятиях и в учреждениях, по указанию комендатуры, были введены должности так называемых «производственных помощников», которые комплектовались из числа русских, преданных немецкому командованию, и по существу являлись немецкой агентурой. Что известно Гаманну по этому вопросу, кто из немцев персонально руководил работой этих «производственных помощников» и кто из них завербован немцами?» [3, Т.1, Л.26]. 17 сентября 1955 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–

1945 г.». Амнистия не применялась лишь «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан». Все остальные категории коллаборационистов больше к уголовной ответственности не привлекались. Но в 1945 году всё было иначе. Требовалось выявить всех без исключения лиц, хоть как-то связанных с «русской администрацией». При этом чиновников и служащих различного уровня подозревали в сотрудничестве с гитлеровскими спецслужбами:

«19. Как и в какой степени использовались в шпионской работе работники жилищного управления бургомистра, личные и квартирные уполномоченные, работники ресторанов, заезжих домов и т. д., кто из немецкой агентуры этой категории лиц ему известен?» [3, Т.1, Л.26].

Один из советских штампов сводился к тому, что все лица, арестованные гитлеровцами, но по каким-либо причинам оказавшиеся на свободе, являются шпионами:

«20. Все ли члены партии, комсомольцы и лица еврейской национальности, выявленные и арестованные немцами, а затем освобождённые из-под стражи, вербовались в немецкую агентуру?» [3, Т.1, Л.26].

В процессе ограбления мирного русского населения немецким тыловикам было явно не до выполнения задач, свойственных абверу. Однако Адольф Гаманн получает следующие вопросы:

«21. Что ему известно о структуре, функциях и деятельности «ВИКАДО»¹, кто персонально возглавлял эту организацию? Как она использовалась немецкими разведывательными и контрразведывательными органами в шпионских целях?»

22. Что ему известно о структуре, функциях и деятельности торгового общества «ВОСТОК». Кто персонально возглавлял эту организацию? Как она использовалась немецкими разведывательными и контрразведывательными органами в шпионских целях?» [3, Т.1, Л.26].

И далее снова вопросы о русских чиновниках и служащих:

«23. В какой степени использовались в шпионских целях немецкими разведывательными и контрразведывательными органами действовавшее в Орле лесное управление, и кто персонально из немецкой агентуры среди его работников ему известен.

24. Какую цель преследовали комендатура и гестапо, проводя регистрацию поступавших на работу медработников, учителей и артистов. Кто ему известен из этой категории лиц как немецкий агент?» [3, Т.1, Л.26].

В условиях немецкой оккупации в города России стали проникать эмигранты так называемой первой волны. Они хотели построить «государство, свободное от идей большевизма». Наиболее крупные ячейки политической организации русской эмиграции имелись в Смоленске и Пскове. Добрались они и до Орла. Поэтому Гаманну был задан вопрос:

«25. Что ему известно о деятельности антисоветской организации «НТСНП»²» [3, Т.1, Л.26].

4 сентября 1943 года состоялась встреча председателя СНК СССР И.В. Сталина с Местоблюстителем Патриаршего престола, митрополитом Ленинградским Алексием и митрополитом Киевским и Галицким Николаем. Начинаясь так называемый новый курс во взаимоотношениях Церкви и Советского государства. Однако так называемая борьба с церковниками со стороны советских органов государственной безопасности продолжалась вплоть до 1955 года. Особое подозрение вызывали священники, оставшиеся служить на оккупированной гитлеровцами территории:

«26. Что А. Гаманну известно об использовании в шпионских целях церковного элемента и, в частности, кто из немецкой агентуры этой категории лиц ему известен. Как использовались немцами в своих целях бывший благочинный города Орла Кутепов Александр Павлович, бывший руководитель Епархиального Управления священник

¹ Хозяйственная военная организация.

² «Национально-трудоустройственный союз нового поколения».

Маккавеев Иван Петрович, бывший старшина церковью Константинов?» [3, Т.1, Л.27].

Понятно, что далеко не на все вопросы генерал Гаманн мог ответить. Более того, он всячески пытался доказать, что его пребывание на Орловской земле было если не благом для последней, то уж точно и не преступлением.

В уголовном деле находятся «Собственноручные показания бывшего коменданта города Орла, генерал-майора германской армии Гаманн Адольфа». Они датируются октябрём 1945 года и написаны на немецком языке.

Все случаи применения смертной казни по отношению к жителям Орла он объяснял вполне законной борьбой с уголовными преступниками: «Подробное описание смертных приговоров, суд по вынесению которых проходил под моим председательством или был проведён в комендатуре.

Убийство немецкого солдата летом 1943 года. Один немецкий солдат проживал в отдельной квартире. Три молодых русских, рабочих одного германского учреждения, договорились напасть на немецкого солдата ночью и овладеть его вещами, в особенности напитками, продуктами, обмундированием и оружием. Они напали на немецкого солдата ночью, когда он спал, напившись пьяными для храбрости. Один из них нанёс солдату около 10 ударов ножом в грудь и голову.

Виновники забрали вещи, кроме оружия, потребили напитки и продукты и спрятали остальные вещи. О проступке жители донесли в полицию, последняя донесла в полевую жандармерию. Жители указали полиции виновников, о которых идёт речь. Главный виновник был арестован и признался в совершённом преступлении, два другие бежали.

Подробный состав суда я сейчас не припоминаю. Суд имел место в штабе 10-го сапёрного батальона, так как майор из этого штаба председательствовал на суде, а заседательствовал советник военного суда.

Вынесение приговора и его исполнение последовали на основании административно-

го постановления армейской группировки «Центр» [3, Т.1, Л.58].

Генерал Гаманн утверждал, что если бы он не казнил некоторых людей, то это вполне мог сделать потом советский суд. Например, если речь идёт о бесхозяйственных чиновниках-коррупционерах: «...осенью 1942 года начальник отдела социального обеспечения и снабжения городского управления Орла и его заместитель распродали или сгноили 2/5 картофеля и томатов, находящихся в городском подсобном хозяйстве.

Также они спекулировали продуктами, которые были доставлены хозяйственной командой армии. Деньги они расходовали для себя, или покупали на них свиней и раздавали мясо родственникам и знакомым, так что продовольствие для всего населения не было доставлено.

О виновниках было доложено другим чиновникам и служащим, а также жителям. Расследовано полицией и Г.Ф.П. армии.

Состав суда я не помню, так как в это время я в Орле не был, а дела находились при штабе армии. Вынесение приговора и его исполнение последовали на основании постановления армейской группировки «Центр»...» [3, Т.1, Л.56–59].

В признаниях Гаманна не найдешь и малейшего покаяния. Более того, некоторые казни проходили по просьбе семей тех, кого гитлеровцы затем повесили: «Пожилой человек, отъявленный пьяница и бездельник, имел у себя пистолет и боеприпасы. Всюду совершал кражи со взломом и не только в немецких складах, но и в городских складах, и квартирах гражданского населения. Он ранил из пистолета русского полицейского постового, постоянно угрожал расстрелом своей собственной семье и ранил из пистолета своего собственного сына.

Донос на него последовал из его же собственной семьи. Следствием и передачей его в комендатуру занималась русская полиция и суд.

Осуждение последовало на основании распоряжения штаба 2-й танковой армии о

порядке судопроизводства и наказания виновных на территории дислокации частей 2-й танковой армии. Председательствовал на суде я. В суде участвовали: один офицер комендатуры (имени уже я не помню), военный советник суда Кюне, зондерфюрер Клерк (в качестве переводчика), бургомистр Старов, начальник полиции, русский юрист и граждане – свидетели» [3, Т.1, Л.59].

Показания Гаманна одного типа: я карап обыкновенных грабителей и убийц. Привлечение к суду гестапо он объяснял тем, что указанные преступники совершали свои действия не только против русского населения, но и против немецких солдат. Он также доказывал, что являлся лишь простым исполнителем многочисленных инструкций и приказов. Ему, конечно, никто не поверил.

26 декабря 1945 года в газете «Брянский рабочий» было опубликовано обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Орловской, Брянской и Бобруйской областях.

В массовых расправах над мирным населением, в истреблении и истязании граждан, в грабежах и разрушении городов и других населенных пунктов обвинялись четверо военнослужащих германской армии, в том числе «...генерал-майор Адольф Гаманн, бывший комендант Орла, Брянска и Бобруйска, одновременно являвшийся командующим Орловским административным округом, а затем командующим Бобруйским укрепленным районом...» [4].

30 декабря 1945 года, руководствуясь статьей 4 УК РСФСР и статьями 319 и 320 УПК РСФСР и учитывая степень виновности каждого, военный трибунал приговорил Адольфа Гаманна к смертной казни через повешение.

В этот же день он был публично повешен на Театральной площади Брянска. Литературная фантазия поэта Натана Альтермана полностью воплотилась в жизнь.

Библиография / References:

1. «Проконвоирование военнопленных немцев через Москву». Специальный выпуск Центральной студии документальных фильмов. 1944. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/1368485139992751950> (дата обращения: 25.09.2023).

2. Лежнев, И. Палачи Европы: Портреты и памфлеты / И. Лежнев, П. Виден, Т. Пливье, М. Гус, И. Ермашев, Р. Верфель, Ю. Смолич, П. Скосырев, Б. Штейн, Г. Константиновский, Жан-Ришар Блок, И. Эренбург, Д. Заславский; ред.-сост. И. Лежнев; [Ил.: Кукрыниксы и Б. Ефимов]. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1945. – 284 с.

3. Архив Управления ФСБ РФ по Брянской области. Уголовное дело № 130 «По обвинению генерал-лейтенанта немецкой армии Бернгард Фр., генерал-майора немецкой армии Гаманн Адольфа, обер-ефрейтора Штайн Карла и ефрейтора Лемлер Мартина». В 8 томах.

4. Проклятье и смерть фашистским извергам // Брянский рабочий. – 1945. – № 255 (7654). – 26 декабря.

5. Электронная энциклопедия геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://xn--c1a5c.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/article/41634886?ysclid=lqyl2ihdq601692300> (дата обращения: 21.10.2023).

6. В декабре 1945 года в Брянске прошёл трибунал над нацистскими преступниками. – Режим доступа – URL: <https://riastrela.ru/p/51940/?ysclid=lqylxqoud6622052215> (дата обращения: 23.10.2023).

7. Приговор Военного трибунала Воронежского военного округа по делу о злодеяниях немецко-фашистских войск на территориях Орловской, Брянской и Бобруйской областей в период оккупации 26–29 декабря 1945 г. // Центральный архив ФСБ России. Ф.К-72. Оп.1. Пор.29. Л.25–31.

1. «Prokonvoirovaniye voyennoplennykh nemtsev cherez Moskvu» [Escorting German

prisoners of war through Moscow]. Spetsial'nyy vypusk Tsentral'noy studii dokumental'nykh fil'mov. 1944. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/1368485139992751950> (data obrashcheniya 25.09.2023). (In Russ.).

2. Lezhnev, I. (1945) Palachi Yevropy: Portrety i pamflety [Executioners of Europe: Portraits and pamphlets] / I. Lezhnev, P. Viden, T. Pliv'ye, M. Gus, I. Yermashev, R. Verfel', Yu. Smolich, P. Skosyrev, B. Shteyn, G. Konstantinovskiy, Zhan-Rishar Blok, I. Erenburg, D. Zaslavskiy; red.-sost. I. Lezhnev; [Il.: Kukryniksy i B. Yefimov]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. – 284 s. (In Russ.).

3. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Bryanskoy oblasti. Ugolovnoye delo №130 «Po obvineniyu general-leytenanta nemetskoj armii Berngard Fr., general-mayora nemetskoj armii Gamann Adol'fa, ober-yefreytora Shtayn Karla i yefreytora Lemler Martina» [Archive of the Directorate of the FSB of the Russian Federation for the Bryansk Region. Criminal case No. 130 «Accused by Lieutenant General of the German Army Bernhard Fr., Major General of the German Army Hamann Adolf, Chief Corporal Karl Stein and Corporal Lemler Martin»]. V 8 tomakh. (In Russ.).

4. Proklyat'ye i smert' fashistskim izvergam [Damnation and death to fascist monsters] // Bryanskiy rabochiy. – 1945. – №255 (7654). – 26 Dekabrya.

5. Elektronnaya entsiklopediya genotsida sovetskogo naroda natsistami i ikh posobnikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Electronic encyclopedia of the genocide of the Soviet people by the Nazis and their accomplices during the Great Patriotic War]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://xn--c1a5c.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/article/41634886?ysclid=lqyl2ihdq601692300> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russ.).

6. V dekabre 1945 goda v Bryanske proshol tribunal nad natsistskimi prestupnikami [In December 1945, a trial of Nazi criminals was held in

Bryansk]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://riastrela.ru/p/51940/?ysclid=lqylxqoud6622052215> (data obrashcheniya 23.10.2023). (In Russ.).

7. Prigovor Voyennogo tribunala Voronezhskogo voyennogo okruga po delu o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh voysk na territoriyakh Orlovskoy, Bryanskoy i Bobruyskoy oblastey v period okkupatsii 26–29 dekabrya 1945g. [The verdict of the Military Tribunal of the Voronezh Military District in the case of the atrocities of the Nazi troops in the territories of the Oryol, Bryansk and Bobruisk regions during the occupation of December 26–29, 1945] // Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii F. K-72. Op.1. Por.29. L.25–31. (In Russ.).

Информация об авторе:

КОВАЛЕВ Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт истории обороны и блокады Ленинграда (Россия, г. Санкт-Петербург), e-mail: bnkov@mail.ru, SPIN-код: 9450-1807, ORCID 0000-0002-1904-1844

Author:

KOVALEV B.N., Doctor of Historical Sciences, Saint-Peterburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Institute of the History of the Defense and the Siege of Leningrad, (Russian Federation, Saint Petersburg), e-mail: bnkov@mail.ru, SPIN-код: 9450-1807, ORCID 0000-0002-1904-1844

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 21.09.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРМАНИИ НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ
ТЕРРИТОРИЯХ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»)

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении пропагандистской деятельности нацистской Германии на территориях оккупированного Советского Союза в период Великой Отечественной войны. В большинстве случаев эта деятельность осуществлялась через коллаборационистские печатные издания, иные печатные материалы, радио- и кинопропаганду. Кроме этого, представители прессы могли организовывать публичные мероприятия, показательные процессы и др. В данном исследовании автор в качестве примера берёт русскоязычную оккупационную немецкую газету «Речь», выходящую на территории города Орла.

Автором статьи рассматривается проблематика пропагандистской деятельности. Она заключалась в создании и поддержании извращённой нацистской идеологии о превосходстве арийской расы и необходимости уничтожения «непригодных» элементов. Распространение коллаборационистских печатных изданий создавало атмосферу тревоги, страха и ненависти.

На основании идеографического, историко-генетического, ретроспективного и сравнительно-исторического методов автор раскрывает особенности становления пропагандистской деятельности нацистской Германии на оккупированных территориях. В данном контексте наибольшее значение уделяется изучению архивных материалов – официальных распоряжений, материалов делопроизводства и писем времён оккупации. Содержание газеты «Речь» наиболее полно раскрывает официальную пропагандистскую политику. Автор использует также в качестве дополнения информацию из плакатов, других газет и журналов того периода, раскрывая используемые пропагандистские методы. Официальные или частные мнения и рассказы людей, живших в тот период, важны для понимания воздействия пропаганды на массовое сознание. Сравнение методов пропаганды раскрывает региональные особенности распространения такого материала.

В исследовании освещается деятельность русского журналиста, литератора и исследователя В. Самарина (Соколова). Он являлся одним из редакторов газеты «Речь». На основании новых архивных данных рассматривается пропагандистская работа В. Самарина. Особое внимание уделяется периоду его активного сотрудничества с нацистами в городе Орле, работе в эмигрантских печатных изданиях Германии и Йельском университете США.

В результате этой пропагандистской деятельности на оккупированных территориях происходили акты геноцида и нарушения прав человека. Освещение этой деятельности на территории Орловской области в период Великой Отечественной войны способствует восстановлению более полной картины трагических событий города того периода.

Ключевые слова: коллаборационизм, оккупация, пропаганда, Великая Отечественная война, В. Самарин, антисемитизм, пропагандистские роты, печатные издания, газета «Речь», вермахт

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Булышкин И.Б. Пропагандистская деятельность Германии на оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны (на примере газеты «Речь») // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 33–48.

© Булышкин И.Б., 2024г.

NAZI PROPAGANDA IN THE OCCUPIED SOVIET TERRITORIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (A CASE STUDY OF PUBLICATIONS IN «RECH»)

Abstract. The purpose of the article is to study the Nazi propaganda machine in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War. In most cases, this activity was carried out by means of collaborationist publications, other printed materials, and film and radio propaganda. In addition, the Nazis could organize public events, show trials, etc. The author studies the occupation German newspaper «Rech» printed in Russian, which was published in Orel.

The author examines the propaganda problems. The goal of propaganda was to create and maintain a perverted Nazi ideology about the Aryan race superiority and to destroy «unsuitable» elements. The collaborationist publications caused anxiety, fear and hatred.

Ideographic, historical-genetic, retrospective and comparative-historical methodologies are used in the current research. They help to reveal the features of the Nazi propaganda development in the occupied territories. In this context, such archival materials as official orders, records management materials and times of occupation letters have the greatest importance. The contents of «Rech» fully reveal the official propaganda policy. As an addition, the author studies the information from posters, other newspapers and magazines of that period, revealing the propaganda methods. To understand the propaganda impact on mass consciousness, the author pays a great attention to official and private opinions, and stories of people who lived during that period of time. The goal of propaganda methods comparative analysis is to reveal regional characteristics of publications expanding.

The work of the Russian journalist, writer and researcher V. Samarin (Sokolov) is considered in the study. He was one of the «Rech» editors. New archival data are used to examine V. Samarin's propaganda work. A special attention is paid to his active collaboration with the Nazis in Orel, and his work in emigrant press in Germany and Yale University in the USA.

As a result, the author concludes that the Nazi propaganda facilitates genocide and human rights violations in the occupied Soviet territories. The Orel collaborationist publications analysis contributes to the restoration of the tragic events fuller picture in the occupied town during the Great Patriotic War.

Keywords: collaboration, occupation, propaganda, the Great Patriotic War, V. Samarin, anti-Semitism, propaganda companies, publications, newspaper «Rech», the Wehrmacht

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Bulyshkin, I.B. (2024) Nazi propaganda in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War (a case study of publications in «Rech»). *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, no. 1, P.33–48.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении такого аспекта ведения войны нацистской Германией в 1941–1945 гг. на территории Советского Союза, как информационная война. Процесс формирования агитационного материала для оккупированного населения СССР являлся важным проектом, контролируемым германским министерством пропаганды задолго до вторжения в Советский Союз, что в итоге стало идеологической базой для формирования коллаборационистских тенденций среди советского населения. Важность исследования хронологии формирования информационно-идеологической пропаганды даёт возможность для понимания как возникновения коллаборационизма, так и частичного успеха Германии в формировании батальонов, частей дивизий, предавших Родину и ставших под знамёна Третьего рейха.

Армия нацистской Германии, вторгшись на территорию Советского Союза с помощью грубой силы оружия, не оставляла без внимания и роль пропаганды – мощнейшего оружия ментальной войны. Развитой идеологический плацдарм нацистов помогал объяснять местным жителям, что на самом деле они пришли с миром, и приводить доводы, по которым оккупация на самом деле является освобождением от тирании большевиков. Общение с оккупированным населением всегда осуществляется через специалистов, владеющих языком местного населения, которые являются либо солдатами оккупационной армии и обладают культурными знаниями и навыками владения иностранным языком, либо набираются на местах среди желающих сотрудничать.

Пропагандистская деятельность на территориях оккупированного Советского Союза в период Второй мировой войны осуществлялась через коллаборационистские печатные издания, иные печатные материалы, радио- и кинопропаганду, организацию публичных ме-

роприятий, показательные процессы и др.

Основные печатные издания, изучаемые в данном контексте, являются в значительной мере малоизученными, при этом именно они содержат важнейший источник информации о том, как оккупационные войска осуществляли «духовное и идеологическое воспитание» уничтожаемого ими советского народа. Именно издаваемые под руководством немцев такие издания, как «Речь», «Голос народа», «Дмитровская газета», «Севский листок» и т. д., сделали возможным создание РОА, РОНА и Национал-социалистической трудовой партии России (НСТПР).

Исследование включает в себя использование произведений таких авторов, как В. Соколов (Самарин) – один из редакторов орловской газеты «Речь», М. Октан – главный редактор той же газеты, и самих материалов коллаборационистских изданий «Речь», «Голос народа» и других.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на откровенный геноцид, развязанный вермахтом в СССР в июне 1941 года, немцам необходимо было решить вопрос о том, как налаживать общение с местным населением и распространять свои пропагандистские материалы.

Уже к 1941 году оккупационной армии Германии стало ясно, что они не в состоянии полноценно и полномасштабно выполнять свои задачи без привлечения русских коллаборационистов. Потребность в привлечении местного русского населения к сотрудничеству становилось всё острее с приближением разгрома военной машины вермахта. Важную роль в процессе привлечения оккупированного населения в различные вспомогательные формирования вермахта и полицию (Hilfswilliger) играла пропаганда. В значительной мере именно коллаборационисты обеспечили эффективность пропаганды национал-социалистической германской агитации.

Так, 693-я рота пропаганды 2-й танковой армии постоянно привлекала в свои ряды русских, готовых к сотрудничеству, и такой контингент предателей Родины был очень востребован среди различных структур вермахта.

Среди всех разнообразных форм идеологического противоборства нацистской Германии в отношении Советского Союза ведущую роль играли периодические печатные издания, и в значительной мере это были коллаборационистские газеты и журналы. Так, заместитель главного редактора орловской газеты «Речь» В. Самарин в своей послевоенной статье под названием «Пропаганда и печать на оккупированных территориях» приводит список (неполный, по его замечанию) печатных изданий, количество которых равняется 39 [13]. Качественный уровень газет, по замечанию В. Самарина, был не очень высок, и из общей массы он выделяет «Голос Крыма», проводивший последовательную и яркую «национально-русскую» линию, смоленский «Новый путь», помещавший на своих передовицах статьи профессиональных журналистов, а также киевские «Последние известия» и псковскую «За Родину» («Военный орган Комитета освобождения народов России»). Также необходимо отметить газету военно-воздушных сил «Наши крылья», которая выпускалась отделом пропаганды ВВС КОНР, начальником которого был майор А. Альбов, бывший начальник русской редакции службы «Винета». Подразделение «Винета» занималось подготовкой радиопередач, фильмов и граммофонных пластинок для подрывной работы среди населения оккупированных советских областей. По утверждению сотрудника министерства имперской пропаганды и руководителя «Винеты» Э. Тауберта, в нём «были сосредоточены переводчики и дикторы основных восточных языков» во избежание того, «что каждое министерство и каждое управление создает для себя отдельный штаб переводчиков с восточных языков» [4]. Редактором печатного органа ВВС КОНР был капитан А. Булдеев, скрывавшийся под псев-

донимом А. Усов. В прошлом он служил в армии адмирала А. Колчака, за что отбыл в СССР срок в исправительных лагерях. Знаком он был и с редакторской работой: в 1942–1943 гг. возглавлял газету «Голос Крыма», также с 1943 года руководил газетой «Земледелец Тавриды». На должности корреспондента в газете «Наши крылья» работал белоэмигрант подпоручик К. Шпицляй.

По данным, приводимым С. Чуевым, в период Великой Отечественной войны насчитывалось примерно 199 русскоязычных антисоветских газет и журналов, распространявшихся на оккупированной территории и в «добровольческих» частях [19].

Позже И. Грибковым был приведён более обширный список из 300 изданий на русском языке, выпускавшихся и распространявшихся на оккупированной территории СССР [2].

Сложность, неоднозначность и дискуссионность такого исторического феномена, как коллаборационизм советских граждан в Великой Отечественной войне и периодическая пропагандистская печать данных формирований (РОНА, 1-я казачья кавалерийская дивизия Гельмута фон Паннвица, 1-я русская национальная бригада СС «Дружина», дивизия «Руссланд» и т. д.), вызывает в настоящее время как сугубо научно-исследовательский интерес в научном сообществе в связи с недостаточной освещённостью в полной мере данной тематики в советский период, так и в историческом и политическом дискурсе в целом [25]. Важность изучения нацистской пропаганды в Красной армии и НКВД понимали и уделяли ей тщательное внимание уже с 1941 года, когда начальником политического управления Северо-Западного фронта был произведён первый аналитический обзор содержания газет, издаваемых на оккупированной территории, и их политической направленности для Главного политического управления РККА. Текущие справки обычно оформлялись специальными выпусками информационных бюллетеней, составляемых информационно-разведывательными отделами штабов парти-

занского движения при военных советах фронтов, и носили стандартное название «Обзор газет, издаваемых фашистами на русском языке на оккупированной территории». В этих обзорах должны были наглядно отражаться «те вопросы, какие немцы используют в своей пропаганде для достижения поставленной цели».

Руководство партизанских отрядов также уделяло значительное внимание немецкой пропаганде и тем материалам, что вермахт распространял среди местного населения. Руководство ставило перед партизанами задачи, касающиеся получения не только разведывательных сведений, но и образцов нацистской пропаганды.

Так, весной – летом 1943 года, в ходе проведения партизанских операций по срыву немецкого наступления, «поставки» оккупационных материалов практически прекратились. Но уже 27 августа 1943 года начальник Центральной школы подготовки партизанских кадров майор Семенихин обращается к начальнику отдела специнформации Центрального штаба партизанского движения подполковнику Кутейникову: «Центральная Школа Подготовки Партизанских Кадров в процессе подготовки курсантов, ощущает острый недостаток в целом ряде материалов, освещающих положение в тылу противника, что не дает возможности полноценной ориентации слушательского состава с предстоящими условиями работы. Прошу Вас предоставить в наше распоряжение имеющиеся у Вас материалы...». Кутейников накладывает на документ резолюцию «Указанные материалы должны высылаться в школу» [3].

С самого начала прихода к власти в 1933 году Национал-социалистической немецкой рабочей партии вопрос идеологии и пропаганды стал едва ли не ключевым.

К началу Великой Отечественной войны вся периодическая печать, предназначенная для Восточного фронта и оккупированных территорий СССР, находилась в ведении управлений пропаганды и периодических изданий министерства Й. Геббельса. Они опре-

деляли редакционную и кадровую политику изданий данной (восточной) направленности, осуществляли техническое обеспечение, а также вырабатывали научно-методические рекомендации по их деятельности [2].

К началу Великой Отечественной войны по приказу Геббельса для народов СССР было отпечатано более 30 млн брошюр на 30 языках. В первые дни войны вся прифронтовая зона была буквально засыпана листовками, и каждая партия предназначалась для разной аудитории: для офицеров – о некомпетентности сталинских полководцев, для солдат – о сытой жизни в немецкой армии, для гражданского населения – о перегибах советской власти. Согласно примкнуть к Германии была обещана работа, дом и тихая счастливая жизнь.

Немецкий исследователь Н. Мюллер отмечал, что руководство нацистской Германии, планируя агрессию против СССР, готовило систему мер для идеологического разложения советского населения, которая распространялась от разработки соответствующих направлений организованного обмана через подготовку специальных военных и гражданских органов пропаганды до предоставления технических средств – передвижных радиостанций, типографий и др. [8].носителем данной системы одно время было министерство пропаганды, и в особенности, как было уже отмечено выше, его «восточное отделение» под руководством доктора Тауберта, которому позже был подчинён также штаб «Винета», занимавшийся подготовкой радиопередач, фильмов и граммофонных пластинок для подрывной работы среди населения оккупированных советских областей [5]. Именно Эберхард Тауберт с 1939 года возглавлял Институт исследований еврейского вопроса (Institut zur Erforschung der Judenfrage). А в 1940 году он работал над сценарием к антисемитскому пропагандистскому фильму «Вечный жид» («Der ewige Jude»), а также отвечал за закон, обязывающий евреев носить желтую звезду [21].

В задачи этого отдела входили перевод,

подготовка и издание различных пропагандистских материалов на языках народов СССР, чтобы, когда «немецкие войска переступили советскую границу... сразу начать радиопередачи на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках, равно, как и на языках кавказских и тюркских народов» [5]. Кроме того, сотрудниками «Винеты» «...были заготовлены на русском языке, а равно и на других языках листовки, брошюры, плакаты... др., и доставлены передовым частям армии. Таким образом, и здесь, чего никогда раньше ни при каких походах не имело место, пропаганда шла не вслед за наступающей армией, а вместе с нею вступала на завоеванные земли» [5].

К моменту нападения нацистской Германии на СССР численность пропагандистских рот вермахта составляла 19, 11 из них были развернуты на советско-германском фронте.

В задачи этих подразделений входило ведение пропаганды в отношении военнослужащих собственной армии и среди немецкого населения, а также информационно-психологическое воздействие на население оккупированных областей и армию противника. Для решения этих задач роты пропаганды были укомплектованы специалистами различных направлений, наибольшее количество должностей занимали сотрудники по печатной пропаганде [22]. Каждая полевая армия, танковая группа, воздушный флот имели свою пропагандистскую роту.

На начальном этапе войны в подразделения отдела пропаганды вермахта набирали только граждан Германии, но в связи с изменением характера противостояния в ротах пропаганды стали формироваться специальные, «восточные» взводы [22].

Основные идеи нацистской пропаганды, направленной на бойцов и командиров РККА, в начале войны были сформулированы в простой и доступной форме: «Сталинский режим закабалит народы России, Германия несёт им освобождение, немецкая армия непобедима, единственный шанс спасти свою жизнь – добровольная сдача в плен». Вместе

с изменением обстановки на фронте трансформировались и пропагандистские конструкции, применявшиеся для информационно-психологического воздействия на военнослужащих Красной армии и население оккупированных областей. Для достижения наибольшего эффекта своей деятельности нацистские «солдаты идеологического фронта» привлекали коллаборационистов, которые хорошо знали особенности языка и менталитет местного населения, а также могли использовать слабые места советской пропаганды.

Обращаясь к конкретным примерам и данным пропагандистской деятельности нацистов на оккупированных территориях СССР, мы будем опираться на анализ орловской газеты «Речь», о которой упоминалось выше. Это обусловлено её широкой популярностью среди местного населения, большими тиражами, распространение которых охватывало несколько областей Центральной России, агрессивными антиеврейскими настроениями. «Речь» была, «вероятно, самой антисемитской из русских газет, издававшихся в годы оккупации» [4].

Газета «Речь» была одной из самых популярных и распространяемых на территориях как самой Орловской, так и Брянской и Курской областей. К примеру, в Локотской республике – административно-территориальном коллаборационистском образовании, охватывающем территории Брянской, Орловской и Курской областей, возглавляемом сначала Воскобойником, а в дальнейшем Б. Каминским, распространялось также около 6000 экземпляров орловской газеты. 20 октября 1942 года в Брянске открыт филиал редакции газеты «Речь». Там можно было оформить подписку на газету. Кроме того, филиал распространял книги, пропагандистские брошюры, плакаты и т. п. Именно «Речь» была лидером среди других печатных изданий на данной территории, среди которых были также газеты «Заря», «Клич», «Доброволец», «Голос народа». С целью широкого распространения коллаборационистской пе-

чати в Орловской области немцами в каждом районе налаживалась внутрирайонная почтовая связь. Так, в каждой волости Дмитровского района были назначены волостные почтальоны (по одному на волость), в обязанность которых входило дважды в неделю получать в райцентре газеты, после чего доставлять их в деревни района. Помимо этого, перед почтовой конторой ставилась задача «популяризовать» среди населения газету «Речь» и провести на нее подписку, а также установить регулярную почтовую связь с Курском и наладить доставку газет оттуда [10]. В декабре 1941 – январе 1942 года газета распространялась бесплатно, с 1 февраля 1942 года – стоила 15 копеек, с 28 мая 1943 года – 50 копеек (из них 15 копеек получали разносчики газеты). С 15 февраля 1942 года в газете открывалась рубрика «В помощь изучающим немецкий язык». В ней регулярно печатались уроки немецкого разговорного языка. С 5 августа 1942 года появляется ещё одна рубрика – «Дневник города», в которой освещались разные городские события. С 26 августа 1942 года – рубрика «Церковная жизнь». В ноябре 1942 года выходит первый номер сатирического приложения «Жало» с антисоветскими частушками, стихами и карикатурами на политических деятелей. С 19 мая 1943 года появляется «страничка добровольца», где публиковались заметки добровольцев Русской освободительной армии (РОА).

Также необходимо отметить что успех газеты зависел и от роли личности редактора издания Михаила Октана, награждённого немцами двумя серебряными орденами – «За храбрость» и «За заслуги» 2-го класса с мечами, и его заместителя В. Самарина, также высоко ценимого оккупантами и награждённого орденом в бронзе «За заслуги» (ранее, в марте 1943 года, он был награжден орденом «За храбрость и заслуги» 2-го класса в бронзе с мечами). Именно эти люди сыграли важную роль для нацистской пропаганды и коллаборационизма во время Великой Отечественной войны в целом.

С первых же дней начала немецкого вторжения на территорию Советского Союза была организована идеологическая обработка населения на оккупированных территориях. 3 октября 1941 года, на пятый день германского наступления группы армий «Центр» (операция «Тайфун»), преодолев 250 км, 4-я танковая дивизия вермахта ворвалась в город Орёл. С самого начала оккупации немецкие войска стали активно и планомерно проводить свою пропагандистскую политику. Для эффективной пропагандистской работы с населением города и области оккупационными властями в Орле была организована политическая школа в здании центральной библиотеки на Волховской ул., 1. Основатель и директор школы – лейтенант Альбрехт – до войны был учителем в образцовой школе им. Адольфа Гитлера в Тюрингии.

Кроме текущих вечерних занятий учащиеся (бургомистры, учителя, врачи и пр.) из близлежащих городов съезжаются на десятидневные курсы. Эффект от обучения оказал очень сильное влияние на улучшение взаимопонимания с населением. По роду и объёму деятельности такая школа уникальна для оккупированных территорий и потому заслуживает внимания. Школа имела отделы: устной пропаганды и агитации, печатной пропаганды и агитации, культуры и воспитания [15]. Материал для преподавания черпается из газеты «Речь», издаваемой оккупационной властью для местного населения, и пропагандистских брошюр с такими названиями: «Что такое национал-социализм», «Евреи и большевизм» (М. Октан), «Является ли эта война отечественной для народов России?» (М. Октан), «Каторжный социализм», «Почему я враг Советской власти» [18].

Школа находилась в подчинении II Департамента пропаганды Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Германии.

Первый номер газеты «Речь» вышел 5 декабря 1941 года. Первоначально редакция газеты размещалась по адресу: ул. Болховская, д. 3, с 1 февраля 1942 года – по ста-

рому адресу: Дворянский переулок, д. 7, с 22 февраля 1942 года – на ул. Садовой, д. 26. Газета выходила три раза в неделю (среда, пятница, воскресенье). Редактировали её Михаил Октан (Ильин), заместитель редактора Владимир Самарин (Соколов), ставший важной фигурой коллаборационизма как в оккупированном городе Орле, так и в России [17].

В. Соколов (Самарин) родился в Орле в 1913 году, его отец, активно участвовавший в местной политике, был дворянином, адвокатом и землевладельцем. Его мать, дочь ректора городской духовной семинарии, преподавала русскую литературу в местной школе. Он и его младший брат учились на дому до девяти лет, что, как он позже расскажет в эссе о советской системе образования, было «...обычным делом в семьях интеллигенции в те годы» [25].

К тому времени, когда Соколов окончил среднюю школу, в 1930 году, его отец бежал в Сибирь, чтобы защититься сталинских чисток. Сам Владимир Самарин остался в Орле. Он подал документы в университеты Москвы и Ленинграда, чтобы изучать литературу, но его «социальное происхождение» компрометировало его. Он пошёл работать на фабрику, чтобы попытаться стереть своё аристократическое прошлое. Затем он подал заявление в местный педагогический колледж, поступил в него как бывший рабочий и окончил через четыре года. В 1937 году его приняли на работу в технический колледж.

В 1937 году Самарин бежал от работников НКВД в город Самару и скрывался там несколько месяцев. Летом он вернулся в Воронеж, где жил под вымышленным именем и гостил у друзей, которые помогли ему получить должность в местном колледже. Он преподавал русскую и американскую классическую литературу. Сам он не оставлял мечту стать романистом [15]. В этот период времени он лечился от хронического заболевания сердца, которое, как он позже говорил, спасло его от призыва. К осени 1941 года В. Соколова повысили до директора колледжа.

В сентябре 1941 года Соколов на несколько дней вернулся в Орёл, чтобы повидаться с друзьями-военными и услышать о событиях на фронте. «Они сказали, что немцы разбили лагерь в лесах вокруг Брянска и какое-то время не собирались начинать наступление», – писал он в 1954 году [26]. Но нападение началось на следующей неделе, всего через несколько дней после того, как Соколов отправился обратно в Воронеж. К началу октября нацисты превратили Орёл в форпост восточной кампании. Накануне вторжения в городе проживало около 100 000 человек. Следующим летом осталось всего 38 000 человек. Многие были убиты артиллерией, заморены голодом, уведены в лес и похоронены заживо или отправлены поездом в лагерь принудительного труда в Германии [9]. Другие бежали из города на советскую территорию дальше на восток или ушли в леса, чтобы присоединиться к партизанским отрядам, рассредоточенным по всему региону.

Орёл был для нацистов больше, чем просто оккупированным городом, это был эксперимент в рамках гитлеровского видения панконтинентального рейха, где граница была очищена от евреев и славян путём геноцида и вновь заселена немцами. Нацисты планировали сравнять город с землёй и уничтожить значительное количество его жителей. Чтобы «облагородить» свои преступления, они возобновили работу школ, отремонтировали инфраструктуру, открыли сиротские приюты, субсидировали театр для антибольшевистских ораторов и развлечения, которые не оскорбляли новое командование, но самым важным учреждением была газета.

Соколов не нуждался в вербовке. Воронеж пал перед нацистами примерно через год после Орла, в июле 1942 года. Меньше чем за месяц боевых действий было убито более полумиллиона человек. Соколов, его жена Алевтина, преподавательница колледжа, и её маленькая дочь от предыдущего брака уехали после падения города и в течение двух дней добирались до Орла, где и поселились.

Несколько недель гостили у старого друга,

пока Соколов искал работу. Он искал способ присоединиться к войне против Советов, и его друг порекомендовал обратиться в мэрию, где он подал заявление о приеме на редакторскую работу в газету «Речь». Отдел нацистской пропаганды проверил его, их устроило его прошлое – бывший аристократ, бывший учитель, набожный, антибольшевик до мозга костей – ему предложили работу. На следующей неделе он появился в офисе газеты и встретился с двумя её руководителями: главным автором – бывшим советским журналистом по имени Михаил Оксан – и главным редактором – немецким офицером.

Немцы наняли Соколова в качестве штатного писателя и редактора. Для своей подписи он выбрал псевдоним Самарин в честь русского философа-славянофила Юрия Самарина, «великого патриота», как он позже скажет. Теперь Самарин (Соколов) рассматривал эту должность как своего рода патриотический призыв воскресить павшую Россию. Он стал постоянным сотрудником газеты. Он поднялся по служебной лестнице, писал передовицы на первой полосе, был назначен литературным редактором, отвечающим за тон и стиль издания, а затем назначен заместителем главного редактора. К концу 1942 года тираж газеты вырос до 100 000 экземпляров, а каналы распространения увеличились по всему региону. Издание выпускалось также на территории коллаборационистского Локотского самоуправления, возглавляемого Б. Каминским.

Соколов зарекомендовал себя как отличный сотрудник, и нацисты вознаградили его – предоставили ему дом и хорошее денежное довольствие. Самарин летал в Германию, чтобы посмотреть, как живут немцы, и посетить трудовые лагеря для советских угнанных граждан в Штутгарте и Мюнхене, чтобы затем использовать данный опыт в пропаганде и обосновании угона советских граждан на принудительные работы в Германию [11]. Немцы наградили его медалью «За храбрость и заслуги» перед рейхом в день рождения Гитлера. В газете он создал репутацию опытного пропагандиста, предпочитающего темы: «жидо-

большевизм», еврейское «завоевание мира», еврейская провокация войны, еврейское «господство» в Англии и Америке, протоколы сионских мудрецов и Русская освободительная армия [11, 12].

Впоследствии говоря о советских газетах, Самарин писал: «...я испытывал такое отвращение, что мне хотелось в испуге плюнуть (простит ли читатель мои резкие слова), потому что прямо со страницы на меня смотрело лицо с крючковатым жидовским носом» (РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.47. Л.139).

О нацистах Самарин писал: «Немецкая армия воюет против большевизма за жизнь и будущее Европы, в том числе и русского народа». О евреях: «До немецкого освобождения, Жид был хозяином, Жид был везде... Сталин не является жидом, но он не является и подлинным хозяином в СССР: хозяевами являются вездесущие жида» [7]. В совокупности слова Соколова составили мировоззрение, которое он мог оправдать и использовать в качестве оружия, а позже отрицать, что когда-либо имел. Это была система убеждений, которой он и люди его окружения были преданны, как в качестве объяснения внезапной потери контроля над Россией, так и в качестве стратегии по ее возвращению.

Весной 1943 года Соколов написал статью, которая стала важной вехой в его карьере в газете. Статья называлась «Бывшие хозяева Орла» и начиналась с воспоминания: «Воспоминания о советских временах связаны с воспоминаниями о жиде, истинных хозяевах СССР» (РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.47. Л.139). Он вспомнил, как был в Харькове, городе на северо-востоке Украины, возвращаясь из поездки в Крым. Это был 1941 год, и война только началась. «Насколько евреи были самоуверенны и дерзки до войны, – писал он, – настолько они были напуганы и встревожены после её начала. Город был похож на потревоженный муравейник. Было легко понять: жида напуганы!» Ужас, который испытывали евреи Харькова в начале войны, вызвал у Соколова ликование, так же как и уверенность в том, что будет дальше. Нацисты захватили Харьков в октяб-

ре. Той зимой они убили 15 000 евреев города и похоронили их в братской могиле в ущелье Дробицкий Яр. Чтобы сберечь патроны, нацисты бросали детей живыми среди груды трупов и ждали, когда холод убьёт их. Остальную часть статьи Соколов посвятил перечислению евреев города по именам и профессиям, чтобы доказать, что они правили городом до нацистского «освобождения». Большинство из 47 человек, которых он перечисляет, были учителями, врачами или бухгалтерами. Позже в свою защиту он сказал, что в то время знал, что не подвергал опасности никого из названных им людей [13, 24].

К августу 1943 года советские войска были близки к освобождению Орла, и «Речь» уничтожала свои архивы. Нацисты эвакуировались на запад и забрали с собой Соколова и остальных сотрудников. Они отправились в Брянск, затем в Бобруйск, который они всё ещё оккупировали, и возобновили работу типографии. В Бобруйске Соколов присоединился к небольшой организации под названием «Союз борьбы против большевизма», которая была организована пропагандистами 9-й армии и главным редактором газеты «Речь» Михаилом Октаном. Чтобы быть принятыми в организацию, члены должны были принести присягу Гитлеру. Бобруйск пал перед советскими войсками менее чем через год. Когда город был освобожден советскими солдатами, Самарин был эвакуирован в Германию, где стал сотрудником газеты Комитета освобождения народов России (КОНР) «Воля народа» [15, 16].

После войны он переехал со своей женой и дочерью в британскую зону в Западной Германии, снял квартиру в Гамбурге и пару лет редактировал антикоммунистический еженедельник. Затем он переехал к югу от города Лимбург-ан-дер-Лан, где работал редактором журнала «Посев», издававшегося Национально-трудовым союзом российских солидаристов (НТС), которые провели первые десятилетия холодной войны в планировании антибольшевистской революции [15, 16, 18].

К 1951 году советская эмиграция переме-

стилась в США, а вместе с ней и центр эмигрантского антикоммунизма. Соколов хотел выбраться из Германии в Америку. 21 мая 1952 года он отправился в Комиссию по перемещенным лицам в Венторфе, чтобы подать заявление на визу [6]. Во время собеседования для получения визы он рассказал комиссии версию своей истории, которая, по его мнению, понравилась бы им больше всего [13, 14]. Он происходил из семьи землевладельцев, близких к царю. Он скрывался от советской тайной полиции. Он был «корректором» в «антикоммунистической» газете в оккупированной России. Он продвигался по служебной лестнице в эмигрантской прессе в Германии. Он хотел привезти свои таланты в Америку. Он хотел бороться с коммунистами.

В итоге он получил разрешение на визу в течение нескольких недель и прибыл в Нью-Йорк 27 июня. Фонд Толстого, который ранее в том же году был спасён от банкротства ЦРУ, помог ему и другим «белым» российским знаменитостям обосноваться в новой стране.

В 38 лет Соколов был полон решимости стать важной литературной фигурой и уже обдумывал свои мемуары. Он всё ещё писал в Америке под псевдонимом Самарин – своим нацистским псевдонимом – и никогда не думал его менять. Он был уверен, что нацисты уничтожили архивы и документацию газеты «Речь» во время своего отступления на запад. Даже если его статьи всё ещё где-то существовали, он был убеждён, что они не повлияют на его новую жизнь.

Благодаря толстовскому фонду он получил работу редактора в издательстве Чехова на Манхэттене, ещё одной финансируемой ЦРУ организации, которая напечатала около сотни книг советских диссидентов.

Во время учёбы в Чеховском университете Соколов подготовил к печати несколько книг нобелевского лауреата Ивана Бунина. В Америке он хотел сформировать себя по образу и подобию Бунина и свободно признавал это. «Я люблю Бунина как художника, как настоящего мастера слова», – написал он в письме 1954 года драматургу Борису Зайцеву. На первый

взгляд, у них были похожие истории – сыновья сельской знати, которые начинали в газетах в Орле (в случае Бунина – в местной ежедневной газете до захвата власти нацистами).

Но на этом сходство заканчивалось. Во время войны Бунин был убеждённым антинацистом. В своём доме на французской Ривьере, где он жил на протяжении всей немецкой оккупации, он укрывал друзей-евреев и бежавших советских военнопленных. После войны он держался подалеже от политики и придерживался этого в искусстве.

Однако в Нью-Йорке карьера Соколова развивалась, он проработал 17 лет в Йельском университете, где преподавал русский язык и литературу [24]. Он в целом производил положительное впечатление на своё начальство, но зарекомендовал себя как привередливый читатель, который мог прийти в ярость из-за элементарных грамматических ошибок. Он подружился с Александрой Толстой, немало важной фигурой в эмигрантском мире. Он писал передовицы для крупных эмигрантских газет, особенно для «Нового русского слова». Также Самарин присоединился к североамериканскому отделению Координационного центра антибольшевистской борьбы (позже переименованному в отделение НТС) и вскоре стал его председателем. Он путешествовал за границу и выступал на политических конференциях.

В 1954 году известный историк из Колумбии Александр Даллин пригласил его написать монографию для университетской исследовательской программы по СССР [20]. Соколов принял предложение. Это был его шанс написать мемуары, которые он репетировал в своей голове более десяти лет. Это был его шанс всё объяснить. Он сел за свои дневники и обрывки опубликованных материалов, оставшихся у него с войны. Он назвал монографию «Гражданская жизнь в условиях немецкой оккупации, 1942–44 гг.» [26].

Заявленной целью проекта было проиллюстрировать «дилемму, с которой столкнулись русские на оккупированных территориях, которые выступали против большевистского режи-

ма, а также политики немцев, но не смогли создать третью силу, достаточно сильную, чтобы служить средством реализации своих целей». Книга была объявлена журналистской, и для неё Соколов утверждал, что взял интервью у нескольких русских, которые пережили оккупацию. Исходный материал должен был служить нескольким направлениям одного аргумента – доказать, что истинные русские ненавидели Советы больше, чем нацистов; что многие приветствовали нацистов как освободителей; что небольшое меньшинство коммунистов и евреев поработило Россию и должно было быть изгнано и что это же самое небольшое меньшинство представляло более серьёзную угрозу, чем нацисты, по сути; что сотрудничество его и других с нацистами было популярной, морально санкционированной мерой по разгрому всемирно-исторического заговора [26].

Позже в том же году русский эмигрант, который утверждал, что он старый знакомый из Орла, прочитал то, что написал Соколов, и сообщил Американской службе иммиграции и натурализации (INS), что они позволили нацистскому пособнику проникнуть в страну. INS пригласила Соколова на беседу, и он снова повторил строки, которые знал наизусть: он был антикоммунистом, он никогда не служил в Красной армии или какой-либо другой армии из-за болезни сердца, он был корректором в русскоязычной газете на оккупированной территории [1].

После того как INS освободила Соколова, им заинтересовалось ФБР. Один информатор ФБР сообщил после краткого расследования в течение нескольких дней после беседы с INS, что Соколов был «ярым антикоммунистом». Полевые отчёты, рассекреченные в соответствии с законом 1998 года о раскрытии нацистских военных преступлений, показывают, что этой оценки было достаточно, чтобы ФБР установило контакт с Соколовым в сентябре 1954 года. Они хотели, чтобы он предоставил им информацию о другом эмигранте-антикоммунисте, с которым Соколов встречался несколько раз и которого ФБР подозревало

в подверженности советскому шантажу. В апреле 1959 года Ричард Бисселл-младший, заместитель директора ЦРУ по планированию, разрешил директору ФБР Дж. Эдгару Гуверу взять интервью у Соколова о его готовности сообщить в официальном качестве о возможном советском проникновении в нью-йоркское отделение NTS, глобальные офисы которого в то время получали поддержку ЦРУ [23].

Здесь след становится несколько туманным. После меморандума Бисселла от апреля 1959 года в досье Соколова не появлялось никаких других рассекреченных документов до 1980 года, вскоре после того, как министерство юстиции начало своё расследование в отношении него, и даже они были отредактированы. Возможно, Соколов хорошо провёл собеседование, был принят на работу и вскоре после этого ему присвоили идентификатор информатора ФБР, что объясняет внезапное исчезновение упоминания его имени во внутренних документах.

Норман Дж. У. Годе, специалист по Холокосту из Университета Флориды, был одним из четырех историков, которым конгресс поручил в 2000 году изучить миллионы страниц рассекреченных документов о вербовке бывших нацистов разведывательным аппаратом США и написать отчет об их содержании. Он писал, что меморандум 1959 года, возможно, стал началом работы Самарина в качестве информатора ФБР в Йельском университете – в то время рассаднике вербовки разведчиков и подготовки воинов холодной войны [23].

Соколов был нанят Йельским университетом за его политику и ту идеологическую подготовку, которую он мог обеспечить. Он попал в поле зрения университета благодаря Владимиру Петрову, преподавателю кафедры, который преподавал там русский язык с момента её основания. Именно Петров рекомендовал его для интервью в 1959 году, что потребовало почти иррациональной уверенности в политической благонадежности Соколова. В мире эмигрантского антикоммунизма любой мог оказаться советским шпионом. Но у Петрова было больше, чем вера, чтобы продолжать: у

него были те же связи, что и у Соколова. Когда Соколов писал передовицы для нацистской газеты, связанной с коллаборационистом Андреем Власовым, Петров организовывал встречи между Власовым и высокопоставленными нацистскими генералами для координации военной стратегии по свержению большевиков. Когда Соколов приехал в США, он нашёл работу через толстовский фонд, как и Петров. Оба написали мемуары о своем опыте жизни в СССР и борьбе с коммунизмом, и оба часто сотрудничали с эмигрантской прессой. В 1959 году на кафедре была вакансия и по протекции Петрова В. Соколов занял её.

Управление специальных расследований Министерства юстиции США (OSI) к 1979 году превратилось в целевую группу из более чем 30 юристов, историков, специалистов-криминалистов и переводчиков с бюджетом в 2,3 миллиона долларов. Миссией данной структуры было судебное преследование бывших нацистов в США. В случае с Соколовым правительство намеревалось доказать, что он: 1) скрыл от своего интервьюера в лагере для перемещённых лиц настоящую биографию; 2) добровольно помогал вражескому комбатанту США; 3) искажил своё прошлое – ложь «корректора» – для получения въезда в США; 4) получил гражданство, несмотря на «отсутствие моральных качеств». Управление подало иск в отношении В. Самарина в январе 1982 года.

Судебные процессы обычно начинались с показаний историков Холокоста, объясняющих, как фигура подсудимого вписывалась в сложный механизм нацистского геноцида. Роберт Герцштейн, чьи исследования позже помогли OSI раскрыть, что Курт Вальдхайм, бывший генеральный секретарь ООН, а затем действующий президент Австрии, был солдатом нацистского военизированного формирования, давал показания в начале процесса над Соколовым. По словам Герцштейна, роль Соколова в нацистском аппарате заключалась в обеспечении функционирования «идеологической войны» и пропаганды нацистских идей среди оккупированного местного населения [23].

Теперь Управление специальных расследований Министерства юстиции США (OSI) должно было доказать, что Соколов был непосредственно причастен к преступлениям нацистов. В Москве под советским наблюдением OSI сняло показания и перерыло тысячи досье гестапо, захваченных Красной армией после падения Берлина, перевело и проверило их подлинность судебно-медицинской экспертизой, а также сверило все найденные имена с американскими иммиграционными документами. Если у них была положительная идентификация, они начинали расследование. О В. Соколове была обнаружена справка, свидетельствующая о его нацистском прошлом, датированная 8 июля 1943 года, как раз перед эвакуацией немцами из Орла, в которой говорилось: «Увлеченный сотрудник и заслуживающий доверия оратор-пропагандист. Как следствие его ярко выраженной антибольшевистской позиции, слегка склонен к тенденциозным заявлениям». Но несмотря на очевидные факты, подтверждающие, что Соколов – нацист, защита отвергла все обвинения, выдвинутые OSI: что Соколов, знал о нацистском геноциде, что он добровольно предложил свои услуги не из отчаяния или антикоммунизма, что он написал антисемитские части статей, что он преуменьшил свою причастность к газете, когда давал интервью в иммиграционной службе. Логика была запутанной, но их целью было обойти нарастающие архивные доказательства о причастности к сотрудничеству с немцами в его адрес [18].

Остальная часть защиты сводилась к полному отрицанию какой-либо ответственности за слова, появившиеся под подписью Соколова. Сам Соколов свидетельствовал, что Михаил Октан, которого нацисты в конце концов сделали главным редактором, «требовал, чтобы мы, сотрудники, писали против евреев, и, если мы писали по-другому, он брал их и менял, и иногда я не узнавал свои собственные статьи. Я их не узнал...». Ведущий адвокат Соколова, Брайан Гильди, был знаком с такого рода делами. С 1977 по 1984 год он защищал в Верховном суде Фёдора Федоренко, бывше-

го охранника Трешинки – лагеря уничтожения, где нацисты убили почти миллион евреев. Гильди занялся защитой нацистов на суде, работая в иммиграционном отделе юридической фирмы в Нью-Хейвене.

Президент Рейган остался в стороне, и министерство юстиции разрешило расследованию продолжаться. В 1986 году суд лишил Соколова гражданства; год спустя он и Гильди передали дело в апелляционный суд. И когда суд оставил в силе первый вердикт, Самарин написал письмо русскому православному монаху в монастыре в Монреале (Канада), который согласился предоставить ему убежище, и бежал из страны. Соколов умер там пять лет спустя.

После краха Третьего рейха множество нацистских преступников и их пособников осуществляли попытки обелить себя и выставить не причастными к преступлениям. Сотрудники отделов пропаганды позиционировали себя как простых журналистов, писателей, работавших на немцев вынужденно или, по крайней мере, как не причастных к антисемитской пропаганде. Таким был и В. Самарин. Свою деятельность, заключающуюся в работе на нацистов, он характеризовал так: «...в этом Движении (он имеет в виду Русское освободительное движение) я принимал посильное участие – пером своим...». А в 1986 году он досадовал: «...с меня начинается новая кампания против тех, кто в публикациях Отдела специальных расследований чернятся, как пропагандисты, пособники нацистов. Было ясно: подготавливается показательный процесс...» [13].

Во время судебного процесса он заявлял: «...меня судят за то, что я писал сорок лет назад. Меня судят за то, что я писал не в Америке, где живу уже тридцать четыре года, а совсем в другой стране, на моей родине. Меня судят за то, что я писал против евреев, в то время как я писал против евреев-коммунистов... Меня судят за то, что я якобы взаимодействовал с гитлеровским режимом. С гитлеровским режимом я не коллаборировал. Этот режим был враждебен мне и всем русским людям, как и режим большевистский, ком-

мунистический. Я был участником Русского освободительного движения, которое существовало в глубоком подполье еще до прихода немцев, и не немцы использовали Русское освободительное движение, возглавляемое во время войны генералом-антикоммунистом Власовым, а Русское освободительное движение использовало немцев в целях борьбы против большевизма» [13]. Пытаясь фальсифицировать события Великой Отечественной войны и роли сотрудничавших с нацистскими пропагандистами, Самарин стремился снять вину не только с себя, но и со всего коллаборационистского движения, причастного к преступлениям нацизма в неменьшей мере, чем немецкая армия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование такого феномена отечественной истории, как коллаборационизм, даёт возможность воссоздания более полной картины событий периода Великой Отечественной войны и той роли, которую сыграли предатели в пропаганде нацизма, военных преступлениях и геноциде советского народа, учинённых нацистской Германией в СССР. Кроме того, при обращении к печатным изданиям, контролируемым немецкой армией, и биографиям их пособников обнаруживаются довольно важные сведения о подготовке информационной войны на территории СССР задолго до 1941 года, а также не только о вовлеченности различных государств Западной Европы и Америки в покровительство нацистским преступникам и их использовании в период холодной войны в своих геополитических интересах, но и о попытках их осуждения и привлечения к ответственности. Малоизвестные аспекты Великой Отечественной войны, связанные с информационным и пропагандистским противоборством, дающие более полную и ясную картину нацистской стратегии на Восточном фронте, а также освещающие более детальные сведения о формировании и функционировании коллаборационизма на территории Советского Союза, являются важным и в настоящее время аспектом изучения исторической науки.

Библиография / References:

1. Болотников Б. Решение по делу В. Самарина // Посев. – № 8. – 1987. – С. 61–62.
2. Грибков, И. В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источниковедческое исследование: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Грибков Иван Владимирович, 2016. – 262 с. – EDN EBH1YA.
3. Убийцы словом. Оккупационная печатная пропаганда: сборник статей / под ред. И.В. Грибкова. – М.: Сеятель, 2022. – 338 с.
4. Дубсон В. Нацистская антисемитская пропаганда в Центральной России (1941–1943) // Тень Холокоста. – 1998. – С. 133–136.
5. Жуков, Д. А. Власовцы и нацистская пропаганда. – М.: Жуков, 2000. – 39 с.
6. Жуков, Д.А. Бургомистр и палач. Тонька-пулеметчица, Бронислав Каминский и другие [Текст] / Дмитрий Жуков, Иван Ковтун. – М.: Пятый Рим, 2017. – 571 с.
7. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 / Б.Н. Ковалев. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 483 с. – (Военно-историческая библиотека). – ISBN 5-17-020865-0. – EDN QOUQUX.
8. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация. (1941–1944 гг.). О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / пер. с нем. А.П. Артемова [и др.]; под ред. А.Ф. Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. – 386 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – 896 с.
10. Речь. – 1942. – № 51 (299). – 26 июля. – С. 2.
11. Речь. – 1943. – № 33 (216). – 24 марта. – С. 2.
12. Речь. – 1943. – № 61 (244). – 25 июня. – С. 2.

13. Самарин, В.Д. Зарево // Новое Слово (Берлин). 1944. № 23 (613). – 19 марта. – С. 5.
14. Самарин, В.Д. Нео-инквизиция // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1852. – Ч. 1. – 25 января. – С. 1–2.
15. Самарин, В.Д. Нео-инквизиция // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1852. – Ч. 2. – 25 января. – С. 2–3.
16. Самарин, В. Пропаганда и печать на оккупированных территориях // Эхо войны. – 2011. – № 1 (4). – Ч. 1. – С. 53–55.
17. Самарин В. Пропаганда и печать на оккупированных территориях // Эхо войны. – 2011. – № 1 (4). – Ч. 2. – С. 55–57.
18. Селютин, В. Н. О системе образования на оккупированной территории Орловской области / В. Н. Селютин // Пространство и Время. – 2011. – № 3 (5). – С. 93–95. – EDN OOPTQB.
19. Соколов-Самарин В.Д. О наших авторах // Наша Страна (Буэнос Айрес). – 1986. – № 1859. – Ч. 1. – 15 марта. – С. 2.
20. Чуев, С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза, 2004. – (Тайны III Рейха). – ISBN 5-699-05970-9. – EDN QOVBEX.
21. Boelcke W.A. Kriegspropaganda 1939–1941. – Stuttgart, 1966. – P. 286, 292.
22. Dallin A: Portrait of a Collaborator: Oktan. Soviet Survey, № 35 (январь – март 1961). – P.114–119
23. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 (Quellensammlung), Band 1: Deutsches Reich 1933–1937 (hrsg. von Wolf Gruner) München 2008, ISBN 978-3-486-58480-6. – P.624, №. 259
24. Goda N.J.W. Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew // Breitman R. et al. US Intelligence and the Nazis. – Cambridge UP, 2005. – P. 245.
25. Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarins Quits Faculty // Yale Daily News. 20 September 1976.
26. Manvell R., Fraenkel H. Doctor Goebbels: his life and death. – London, 2006. – P. 140, 141.
27. Nazis Leave Swath of Desolation On Route of Retreat From Orel. – New York Times, 18.08.1943. – P.5.
28. Булышкин, И. Б. К вопросу о методологических особенностях изучения архивов военных лет / И. Б. Булышкин, Е. С. Матвеева // Современная научная мысль. – 2023. – № 2. – С. 253–258. – DOI 10.24412/2308-264X-2023-2-253-258. – EDN LLPFDR.
29. Меркулов, П. А. И.Г. Старинов и органы государственной безопасности / П. А. Меркулов, А. В. Меркулов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 11–20. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-11-20. – EDN TJKUQB.
1. Bolotnikov B. Resheniye po delu V.Samarina // Posev. – № 8. – 1987. – S.61–62. (In Russ.).
2. Gribkov, I.V. Gazety na okkupirovannoy territorii SSSR na russkom yazyke v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1944 gg.): istochnikovedcheskoye issledovaniye: spetsial'nost' 07.00.09 «Istoriografiya, istochnikovedeniye i metody istoricheskogo issledovaniya»: dissertatsiya na soiskaniye uchonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Gribkov Ivan Vladimirovich, 2016. – 262s. – EDN EBHIYA. (In Russ.).
3. Ubiytsy slovom. Okkupatsionnaya pechatnaya propaganda: sbornik statey / pod red. I.V. Gribkova. – М.: Seyatel', 2022. – 338s. (In Russ.).
4. Dubson V. Natsistskaya antisemitskaya propaganda v Tsentral'noy Rossii (1941–1943) // Ten' Kholokosta. – 1998. – S.133–136. (In Russ.).
5. Zhukov, D. A. Vlasovtsy i natsistskaya propaganda. – М.: Zhukov, 2000. – 39 s. (In Russ.).
6. Zhukov, D. A. Burgomistr i palach. Ton'kapulemetchitsa, Bronislav Kaminskiy i drugiye [Tekst] / Dmitriy Zhukov, Ivan Kovtun. – М.: Pyaty Rim, 2017. – 571s. (In Russ.).
7. Kovalev, B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii 1941-1944 / B.N. Kovalev. – М.: Izdatel'stvo AST, 2004. – 483 s. – (Voyenno-istoricheskaya biblioteka). – ISBN 5-17-020865-0. – EDN QOUQUX. (In Russ.).
8. Myuller, N. Vermakht i okkupatsiya. (1941–1944gg.). O roli Vermakhta i yego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoj territorii / per. s nem. A.P. Artemova [i dr.]; pod red. A.F. Yudenkova. – М.: Voyenizdat, 1974. – 386 s. (In Russ.). (In Russ.).
9. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti

- SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. V. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.). – M.: Kuchkovo pole, 2007. – 896 s. (In Russ.). (In Russ.).
10. Rech'. – 1942. – №51 (299). – 26 iyulya. – S.2. (In Russ.).
11. Rech'. – 1943. – № 33 (216). – 24 marta. – S. 2. (In Russ.).
12. Rech'. – 1943. – № 61 (244). – 25 iyunya. – S. 2. (In Russ.).
13. Samarin, V.D. (1944) Zarevo // Novoye Slovo (Berlin). – №23(613). – 19 marta. – S.5. (In Russ.).
14. Samarin, V.D. (1986) Neo-inkvizitsiya // Nasha Strana (Buenos Ayres). – №1852. – Ch.1. – 25 yanvarya. – S.1-2. (In Russ.).
15. Samarin, V.D. (1986) Neo-inkvizitsiya // Nasha Strana (Buenos Ayres). – №1852. – Ch.2. – 25 yanvarya. – S.2-3. (In Russ.).
16. Samarin, V. (2011) Propaganda i pechat' na okkupirovannykh territoriyakh // Ekho voyny. – №1(4). – Ch.1. – S.53-55. (In Russ.).
17. Samarin V. (2011) Propaganda i pechat' na okkupirovannykh territoriyakh // Ekho voyny. – №1(4). – Ch.2. – S.55-57. (In Russ.).
18. Selyutin, V. N. O sisteme obrazovaniya na okkupirovannoy territorii Orlovskoy oblasti / V. N. Selyutin // Prostranstvo i Vremya. – 2011. – № 3(5). – S. 93-95. – EDN OOPTQB. (In Russ.).
19. Sokolov-Samarin V.D. O nashikh avtorakh // Nasha Strana (Buenos Ayres). – 1986. – №1859. – Ch.1. – 15 marta. – S.2. (In Russ.).
20. Chuyev, S.G. Proklyatyye soldaty. – M.: Yauza, 2004. – (Tayny III Reykha). – ISBN 5-699-05970-9. – EDN QOVBX. (In Russ.).
21. Boelcke W.A. Kriegspropaganda 1939–1941. – Stuttgart, 1966. – P. 286, 292.
22. Dallin A: Portrait of a Collaborator: Oktan. Soviet Survey, № 35 (январь-март 1961). – P.114–119
23. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 (Quellensammlung), Band 1: Deutsches Reich 1933–1937 (hrsg. von Wolf Gruner) München 2008, ISBN 978-3-486-58480-6. – P.624, №.259.
24. Goda N.J.W. Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew // Breitman R. et al. US Intelligence and the Nazis. – Cambridge UP, 2005. – P. 245.
25. Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty // Yale Daily News. 20 September 1976.
26. Manvell R., Fraenkel H. Doctor Goebbels: his life and death. – London, 2006. – P. 140, 141.
27. Nazis Leave Swath of Desolation On Route of Retreat From Orel. – New York Times, 18.08.1943. – P.5.
28. Bulyshkin, I. B. K voprosu o metodologicheskikh osobennostyakh izucheniya arkhivov voyennykh let / I. B. Bulyshkin, E. S. Matveyeva // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2023. – № 2. – S. 253-258. – DOI 10.24412/2308-264X-2023-2-253-258. – EDN LLPFDR. (In Russ.).
29. Merkulov, P. A. I.G. Starinov i organy gosudarstvennoy bezopasnosti / P. A. Merkulov, A. V. Merkulov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. – 2023. – T. 12, № 2. – S. 11-20. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-11-20. – EDN TJKUQB. . (In Russ.).

Информация об авторе:

БУЛЫШКИН Илья Борисович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: sophialogos@yandex.ru, SPIN-код: 6345-8804, ORCID 0009-0003-1916-8428

Author:

BULYSHKIN I.B., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: sophialogos@yandex.ru, SPIN-code: 6345-8804, ORCID 0009-0003-1916-8428

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 21.11.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

ВОСПРИЯТИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Ж.-П. САРТРОМ И Л.-Ф. СЕЛИНОМ

Аннотация. Цель статьи заключается в общем анализе восприятия Второй мировой войны французскими интеллектуалами. Исследование посвящено анализу восприятия Второй мировой войны французскими интеллектуалами на примере Жан-Поля Сартра и Луи-Фердинанда Селина. (**не одно и то же два раза?**) Актуальность тематики определяется исключительной ролью французских интеллектуалов, которую они сыграли в период Второй мировой войны, оказав значительное влияние на возникновение и развитие организаций правого и левого идеологических полюсов. Вторая мировая война существенным образом сказалась на судьбе Франции, изменив не только её территориальные границы – разделив страну на север и юг, на оккупированную нацистами зону и на территорию, подконтрольную правительству Виши, но и поставив французский народ перед моральным выбором, принудив к рефлексии над собственной идеологической и политической позицией.

Несмотря на актуальность и значимость заявленной темы, в отечественной исторической науке проблема изучения восприятия Второй мировой войны французскими интеллектуалами практически не поднималась. Прежде всего, исследования, посвященные интеллектуалам, относятся к зарубежной историографии, преимущественно – к французской.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1939 по 1959 год. Нижняя граница исследования связана с началом Второй мировой войны. Верхняя граница определяется последним интервью Л.-Ф. Селина.

Методологической основой исследования являются: сравнительный анализ на микросоциальном уровне, используемый при изучении истории культуры и истории интеллектуалов, лингвистический анализ, а также междисциплинарный подход, включающий различные научные дисциплины: историю, социологию, политологию. Сравнительный анализ предполагает наличие одинаковой категориальной сетки и одинаковых объяснительных моделей в исследовании разного типа материала, избранного для анализа, принадлежащего разным людям. Основопологающими в ходе исследования стали принципы историзма и научной объективности, которые предполагают комплексный подход к анализу исторических событий.

Материалы работы могут представлять интерес с точки зрения социальной истории и истории интеллектуалов. Это попытка определить, каковы причины и последствия того или иного поведения интеллектуалов в период Второй мировой войны, какова их ответственность и роль в условиях господства больших политических структур государства нового и новейшего времени.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Франция, французские интеллектуалы, Жан-Поль Сартр, Луи-Фердинанд Селин

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Меркулов А.В., Панарин И.А. Восприятие Второй мировой войны Ж.-П. Сартром и Л.-Ф. Селином // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С.49–60.

© Меркулов А.В. Панарин И.А., 2024г.

Original article

A. V. MERKULOV, I. A. PANARIN

**JEAN-PAUL SARTRE'S AND LOUIS FERDINAND CELINE'S
PERCEPTION OF THE SECOND WORLD WAR**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the perception of the Second World War by such French intellectuals as Jean-Paul Sartre and Louis-Ferdinand Celine. The research relevance is determined by the French intellectuals' exceptional role, which they played during the Second World War. They influenced over the emergence and development of the right and left ideological poles. The Second World War significantly affected the fate of France. The War changed French territorial borders, divided the country into North and South, into a Nazi-occupied zone and the territory controlled by the Vichy government, and also forced the French people to make a moral choice. They had to reflect over their own ideological and political position.

Despite the fact that, the problem of the French intellectuals' perception of the Second World War is relevant, almost no research had been done in Russian historical science. First of all, then studies devoted to intellectuals belong to foreign historiography, mainly French.

The study focuses on the period between 1939 and 1959. The time frame is determined by the beginning of the Second World War and the last interview of Louis-Ferdinand Celine.

The methodology of the study is based on a comparative analysis at the microsocial level, a linguistic analysis, and an interdisciplinary approach. Comparative analysis is used in the study of cultural history and the history of intellectuals. Linguistic analysis, as well as an interdisciplinary approach cover various scientific disciplines like history, sociology and political science. Comparative analysis involves the use of the same categorical grid and the same explanatory models to compare and analyze variables. The fundamental principles of objectivity and historicism provide an integrated approach for the study of historical events.

The research findings may be of interest from the point of view of social history and the history of intellectuals. The study is an attempt to determine the causes and consequences of the intellectuals' behavior during the Second World War, their responsibility and role in the conditions of the domination of state political structures of the Modern age.

Keywords: Second World War, France, French intellectuals, Jean-Paul Sartre, Louis-Ferdinand Celine

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Merkulov, A.V., Panarin, I.A. (2024) Jean-Paul Sartre's and Louis Ferdinand Celine's Perception of the Second World War. *Vestnik of State and Municipal Management*. Vol.13., no. 1, P.49–60.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность научной проблемы определяется исключительной ролью французских интеллектуалов, которую они сыграли в период Второй мировой войны, оказав значительное влияние на возникновение и развитие организаций правого и левого идеологических полюсов. Вторая мировая война существенным образом сказалась на судьбе Франции, изменив не только её территориальные границы – разделив страну на север и юг, на оккупированную нацистами зону и на территорию, подконтрольную правительству Виши, но и поставив французский народ перед моральным выбором, принудив к рефлексии над собственной идеологической и политической позицией. В периоды кризиса общество возлагает большую ответственность на интеллектуалов, которые способны, благодаря наличию авторитета у публики, представлять общие интересы, высказывать позицию общества и оказывать влияние на власть.

Селин и Сартр – два совершенно разных человека, которых, несмотря на большую разницу в возрасте, можно противопоставить. Селин – из бедной семьи, побывавший на войне и испытавший на себе все её ужасы, прежде всего, осознал ничтожность человеческой жизни. Сартр – из благополучной семьи. Несмотря на потерю отца, не испытывал нужды в нем, поскольку со всех сторон был окружен заботой и любовью, чего не было у Селина, у которого были живы оба родителя. Селин занимается медициной, лечит больных в Африке, видя страдания и боль. Сартр, напротив, живет в Париже и учится в одном из самых престижных учебных заведений – в Высшей нормальной школе.

Несмотря на то что они совершенно разные, они – современники и оба – писатели-интеллектуалы, именно этим обусловлен выбор этих двух личностей.

ЛУИ-ФЕРДИНАНД СЕЛИН

Луи-Фердинанд Детуш (фр. Louis-Ferdinand Destouches), известный как Луи-Фердинанд Селин, родился 27 мая 1894 года. Фамилия Селин – это имя его бабушки, кото-

рым он начнёт подписываться с первой своей книги «Путешествие на край ночи», опубликованной в 1932 году. Стоит отметить, что появление такой противоречивой фигуры, как Селин, совпало со временем общественного кризиса во Франции – с годом начала «дела Дрейфуса». Родился Луи-Фердинанд в Курбевуа в семье Фердинанда Детуша и Маргариты Гийо. Отец был из семьи мелких торговцев и учителей, мать – из бретонской семьи ремесленников и мелких торговцев. Мать занималась модой, в частности работала с кружевом. Отец был офисным работником на почте. У него были литературные амбиции, он был начитанным человеком, но писателем не стал. После того как его уволили с почты, он вел всю корреспонденцию для пожарной службы в страховой компании «Феникс» на улице Лафайет, о чем рассказывал Селин в интервью [9]. Он вспоминал, что его воспитывали довольно жестко – грубо обращались, иногда на него поднимали руку, но он отмечает, что так было принято [9]. Его детство было трудным, их волновал один вопрос: что поесть? Он вспоминал, что постоянно ели лапшу, поскольку это единственное блюдо, которое можно было приготовить без запаха: запахи впитывались в кружево, с которым работала мама. «Я вырос на лапше и хлебном супе», – утверждал писатель [9].

В 1897 году семья переехала в Париж. В 1900 году Селин поступил в школу Лувуа, через пять лет – в католическую школу, где обучался на протяжении года, а после вернулся в государственную. Ему удалось два раза побывать на языковых стажировках в Германии: сначала в Дипхольце в течение года, а затем в Карлсруэ, кроме того, он побывал и в Англии. Получив аттестат об образовании, в сентябре 1912 года, в 18 лет, он ушёл в армию на три года. На вопрос, почему он добровольно решил пойти в армию, он ответил: «...потому что я лиричный, и ещё немного идиот...» [10]. Его отправили в 12-й полк в Рамбуйе. В 1913 году был назначен бригадиром, а в мае 1914 года – фельдмаршалом. Его полк участвовал в первых боях

Первой мировой войны в Западной Фландрии. В ходе боев Селин был ранен в правую руку (а не в голову, как гласит легенда). 24 ноября 1914 года был награждён военной медалью, а позднее – военным крестом с серебряной звездой. Об этом сообщалось в газете L'illustre nationale [9]. В январе 1915 года вследствие ранения Селин был комиссован из армии, его назначили помощником в визовом отделе французского консульства, а затем он был признан инвалидом из-за последствий его травмы.

Ни отец, ни мать не подталкивали сына к получению высшего образования. В семье всем приходилось очень много работать. Мать умерла, когда ей было 74, к тому времени она уже ослепла. Селин говорил, что «мать исходила кровью от страданий...» [9]. Подобные слова от человека, не склонного к излишней жалости, звучат в несколько раз убедительнее.

Медициной Селин заинтересовался сам. Он любил наблюдать за работой докторов, восхищался этим делом. На вопрос, почему он захотел стать врачом, Селин ответил: «Потому что это мое призвание. Это делало меня счастливым долгое время. Когда я занимаюсь медициной, вот уже тридцать пять лет, мне доставляет удовольствие лечить простуду, лечить ветрянку...» [9]. Он не получал удовольствия от наблюдения за страданиями больных: «...я говорю себе: если он будет страдать, то станет ещё злее, чем обычно. Он отомстит, а это того не стоит...» [9].

После войны Луи-Фердинанд отправился в Ренн, где 10 августа 1919 года женился на Эдит Фолле, дочери директора медицинской школы Ренна в Кинтине (Северное побережье). 15 июня 1920 года у них родилась дочь Колетт. С 1919 года он получал медицинское образование. В 1924 году защитил докторскую диссертацию, посвященную Филиппу Игнатию Цеммельвейсу, венгерскому гинекологу, позже она будет считаться его первым литературным произведением.

В Женеве Фонд Рокфеллера нанял Сели-

на в качестве лектора по профилактике туберкулеза – он ездил по Франции, а также съездил в Африку и Америку. В частности, он побывал на заводах автомобильной компании «Форд» во время пребывания в Детройте и остался под сильным впечатлением от завода и от индустриализации. После окончания контракта с Рокфеллерами он устроился в лечебный диспансер, параллельно занимал должность дизайнера рекламы фармацевтических препаратов и посещал лаборатории в качестве медицинского консультанта.

В 1926 году в Женеве Селин встретил Элизабет Крейг. Она американская танцовщица, «императрица», как он ее называл. Она – одна из двух женщин, которые имели значение в его жизни. Элизабет следовала за ним в Париж, но в 1933 году, не предупредив, покинула его. Он отправился на её поиски в Калифорнию, но узнал, что она вышла замуж за Бена Танкеля, который оказался евреем. О ней не было ничего слышно до 1988 года, когда она в одном из интервью призналась, что боялась с возрастом потерять свою красоту и ничего не представлять для него (имеется в виду для Селина) [9].

Когда Селин написал «Путешествие на край ночи» и собирался его опубликовать, он получал отказ за отказом. Робер Денозль согласился опубликовать роман. Но доктор Детуш, как его называли, не собирался подписываться настоящей фамилией. Его «медведь», как он называл свою рукопись, был опубликован под именем его бабушки – Селин. 15 октября 1932 года «Путешествие на край ночи» появилось в книжных магазинах. Всю осень того года публика пребывала в шоке. Селина анализировали, отвергали, снова брались читать, подвергали цензуре, обожали – часто всё вместе [11]. Левые были полны энтузиазма по поводу этой новой работы. В L'Humanité Поль Низан восхвалял появление произведения такой силы и размаха. Опыт войны сыграл решающую роль в формировании у Селина пацифизма и пессимизма – его пессимизм отталкивал левых, потому что он не верил в революцию. Пра-

вые, со своей стороны, следили только за литературным измерением романа.

Селин часто отмечал, что писать он стал из-за потребности в деньгах. Он не собирался прекращать занятие медициной, ему нужны были деньги, чтобы расплатиться за квартиру: «...мне бы лучше было стать психиатром!.. Но я знал Эжена Даби... Он только что добился огромного успеха своим романом «Гостиница «Север». Я подумал: «...Я написал бы не хуже. С помощью романа я бы смог заплатить за квартиру...». И вот я засел за него, ища язык, стиль, чтобы он был непосредственный, насыщенный чувством...» [3]. Многие верили в то, что Селин получит Гонкуровскую премию, но она досталась Ги Мазелину за роман «Волки». Уникальность романа «Путешествие на край ночи» в основном была обусловлена несравненным стилем – Луи-Фердинанд Селин изобрел свой собственный литературный язык [4].

В течение нескольких месяцев после публикации литературная полемика усиливалась. Деноэль дал права на перевод романа во многих странах. Селин отвечал на все запросы, и его работа стала объектом многочисленных статей в прессе.

Его приглашали принять участие в конференции писателей-антифашистов. Отказавшись, он, однако, произнес речь в Мёдоне в честь юбилейной даты смерти Э. Золя. Отрывок из его речи: «...вот мы и на исходе XX века высокой цивилизации, и, однако, ни один режим не смог устоять перед двумя месяцами правды. Я имею в виду марксистское общество, а также наши буржуазные и фашистские общества». Своей речью Селин нанес удар по левым – это послужило началом размолвки между левыми и Селином. Он начал писать следующий роман – «Смерть в кредит» и в том же году познакомился с Люси Альманзор. Люсетт вспоминала это время следующим образом: «...это было давно, очень давно. Я возвращалась из Америки, я ушла из Оперного театра и тренировалась с великим преподавателем той эпохи, Алесандри, и каждый день я тренировалась по 4–

5 часов. И он (Селин) интересовался танцами, он приходил смотреть уроки. Вот там мы и начали разговаривать понемногу. Он был очень необщительный, и мне потребовалось много времени, чтобы согласиться поговорить с ним. Но, в конце концов, это оказалось вполне естественным...Тогда для него танец был отдыхом. Его тянуло к рабочему аспекту классического танца, и это было очень тяжело. Он казался гибким. Его жесты были полны изящества. Что касается меня, то я была очень впечатлена этими движениями и выражением его глаз. Он был печален, мечтателен» [9].

После публикации «Смерти в кредит» в 1936 году Селин отправился в СССР. Стоит сказать, что Деноэль, увидев рукопись, испугался опубликовать роман, опасаясь, что его могут обвинить «в подрыве моральных устоев общества», поэтому он опубликовал «Смерть в кредит», убрав местами даже целые страницы [2].

С 1920-х гг. в СССР начали приглашать зарубежных деятелей культуры и искусства: коммунисты надеялись заручиться их поддержкой. В числе приглашенных было множество французских интеллектуалов, среди которых Ромен Роллан, Эдуард Эррио, Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Анри Барбюс, Андре Мальро, Луи Арагон, Андре Жид, Шарль Вильдрак и другие. Селин поехал туда сам с целью собрать гонорары за переводы «Путешествия», которое было плохо переведено на русский язык и подвергнуто цензуре под руководством Эльзы Триолет и Арагона – товарищей Селина, с которыми после этого случая он перестал общаться. Коммунисты оценили роман «Путешествие на край ночи», поскольку в нём в числе прочего критикуется буржуазное общество. Многие коммунисты видели в Селине преемника Анри Барбюса, «рупора коммунистических идей», который скончался в 1935 году [9]. Так, Лев Троцкий, будучи в ссылке в Принкипо, 10 мая 1933 года написал целую статью, посвященную Селину, под заголовком «Селин и Пуанкаре», в которой хвалил Селина за его

роман и литературный стиль: «Луи-Фердинанд Селин вошел в большую литературу как другие входят в свой собственный дом» [8].

О деталях поездки существует довольно мало сведений, даже не установлено точной даты прибытия Селина в Ленинград. Оттуда он отправил всего лишь одну открытку, на которой было написано: «Черт побери! Если это будущее, то нужно стараться наслаждаться нашими гнусными условиями жизни. Какой ужас! Мои бедные друзья. Даже жизнь в Гонесс (один из беднейших пригородов Парижа) в сравнении с этим приобретает некое очарование! Искренне ваш. Ф. Луи» [1]. Известно, что Селин остановился в гостинице «Европейская», всю поездку его сопровождала гид-переводчица Натали, сотрудница «Интуриста» (организация, занимавшаяся сопровождением иностранцев в СССР).

Будучи в СССР, Селин осознал, что кроме фашизма существует другая угроза – коммунизм – он отдаляется от левых и переходит на сторону правых. По возвращении Селин изложил свои впечатления об СССР, опубликовав в 1937 году памфлеты «Безделицы для погрома» и «Mea Culpa», в последнем подверг коммунизм жесткой критике: «Материалистический Коммунизм – это прежде всего материя, а когда речь о материи, никогда не побеждает лучший, всегда самый циничный, самый коварный, самый хамский. Вы только посмотрите на этот СССР, как быстро там очухались деньги! Как они мгновенно восстановили свою тиранию! к тому же возведенную в куб!» [7]. Кроме коммунизма Селин критикует в целом политику как таковую: «Политика испортила Человека намного глубже за три последних века, чем за всю предысторию. Мы были более готовы к единению в Средние века, чем сегодня... формировался общий дух. Запудривание мозгов было намного более «поэтичным», более интимным. Этого больше не существует». Во всем тексте Селин также акцентирует внимание на человеке как ничтожном существе: «Человек человечен настолько, насколько курица способна к полету. Когда она получает

поджопник, когда автомобиль ее подкидывает в воздух, она взлетает до самой крыши, но тут же падает обратно в грязь, клевать навоз... Это ее природа, ее призвание. У нас, в обществе, все точно так же. Самой последней мразью мы перестаем быть лишь под ударом катастрофы. Когда все более или менее улаживается, наше естество возвращается галопом. Именно поэтому по поводу Революции суждение нужно выносить двадцать лет спустя».

Посещение Селином Советского Союза не было отмечено ни в одном советском печатном издании, и после выхода его памфлетов о нём забыли. После поездки у него возникла идея о том, что для Франции будет хорошо, если Сталин и Гитлер столкнутся: «...мне жаль, что я это сказал. Но мне будет глубоко наплевать, если Гитлер соберется раскрутить русских. Даже в самой жестокой войне он не сможет уничтожить их больше, чем это делает каждый день сам Сталин, в их счастливой и свободной мирной жизни...» [9]. Селин часто сопоставлял СССР и США, для него обе страны являлись империями зла, разница заключалась в том, что про злодеяния американцев никто не говорил, в отличие от злодеяний русских.

ЖАН-ПОЛЬ ШАРЛЬ ЭМАР САРТР

Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (фр. Jean-Paul Charles Aymard Sartre) родился в 1905 году в Париже в буржуазной семье. Его мать Анна-Мария Швейцер родом из семьи эльзасских интеллектуалов и профессоров, она двоюродная сестра Альберта Швейцера, известного теолога, философа и музыканта. Его отец Жан-Батист Сартр – офицер военно-морских сил Франции. Сартр никогда не знал своего отца: он умер от желтой лихорадки через 15 месяцев после рождения сына. В зрелом возрасте Сартр признаётся, что ранняя смерть отца послужила ему на пользу: «Смерть Жан-Батиста сыграла величайшую роль в моей жизни: она вторично поработила мою мать, а мне предоставила свободу... Умереть – это далеко не всё: важно умереть вовремя. Скончайся мой отец позднее, у меня появилось бы чувство вины». После смерти

отца он будет жить со своей матерью у её родителей в Мёдоне. Мать не была для Сартра авторитетом: «Я люблю Анн-Мари, но как мне её уважать, когда никто её в грош не ставит?.. Дети – это мы с матерью: оба несовершеннолетние, оба иждивенцы». О своей матери он отзывался так, потому что воспринимал её как старшую сестру, поскольку она была довольно юной, несамостоятельной, в подчинении у своих родителей. Ключевую роль в воспитании сыграл дед Сартра Шарль Швейцер, который воспитывал маленького Пулу, как его называли родные, на протяжении десяти лет – с 1907 по 1917 год. Маленькому Пулу уделяли слишком много внимания, ему поклонялись, баловали, что, безусловно, породило у него некоторый нарциссизм. Дед называл его «свет моих очей». «Дед меня обожал – это видели все. Любил ли он меня? В страсти, столь рассчитанной на публику, трудно отличить, где искренность и где при творство... я целиком зависел от него – он обожал во мне собственное великодушие» [6], – несмотря на то что Сартр, будучи взрослым человеком, высказывается о бабушке довольно цинично, он не отрицает его роль и влияние на своё взросление и становление.

В доме Швейцеров была большая библиотека, в которой Сартр очень рано начинает читать литературу, предпочитая её времяпрепровождению с другими детьми: «Я обрёл свою религию: книга стала мне казаться важнее всего на свете. В книжных полках я отныне видел храм». Этот период заканчивается в 1917 году, когда его мать выходит замуж за инженера-моряка Джозефа Манси, которого тогда 12-летний Сартр будет ненавидеть, потому что тот – совершенная противоположность его деда. Отчим был строгий, властный, желающий перевоспитать избалованного ребенка [5]. Затем они переезжают в Ла-Рошель, где он проведёт три тяжелых года: он переходит из счастливого семейного круга в реальность школьников, хулиганов, циничных и жестоких. Со временем Сартр перенимает черты своих товарищей. Однако к лету 1920 года его мать решает, что будет лучше для его образования вернуться в Париж.

В 13 лет Сартр поступил в среднюю школу Монтень в Париже, но через три года вернулся в лицей Генриха IV, где он учился в пятом и шестом классе. Там он знакомится с Полем Низаном, с которым его будет связывать сильная дружба вплоть до его смерти в 1940 году. В школьном кругу Сартр становится «официальным сатириком»: превосходит в шутке шутку. Он приковывает к себе внимание не только своих товарищей, но и учителей.

В 1924 году Сартр вместе с Низаном были приняты в Высшую нормальную школу в Париже. Сартр продолжает вести себя в силу своего характера и привилегированного положения: в 1927 году из-за шуток Сартра и его друзей в день проверочной комиссии директор школы Гюстав Лансон был вынужден уволиться. В том же году Сартр вместе со своими товарищами подписывает петицию против закона «Об объединении нации на военное время», согласно которому отменялась интеллектуальная независимость и свобода мнений. Он широко известен среди профессоров, а при входе в столовую его встречают аплодисментами. Таким образом, ещё студентом Сартр находится в гуще события, являясь провокатором и смельчаком. Одновременно он и душа компании, и большой трудяга: он читает более 300 книг в год, пишет стихи, романы, новости. В это время он дружит с ещё неизвестными Раймоном Ароном и Морисом Мерло-Понти. В эти годы политика Сартра не интересовала. В 1928 году общий друг знакомит Сартра с Симоной де Бовуар, которая станет его спутницей на всю жизнь. После военной службы в национальном метеорологическом ведомстве в 1931 году Сартр идёт преподавать в школу Гавра, ныне средняя школа Франциска I. Там у него начинается повседневная жизнь в окружении молодёжи, которую он так любит и рядом с которой он будет на протяжении всей своей жизни. В 1932 году выходит в свет первый роман Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи», который произведет большое впечатление на Сартра. Во Французском институте в Берлине в 1933–1934 гг.

Сартр проходил феноменологию Гуссерля и приступил к чтению «Бытия и времени» М. Хайдеггера, которое оказало на него огромное влияние.

Слава, о которой Сартр мечтал с детства, приходит к нему в 1938 году после публикации в издательстве Gallimard первой его книги «Тошнота» – философского романа, написанного в числе прочего и под влиянием Селина. Через год выходит второй роман – «Стена», но успех в карьере прерывается Второй мировой войной. Анна Боскетти и Пьер Бурдьё утверждают, что Сартр представляет собой тип «всеобъемлющего интеллектуала» (*intellectuel total*), т. е. «объединяет в себе функции Золя и Бергсона», является самым известным писателем эпохи и самым профессиональным философом одновременно. Он всеобъемлющий интеллектуал, потому что занимается разными видами деятельности: пишет философские трактаты, романы, статьи для газет и журналов, выступает на радио, пишет для театра и кино, а также руководит собственным журналом *Les Temps modernes*. У него – многомиллионная аудитория, к которой он может обращаться. Всё это относится к Сартру послевоенного времени.

Выделяются два признака всеобъемлющего интеллектуала:

1. Он обладает теми социальными и интеллектуальными признаками, которые обычно разъединены и относятся к противоположным участкам интеллектуального поля; в силу этого подвергается пересмотру сложившееся разделение интеллектуального труда.

2. Он осуществляет власть над разными социальными группами, которые идентифицируют себя по разным причинам.

ВОСПРИЯТИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Ж.-П. САРТРОМ И Л.-Ф. СЕЛИНОМ

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, однако ни со стороны Англии, ни со стороны Франции военных действий не осуществлялось, вследствие чего этот период и получил наименование «странной войны», которая завершилась поражением Франции

10 мая 1940 года, когда немецкие войска прошли через Бельгию и Голландию, захватив практически всю территорию Франции.

Отдалившись от левых, Селин сближается с крайними правыми, в частности с командой газеты Луи Даркера *La France enchaînée*. Кроме того, у Селина были знакомые, работавшие в *Welt-Dienst* (служба нацистской и антисемитской пропаганды). В конце 1930-х гг. он опубликовал два антисемитских памфлета: в 1937 году – «Безделицы для погрома», 1938 году – «Школа трупов». Он представляет их в письме доктору Вальтеру Штраусу: «Я только что опубликовал отвратительно антисемитскую книгу. Я посылаю её Вам. Для евреев я враг № 1». Третий памфлет «Попали в переделку» выйдет в период войны, в 1941 году.

10 мая 1939 года Селин и Деноэль решили снять с продажи памфлеты из-за выхода декрета о защите расовых меньшинств и предотвращении агитаций, связанных с расистскими и антисемитскими публикациями. Тем не менее взгляды Селина были известны, и за них ему пришлось расплачиваться до конца жизни. В памфлете «Безделицы для погрома» Селин в числе прочего писал о Ленинграде, о больнице, которую он посетил: «Я видел множество больниц, причем везде, и в городах, и в деревнях... плохих, очень плохих, превосходных, примитивно оборудованных, но такого, чтобы в больнице отсутствовало самое элементарное, самое необходимое для ее мало-мальски нормального функционирования, такого я больше не видел нигде. Это просто не укладывается в голове...» [1]. Об СССР у Селина остались только противоречивые впечатления, которые ранее он высказал в «*Mea Culpa*». В памфлетах Селин поддерживал более немцев, называя себя «другом немцев и другом Гитлера». Это объясняют тем, что он вырос в среде мелкой буржуазии, поэтому верил в то, что все финансы сосредоточены в руках евреев [2]. Другое объяснение заключается в том, что его большая любовь – Элизбет Крейг – ушла от него к другому мужчине – еврею [2].

Ж.-П. Сартр был призван на войну 2 сентября 1939 года в метеорологические войска. Ему относительно повезло, поскольку при пребывании на службе у него оставалось большое количество свободного времени, которое он мог уделять письму. Так, на протяжении девяти месяцев Сартр в среднем писал по 12 часов в день. Долгое время ему было сложно осознать не только саму войну, но и себя на войне, поскольку его мирная жизнь кардинальным образом отличалась от армейских условий: «Я отправлялся в армию с твердым намерением вернуться и с самого начала полагал, что служба в метеорологическом отделении поможет мне выйти сухим из воды (в том, что касается нарядов, казармы и т. п.)». Позднее он понял, что не он один прибыл с подобными мыслями. Сартр не был готов к войне. В марте 1939 года он полагал, что «гитлеризм» предоставляет ему основание для борьбы, в сентябре он воспринял войну как болезнь, как холеру. Бобр (так Сартр называл Симону де Бовуар) указала ему на ложное восприятие войны – она полагала, что нельзя рассматривать её как болезнь, поскольку это человеческое дело. Суть внутренних метаний заключалась в том, что Сартр не мог определить свою позицию по отношению к войне. В сентябре по прибытии в Мармутье Сартр пишет: «Призрачная война. В духе Кафки. Мне никак не удаётся её почувствовать, она от меня ускользает...» [5]. По пути на фронт Сартр читал «Процесс» и «Замок» Ф. Кафки, поэтому его ощущения от окружающей обстановки слились с атмосферой прочитанных романов. Чувство ускользания войны связано в числе прочего с отсутствием военных действий, долгим ожиданием.

Через месяц Сартр всё-таки определяет своё отношение к войне, объясняя, что именно повлияло на его сформировавшуюся позицию. 3 октября 1939 года он записывает: «...первое, что нужно сделать – не хотеть какую-то позицию перед лицом войны, а наблюдать и объяснить ту позицию, которую я самопроизвольно занимаю перед ее лицом...» [5].

Он делится детскими воспоминаниями, связанными с Первой мировой войной. Из его

семьи никто не был на фронте, поскольку дяди его были старыми, а отчим болел, поэтому переживания войны он не испытывал напрямую, тем не менее он впитал в себя то, что транслировали взрослые: в целом война вызвала возвышенные чувства, чувства патриотизма, уважения и гордости за воевавших. В «Дневниках» Сартр приводит отрывок из воспоминаний: ему необходимо было ответить на вопросы в анкете в окружении родственников; он написал, что его самое сильное желание – «стать солдатом и отомстить за павших», за что его похвалили. Однако в «Словах» тот же сюжет описан с другой концовкой [5]. Навязанные взрослыми ценности наводили на Сартра скуку, в которой, по его мнению, кроется начало его отвращения к войне. В Ла-Рошели сверстники и товарищи Сартра были «...грубые, хулиганистые...». Будучи в их компании, Сартр перенял многие их качества – стал более циничным, с равнодушием начал относиться к войне и ко всему, что с ней связано: «...заклучение мира не вызвало у меня удивления, не принесло никакого удовлетворения. Это было событие, которое я отметил для себя с полнейшим безразличием». К 1919–1921 гг. для Сартра война стала не реальным событием прошлого, а чем-то мифическим и ассоциировалась со словами «долг», «родина», которыми злоупотребляли взрослые. Таким образом, вследствие подобной атмосферы в обществе у Сартра возникло отвращение к ветеранам войны: «Это скопище скуки, долга, помпезных и риторических добродетелей...». Сартр хотел обратить внимание на ничтожность оснований, заставивших его презирать войну. Если раньше он презирал её как бунтарь-одиночка, то к 1924 году под влиянием товарищей он стал антимилитаристом. Один из его знакомых тогда говорил: «Пусть меня лучше расстреляют, но маршировать я не стану». Сартр подчеркивал, что ни отвращение к войне, ни антимилитаризм не имели под собой конструктивных оснований, он всего лишь следовал модным идеям, если говорить словами Х. Арндт, «подстраивался под веяния времени». Своей настоящей позицией на тот момент

Сартр называет осуждение войны и армии одновременно с пониманием того, что они всегда были и будут. Его волновала моральная позиция по отношению к войне, стоицизм, по его мнению, подходил лучше всего. В сентябре Сартр полностью осознал войну: война – это человеческая реальность, пусть ненавистная, но реальность, бытие-в-мире, нельзя от неё отказать, нужно её проживать.

Сартр противопоставлял войну всему, что любил, что называл поэзией, но в какой-то момент он начал осознавать и поэзию войны – исчезла четкая дихотомия «люблю/ненавижу». Для него поэзия – это созерцание, хрупкое ощущение мира, в котором каждая деталь наполнена шармом и смыслом: «...я ухватил новую связь разорванного, лишённого своего спокойного и созерцательного смысла пейзажа с этими грузовиками, наполненными людьми, которые пересекают этот пейзаж и обязаны его разрушить. Своего рода связь в смерти и обнаженности». Сартр высказывает четкую позицию по отношению к войне: «...я считаю ее злом, воплощением самого Зла. Но у меня и в мыслях нет искоренить это зло, я могу лишь выдюжить его». Сартр считал, что бессмысленно бунтовать против войны, поскольку этот бунт – против мира, в котором ты существуешь, а значит, невозможно разрушить этот мир, не разрушив при этом себя. Видя в войне возможность развития, можно избавиться от мыслей о потерянном времени. Однако Сартр риторически спрашивает: «И ради чего мы сражаемся?» [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Франция в конце 30-х – начале 40-х гг. XX века переживала тяжелые времена не только в области внешней, но и на уровне внутренней политики. Во-первых, потому что Франция в 1940 году потерпела поражение, допустив оккупацию северной части страны, что нанесло как материальный, так и моральный ущерб французскому народу, который находился в панике и вынужденно бежал из родной страны. Общественные настроения в Париже в это время характеризовались отсут-

ствием жизненных ориентиров и точек опоры в условиях начинающейся войны. В то же время внутри страны сформировалась группа коллаборационистов, и традиционно республиканская Франция сменилась авторитарным режимом Виши, что, несомненно, больно ударило по сознанию французов. Таким образом, Франция разделилась на две части – на коллаборационистов и сторонников Сопротивления, на Север и Юг. В обществе отмечался кризис доверия, тотальное недоверие и подозрение вызывали даже люди, одетые не как все.

Восприятие Второй мировой войны Л.-Ф. Селином и Ж.-П. Сартром – это две разные точки зрения на одно событие, включающее в себя много отдельных сюжетов. Селин, ветеран Первой мировой войны, издавший массу ужасов на фронте, получивший ранение, безусловно, болезненно воспринял Вторую мировую. На фронте Селин разочаровался в человеке, он увидел множество пороков, осознав, насколько человеческая жизнь ничтожна. Тем не менее военный опыт позволил ему писать – воспоминания войны отразились в его первом романе «Путешествие на край ночи». После Второй мировой войны ему пришлось скрываться из-за своей коллаборационистской и антисемитской позиции во время войны. Стоит сказать, от своей позиции он не отказывался и никогда не жалел о сказанном. Селин был и оставался антисемитом и верил в масонский заговор. Кроме того, отрицал Холокост. Однако он совершил стилистическую революцию в литературе, придумав свой, ни на что не похожий литературный язык – без высокопарных слов и красивых фраз. Его язык – это живая речь, включающая в себя и жаргон. Несмотря на то что Селин до конца жизни не переставал писать, он так и оставался врачом для бедных и считал это своим призванием. Представляется странным тот факт, что Селин, будучи яркой фигурой XX века, остается незамеченным в отечественных гуманитарных науках.

Ж.-П. Сартру в жизни повезло гораздо больше, чем Селину. Окруженный в детстве любовью и заботой, Сартр получает то же самое и в университете. Вокруг него кипит жизнь,

и его все знают: и младшие студенты, и профессора. Его первый роман «Тошнота» был удачно опубликован, несмотря на то что после этого Сартру пришлось уезжать на фронт. Даже пребывание на войне не было для него столь трагичным, как для Селина, поскольку Сартр не участвовал в боевых действиях и не ощутил напрямую все ужасы войны. С другой стороны, война помогла Сартру социализироваться, научиться жить вместе с кем-либо, не одному, это был важный переход от индивидуализма к социализму. Период войны Сартр пережил довольно спокойно, оставаясь в оккупированном Париже, кроме того, имея возможность публиковаться. Его жизнь не перестала бурлить и после войны. Сартр – это, действительно, всеобъемлющий интеллигент и эпоха второй половины XX века. Во время Второй мировой войны левый интеллигент выступал в качестве всеобщей совести – приверженца истины и справедливости. По преимуществу интеллигенты были писателями, что изменится после войны, когда они станут интеллигентами-специалистами в силу социальных изменений: они стали работать в определенных отраслях, где была сосредоточена их профессиональная деятельность (университет, квартира, лаборатория и т. д.).

Библиография / References:

1. Климова М. Селин в России // Митин журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://www.mitin.com/people/celine/cr-klimova.shtml> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Лафон С. Селин: Между Антикоммунизмом и антисемитизмом (тезисы части доклада «Селин: поэтика и политика», прочитанного в апреле 2000 года во Французском Институте Москвы и СПб) // Митин журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <https://www.mitin.com/people/celine/cr-lafon.shtml> (дата обращения: 12.12.2023).
3. Лиходкина, И.А. Проблема перевода на русский язык французских синтаксических конструкций с разговорной/сниженной лексикой

(на примере романа Л.Ф. Селина «Путешествие на край ночи») / И.А. Лиходкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 144–148. – EDN NCWHDR.

4. Недосейкин, М.Н. Образ чужого и проблема межкультурной коммуникации в романе Л.Ф. Селина Путешествие на край ночи / М.Н. Недосейкин // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Воронежский межрегиональный институт общественных наук, Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – С. 73–77. – EDN SYXDXN.
5. Сартр, Жан Поль. Дневники странной войны, сентябрь 1939 – март 1940 / Жан-Поль Сартр; Предисл. и примеч. А.Э. Сартр; пер. с фр. О. Волчек и С. Фокина. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 812 с.

6. Сартр, Жан-Поль. Слова: Повесть / пер. с фр. Л. Зониной и Ю. Яхниной; предисл. М. Бажана. – М.: Прогресс, 1966. – 175 с.

7. Селин Л.-Ф. Mea Culpa / пер. с фр. Юрьенена С., Гальего Э. // Митин журнал // URL: <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml> / сообщение на семинаре «Юродивый во французской литературе». – М., 1999. – Май.

8. Троцкий Л. Селин и Пуанкаре / Перевод отрывка из статьи Троцкого выполнен по изданию «Cahier de l'Herne: Céline». – М., 1963–1965–1972.

9. Céline L.-F. Interview avec Louis Pauwels et André Brissaud (Radio-Télévision française) Printemps, 1959. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: https://www.ubu.com/film/Céline_television.html, (дата обращения: 11.12.2023).

10. Gibault F. Céline. Gibault, Francois Céline. P. 1: Le temps des espérances. (1894–1932 гг.). – Paris: Mercure de France, 1977.

11. Émile Brami, Céline vivant – Entretiens – Biographie, Éditions Montparnasse, 2007.

1. Klimova M. Selin v Rossii // Mitin zhurnal.

[Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://www.mitin.com/people/celine/cr-klimova.shtml> (data obrashcheniya 11.12.2023).

2. Lafon S. Selin: Mezhdru Antikommunizmom i antisemitizmom (tezisy chasti doklada «Selin: poetika i politika», pročitannogo v aprele 2000 goda vo Frantsuzskom Institute Moskvyy i SPb) // Mitin zhurnal. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: <https://www.mitin.com/people/celine/cr-lafon.shtml> (data obrashcheniya 12.12.2023).

3. Likhodkina, I.A. Problema perevoda na russkiy yazyk frantsuzskikh sintaksicheskikh konstruktivnykh s razgovornoj/snizhennoy leksikoy (na primere romana L.F. Selina «Puteshestviye na kray nochi») / I.A. Likhodkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2010. – № 2. – S.144–148. – EDN NCWHDR.

4. Nedoseykin, M.N. Obraz chuzhogo i problema mezhkul'turnoy kommunikatsii v romane L.F.Selina Puteshestviye na kray nochi / M.N. Nedoseykin // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i problemy natsional'noy identichnosti: Sbornik nauchnykh trudov / Voronezhskiy mezhr regional'nyy institut obshchestvennykh nauk, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, Fakul'tet romanogermanskoy filologii. – Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. – S.73–77. – EDN SYXDXN.

5. Sartr, Zhan Pol' Dnevniky stranno y voyny, sentyabr' 1939-mart 1940 / Zhan-Pol' Sartr; Predisl. i primech. A.E. Sartr; per. s fr. O. Volchek i S. Fokina. – SPb.: Vladimir Dal', 2002. – 812s.

6. Sartr, Zhan-Pol' Slova: Povest' / per. s fr. L. Zoninoy i YU. Yakhninoy; predisl. M. Bazhana. – M.: Progress, 1966. – 175s.

7. Selin L.-F. Mea Culpa / per. s fr. Yur'yenena S., Gal'yego E. // Mitin zhurnal // URL: <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml> / soobshcheniye na seminare «Yurodivyy vo frantsuzskoy literature». – M., 1999. May.

8. Trotskiy L. Selin i Puankare / Perevod otryvka iz stat'i Trotskogo vypolnen po izdaniyu «Cahier de l'Herne: Céline». – M., 1963-1965-1972.

9. Céline L.-F. Interview avec Louis Pauwels et

André Brissaud (Radio-Télévision française) Printemps, 1959. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: https://www.ubu.com/film/Céline_television.html, (data obrashcheniya 11.12.2023).

10. Gibault F. Céline. Gibault, Francois Céline. P. 1: Le temps des espérances. (1894–1932gg.). – Paris: Mercure de France, 1977.

11. Émile Brami, Céline vivant – Entretiens – Biographie, Éditions Montparnasse, 2007.

Информация об авторах:

МЕРКУЛОВ Антон Вениаминович, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: merkulov_av@list.ru, SPIN-код: 1262-9922, AuthorID: 1016089

ПАНАРИН Игорь Алексеевич, аспирант, факультет «Государственное и муниципальное управление», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: itotdelplanner@gmail.com, SPIN-код: 4947-5959, AuthorID: 1178481

Authors:

MERKULOV A.V., Candidate of Historical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: merkulov_av@list.ru, SPIN code: 1262-9922, AuthorID: 1016089

PANARIN I.A., Postgraduate student, the Faculty of State and Municipal Management, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: itotdelplanner@gmail.com, SPIN code: 4947-5959, AuthorID: 1178481

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 25.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 15.02.2024.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СИРИИ В 1970-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

Аннотация. Целью статьи является анализ внешней политики Сирии в 1970-х – первой половине 1980-х годов. Авторами раскрыта роль Сирии в ближневосточном конфликте. Выяснено, что основой сирийской внешней политики в указанные хронологические рамки являлась борьба с Израилем. Показаны позиция Сирии, Организации освобождения Палестины (ООП), Израиля и различных ливанских сил, группировок и конфессий (христиане-марониты, мусульмане и др.) во время гражданской войны в Ливане, положительные и отрицательные моменты вмешательства Дамаска по мандату Лиги арабских государств (ЛАГ) в ливанскую гражданскую войну. В исследовании приведен анализ основных направлений внешней политики Сирии в изучаемые хронологические рамки: борьба с Израилем; союзнические отношения с СССР и странами Варшавского договора, сближение с Ираном с 1979 года; совместные действия и противоречия с ООП, Ливаном и Ираком; отношения с Ливией; роль Сирии в ЛАГ и т. д. Подчеркивается важная роль США на Ближнем Востоке. В качестве вывода в статье отмечается ставка Израиля на военную силу в решении ближневосточного кризиса, роль Советского Союза в поддержке Сирии на международной арене и антиизраильское основание внешней политики Дамаска.

Методологическая основа исследования включает в себя междисциплинарные фундаментальные принципы и подходы. К основным методологическим подходам можно отнести принцип историзма. Он использован при исследовании развития внешнеполитических отношений Сирии с другими странами и международными организациями в указанный период в контексте исторических событий. Изучение дипломатических документов, переписок, соглашений, заявлений и других официальных документов, касающихся внешней политики Сирии, входит в специфику изучения архивных материалов. Сопоставление подходов и действий Сирии на международной арене с другими странами региона составляет сравнительно-правовой метод. Комбинация указанных методологических подходов позволит провести более всесторонний и глубокий анализ внешнеполитической деятельности Сирии в указанный исторический период и выявить суть и особенности внешнеполитической стратегии страны на тот момент.

Основные выводы заключаются в том, что внешняя политика Сирии в 1970-х – первой половине 1980-х годов характеризовалась чётко выраженной антиизраильской направленностью. В Ливане Сирия взяла курс на создание государства, лояльного к ней, и всячески поддерживала просирийские группировки. Отношения с Организацией освобождения Палестины были неоднозначными, но при всех разногласиях главной объединяющей силой Сирии с ООП была антиизраильская направленность. С 1979 года начинается сближение с Ираном. Основными союзниками Сирии постоянно выступали СССР и страны Варшавского договора, которые оказывали Дамаску мощную финансовую, экономическую, дипломатическую и военную помощь.

Ключевые слова: Сирия, Х. Асад, Ближний Восток, Ливан, Иран, Израиль, Ирак, СССР, США, гражданская война в Ливане

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Хазанов А.М. Внешняя политика Сирии в 1970-е – первой половине 1980-х гг. / А.М. Хазанов, С.М. Гасратян // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – №1. – С.61–69.

© Хазанов А.М., Гасратян С.М., 2024г.

THE FOREIGN POLICY OF SYRIA IN THE 1970S – THE FIRST HALF OF THE 1980S.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the foreign policy of Syria in the 1970s and the first half of the 1980s. The authors revealed the role of Syria in the Middle East conflict. It was found out that the basis of Syrian foreign policy in the specified chronological framework was the fight against Israel. The article shows the position of Syria, the Palestine Liberation Organization (PLO), Israel and various Lebanese forces, groups and denominations (Maronite Christians, Muslims, etc.) during the Lebanese civil war, the positive and negative aspects of Damascus's intervention under the mandate of the League of Arab States (LAS) in the Lebanese civil war. The study provides an analysis of the main directions of Syria's foreign policy in the chronological boundaries like the fight against Israel; allied relations with the USSR and the Warsaw Pact countries, rapprochement with Iran since 1979; joint actions and contradictions with the OPP, Lebanon and Iraq; relations with Libya; the role of Syria in the Arab League; etc. The important role of the United States in the Near East is noted. The authors note Israel's reliance on military force in solving the Middle East crisis, the role of the Soviet Union in supporting Syria in the international arena and the anti-Israeli foundation of Damascus' foreign policy.

The research methodology includes interdisciplinary fundamental principles and approaches. The main methodological approaches include the principle of historicism. Historicism is used to study the development of Syria's foreign policy relations with other countries and international organizations during this period. The study is based on archival materials like diplomatic documents, correspondence, agreements, statements and other official documents related to Syria's foreign policy. The goal a comparative legal method is to compare Syria's approaches and actions in the international arena with other countries in the region. The combination of these methodologies allows to conduct a more comprehensive and deeper analysis of Syria's foreign policy activities during the given historical period and identify the essence and features of the country's foreign policy strategy at that time.

As a result, the authors conclude that Syria's foreign policy in the 1970s and the first half of the 1980s was characterized by a clearly pronounced anti-Israeli orientation. In Lebanon, Syria set a course to create a state loyal to it and supported pro-Syrian groups in every possible way. Relations with the Palestine Liberation Organization were ambiguous, but for all the disagreements, the main unifying force of Syria with the Palestine Liberation Organization was an anti-Israeli orientation. Since 1979, the rapprochement with Iran has begun. The main allies of Syria were constantly the USSR and the Warsaw Pact countries, which provided Damascus with powerful financial, economic, diplomatic and military assistance.

Keywords: Syria, H. Assad, Middle East, Lebanon, Iran, Israel, Iraq, USSR, USA, civil war in Lebanon

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Khazanov, A.M. (2024) The Foreign Policy of Syria in the 1970s – the first half of the 1980s. / A.M. Khazanov, S.M. Gasratyan. Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no. 1, P. 61–69.

ВВЕДЕНИЕ

В 1970-х – первой половине 1980-х гг. внешняя политика Сирии осуществлялась в условиях резкого обострения международной обстановки на Ближнем Востоке. Различным аспектам роли Сирии в ближневосточном кризисе 1970-х – первой половины 1980-х гг. посвящены исследовательские работы И.Д. Звягельской, Т.А. Карасова, А.В. Федорченко, А.Ю. Олимпиева [4; 3; 2 и др.] и ряда зарубежных специалистов [8; 9; 10; 11; 12 и др.]. В них рассматривались жизнь и внешнеполитическая деятельность президента Сирии Хафеза Асада, гражданская война в Ливане, международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке, отношения Сирии с другими арабскими государствами, Советским Союзом, другими странами Варшавского договора и Ираном, израильский фактор, борьба Организации освобождения Палестины с Израилем и т. д. Источниками по теме исследования послужили дипломатические документы, материалы периодической печати, заявления ТАСС, другие источники по истории сирийской внешней политики¹. Анализ всего комплекса исторических источников позволяет раскрыть внешнеполитическую роль Сирии на Ближнем и Среднем Востоке в 1970-х – первой половине 1980-х гг.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

СИРИЯ И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ

В начале 1970-х гг. Сирия находилась в сложном положении на международной арене. Борьба с Израилем, который поддерживали США и ведущие европейские страны, требовала много сил и финансовых

ресурсов. Большую помощь Сирии в то время оказывал СССР и другие страны Варшавского договора. Правительство Хафеза Асада стремилось опереться на Организацию освобождения Палестины (ООП). Сирия оказывала большую помощь палестинцам, когда они обосновались в Ливане после их изгнания из Иордании в 1970 году.

В то же время палестинцы опасались, что Сирия будет их контролировать, и хотели пресечь такие действия. В течение нескольких лет палестинцы во главе с ООП стали серьезной военной силой в Ливане, где национальная армия была очень слабой. Стремясь освободить оккупированные Израилем земли, палестинцы вскоре начали производить частые вторжения в Израиль. Тель-Авив, в свою очередь, совершал наземные и воздушные так называемые удары возмездия. Израиль наладил тесные связи с некоторыми христианскими ливанскими группировками и создал христианскую армию в южном Ливане. Война между Израилем и ООП на юге Ливана обострила некоторые старые противоречия в Ливане.

13 апреля 1975 года в Ливане началась гражданская война между защитниками старого режима «конфессиональной демократии» (т. е. распределения властных и административных полномочий по религиозным конфессиям) – христианами-маронитами – и мусульманами Ливана, к которым присоединились силы Организации освобождения Палестины [8, Р. 172]. Эта война будет продолжаться более 15 лет (до 1991 года) и оставит трагический след в истории Ливана и всего Ближнего Востока. События развивались стремительно. В июне 1975 года правительство Ливана полностью перестало контролировать ситуацию. Юг страны занимают силы ООП.

Профессор политических наук Университета Северной Каролины Юрг Стайнер, анализируя ливанскую драму гражданской войны, отметил: «То, что произошло в Швейцарии во время Первой мировой войны (герма-

¹ США выходят из ядерной сделки с Ираном // ТАСС. – 2018. – 8 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5185833> (дата обращения: 10.10.2023).

ноязычные поддерживали Германию, а франкоязычные – Францию), происходит сегодня в Ливане. До середины 1970-х годов принцип «разделение власти между различными группами населения» работал в Ливане очень хорошо, потому что эта страна занимала относительно нейтральную позицию в ближневосточном конфликте. Трагедия Ливана заключается в том, что он был неожиданно вовлечен в перипетии ближневосточного конфликта. Как и следовало ожидать, ввиду многообразия страны различные группы стали поддерживаться различными странами, и это открыло дверь для вторжения в Ливан иностранных войск» [11, Р. 114].

В декабре 1975 года Саддам Хусейн продемонстрировал иракскую поддержку мусульман, возглавив делегацию в Ливан. В это же время Тель-Авив начинает контакты с майором ливанской армии С. Хаддадом, просившим об израильской поддержке христианскому населению на юге Ливана. Буквально через месяц Израиль начинает масштабную помощь, включая военную. В ответ в январе 1976 года Сирия послала войска в Ливан для помощи мусульманам. В марте – апреле 1976 года Сирия по мандату Лиги арабских государств ввела в Ливан 5 тыс. солдат. В ноябре этого же года были введены ещё 30 тыс. бойцов Межарабских сил по поддержанию мира (МСПМ), призванных остановить гражданскую войну. МСПМ на 85 % состояли из солдат сирийской армии. Вскоре две трети Ливана контролировали мусульмане.

Однако, когда палестинцы и антиправительственные силы были близки к победе, Дамаск неожиданно изменил свою позицию и начал оказывать содействие христианам-маронитам. Сирия представляла свои действия как «удовлетворение просьбы ливанского правительства». Правительство Х. Асада преследовало вполне определенную цель – помешать появлению в Ливане пропалестинского или контролируемого Израилем правительства.

Х. Асад был намерен привлечь Ливан в свой стратегический проект Великой Сирии и

решил, что этот план будет легче реализовать со слабым христианским консервативным правительством. Он посчитал, что сильный альянс ливанских мусульман и ООП под руководством харизматичного главы общины ливанских друзов Камала Джумבלата приведет к власти правительство, независимое от Сирии. По мнению Х. Асада это ливанское правительство могло заключить союз с радикальным Ираком против Дамаска. Президент Сирии также предполагал, что военный альянс мусульман и ООП, одержав победу над маронитами, может привести к расколу Ливана и спровоцирует израильскую интервенцию, имеющую целью создать «второй (христианский) Израиль».

Вполне вероятно, что Хафез Асад хотел также продемонстрировать США и ведущим западным странам – союзникам Израиля потенциал своей страны. Идея Асада состояла в том, чтобы показать возможность Сирии, даже действуя в одиночку, восстановить порядок в Ливане. Это стало бы серьезным препятствием для израильской военной интервенции. Руководствуясь этими соображениями, Х. Асад отошел от своей первоначальной идеологической и военной поддержки ливанских мусульман и ООП и стал оказывать на них военный нажим, отвергнув все возражения и аргументы К. Джумבלата и Я. Арафата [12, С. 99, 135]. Асад заявил Арафату буквально следующее: «Вы представляете Палестину не больше, чем мы. Не существует палестинский народ, не существует страна Палестина, а существует только Сирия... а Палестина – это неотъемлемая часть Сирии» [7, Р. 129].

16 марта 1977 года Джумблат был убит неизвестными, и антиизраильский альянс в Ливане оказался на грани распада [10, Р. 288]. До сих пор ведутся дискуссии, кто стоял за этим политическим убийством: сирийские или израильские спецслужбы, или марониты. В любом случае Организация освобождения Палестины и ливанские антиправительственные силы были ослаблены [11, Р. 172].

В августе 1977 года сын Камала Валид

Джумблат, ставший лидером ливанской общины друзов, посетил Сирию, где провел переговоры с Х. Асадом. Стороны договорились о совместных действиях. С этих пор на протяжении всей гражданской войны Валид Джумблат и община друзов были союзниками Дамаска, однако уверенность, что за убийством отца стоят сирийцы, у него осталась. В XXI веке В. Джумблат часто будет занимать антисирийские позиции. Стоит отметить, что своего сына Валид Джумблат назвал Тимуром². Тимур (Тамерлан) вошел в историю как жестокий завоеватель, разрушивший Дамаск в 1400 года.

К этому времени марониты организовали мощное вооруженное сопротивление сирийцам. Они обратились за помощью к премьер-министру Израиля М. Бегину, который заявил, что будет противодействовать сирийскому «геноциду» в отношении ливанских христиан [8, P. 172].

ИЗРАИЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ К РЕКЕ ЛИТАНИ НА ЮГЕ ЛИВАНА И СБЛИЖЕНИЕ Х. АСАДА С В. ДЖУМБЛАТОМ И Я. АРАФАТОМ

14–21 марта 1978 года Израиль, используя в качестве предлога захват вооруженными исламистами двух автобусов с евреями, провел широкомасштабное наступление к реке Литани на юге Ливана. Вторжение на территорию соседнего государства Тель-Авив осуществил силами 25-тысячного корпуса. Для бомбардировок Ливана Израиль широко применил кассетные бомбы, поставленные правительством Д. Картера. 21 марта 1978 года Организация Объединенных Наций направила миротворческие силы на юг Ливана для восстановления безопасности данной территории. Израиль, в свою очередь, передал оккупированный регион

христианской армии южного Ливана.

В этих условиях Дамаск продолжил сближение с Валидом Джумблатом и Ясиром Арафатом. Асад демонстрировал сирийской общественности и всему арабскому миру, что Сирия выступает на стороне ливанского и палестинского сопротивления и, что еще важнее, объединяется с палестинцами и друзьями против маронитов и их могущественного союзника – Израиля.

КЭМП-ДЭВИД И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Президент Египта Анвар Садат посетил для переговоров с Израилем Иерусалим в ноябре 1977 года. Через 11 месяцев, в сентябре 1978 года, он в США подписал с премьер-министром Израиля Менахемом Бегинем Кэмп-Дэвидские соглашения. В марте 1979 года был подписан мирный договор Египта с Израилем, положивший конец войне и установивший между ними дипломатические и экономические отношения. Гарантом мирного договора выступили США в лице президента Джимми Картера.

Большинство арабских государств осудило действия Анвара Садата по урегулированию отношений с Тель-Авивом как предательство интересов арабского мира. Еще в декабре 1977 года Сирия, Ливия, ООП, Южный Йемен и Алжир сформировали Фронт стойкости и противодействия для совместных действий по защите арабских интересов. После Кэмп-Дэвида имело место некоторое сближение между Сирией и Ираком. Саммит Лиги арабских государств в Багдаде в декабре 1978 года решил исключить Египет из данной организации. Сирия снова стала получать дополнительную финансовую помощь от Саудовской Аравии и других богатых арабских стран. Правительства Сирии и Ирака начали готовить соглашение об объединении усилий своих стран. Однако в 1979 году сирийско-иракское сближение прервалось из-за амбиций президента Ирака Саддама Хусейна и возобновились соперничество и пропагандистская война.

² Титаны ближневосточной политики // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://russiancouncil.ru/mena-leaders-Lebanon?ysclid=lsfcusyefi52088348> (дата обращения: 28.12.2024).

СИРИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ С СССР, ИРАНОМ И ЛИВИЕЙ

В октябре 1980 года Сирия подписала новый договор с СССР, который предоставил ей большую экономическую помощь и большое число советников³. Старались не отставать от Советского Союза и его партнеры по Варшавскому договору. Большую роль в помощи, прежде всего в военной отрасли, Сирии оказали ЧССР и ГДР.

В конце 70-х годов XX века Сирия начала сближение с Ираном. После Исламской революции в январе 1979 года Сирия приветствовала приход имама Хомейни к власти. 22 сентября 1980 года Ирак напал на Иран. Сирия обвинила Ирак в том, что он воюет с другим арабом, вместо того чтобы сражаться с общим врагом – Израилем. Более того, Сирия продала Ирану много оружия. Взамен она получала иранскую нефть по очень дешевой цене [4, Р. 173].

Однако союз Сирии с Ираном против Ирака создал глубокий кризис и раскол в Лиге арабских государств. Ирак получил поддержку Египта и Иордании. Арабские нефтяные государства, несмотря на недоверие к Ираку, опасались перспективы победы Ирана. В то же время они продолжали оказывать финансовую помощь Сирии. В числе этих стран прежде всего стоит отметить Ливию. Лидер Ливии М. Каддафи даже выдвинул идею об объединении Ливии и Сирии, но эта идея не получила воплощение в жизнь. Ливия предоставила Сирии большую экономическую поддержку. Ливия вместе с рядом государств Персидского залива отметили позицию Сирии как «единственного арабского государства, действительно сражающегося с Израилем».

5 июня 1982 года израильская армия начала новое вторжение в Ливан, подвергнув бомбардировке позиции ООП в Бейруте. Во-

енная операция, учитывая ее характер, была названа Тель-Авивом весьма своеобразно – «Мир для Галилеи». Израильские войска быстро продвигались на север и вскоре начали осаду Бейрута. В течение двух с половиной месяцев израильские войска, возглавляемые министром обороны Ариэлем Шароном, осаждали Бейрут, проводя массированные авиационные и артиллерийские обстрелы позиций ООП, а также жилых палестинских и шиитских кварталов [Подробнее см.: 3, С. 188].

ИЗРАИЛЬСКАЯ АТАКА НА БЕЙРУТ В 1982 ГОДУ

2 августа 1982 года советское правительство опубликовало «Заявление ТАСС», в котором содержалась четкая характеристика событий с точки зрения КПСС и Правительства СССР. В «Заявлении ТАСС» были приведены соответствующие моменту весьма жесткие формулировки: «Злодеяния израильской военщины в Ливане, совершаемые при пособничестве Соединенных Штатов, вызывают возмущение и гнев во всем мире, сеют новые семена ненависти и вражды на Ближнем Востоке, углубляют пропасть между Израилем и арабскими государствами и народами. Совесть человечества, всех, кого горе и страдания людей не могут оставить равнодушными, требует немедленного прекращения массовых убийств, совершаемых агрессором на ливанской земле. Своими преступлениями Израиль ставит себя фактически вне международного сообщества, волю и требования которого он грубо и бесцеремонно попирает. В руководящих кругах Советского Союза считают, что нельзя далее откладывать принятие действенных мер по пресечению агрессии. Необходимо, чтобы Совет Безопасности ООН в самом срочном порядке рассмотрел и принял в отношении агрессора все меры воздействия, предусмотренные Уставом ООН. Агрессия должна быть пресечена»⁴.

³ Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР // Внешняя политика Советского Союза: сборник документов. – М.: Международные отношения, 1981. – С. 139–142.

⁴ Внешняя политика Советского Союза и междуна-

После 78 дней тяжелых боев в Ливане ООП оказалась отброшенной от прифронтовых государств и была вынуждена эвакуироваться в Тунис. Затея израильских властей с образованием марионеточных органов самоуправления палестинцев на оккупированных территориях, систематические обстрелы и бомбардировки палестинских лагерей беженцев на юге Ливана, а затем и вооруженное вторжение израильской армии в Ливан в июне 1982 года с целью уничтожения ООП – всё это не могло не осложнить борьбу палестинцев за достижение своей главной цели – освобождения от оккупации ценой уничтожения Израиля и создания независимого государства.

ПОЗИЦИЯ СИРИИ И СССР ПО ПОВОДУ ИЗРАИЛЬСКО-ЛИВАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1983 Г.

17 мая 1983 года при посредничестве госсекретаря США Джорджа Шульца было подписано израильско-ливанское соглашение. Этот документ де-юре не являлся мирным договором, но де-факто в нем говорилось, что между Израилем и Ливаном больше не существует состояния войны. По соглашению стороны обязались уважать суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность друг друга. Границей между двумя государствами была признана существующая международная граница. Израиль обязался вывести свои войска из Ливана, что было увязано с выводом и других иностранных войск, прежде всего Сирии. Соглашение предусматривало создание «зоны безопасности» в южном Ливане без вооруженных формирований и военной техники. Проверка возлагалась на совместную ливано-израильскую группу.

Сирия, обеспокоенная созданием зоны безопасности и сохранением израильского контроля на юге Ливана, а также стремивша-

ся не потерять собственное влияние в Ливане, отвергла соглашение. Против выступили и палестинские лидеры, собравшиеся в Дамаске. 9 мая 1983 года ТАСС опубликовал заявление, в котором СССР требовал полного и безоговорочного вывода израильских войск с ливанской территории⁵. Израильско-ливанское соглашение от 17 мая 1983 года не было ратифицировано ливанским парламентом. В марте 1984 года Ливан под воздействием Сирии отказался от него [2, С. 240] в обмен на гарантии безопасности со стороны президента Сирии Хафеза Асада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, внешняя политика Сирии в 1970-х – первой половине 1980-х годов характеризовалась четко выраженной антиизраильской направленностью. В Ливане Сирия взяла курс на создание государства, лояльного к ней, и всячески поддерживала просирийские группировки. Отношения с Организацией освобождения Палестины были неоднозначными, но при всех разногласиях главной объединяющей силой Сирии с ООП была антиизраильская направленность. С 1979 года начинается сближение с Ираном. Основными союзниками Сирии постоянно выступали СССР и страны Варшавского договора, которые оказывали Дамаску мощную финансовую, экономическую, дипломатическую и военную помощь.

Библиография / References:

1. Веселов, В. Т. Отношения России со странами Центральной Азии и Закавказья / В.Т. Веселов, А.М. Хазанов // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. – 1997. – № 5. – С.167–172. – EDN UZOTUX.
2. Гасратян, С. М. Противостояние Израиля, Ирана и Сирии в контексте региональных и глобальных проблем (1980-2010-е гг.) /

родные отношения. 1982 год: сборник документов. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 90–91.

⁵ Правда. – 1983. – 5 мая.

- С.М. Гасратян, А. М. Хазанов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 74–84. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-4-74-84. – EDN SEONMQ.
3. Государство Израиль / С.М. Гасратян, И.Д. Звягельская, Е.Б. Смагина [и др.]; Институт востоковедения. – М.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1986. – 276 с. – EDN ZTRMOH.
4. Звягельская, И. Д. Государство Израиль / И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова, А.В. Федорченко; И.Д. Звягельская, Т. А. Карасова, А. В. Федорченко. – М.: ИВ РАН, 2005. – 559 с. – ISBN 5-89282-259-1. – EDN QOZTWD.
5. Хазанов, А. М. Арабо-израильское противоборство. Взгляд историков: монография: / А.М. Хазанов, А.Ю. Олимпиев; Российская академия наук, Институт востоковедения. – М.: Юнити: Закон и право, 2020. – 230 с. – ISBN 978-5-238-03355-6.
6. Хазанов, А. М. Отношения Израиля и Сирии в 1948–1967 гг. / А. М. Хазанов, С.М. Гасратян // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т.12, № 1. – С.107–124. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-1-107-125. – EDN HJXGSJ.
7. Khazanov, A. M. The Ethnic Problems of Contemporary Kazakhstan / A.M. Khazanov // Central Asian Survey. – 1995. – Vol.14, №2. – P.243-264. – EDN VTKOEH.
8. Dawisha A.I. Syria and the Lebanese crisis. – London, 1980.
9. Diplomacy in the Middle East. The international relations of regional and outside powers. Ed. by L. Carl Brown. – London, New York, 2004. 400 p.
10. Maoz M. Asad: The Sphinx of Damascus. A Political Biography. – New York: Grove Pr, 1990. – 240 p.
11. Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. University of California Press, 1990. – 572p.
12. Steiner Jürg. Power sharing: another Swiss «export product»? – Conflict and peace-making in multiethnic societies. Ed. by Joseph V. Montville. Massachusetts and Toronto: Lexington Books, 1990.
1. Veselov, V. T. Otnosheniya Rossii so stranami Tsentral'noy Azii i Zakavkaz'ya / V.T. Veselov, A.M. Khazanov // Vostok. Afroaziatskiye obshchestva: istoriya i sovremenost'. – 1997. – №5. – S.167-172. – EDN UZOTUX. (In Russ.).
2. Gasratyan, S. M. Protivostoyaniye Izrailya, Irana i Sirii v kontekste regional'nykh i global'nykh problem (1980-2010-ye gg.) / S.M. Gasratyan, A.M. Khazanov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 74-84. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-4-74-84. – EDN SEONMQ. (In Russ.).
3. Gosudarstvo Izrail' / S. M. Gasratyan, I.D. Zvyagel'skaya, Ye.B. Smagina [i dr.]; Institut vostokovedeniya. – М.: Federal'noye gosudarstvennoye unitarnoye predpriyatiye «Akademicheskij nauchno-izdatel'skiy, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skiy tsentr «Наука», 1986. – 276 s. – EDN ZTRMOH. (In Russ.).
4. Zvyagel'skaya, I. D. Gosudarstvo Izrail' / I.D. Zvyagel'skaya, T. A. Karasova, A. V. Fedorchenko; I.D. Zvyagel'skaya, T.A. Karasova, A.V. Fedorchenko. – М.: IV RAN, 2005. – 559s. – ISBN 5-89282-259-1. – EDN QOZTWD. (In Russ.).
5. Khazanov, A. M. Arabo-izrail'skoye protivoborstvo. Vzglyad istorikov: monografiya: / A.M. Khazanov, A.Yu. Olimpiyev; Rossiyskaya akademiya nauk, Institut vostokovedeniya. – М.: Yuniti: Zakon i pravo, 2020. – 230s. – ISBN 978-5-238-03355-6. (In Russ.).
6. Khazanov, A. M. Otnosheniya Izrailya i Sirii v 1948-1967 g / A. M. Khazanov, S.M. Gasratyan // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2023. – Т.12, №1. – С.107–124. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-1-107-125. – EDN HJXGSJ. (In Russ.).
7. Khazanov, A.M. The Ethnic Problems of

Contemporary Kazakhstan / A.M. Khazanov // Central Asian Survey. – 1995. – Vol.14, №2. – P.243-264. – EDN VTKOEH. (Russian Federation, Moscow), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, AuthorID: 612162

8. Dawisha A.I. Syria and the Lebanese crisis. – London, 1980.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

9. Diplomacy in the Middle East. The international relations of regional and outside powers. Ed. by L. Carl Brown. – London, New York, 2004. 400 p.

The authors declare no conflict of interest. Поступила в редакцию (Received) 28.12.2023. Поступила после рецензирования (Revised) 14.02.2024.

10. Maoz M. Asad: The Sphinx of Damascus. A Political Biography. – New York: Grove Pr, 1990. – 240 p.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

11. Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. University of California Press, 1990. – 572p.

12. Steiner Jürg. Power sharing: another Swiss «export product»? – Conflict and peacemaking in multiethnic societies. Ed. by Joseph V. Montville. Massachusetts and Toronto: Lexington Books, 1990.

Информация об авторах:

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, gasratyan_svetlana@mail.ru, SPIN-код: 7912-9636, ORCID 0000-0003-3146-4839

ГАСРАТЯН Светлана Манвеловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, AuthorID: 612162

Authors:

KHAZANOV A. M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, leading researcher at P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, SPIN-код: 7912-9636, ORCID 0000-0003-3146-4839

GASRATYAN S. M., Candidate of Historical Sciences, researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ МОНАРХИЙ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение ключевых политических и исторических аспектов трансформации монархических систем современных европейских государств.

Парламентская монархия является одной из основных форм правления, представленных в Европейском историческом регионе, и одновременно выступает приоритетным направлением адаптации к современному политическому контексту. Европа обладает обширным опытом монархизма, что делает монархические исследования приоритетными при анализе ряда европейских государств, включая такие страны, как Великое Герцогство Люксембург, Княжества Андорра, Лихтенштейн и Монако, Королевства Бельгия, Дания, Испания, Норвегия и Швеция, Нидерланды и Соединённое Королевство.

Автором прослеживается влияние исторических событий на политические изменения в странах и дальнейшую эволюцию формы правления. На сегодняшний день проблема влияния исторического опыта на развитие систем наследственной власти и актуальное состояние политических институтов представляется недостаточно изученной. С применением исторического, институционального и системного методов автор исследует закономерности эволюции парламентарно-монархических стран Европы, в результате чего приходит к выводу о закономерном и поступательном развитии наследственной государственности в рамках процесса адаптации к изменяющемуся историческому контексту.

Исторические эпохи представляют новые вызовы для систем наследственной власти, в силу чего требуется их изменение и адаптация с целью сохранения государственности и недопущения упразднения монархии. Отмечается влияние хода политико-исторического процесса на современные политические системы европейских государств с наследственной властью. Констатируется наступление эпохи устоявшейся европейской демократии, которая на протяжении XX – XXI вв. выступает одним из ключевых факторов, побуждающим европейские монархии к политическим изменениям в пользу сокращения личной власти суверена в сторону представительских институтов власти.

Подчёркивается, что современные институты монархической компоненты смогли обеспечить текущий уровень политической стабильности в результате аккумуляции эффекта исторических событий, включая отдалённые эпизоды многовековой и тысячелетней давности. Показано, что политическая культура стран и общий исторический опыт напрямую влияют на актуальное состояние монархических институтов.

Результаты исследования могут быть применены при анализе современных политических систем европейских парламентарно-монархических государств, а также в рамках исторических исследований. Таким образом, автор считает доказанной необходимость при проведении политических и исторических исследований государств с наследственной формой правления не только обращаться к современному состоянию, но и принимать во внимание историческую специфику развития государственности. Исторический опыт позволяет не только лучше понять текущее состояние институтов власти, но и использовать при принятии управленческих решений относительно дальнейшего реформирования монархической политической системы.

Ключевые слова: парламентская монархия, институт парламентской монархии, европейская монархия, европейская парламентская монархия, институт монарха, история парламентских монархий, политическая история, исторический процесс, политическая система, политико-исторический процесс

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Кабацкий М.С. Политические аспекты истории государственности европейских парламентских монархий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 70–80.

© Кабацкий М.С., 2024г.

**POLITICAL ASPECTS OF THE HISTORY OF STATEHOOD
OF EUROPEAN PARLIAMENTARY MONARCHIES**

Abstract. The purpose of the article is to consider the key political and historical aspects of the transformation of the monarchical systems of modern European states.

The parliamentary monarchy is one of the main forms of government represented in the European historical region, and at the same time acts as a priority for adaptation to the modern political context. Europe has extensive experience of monarchism, which makes studying monarchies a priority in the analysis of a number of European states, including countries such as the Grand Duchy of Luxembourg, the Principalities of Andorra, Liechtenstein and Monaco, the Kingdoms of Belgium, Denmark, Spain, Norway and Sweden, the Netherlands and the United Kingdom.

The author studies the influence of historical events on political changes in countries and the further evolution of the form of government. Today the problem of historical experience influence on the development of hereditary power systems and the current state of political institutions seems to be insufficiently studied. Using historical, institutional and systemic methods, the author explores the patterns of evolution of European parliamentary monarchies. The author notes the natural and progressive development of hereditary statehood within the adaptation to a changing historical context.

Historical epochs present new challenges to the hereditary power systems, which require their change and adaptation in order to preserve statehood and prevent the abolition of the monarchy. The influence of the political and historical process over the modern political systems of European states with hereditary power is noted. The onset of the era of well-established European democracy, which during the XX - XXI centuries is one of the key factors encouraging European monarchies to make political changes in favor of reducing the personal power of the sovereign in favor of representative institutions of power.

As a result, the author emphasizes that modern institutions of the monarchical component were able to ensure the current level of political stability as a consequence of the accumulation of the effect of historical events, including remote episodes of centuries and millennia ago. The author shows that the political culture of countries and the general historical experience directly affect the current state of monarchical institutions.

The study results can be applied in the modern political systems analysis of European parliamentary monarchies, as well as in the historical research context. Thus, the author proves that, when conducting political and historical studies of states with a hereditary form of government, it is necessary not only to refer to the current state, but also to take into account the historical specifics of the development of statehood. Historical experience helps to better understand the current state of government institutions, and also use them in making managerial decisions regarding further reform of a monarchical regime.

Keywords: parliamentary monarchy, institute of parliamentary monarchy, European monarchy, European parliamentary monarchy, institute of the Monarch, history of parliamentary monarchies, political history, historical process, political system, political and historical process

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Kabatsky, M.S. (2024) Political Aspects of the History of Statehood of European Parliamentary Monarchies. Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no. 1, P. 70–80.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие политико-исторического процесса способствует формированию и усложнению государственных систем, что определяет их актуальное состояние [9, С. 37]. Не являясь исключением и системы стран с монархической формой правления. Ряд исследователей [1, 2, 4] считают необходимым обращать внимание на исторические и политические условия в рамках проводимых исследований. Отметим, что, несмотря на хронологическую отдалённость некоторых событий (включая более чем тысячелетние периоды), они обладают высокой актуальностью для понимания текущих характеристик политических институтов государств с наследственной формой правления. В силу этого нам представляется приоритетным рассмотреть ключевые события и аспекты, повлиявшие на становление современных европейских парламентских монархий.

Обоснованным выглядит суждение о том, что монархия как неоднородная компонента не является статичной системой, в силу чего следует констатировать её подверженность политическим изменениям. Наиболее рациональным решением нам видится обнаружение ключевых исторических событий, повлиявших на трансформацию наследственной формы правления в сторону парламентаризма, а позднее – на её адаптацию к современным условиям в рамках демократического транзита. Таким образом, нам необходимо обратиться к историческому опыту таких государств, как Соединённое Королевство, Королевство Испания, монархиям Бенилюкса (Великое Герцогство Люксембург, Королевство Бельгия и Нидерланды) и скандинавским монархиям (Королевства Дания, Норвегия и Швеция). Следовательно, гипотезой исследования выступает предположение о влиянии политических аспектов истории государственности наследственных стран на их современные властные институты. Это суждение обуславливает необходимость анализа исторического опыта – как и недавних событий, так и ключевых случаев отдалённого прошлого.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь необходимо обратиться к истории Соединённого Королевства. Обоснуем такую оценку тем фактом, что британская монархия традиционно выступает в качестве классического института наследственной власти, который также связан с монархическими государствами Вестминстерской системы. Британская монархия представляется нам сложным и комплексным политико-историческим и политико-культурным явлением, а также особой, древнейшей из ныне существующих европейских разновидностей парламентско-монархической формы правления, чей генезис и развитие прослеживаются с античных времён и продолжают по сей день. Отметим, что британская монархия испытывает сильное влияние исторического и культурного процессов, условной датой начала отсчёта которых предлагаем считать 410 год – год принятия решения императором Западной Римской империи Гонорием об отзыве войск с территории Британских островов, что послужило одной из ключевых причин падения римской провинции Британия и начала формирования саксонской Британии [3, С. 14], основывающейся на новых принципах, мировоззрении, культуре и ценностях.

Британский политико-исторический процесс выработал особую форму взаимоотношения подданных и власти, согласно которой в общественном сознании закрепилось несколько принципов, продолжающих играть роль в современной британской политической системе, среди которых выделим следующие:

1. Обычай «согласия с властью», позднее обозначающийся в английской правовой и политической мысли как «обычай, существовавший с незапамятных времён» [3, С. 22]. Сущность принципа заключается в договорном характере отношений между подданными и королевской властью, где первые обязуются быть верными и лояльными властям, олдменам и тэнам, обрабатывать землю и нести воинскую повинность, а последние –

защищать жизни и земли своих подданных. Считаем, что принцип, обновлённый в институциональном плане относительно современных реалий, продолжает исправно и эффективно функционировать по сей день.

2. Принцип парламентаризма, сущность которого заключается в наличии представительного совещательного и законодательного органа, обладающего реальной политической властью, способностью ограничивать полномочия монарха. История английского парламентаризма прослеживается с VII века, когда уже существовал Витенагемот (или же Витан) – англосаксонское народное собрание, предшествовавшее появлению английского парламента. С развитием англосаксонской государственности продолжал развиваться и орган власти, который в 1014 году призвал Этельреда II Неразумного вернуться в Англию и снова стать королём, что является примером призвания короля законодательным органом власти [3, С. 38].

3. Политическая философия британского стоицизма, достигшая своего пика к XIX веку – в Викторианскую эпоху, заключающаяся в особом, характерном для британской культуры (включая политическую) умеренном, взвешенном, рациональном, спокойном, терпеливом и мудром подходе к жизни и, как следствие, к политическому аспекту её существования. Эти мировоззренческие принципы отчётливо раскрываются в произведениях британских литераторов, среди которых особо отметим Р. Кипплинга и его стихотворение «Если...». Следствием обстоятельства для политической системы считаем крайне высокую стабильность, отсутствие радикальной политической агрессии при сохранении повышенной политической сознательности, подкрепление политических действий культурными и литературными аллюзиями.

Таким образом, считаем, что у наследственной власти Соединённого Королевства имеются убедительные исторические основания для сохранения и дальнейшей эволюции монархической формы правления. Суждение подкрепим кратким опытом республиканизма

(1649–1660 гг.), который привёл к оформлению диктаторского режима протектората О. Кромвеля, оказавшегося несовместимым ни с политическими ценностями Соединённого Королевства, ни с её политической системой. Следовательно, антимонархическая компонента не обладает обширным историческим опытом функционирования, способным оказывать влияние на текущие государственные процессы.

Довольно контрастной на фоне сравнения с британской монархией нам представляется испанская монархия [5, С. 72]. Предпосылки формирования устойчивого парламентаризма в иберийских государствах, позднее составивших основу испанского государства, прослеживаем с Высокого Средневековья (советы 1187–1188 гг. в Кастилии, Леонские Кортесы 1188 г., Каталонские суды 1283 г.), что позволяет нам рассматривать Иберийский регион в качестве одного из первых мест развития парламентских структур в средневековой Европе после Англии. Однако, в отличие от британской монархии, которая на протяжении всей своей истории имела короткий республиканский период (1649–1660 гг.), Королевство Испания в конце XIX века утратило свою монархическую власть, преобразовавшись в результате революционных процессов в Первую Испанскую Республику (1873–1874 гг.). Причины столь серьёзной политической трансформации прослеживаем ещё с начала XVII века, начиная с постепенной утраты Испанией влияния на международной арене. Системная утрата территорий и военные конфликты, включая Войну за испанское наследство (1701–1714 гг.) и Пиренейские войны (1807–1814 гг.), постоянные англо-испанские и испано-португальские войны, а также национальные движения в Новом Свете и колониях привели к истощению и ослаблению государственной системы и, как следствие, к ослаблению монархической власти.

После реставрации Бурбонов (1874 год) в Испании была восстановлена монархия, близкая по природе к полупарламентской, однако в 1923 году власть премьер-министра

генерала Примо де Риверы, сосредоточившего в руках большую часть политических полномочий в стране, стала сопоставимой с абсолютной, включая в том или ином виде королевские полномочия, которые принадлежали Альфонсо XIII. Следствием концентрации такого уровня власти стало формирование диктатуры, которую косвенно рассматриваем в качестве предтечи фалангистского режима. Альфонсо XIII оказал поддержку режиму Риверы, отказавшись от активного участия в политической жизни страны, что оттолкнуло большинство монархистов и вызвало ещё большее недовольство наследственным правлением в стране. Считаем, что это послужило одной из ключевых причин поражения монархии на плебисците 1930 года, по результатам которого была провозглашена Вторая Испанская Республика (1931–1939 гг.).

Отметим, что рассмотренные нами выше исторические события свидетельствуют в пользу наличия системных рисков для наследственной власти в современном испанском государстве. Несмотря на реставрацию монархии и воцарение Хуана Карлоса I в 1975 году аккумулированные на протяжении первой половины XX века республиканские настроения трансформировались в системно оформленную испанскую антимонархическую компоненту, что подтверждается наличием партий республиканской направленности в Генеральных Кортесах. К таким движениям относим одну из ключевых партий государства – Испанскую социалистическую рабочую партию. Считаем, что с накоплением исторического опыта реставрированного монархизма на протяжении XXI века республиканские риски постепенно будут нивелироваться, однако допустимым сценарием остаются возможные попытки упразднения монархии при неблагоприятном политическом прогнозе.

Монархии стран Бенилюкса (Великое Герцогство Люксембург, Королевство Бельгия и Нидерланды) обладают в значительной мере взаимосвязанной историей, в которой прослеживаются общие культурные, политические и экономические начала. До обретения

своей собственной государственности (Нидерланды – в 1581 году, Великое Герцогство Люксембург – в 1815 году, Королевство Бельгия – в 1830 году), а также некоторое время после (Великое Герцогство Люксембург являлось коронным владением короля Нидерландов Виллема I) страны группы в том или ином виде имели общее многовековое государственные черты. Большая часть территорий Бенилюкса входила в состав иностранных государств, осуществлявших унифицированное управление территориями: Бургундские Нидерланды (1384–1482 гг.), Габсбургские Нидерланды (1482–1581 гг.), Испанские Нидерланды (1581–1795 гг.), Австрийские Нидерланды (1714–1797 гг.), Первая Французская империя (1810–1815 гг.). Отметим, что обозначение «Нидерланды» использовалось не как омонимичное название государства, а в качестве территориального обозначения, переводящегося как «Нижние земли», которые в разные исторические периоды прямо или косвенно включали территории всех государств Бенилюкса. В силу этого монархии стран группы можем также обозначать как монархии стран Нижних земель.

Полагаем, что иностранное правление территориями способствовало выработке общих институциональных характеристик стран, что оказало влияние на их политическую культуру и систему, а также на культуру в целом, способствовало объединению Нижних земель, в итоге выработав особые модели схождения и интеграции, несмотря на культурные, этнические и религиозные различия.

Считаем, что основы суверенной монархической власти в Нидерландах были заложены во времена Республики Соединённых Провинций (1581–1795 гг.). Несмотря на то что государство имело республиканскую форму правления, на протяжении всего времени независимого существования Провинций должность статхаудера (главы государства) всегда занимали представители Оранской династии, а на гербе государства была изображена корона, что позволяет нам говорить о характере мнимого республиканизма

Соединённых Провинций и рассматривать их в качестве протомонархического и криптомонархического нидерландского государства.

Более ранний период времён Республики Соединённых Провинций характеризовался противостоянием между статхаудерами и пенсионариями, в котором последние придерживались более выраженной республиканской позиции, что привело к двум периодам упразднения должности статхаудера (1650–1672 и 1702–1747 гг.), которые возникли после ненасильственной смерти действующих статхаудеров и позднее восстанавливались.

Объединённое Королевство Нидерландов (1815–1839 гг.) во главе с монархом Виллемом I из Оранской династии было образовано по результатам Венского конгресса и полностью включало территории Бенилюкса, при этом территории современных Бельгии и Нидерландов были объединены в единое государство, а Люксембург объявлен Великим Герцогством и личным владением правителя. В 1830 году Королевство Бельгия объявило о своей независимости от Нидерландов, которая окончательно была признана в 1839 году по результатам Лондонского договора (включая Нидерланды). В 1890 году со смертью Вильгельма III распалась личная уния Нидерландов и Люксембурга, поскольку законы престолонаследия последнего не признавали салического права, а Вильгельм III не имел наследников мужского пола. Монархом Великого Герцогства Люксембург стал Адольф Нассау-Люксембургский из дома Нассау, младшей ветвью которого является Оранская династия. Считаем доказанным, что до 1830 (1839 г.) и 1890 гг. страны Бенилюкса имели ярко выраженную общую государственность, что оказывает существенное влияние на институциональные, политические, системные и культурные особенности современных трёх государств.

Подчеркнём, что исторический опыт нидерландского королевства свидетельствует в пользу недостаточной выраженности антимонархической компоненты, что, в свою оче-

редь, снижает политические риски для наследственной государственности. Такую оценку подкрепим недостаточной представленностью движений республиканской направленности в законодательных органах власти Нидерландов. Таким образом, исторический опыт указывает на наличие тенденции сохранения монархической власти посредством её адаптации к условиям современного политического процесса.

В бельгийском историческом процессе имеются дихотомические противоречия, вызванные конфликтным сосуществованием двух основных регионов федерации – Фландрии и Валлонии. Констатируем, что на протяжении истории области были населены разными этническими и религиозными группами, в силу чего противоречия между ними и борьба за федеральную власть в государстве принуждают монархическую власть реагировать на развивающиеся события должным образом. Отметим, что на данный момент времени король Бельгии Филипп эффективно осуществляет монархическую власть в государстве, включая разрешение споров между регионами федерации. Подкрепим такую оценку ролью правителя в урегулировании политического кризиса 2007–2011 гг., а также назначением парламентских выборов в 2014 году, после которых, несмотря на победу партий националистической и сепаратистской направленности, не было предпринято фактических попыток ни выхода регионов из состава федерации, ни ослабления монархической власти в государстве.

Отметим, что в Великом Герцогстве Люксембург существовал непродолжительный период, когда монархическая форма правления могла быть утрачена: во время революционных событий 1919 года антимонархической организацией «Комитет общественного спасения» была предпринята попытка захвата власти и провозглашения республики, предотвращённая вооружёнными силами Франции. Результатом восстания стал референдум 1919 года о форме правления и внешнеэкономической политике, на котором

подавляющее большинство люксембуржцев высказалось за сохранение монархической формы правления (проголосовавших за провозглашение республики было менее 20 %) [10, С. 1244]. Монархическая форма правления в государстве была сохранена, и после этого не существовало значимых политических конфликтов или общественных дискуссий, по результатам которых вопрос о республиканской форме правления мог быть повторно поднят. В вопросе об ориентации во внешне-экономической политике (между Королевством Бельгией и Францией) около 73 % высказалось в пользу Франции [10, С. 1252], что позволяет говорить о некоторых сложностях интеграции Великого Герцогства Люксембург в Бенилюкс и его потенциальном дистанцировании. Однако укажем, что Бенилюкс был создан позднее, в 1944 году, и результаты данного референдума считаем утратившими актуальность при определении внешнеэкономических приоритетов Великого Герцогства, а помощь Франции в предотвращении восстания считаем источником кратковременного общественного одобрения и политической симпатии, способствовавшими повышению процента проголосовавших в её пользу.

В люксембургской политической практике имеется случай вынужденного отречения, когда Мария-Аделаида (1912–1919 гг.) была вынуждена отречься от престола после консультации с премьер-министром и по требованию парламента. Причиной такого политического решения послужило немецкое происхождение великой герцогини, крайне непопулярное в обществе после начала Великой войны (1914–1918 гг.), что подрывало политическое единство в государстве.

Считаем рассмотренные случаи из исторического опыта люксембургской государственности актуальными для современной политической действительности страны. Принимая во внимание практическую возможность законодательного органа лишить верховной власти наследного правителя, резюмируем, что текущие противоречия между великим герцогом Анри и парламентом (легализация эвтаназии в

2008 году и публикация отчёта Варинго в 2020 году) обнаруживают общие начала развития сходного конфликтного политического сценария. Таким образом, предлагаем уделить особое внимание поиску сценария конвергенции монархической и законодательной власти с учётом описанного выше исторического опыта.

Скандинавские монархии, позднее ставшие суверенными странами, начали формировать общую государственность начиная с VIII – IX вв., достигнув особого государственного прогресса в эпоху викингов (793–1066 гг.). К одним из первых скандинавских правителей, объединившим большую часть скандинавских королевств, относим Кнуда Великого (1016–1035 гг.), ставшего королём Англии, Дании и Норвегии. Дополним, что его владения также включали и территории, которые позднее вошли в состав Швеции. Подчеркнём, что викинги оказывали значительное влияние на формирование английской государственности на протяжении нескольких веков до нормандского вторжения (865–1066 гг.), а норманны имели скандинавское происхождение. Следовательно, скандинавские монархии являются одними из древнейших в современной Европе наравне с Соединённым Королевством.

В результате развития государственного устройства и становления норвежской и шведской политических систем, необходимости в совместной деятельности по защите от потенциальной военной немецкой угрозы и экономической экспансии была сформирована Кальмарская уния (1397–1523 гг.) во главе с датским королём, также ставшим монархом норвежской и шведской корон. Принцип униатского устройства политических систем трёх стран предусматривал широкую автономию и самостоятельность личных уний и местного дворянства при сохранении за Королевством Дания верховенства суверенитета над территориями со всеми соответствующими взаимными обязательствами. Констатируем, что униатский тип устройства также был представлен в скандинавской истории на протя-

жении значительных исторических периодов (Датско-норвежская уния 1536–1814 гг. и Шведско-норвежская уния 1814–1905 гг.), что позволяет нам говорить не только о типичном для скандинавских стран унитарном характере политического устройства, но и о богатом опыте совместной государственности и функционирования управленческих институтов, единых истоках политической культуры.

Исторический опыт Дании считаем объединяющим скандинавские государства, поскольку верховенство Копенгагена над соседними странами, входившими в её унию, привели к схожему развитию институтов монархической власти в этих государствах. Отметим, что наибольшей политической субъектностью на данный момент времени из рассматриваемых трёх стран обладает датский правитель. Наблюдение можем подтвердить публичной критикой миграционной ситуации в стране (2015 год), что способствовало победе на выборах в законодательный орган власти правых политических сил, скептически настроенных по отношению к незаконной миграции.

Примечательно, что династия Бернадотов происходит от маршала Наполеона Жан-Батиста Жюль Бернадота (1763–1844 гг.), впоследствии ставшего первым королём Швеции (от Бернадотов) в качестве Карла XIV Юхана, ранее участвовавшего в революционных французских событиях антимонархической и республиканской направленности, не имея при этом дворянского происхождения. Однако Карл XIV получил власть после того, как был назван преемником предыдущим шведским монархом Карлом XIII и избран риксдагом, что обеспечило политическую легитимность династии, несмотря на неоднозначное для монархической природы государства республиканское прошлое Бернадота. Поскольку династия Бернадотов правит Королевством Швеция с 1810 года, стоит также говорить и о её исторической легитимности в силу успешной интеграции в шведскую политическую систему и систему королевского правления, не вызывающего политических

кризисов антимонархической направленности, в силу чего династию Бернадотов предлагаем считать легитимной и устоявшейся правящей династией.

Шведский исторический опыт примечателен тем, что привёл к становлению парламентской монархии с самыми ограниченными полномочиями среди наследственных государств Европы: полномочия короля практически полностью сведены к церемониальным функциям, он не возглавляет правительство. Считаем сохранение шведской монархии в символическом варианте следствием достигнутого в 1971 году Торковского компромисса. Историческое событие относим к политическим решениям, обладающим силой и по сей день – ряд парламентских партий, включая левые и либеральные, считают необходимым сохранять текущую монархию, что является нехарактерным для других европейских государств.

Рассмотренные выше исторические обстоятельства свидетельствуют в пользу закрепления наследственной государственности норвежского королевства в XXI веке, однако подчеркнём, что на данный момент времени предпринимаются попытки «мягкого» ограничения монархической власти в государстве посредством сокращения политических полномочий правителя, выдвижения законодательных инициатив упразднения монархии (2012, 2016 и 2019 гг.). Оцениваем вероятность фактического лишения главы государства властных полномочий скептически, поскольку ряд бывших прав монарха носил церемониальный характер, а сторонники республики во время голосований в Стортинге об упразднении монархии не набирали более 20 % голосов, чего явно недостаточно для принятия законопроекта.

Следует упомянуть, что монархии микрогосударств, не считая Великого Герцогства Люксембург (Княжества Андорра, Монако и Лихтенштейн), требуют отдельного, углублённого исследования. Однако отметим, что историческая память государств группы обладает малым числом случаев конфликтов

между наследственной властью и законодательным органом. Прямым следствием такого развития событий видим наличие более сильной княжеской власти, включающей не только политические, но и административные функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые политические и исторические аспекты европейских монархических государств свидетельствуют об общих началах наследственной власти и позволяют проследить трансформацию и эволюцию государственных институтов. Существует проблема нивелирования исторического опыта при проведении политических исследований, когда рассматривается исключительно актуальное состояние государственных институтов и систем. Считаю такой подход недостаточным и требующим углубленного применения исторического метода. Суждение подкрепим тем фактом, что актуальное положение исследуемых систем является прямым следствием аккумуляции событий исторического опыта политической направленности и, таким образом, сходные паттерны политического поведения, а также сценарии развития и урегулирования конфликтов необходимо искать в числе прочего и в историческом опыте. Разработку рекомендаций управленческого характера на основании исторического анализа считаю приоритетным направлением для сохранения и укрепления наследственной власти в рассмотренных нами государствах.

Заключим, что монархическая государственность является результатом развития тысячелетнего опыта формирования властных отношений. Это обстоятельство придаёт политическую устойчивость государственным институтам, однако трансформации политической культуры обуславливают изменение исторического контекста, в силу чего монархическая власть сталкивается с прямыми угрозами ревизии статуса наследственного правителя в государстве. Отметим, что такие сценарии могут развиваться как по благоприятному для главы государства сценарию (пе-

реход к парламентской монархии, что подтвердим европейским историческим опытом), так и неблагоприятному, вплоть до провозглашения республики.

События XX века оказались серьёзным вызовом для монархической власти: наследственное правление было утрачено в десятках европейских государств (в том числе из-за прямого влияния Первой и Второй мировых войн). Лишь в одной европейской стране (Королевство Испания) был восстановлен престол. Отметим, что успешная адаптация к современному политическому процессу с учётом накопленного исторического опыта позволяет не только сохранить монархическую государственность, но и способствовать деэскалации в обществе и развитию политической системы в целом.

Игнорирование исторического опыта при разработке и принятии политических решений отнесём к необоснованным рискам, которые могут активизировать антимонархическую компоненту, что повлечёт принятие активных действий политического характера. Неграмотное администрирование политических процессов, сопряжённых с монархической властью, может являться прямым следствием непонимания исторических закономерностей, которые могут быть определены при соответствующем анализе.

Таким образом, считаем необходимым обращать внимание на политико-исторические особенности при изучении и анализировании государств Европы с наследственной властью в XXI веке, что успешно применяется в ряде некоторых [6, 7, 8] исследований.

Библиография / References:

1. Басиев М.С. Испанский опыт регионализма // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века. – 2007. – С. 158–180.
2. Величко А.М. «Византийские» полномочия западных императоров и королей / А.М. Величко // Юридическая мысль. – 2011. – № 5 (67). – С. 71–92. – EDN ONZJOJ.
3. Дженкинс С. Краткая история Англии.

- Серия: Города и люди / в переводе И. Мельницкая, в ред. А. Кальниченко, А. Райская. – М.: КоЛибри, 2022. – 416 с. ISBN: 978-5-389-07036-3
4. Долиновский С.Л. Становление и развитие парламентской монархии в Великобритании / С.Л. Долиновский // История государства и права. – 2008. – № 17. – С. 35–37. – EDN JSHZUF.
 5. Кабацкий М.С. Исторический и современный опыт развития института европейских парламентских монархий / М. С. Кабацкий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10, № 1 (39). – С. 69–75. – DOI 10.22394/2225-8272-2021-10-1-69-75. – EDN AUBFZB.
 6. Миронова Е.А. Монархия как форма правления в Великобритании: история и перспективы развития / Е. А. Миронова // Вестник науки и образования. – 2016. – № 7 (19). – С. 76–78. – EDN RTWSCT.
 7. Позняк, О. С. Провозглашение королевства Исландия на страницах исландских газет / О.С. Позняк, В.А. Райкова // Метаморфозы истории. – 2014. – № 5. – С. 286–301. – EDN RBJROM.
 8. Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) / С.К. Цатурова // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 3–16. – EDN XHFYTB.
 9. Цыбаков, Д.Л., Кабацкий, М.С. История развития института парламентских монархий в европейских государствах в XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 36–43.
 10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 2070 p.
 11. Леонова, О. В. Теоретический концепт развития в практиках социально-экономической политики: федеральный и региональный уровень / О. В. Леонова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 88-113. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-88-113. – EDN WWLDCA.
 12. Назаренко, А. В. Сеть отношений как новая связанность мира и её новое политическое прочтение / А. В. Назаренко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 15-30. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-15-30. – EDN BXFYCY.
 13. Огнева, В. В. Региональный фактор национальной безопасности в контексте результативной реализации национальных целей развития в Российской Федерации / В. В. Огнева, Т. С. Болховитина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 120-133. – DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-1-120-133. – EDN LMZIQK.
 14. Федотов, С. П. История второго периода деятельности содружества святого Албана и Преподобного Сергия в Англии / С.П.Федотов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 106-112. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-106-112. – EDN QOAZKX.
1. Basiyev M.S. Ispanskiy opyt regionalizma [Spanish experience of regionalism] // Federalizm i regionalizm: priority XXI veka. – 2007. – S. 158–180. (In Russ.).
 2. Velichko A.M. «Vizantiyskiye» polnomochiya zapadnykh imperatorov i koroley [«Byzantine» powers of Western emperors and kings] / A.M. Velichko // Yuridicheskaya mysl'. – 2011. – №5 (67). – S. 71–92. – EDN ONZJOJ. (In Russ.).
 3. Dzhenkins S. Kratkaya istoriya Anglii. Seriya: Goroda i lyudi [A Brief History of England. Series: Cities and people] / v perev. I. Mel'nit'skaya, v red. A. Kal'nichenko, A. Rayskaya. – M.: Izdatel'stvo: KoLibri, 2022. – 416 s. ISBN: 978-5-389-07036-3. (In Russ.).
 4. Dolinovskiy S.L. Stanovleniye i razvitiye parlamentskoy monarkhii v Velikobritanii [Formation and development of the parliamentary monarchy in Great Britain] / S.L. Dolinovskiy // Istoriya gosudarstva i prava. – 2008. – № 17. – S. 35–37. – EDN JSHZUF. (In Russ.).
 5. Kabatskiy M.S. Istoricheskiy i sovremennyy opyt razvitiya instituta yevropeyskikh parlamentskikh monarkhiy [Historical and modern experience in the development of the institution

- of European parliamentary monarchies] / M.S. Kabatskiy // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2021. – T. 10, № 1 (39). – S. 69–75. – DOI 10.22394/2225-8272-2021-10-1-69-75. – EDN AUBFZB. (In Russ.).
6. Mironova E.A. Monarkhiya kak forma pravleniya v Velikobritanii: istoriya i perspektivy razvitiya [Monarchy as a form of government in Great Britain: history and development prospects] / E.A. Mironova // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 7 (19). – S. 76–78. – EDN RTWSC. (In Russ.).
7. Poznyak O.S. Provozglasheniye korolevstva Islandiya na stranitsakh islandskikh gazet [Proclamation of the Kingdom of Iceland on the pages of Icelandic newspapers] / O.S. Poznyak, V.A. Raykova // Metamorfozy istorii. – 2014. – № 5. – S. 286–301. – EDN RBJROM. (In Russ.).
8. Tsaturova S.K. Vozniknoveniye sovremennogo yevropeyskogo gosudarstva: srednekovyye istoki (opyt frantsuzskoy monarkhii) [The emergence of a modern European state: medieval origins (the experience of the French monarchy)] / S.K. Tsaturova // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2016. – № 6. – S. 3–16. – EDN XHFYTB. (In Russ.).
9. Tsybakov D.L., Kabatskiy M.S. Istoriya razvitiya instituta parlamentskikh monarkhiy v yevropeyskikh gosudarstvakh v KHKH v. [The history of the development of the institution of parliamentary monarchies in European states in the twentieth century] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2022. – T. 11. – № 4. – S. 36–43. (In Russ.).
10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 2070 p. (In Engl.).
11. Leonova, O. V. Teoreticheskiy kontsept razvitiya v praktikakh sotsial'no-ekonomicheskoy politiki: federal'nyy i regional'nyy uroven' / O. V. Leonova // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2023. – T. 18, № 2. – S. 88–113. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-88-113. – EDN WWLDCA. (In Russ.).
12. Nazarenko, A. V. Set' otnosheniy kak novaya svyazannost' mira i yeyo novoye politicheskoye prochteniyе / A. V. Nazarenko // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2023. – T. 18, № 4. – S. 15–30. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-15-30. – EDN BXFYCY. (In Russ.).
13. Ogneva, V. V. Regional'nyy faktor natsional'noy bezopasnosti v kontekste rezul'tativnoy realizatsii natsional'nykh tseley razvitiya v Rossiyskoy Federatsii / V. V. Ogneva, T. S. Bolkhovitina // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2022. – T. 17, № 1. – S. 120–133. – DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-1-120-133. – EDN LMZIQK. (In Russ.).
14. Fedotov, S. P. Istoriya vtorogo perioda deya-tel'nosti sodruzhestva svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya v Anglii / S.P.Fedotov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'no-go upravleniya. – 2023. – T. 12, № 2. – S. 106–112. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-106-112. – EDN QOAZKX. (In Russ.).

Информация об авторе:

КАБАЦКИЙ Максим Сергеевич, старший преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: mkabatsky@mail.ru, SPIN-код: 8927-9049, AuthorID: 1101500, ORCID 0000-0003-4659-1304

Author:

KABATSKY M.S., Senior lecturer, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEP, (Russian Federation, Orel), e-mail: mkabatsky@mail.ru, SPIN code: 8927-9049, AuthorID: 1101500, ORCID 0000-0003-4659-1304

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 10.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 23.11.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.02.2024.

**ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА ПРИ ЦК КПСС –
КУЗНИЦА ПОСЛЕВОЕННЫХ ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ (1946–1991 ГГ.)**

Аннотация. Целью статьи является анализ становления организационных основ Высшей партийной школы при ЦК КПСС, ставшей кузницей послевоенных партийных кадров (1946–1991 гг.). В статье на основе документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), впервые вводимых в научный оборот, представляется путь развития Высшей партийной школы при Центральном комитете Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), а после 1952 года – Коммунистической партии Советского Союза и сети высших партийных школ в СССР в послевоенное время. Эта система явилась результатом длительного и на первых этапах хаотичного становления, когда создавались и расформировывались, а затем возникали вновь учебные заведения по подготовке пропагандистов и агитаторов.

В конце 1930-х годов созданная Высшая партийная школа вобрала в себя прежние коммунистические вузы и превратилась со временем в центральное звено подготовки партийных и советских работников, курировала сеть школ марксизма-ленинизма. Анализ развития этой системы позволяет выявить цели, методы, принципы кадровой политики в СССР, показывает социальные технологии, позволившие сделать партийного работника представителем ответственной и престижной профессии. Метод историзма и компаративного анализа помог выявить основные черты системы высших партшкол, начавших складываться уже в 1918–1921 годах, а именно сочетание длительных форм обучения кадров с основательной теоретической подготовкой и краткосрочными курсами, которые давали слушателям возможность актуализировать их знания.

Автор прослеживает развитие системы высших партийных школ после Великой Отечественной войны. Они были существенно обновлены после 1946 года и затем на протяжении более чем трёх десятиков лет меняли свою структуру, отражая перемены политического курса партии. В 1978 году ВПШ при ЦК КПСС в Москве прекратила своё существование, войдя в состав Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Ключевые слова: Высшая партийная школа при ЦК КПСС, система высших партийных школ, партийно-политическое образование, СССР, социальные структуры и процессы

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Иларионова Т.С. Высшая партийная школа при ЦК КПСС – кузница послевоенных партийных кадров (1946–1991 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 81–101.

© Иларионова Т.С., 2024г.

HIGHER PARTY SCHOOL UNDER THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY AS A SOURCE OF POST-WAR PARTY PERSONNEL (1946-1991)

Abstract. The purpose of the article is to analyze the development of the organizational foundations of the Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, which became the source of post-war party personnel (1946 - 1991). The author introduces new archival materials from the Russian State Archive of Socio-Political History. The archival documents show the development of the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Communist Party of the Soviet Union after 1952, and the higher party schools in the USSR in the post-war period. This system was the result of a long and chaotic formation in the early stages, when educational institutions for the propagandists and agitators training were created and disbanded, and then reappeared.

In the late 1930s, the former communist universities were incorporated into the Higher Party School and then the School became a central place for the Soviet party personnel training, and started to supervise the schools of Marxism-Leninism. The analysis of the system development helps to identify the goals, methods and principles of personnel policy in the USSR, and shows the social technologies making from a party worker a representative of a responsible and prestigious profession. Historicism and comparative analysis are used to identify the main features of the higher party schools system in 1918-1921 like a combination of long-term forms of personnel training with thorough theoretical training and short-term courses that gave students the opportunity to update their knowledge.

The author examines the development of the higher party schools system after the Great Patriotic War. They were significantly updated after 1946 and then changed their structure over more than three decades to reflect changes in the Party's political course. The Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party in Moscow ceased to exist in 1978, and was integrated into the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the Communist Party.

Keywords: Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, higher party schools system, party political education, USSR, social structures and processes

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Ilarionova, T.S. (2024) Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party as a source of post-war party personnel (1946-1991). Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no. 1, P.81–101

ВВЕДЕНИЕ

Система образования – своего рода феномен: нет, наверное, никакой с ней сравнимой другой социальной системы, которая охватывала бы многие миллионы семей (детей и их родителей, взрослых обучающихся) и которая бы не подвергалась столь большому количеству реорганизаций, сохраняя при этом прочность, устойчивость и долговечность с момента своего возникновения в России – с момента открытия первого учебного заведения – Славяно-греко-латинской академии. Развитие этой системы на протяжении веков шло только по восходящей, хотя судьбы отдельных просветителей, университетов и школ были подчас непростыми, а то и трагическими, потому что государство уделяло образованию самое пристальное внимание, можно сказать даже, что отношение к нему на определенных исторических отрезках было пристрастным.

Стабильности система образования добивалась только тогда, когда в обществе и государстве утверждалось подобие гражданского мира, начинался этап застоя, когда будущее известно, а сегодняшнее воспринималось как обязательное завтрашнее. Показательна в этом отношении судьба системы партийного образования, созданная с первых лет советской власти и находившаяся в предвоенные годы в постоянно меняющемся состоянии: вузы возникали и исчезали, боролись за своих студентов, устанавливали отношения с Центральным комитетом единственной правящей Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) – ЦК ВКП(б), рассчитывали на широкий интерес или искали собственные социальные ниши. Этот прошлый опыт показателен, хотя, как писал Иммануил Кант, «...опыт никогда не даёт своим суждениям истинной или строгой всеобщности...» [4, С. 34].

Проблеме партийного образования, как ни странно, посвящено не так много научных трудов. В течение последнего десятилетия в свет

вышло несколько книг, в которых авторы затрагивают вопросы подготовки кадров для партии и экономики в советское время. Это сборники нормативных правовых актов, на основании которых функционировала система советского образования (История профессионального и внешкольного образования в СССР и Башкирской АССР как его составляющей с 1945 до 1984 года: сборник документов / [сост.: Т.М. Аминов, Ерёмин А. И., Шарапова Э. А.]. – Уфа: Мир печати, 2014; Нормативные правовые акты в сфере образования в СССР (1917–1992 гг.): монография / [Гинзбург Ю.В., Ильина Т.Н., Насонкин В.В., Чиняева В.А.]; Федеральный центр образовательного законодательства; [под ред. Ю.В. Гинзбурга]. – М.: [б.и.], 2015). Однако среди этих изданий не было ни одной публикации документов, касавшихся деятельности партийных школ.

Значительно больший интерес исследователей вызывал поиск различий и совпадений в современной и советской системах образования [1; 6; 8]. Осуществлялись немногочисленные исследования отдельных этапов развития институтов образования [2; 3; 7; 9; 12]. Подготовка же управленческих кадров интересовала в первую очередь исследователей региональной истории [5; 10]. На этом фоне выделяются труды современных исследователей из-за рубежа: особенно активны были молодые китайские историки, защищавшие свои диссертации в России (Чжан Юйсинь. Обучение китайских студентов в системе коммунистического образования в СССР: 1921–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2017; Люй Сыцун. Китаеведение в московских коммунистических университетах: УТК/КУТК и КУТВ (1921–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2018), а также исследователи из ФРГ [11].

Между тем в 1920–1930-х годах возникает множество вузов для подготовки партийных кадров и в целом для воспитания, преданного коммунизму поколения. Например, с 1921 по

1936 год действовал Коммунистический университет меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского – КУНМЗ (Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ. Ф.529), с 1921 по 1938 год – Коммунистический университет трудящихся Востока – КУТВ (РГАСПИ. Ф.532), с 1925 по 1930 год – Коммунистический университет трудящихся китайцев – КУТК (РГАСПИ. Ф.530), с 1925 по 1938 год – Международная ленинская школа – МЛШ (РГАСПИ. Ф.531), с 1931 по 1938 год – Институт массового заочного обучения партийного актива при ЦК ВКП(б) – ИМЗО (РГАСПИ. Ф.611), с 1935 по 1939 год – Институт усовершенствования педагогов и руководящих работников высших коммунистических сельскохозяйственных школ (РГАСПИ. Ф.640), с 1936 по 1946 год – Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф.616), с 1936 по 1939 год – Высшая школа пропагандистов имени Я.М. Свердлова при ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф.619).

Высший коммунистический институт просвещения (ВКИП) был научно-учебным заведением, готовившим научных работников и преподавателей педагогических дисциплин для вузов и руководящих работников системы народного образования. Основан в Москве по постановлению СНК РСФСР от 23 октября 1931 года. В 1938-м институт был закрыт (Высший коммунистический институт просвещения // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.5 // <http://bse.uaio.ru/BSE/0503.htm>).

А в разгар Великой Отечественной войны были созданы Центральные газетные курсы при ЦК ВКП(б) (1943–1947 гг.) (РГАСПИ. Ф.618), Ленинские курсы при ЦК КПСС (1944–1956 гг.) (РГАСПИ. Ф.617).

В этом ряду возникновение еще одной школы – Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) – кажется поначалу очередным экспериментальным начинанием. Но именно ей было уготовано длительное существование: созданная позже разветвленная система ВПШ

просуществовала, правда, в измененном (в сравнении с первоначальным) виде вплоть до падения Коммунистической партии Советского Союза – до 1991 года.

Предшественниками ВПШ считаются Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, курсы агитаторов-инструкторов при ВЦИК, созданные в июне 1918 года, Высшая школа пропагандистов им. Я.М. Свердлова. В более или менее окончательном виде школа сложилась в 1939 году. Она была призвана осуществлять идейно-теоретическую подготовку и переподготовку партийных и советских государственных кадров; позже были организованы отделения печати и радио, после войны – и телевидения, где знания получали руководящие работники средств массовой информации (Высшая партийная школа при ЦК КПСС // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.5 // <http://bse.uaio.ru/BSE/0503.htm>).

Срок обучения в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) был первоначально определен в 2,5 года: 2 года – теоретический курс, 6 месяцев – практика. В школу принимались члены партии в возрасте не старше 28 лет, имеющие высшее образование, опыт руководящей партийной, советской, комсомольской и пропагандистской работы не менее трех лет и партийный стаж 4–5 лет. Отбор кандидатов проводился обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик и аппаратом управления кадров и управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Первый набор составил 507 слушателей из числа работников обкомов, горкомов, райкомов партии и комсомола, Советов, газет и журналов, преподавателей вузов и школ. Разнообразен был состав слушателей по специальности. Среди них – историки, экономисты, философы, географы, врачи, агрономы и инженеры. Средний возраст слушателей – 26 лет. По национальному составу они представляли почти все народы Советского Союза (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.12–13).

ПАРТИЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Фактически сразу по окончании Великой Отечественной войны ВКП(б) вновь озаботилась идейным воспитанием масс, подготовкой так называемой номенклатуры, вновь обратила внимание на систему партийного образования. 2 августа 1946 года ЦК ВКП(б) принял Постановление «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских кадров» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.8. 1946–1955 гг. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. С.39–48), в котором ставилась задача в течение трех-четырех лет охватить партийными школами и курсами все основные руководящие партийные и советские кадры от районного до республиканского уровня.

В документе говорилось, что в ведении управления кадров создается Высшая партийная школа с трехгодичным сроком обучения для подготовки руководящих партийных и советских работников областного, краевого и республиканского масштаба. В составе школы создавались, соответственно, два факультета – партийный и советский. На факультете партийных работников организовывались отделения организационно-партийных работников, пропагандистских работников, редакторов газет.

Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) «перезапускалась» на базе в тот момент действовавшей Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б), то есть фактически шло слияние двух образовательных учреждений.

Контингент ВПШ был утвержден в количестве 300 человек на каждом курсе. Был предусмотрен высокий должностной уровень слушателей, однако допускался и прием лиц, не входящих в номенклатуру, но имеющих необходимую подготовку и проявивших себя на пар-

тийной и советской работе. Поступающие сдавали экзамены в объеме программы вузов по основам марксизма-ленинизма и в объеме программы средней школы по истории СССР, географии и русскому языку. Окончившие школу получали диплом о высшем партийном образовании.

Учебный процесс осуществляли 13 кафедр, в том числе – истории ВКП(б), истории СССР, всеобщей истории, политэкономии, экономической и политической географии, диалектического и исторического материализма, международных отношений, русского языка и литературы, советской экономики, партийного строительства, государственного права и советского строительства, журналистики, иностранных языков.

В учебный план вошли следующие предметы: история ВКП(б), история СССР, всеобщая история, политэкономия, диамат и истмат, логика, история международных отношений и внешней политики, экономическая и политическая география (включая курс размещения производительных сил СССР), русский язык и литература, иностранный язык, основы советской экономики и практики руководства отраслями народного хозяйства, партстроительство (на партийном факультете), основы госправа СССР (на советском факультете), журналистика (на отделении редакторов газет).

Слушатели проходили на 2-м курсе полуторамесячную практику в партийных и советских органах, на 3-м – сдавали государственные экзамены по истории ВКП(б), политэкономии, основам советской экономики и специальному предмету.

Ученому совету школы было предоставлено право принимать к защите кандидатские диссертации и присуждать ученые степени кандидата наук. На базе ВПШ функционировали 9-тимесячные курсы переподготовки кадров.

Одновременно с реорганизацией ВПШ при ЦК ВКП(б) создавалось 50 республиканских,

краевых и областных партийных школ для подготовки партийных и советских работников районного и низового звена. В школах имелось по два факультета (партийный и советский), причем партийные факультеты включали, как и в ВПШ, специальные отделения подготовки орг- и пропагандистских работников, а кроме того, и отделение комсомольских работников. В 15 школах действовали отделения газетных работников для обучения редакторов районных и городских газет. Республиканские, краевые и областные партийные школы не имели статуса высших учебных заведений (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.17–18).

Чем был обусловлен такой пристальный интерес партийного руководства страны к формированию новой системы подготовки номенклатурных кадров? В целом к этому моменту возникла ситуация своего рода торможения агитации и пропаганды марксизма-ленинизма, популяризации трудов и идей И.В. Сталина. В подробном документе «О новом учебном годе в системе партийного просвещения», подготовленном 7 января 1949 года Д. Шепиловым и П. Ляшенко и направленном в ЦК (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.1–12), приводились такие данные: отдельные формы партийного просвещения претерпели значительные изменения за два года после принятия постановления ЦК (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.2).

Эти данные показывают: признается недостаточным и даже изжившим себя простое изучение биографий вождей, эти знания должны быть вписаны в широкую концепцию марксизма-ленинизма, которую необходимо передавать самым разным слоям советского общества с целью его идеологической обработки и закалки. Признается, что два направления деятельности – самостоятельное усвоение знаний с последующей их проверкой и организованные горкомами кружки – являются наиболее перспективными и поощряются. Набирают силу и университеты марксизма-

ленинизма, которые позже, в 1960–1980-х годах, становятся чуть ли не обязательными формами политпросвещения для самых разных категорий граждан – как рабочих, так и интеллигенции.

Таблица 1 – Система политпросвещения в 1947–1948 годах

Table 1 – The system of political education in 1947–1948

	1947 год		1948 год		Изменения в % к 1947 г.	
	Кол-во	Обуч.	Кол-во	Обуч.	Кол-во	Обуч.
Политшколы	59.800	800.000	122.200	1.563.000	204	195
Кружки по изучению биографий В.И. Ленина и И.В. Сталина	95.00	779.000	33.820	185.700	35	24
Кружки по изучению истории ВКП(б)	45.500	846.000	88.000	1.195.000	193	141
Университеты марксизма-ленинизма при горкомах	185	78.000	192	104.600	104	134
Самостоятельно изучает марксизм-ленинизм		1.153.000		1.258.000		109

В документе 1949 года делался также анализ негативных явлений в развитии сети учреждений партийного образования и выявлялись особо острые недостатки: «низкий идейный уровень занятий, школярство и формализм». Критике подвергался получивший широкое распространение «...так называемый вопросно-ответный метод». Он предполагает живую, товарищескую беседу, однако всё сводится «к поверхностному опросу слушателей». «Во многих политшколах Ростовской, Воронежской, Тернопольской областей занятия проводятся путем громкого чтения пропагандистами учебных пособий. Нередко слушатели политшкол жалуются, что занятия ведутся скучно, вопросы, связанные с текущими событиями, как

правило, не затрагиваются» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.7).

Но не во всем были виноваты преподаватели партшкол. Многое зависит от партийных комитетов: там, где не уделялось никакого внимания проблемам идеологического образования, и результаты были плачевными. Были области, в которых длительное время не проводились семинары для пропагандистов, не собирались на свои совещания и учебу руководители партшкол и кружков. Там же, где все-таки подобная работа велась, тоже хватало формализма: всё сводилось обычно к чтению «установочных» лекций, а вот обсуждение актуальных вопросов партийной жизни, методики преподавания марксизма-ленинизма не было, опыт лучших пропагандистов не обобщался. «Семинары нередко превращаются в место «накачки» пропагандистов», – такой нелестный вывод делали авторы доклада (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.8).

В отличие от этого, лучшие результаты показывали вечерние университеты марксизма-ленинизма при горкомах и вечерние партийные школы при райкомах ВКП(б) (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.8). Но и тут были свои проблемы. Многие райкомы и горкомы, которые не имели ни достаточной материальной базы, ни кадров преподавателей, пытались обзаводиться собственными образовательными учреждениями, так «возникали карликовые университеты», в которых училось по 60–80 человек и не было должного качества их подготовки (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.9). Свои трудности были и у самостоятельно изучавших марксизм-ленинизм и историю партии: к ним не было должного внимания, им не оказывалась или оказывалась эпизодически методическая помощь, не было на постоянной основе консультантов (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д.103. Л. 10).

Партийная пропаганда пронизывала все слои советского общества. Например, в небольшом городе Саранске в апреле 1949 года

было 170 первичных партийных организаций, которые объединяли 3393 члена и кандидата в члены ВКП(б). В то же время там работали 180 пропагандистов, 69 лекторов, 1200 агитаторов, свыше 600 учителей и научных работников. В городе работало 57 кружков по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» и 55 поллитшкол, 1010 человек самостоятельно изучали марксистско-ленинскую теорию, 410 человек обучалось в вечернем университете марксизма-ленинизма (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.34). На этом основании секретарь Мордовского обкома ВКП(б) ставил вопрос о строительстве в городе дома партийного просвещения (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.35–36).

ВПШ на местах становились центрами всей этой многообразной работы.

Однако систему партийного образования даже после образования ВПШ и придания ей новых полномочий и функций в 1946 году в отдельных регионах страны лихорадило, в Москву шли доносы об идеологических ошибках при подготовке кадров, о неправильной комплектации библиотек на местах, о «грубых идеологических ошибках» в научных трудах преподавателей, где допускались ссылки на статьи «врагов народа». В частности, такой донос был направлен секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову в 1949 году по поводу Ленинградского дома партийного актива (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.103. Л.71–78).

Обстановка резко изменилась после XX съезда КПСС. Даже в открытом отчетном докладе Центрального комитета КПСС съезду, с которым выступил первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев 14 февраля 1956 года, уже были слышны новые ноты: говорилось о необходимости сталинский «Краткий курс истории партии» заменить на «популярный, опирающийся на исторические факты, марксистский учебник по истории партии, в котором был бы научно обобщен всемирно-исторический опыт борьбы партии за коммунизм и в котором изложение

было бы доведено до наших дней» (Хрущев Н.С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. – М.: Госполитиздат, 1956. – С.134).

26 июня 1956 года ЦК КПСС подводит в своем постановлении своеобразный итог десятилетней работы ВПШ. В документе «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.9. 1946–1955 гг. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – С.106–110) говорится, что «созданные в 1946 году Высшая партийная школа, а также республиканские, краевые и областные партийные школы проделали большую работу по подготовке и переподготовке партийных и советских кадров».

Приводятся цифры: за истекшие десять лет окончили местные партийные школы более 55 тысяч человек, Высшую партийную школу – 2843 и заочное отделение ВПШ – более 6000 человек. Подавляющее большинство выпускников партийных школ находится на партийной и советской работе.

Но отмечались и недостатки: «...в учебных планах школ крайне мало отводится времени на изучение конкретной экономики и организации промышленного и сельскохозяйственного производства, что является серьезным пробелом в подготовке кадров и отрицательно сказывается на уровне их работы по руководству хозяйством. Преподавание партийного строительства, советской экономики, основ агрономической науки зачастую ведется в отрыве от практики работы партийных организаций, передового опыта колхозов, совхозов, МТС и промышленных предприятий. В преподавании общественных дисциплин не изжиты еще начетничество и догматизм, неглубоко изучаются проблемные вопросы марксизма-ленинизма. Имеются случаи, когда на учебу в

школы зачисляются работники, не оправдавшие себя на практической работе...». В целях дальнейшего улучшения дела подготовки руководящих партийных и советских кадров ЦК КПСС признает необходимым:

«1. Создать на базе существующих трехгодичных партийных школ в городах: Москве, Ленинграде, Горьком, Куйбышеве, Саратове, Сталинграде, Воронеже, Ростове, Казани, Свердловске, Перми, Новосибирске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Ярославле, Уфе, Харькове, Львове, Одессе, Днепрпетровске, Сталино, Минске, Вильнюсе, Кишиневе, Алма-Ате, Ташкенте и Баку межобластные и межреспубликанские партийные школы с четырехгодичным сроком обучения, дающие высшее партийно-политическое образование.

В Московской, Ленинградской, Киевской, Минской, Хабаровской, Алма-Атинской и Ташкентской партийных школах иметь отделения газетных работников.

2. Четырехгодичные межобластные партийные школы отнести к разряду высших учебных заведений II категории. Лицам, окончившим партийные школы, выдавать диплом об окончании высшего учебного заведения.

Предложить Министерству высшего образования СССР (т. Елютину) включить четырехгодичные межобластные партийные школы и заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС в список высших учебных заведений».

Это было очень важное и долговременное решение: вновь подтверждалось, что ВПШ, так же как и Академия общественных наук при ЦК КПСС, созданная в 1946 году, – это не курсы повышения квалификации, не часть партийного аппарата, а высшее учебное заведение, которое должно подчиняться законам о высшей школе, быть вписанным в образовательную среду СССР. Это несколько не принижало ВПШ: она оставалась на особом положении, но всё же была вузом и должна была жить по вузовским правилам.

Постановлением утверждалась стандарт-

ная структура партшкол: «В соответствии с учебными планами иметь в партийных школах следующие кафедры: истории КПСС, партийного и советского строительства, диалектического и исторического материализма, политической экономии, исторических наук, советской экономики, сельского хозяйства, промышленного производства, журналистики, русского языка и литературы (в школах, где создаются отделения газетных работников)».

Постановление подтверждало роль ВПШ при ЦК КПСС как методического центра для всей системы партшкол («Обязать ректорат и кафедры Высшей партийной школы при ЦК КПСС до 1 августа 1956 года подготовить и разослать на места программы по всем предметам учебного плана для четырехгодичных партийных школ»).

Определялся и контингент абитуриентов: в четырехгодичные партийные школы должны были приниматься «члены КПСС по рекомендациям обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик, положительно проявившие себя на партийной и советской работе, в возрасте до 35 лет и имеющие как минимум среднее образование».

В постановлении было четко установлено, какие вступительные испытания должны выдерживать абитуриенты партшкол: по истории СССР, русскому языку и географии в объеме программы средней школы и основам марксизма-ленинизма. Лицам, допущенным к вступительным испытаниям, предоставляется для подготовки к ним месячный отпуск с сохранением заработной платы по месту работы.

Определялось, что стипендию слушателям четырехгодичных партийных школ будут выплачивать в размере заработной платы, получаемой до учебы, но не ниже 1000 рублей и не выше 1700 рублей в месяц. Кроме этого, предполагалось выплачивать слушателям дотацию в сумме 100 рублей в месяц на каждого иждивенца.

Отбор слушателей в школы областей и краев РСФСР проводится соответствующими обкомами и крайкомами партии, а в школы Украинской, Белорусской, Литовской, Молдавской, Казахской, Узбекской, Киргизской и Азербайджанской ССР – соответствующими ЦК компартий союзных республик. Контроль за комплектованием партийных школ возлагался на отделы партийных органов ЦК КПСС.

«Разрешить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик перевести на четырехлетний срок обучения слушателей первого и второго курсов трехгодичных партийных школ, на базе которых создаются межобластные партийные школы при условии, если эти слушатели имеют законченное среднее образование, соответствующий опыт партийной и советской работы и хорошую успеваемость в учёбе.

Сохранить в городах: Курске, Пензе, Смоленске, Тамбове, Саранске, Махачкале, Чкалове, Кургане, Омске, Владивостоке, Ереване, Фрунзе и Сталинабаде партийные школы с трехгодичным сроком обучения, с установленным ранее контингентом ежегодного приема слушателей.

Не производить, начиная с 1956 года, приема слушателей в трехгодичные партийные школы в городах: Архангельске, Ашхабаде, Вологде, Кирове, Ульяновске, Челябинске, Кемерово, Краснодаре, Риге, Таллине, Туле, Орджоникидзе, Сыктывкаре, Чите, Улан-Удэ, Якутске, Ижевске, Рязани, Ставрополе, Ужгороде, Симферополе, Тернополе, Станиславе и Тбилиси. Предоставить слушателям, обучающимся в этих школах, право завершить учебу по действующему учебному плану...». В постановлении отдельно рассматривалось положение ВПШ при ЦК КПСС. На нее возлагалась подготовка «...руководящих кадров республиканского и областного звена из числа членов КПСС, имеющих высшее образование и достаточный опыт руководящей работы...». Срок обучения в ВПШ – два года; на учебу должны были принимать партийных, советских и газетных работников в

возрасте не старше 40 лет. Прием слушателей в 1956 году определялся в количестве 200 человек.

Таблица 2 – Учебный план четырехгодичной партийной школы

Table 2 – Curriculum of a four-year party school

№	Название дисциплины	Количество часов
1.	История КПСС	250
2.	Диалектический и исторический материализм	200
3.	Политическая экономия	300
4.	История международного рабочего и национально-освободительного движения	180
5.	История СССР	150
6.	Партийное и советское строительство	150
7.	Основы советского права (гражданское, трудовое и колхозное)	100
8.	Экономическая география СССР и зарубежных государств	100
9.	Экономика, организация и планирование предприятий промышленности, строительства и транспорта	200
10.	Экономика, организация и планирование сельскохозяйственных предприятий	180
11.	Энергетическая база промышленности	80
12.	Технология важнейших отраслей промышленности	270
13.	Производственное и гражданское строительство	100
14.	Общее земледелие и растениеводство с основами агрохимии	240
15.	Животноводство	140
16.	Механизация и электрификация сельского хозяйства	160
17.	Планирование местного хозяйства и культурного строительства района	80
18.	Торговля, финансы и кредит	80
19.	Бухгалтерский учет и анализ баланса	60
20.	Статистика	80
21.	Математика	100
22.	Производственная практика	2 месяца
	Всего	3200
	Факультативно	
	Иностранный язык	200
	Русский язык	150
	Автодело с практикой вождения автомобиля	120

Кроме того, создавался «в Высшей партийной школе при ЦК КПСС специальный факультет

для подготовки работников, командированных на учебу коммунистическими и рабочими партиями зарубежных стран». Здесь срок обучения был рассчитан на три года.

Кроме того, реорганизовывалось заочное отделение Высшей партийной школы в Заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Здесь устанавливался срок обучения пять лет. Прием слушателей в ЗВПШ в 1956 году был в количестве 3000 человек.

В приложениях к постановлению были учебные планы партшкол. Это было ново: ранее планы тоже утверждал ЦК, но, чтобы они полностью входили в текст постановления ЦК (хотя бы в виде приложения), такого ещё не случалось.

Слушатели, выполнившие учебный план, должны были сдавать государственные экзамены по истории КПСС, диалектическому и историческому материализму, политической экономии и экономике народного хозяйства.

Слушатели, выполнившие этот учебный план, сдавали государственные экзамены по истории КПСС, диалектическому и историческому материализму, политической экономии и журналистике.

Как видим, всемирная история пропала из программы обучения, более приземленным и нацеленным на практическую работу стал весь ход подготовки кадров. Наличие большого количества специализированных предметов говорило и о том, что партийные работники прежней формации уже были менее востребованы. Теперь требуются люди со знаниями не только идеологической работы, но и производства. А знание и производства, и сельского хозяйства нужны для того, чтобы можно было затем вести ротацию кадров; идеологические работники становились профессионалами в самых разных областях, в которых требовалось партийное руководство.

Не случайно, что Постановление ЦК КПСС от 26 июня 1956 года «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров» принимается буквально вслед

за проведенным XX съездом КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина. Превращение сталинской парадигмы подготовки кадров как замены старых коммунистов на людей, преданных лично вождю, сменяется на новую – подготовка кадров для партии, подготовка кадров для развития страны.

Таблица 3 – Учебный план четырехгодичной партийной школы (для отделения газетных работников)

Table 3 – Curriculum of a four-year party school (for the newspaper workers department)

№	Название дисциплины	Количество часов
1.	История КПСС	250
2.	Диалектический и исторический материализм	200
3.	Политическая экономия	300
4.	История международного рабочего и национально-освободительного движения	180
5.	История СССР	150
6.	Партийное и советское строительство	150
7.	Основы советского права (гражданское, трудовое и колхозное)	100
8.	Экономическая география СССР и зарубежных государств	100
9.	Литература	200
10.	Русский язык	130
11.	Стилистика	90
12.	Журналистика	320
13.	Основы промышленного производства и строительства	300
14.	Основы агротехники, зоотехники и механизации сельского хозяйства	300
15.	Экономика отраслей народного хозяйства	350
16.	Статистика	80
17.	Практика газетной работы	2 месяца
	Всего	3200
	Факультативно	
	Иностранный язык	200
	Фотография	50
	Стенография	200

В начале 1960-х годов при комплектовании штата управленцев ставка делается на специа-

листов с высшим образованием. Становится обязательным требованием иметь вузовский диплом. Неудивительно, что реформы этого времени глубоко затронули саму систему партийных школ: она, эта система, была вновь оптимизирована, создавались взамен прежних межобластные партийные школы, которые давали слушателям законченное высшее партийно-политическое образование. Конечно, партийно-политическое образование не давало фундаментальных экономических или технических знаний, но само существование этой формы подготовки, создание сети учебных заведений выводило всю эту социальную конструкцию на новый уровень: партийный работник (как когда-то революционер) признавался представителем важнейшей профессии в государстве.

До 1961 года высшие партшколы действовали в 30 республиках, автономных республиках, краях и областях, таких как Азербайджанская ССР; Алтайский край; Башкирская АССР; Белорусская ССР; Воронежская область; Горьковская область; Иркутская область; Казахская ССР; Красноярский край; Куйбышевская область; Ленинградская область; Литовская ССР; Молдавская ССР; Пермская область; Московская область; Новосибирская область; Ростовская область; Саратовская область; Свердловская область; Сталинградская область; Узбекская ССР; Хабаровский край; Ярославская область; Украинская ССР; Днепропетровская область; Львовская область; Одесская область; Сталинская область; Харьковская область; Татарская АССР (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2. Д.224. Л.6–7).

К 1964 году остались 11 республиканских и межобластных высших партийных школ и 21 совпартшкола (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.21).

ПАРТИЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ЭТАПЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Смена власти в октябре 1964 года в очередной раз повлияла на содержание обучения в системе партийного образования. В резолю-

ции первого после смещения Н.С. Хрущева съезда партии – XXIII съезда КПСС, принятой 8 апреля 1966 года, говорилось: «Съезд считает насущной задачей партийных организаций серьезное улучшение марксистско-ленинского образования членов партии, их идейную закалку, особенно молодых коммунистов. Необходимо предъявлять высокие требования к идейно-политической подготовке руководящих кадров. Вся система партийного просвещения должна быть поднята на уровень задач современного этапа коммунистического строительства» (Материалы XXIII съезда КПСС // <https://flibusta.club/b/555006/read>).

В отчетном докладе генерального секретаря Л.И. Брежнева съезду подчеркивалось:

«За счёт средств партийного бюджета проводится большая и очень важная для партии и государства работа по подготовке и переподготовке партийных и советских кадров в Академии общественных наук, Высшей партийной и заочной Высшей партийной школах при ЦК партии, а также в одиннадцати республиканских и межобластных высших партийных школах и 22 советско-партийных школах. За отчетный период эти учебные заведения окончили 32 300 партийных и советских работников». Расходы бюджета на партийную пропаганду увеличились за отчетный период на 43,2 %. На средства партийного бюджета содержится широкая сеть домов и кабинетов политического просвещения при краевых, областных, городских и районных комитетах партии, а также свыше 1000 кабинетов при партийных организациях наиболее крупных предприятий и свыше 600 кабинетов в совхозах и колхозах. Возросла роль вечерних университетов марксизма-ленинизма как одной из важных форм политической учебы коммунистов и подготовки пропагандистских кадров, работало 306 вечерних университетов марксизма-ленинизма, в которых обучалось 248 тысяч человек. Значительные средства выделялись на проведение краткосрочных курсов и семи-

наров партийных и пропагандистских работников (Материалы XXIII съезда КПСС // <https://flibusta.club/b/555006/read>).

Важное значение для организации курсовой подготовки кадров имело принятое Постановление ЦК КПСС от 27 декабря 1966 года «Об организации постоянно действующих курсов по переподготовке руководящих партийных и советских кадров» (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.21). На его основе, например, в Тамбовской области были организованы курсы повышения квалификации партийных и советских работников. Учебным планом курсов (срок обучения – 1 месяц) предусматривалось изучение истории и политики КПСС, марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, политической экономии, международного коммунистического рабочего и национально-освободительного движения. Руководство учебным процессом осуществлялось учебно-методическим советом и методическими комиссиями.

На курсах проходили переподготовку освобожденные секретари первичных партийных организаций, заведующие отделами, инструкторы горкомов и райкомов партии, заместители председателей, секретари городских и районных исполкомов, председатели сельских и поселковых Советов, заместители редакторов городских и районных газет, редакторы многотиражек. В 1976 году курсы по переподготовке руководящих партийных и советских кадров были переименованы в областные курсы повышения квалификации партийных и советских кадров, с 1982 года курсы были включены в структуру отдела организационно-партийной работы Тамбовского обкома КПСС (<https://alertino.com/ru/357628>).

Нужно сделать небольшое отступление. Важная идея сочетания длительных форм обучения и форм коротких берет свое начало с самых первых лет советской власти. Уже в 1918 году, в июне, по инициативе В.И. Ленина и при активном участии Я.М. Свердлова в

Москве открылись двухнедельные курсы агитаторов и инструкторов при ВЦИК Советов рабоче-крестьянских депутатов. В январе 1919 года эти курсы были преобразованы в Центральную школу советской работы при ВЦИК (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2. Д.258. Л.13). В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) поручил ЦК партии «организовать высшую партийную школу при ЦК; выработать общую программу и план занятий в местных партийных школах; помочь местным партийным школам присылкой соответствующих лекторов» (Резолюция VIII съезда РКП(б) по отчетному докладу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т.2. 1917–1922. – С.106).

В мае 1919 года ЦК принял постановление о создании Центральной школы советской и партийной работы с двумя факультетами. Созданная ранее школа советской работы вошла в состав вновь образованной Центральной школы советской и партийной работы. Это позволило сосредоточить лучшие лекторские и преподавательские кадры в одном учебном заведении. Был утвержден поименный список партийных и государственных деятелей, ученых и публицистов, которым поручалась лекционная работа в школе. Среди них – В.И. Ленин, В.А. Арманд, Н.Н. Батулин, М.В. Владимирский, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин, В.А. Карпинский, Л.Б. Красин, Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, Д.И. Курский, Н.В. Крыленко, А.В. Луначарский, В.П. Милютин, А.Ф. Мясников, В.Н. Невский, В.М. Ногин, М.С. Ольминский, М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, И.В. Сталин, Г.В. Чичерин, Е.М. Ярославский и другие.

Наконец, состоявшийся 3–4 июня Пленум ЦК РКП(б) принял решение Центральную школу советской и партийной работы преобразовать в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. 8 июля 1919 года состоялось открытие Коммунистического университета. На открытии выступил с речью М.И. Калинин. На третий день

после открытия университета, 11 июня, перед слушателями Свердловки выступил с лекцией о государстве В.И. Ленин. Вторую лекцию в университете он прочитал 26 августа. В.И. Ленин уделял большое внимание организации учебного процесса в университете. Третий раз В.И. Ленин выступил с речью перед слушателями Свердловки, отправляющимися на фронт. Это было 24 октября 1919 года.

То есть курсы, рассчитанные на быструю подготовку пропагандистов, разрослись в университет, который, в свою очередь, все равно не останавливал и быстрого повышения квалификации кадров. Так, в 1921 году на основании решения ЦК РКП(б) был проведен набор слушателей на 2-хгодичный курс Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Было принято 480 человек. Занятия начались в августе 1921 года. Но наряду с этим состоялся также и набор на краткосрочный курс (8-месячный) свыше 1200 человек. Позже эта форма обучения долго не использовалась. Но затем к ней в вузе вновь вернулись. Коммунистический университет стал ведущей высшей партийной школой вплоть до организации ВПШ при ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2. Д.258. Л.1–15).

И вот теперь, по прошествии времени, формат получения партийного образования восстанавливался практически в полном объеме. И если раньше краткосрочные курсы организовывались только время от времени, то с 1967–1969 годов до начала 1991 года были постоянно действующие курсы по переподготовке партийных и советских кадров. Основная цель курсов – повышение квалификации и идейно-политическая подготовка освобожденных секретарей первичных организаций, ведущих отделами, инструкторов горкомов, райкомов партии, редакторов и их заместителей многотиражных газет, председателей Советов. Для ведения занятий привлекались штатные лекторы региональных парткомов, а также ведущие преподаватели высших учеб-

ных заведений. Для секретарей и заведующих отделами обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик, первых секретарей горкомов партии крупных городов, редакторов областных, краевых, республиканских газет курсы были организованы на базе ВПШ при ЦК КПСС. На базе местных партшкол, отделений ЗВПШ созданы межобластные, республиканские и межреспубликанские курсы для секретарей горкомов, райкомов партии председателей гор(рай)исполкомов, редакторов городских и районных газет (в городах Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Алма-Ате, Баку, Волгограде, Горьком, Иркутске, Куйбышеве, Новосибирске, Ростове, Свердловске и Хабаровске).

Нужно понимать и качество тех социальных изменений, что произошли: численный состав КПСС после XXII съезда партии существенно увеличился – в ней было вместе с кандидатами 11 758 169 членов (КПСС в цифрах // *Партийная жизнь*. – 1965. – № 10. – С.8). Но образовательный уровень этих людей оставлял желать лучшего: только 15 % имели высшее образование, 24,4 % – начальное, а 27,9 % – неполное среднее. Среднюю школу закончили 30,1 % коммунистов (КПСС в цифрах // *Партийная жизнь*. 1965. – № 10. – С.11).

В 1967–1968 учебном году высшие партийные школы с двухгодичным обучением действовали в городах: Киеве (Высшая партийная школа при ЦК КП Украины), Алма-Ате (Алма-Атинская ВПШ), Минске (Минская ВПШ), Ленинграде (Ленинградская ВПШ), Новосибирске (Новосибирская ВПШ), Баку (Бакинская ВПШ), Ростове-на-Дону (Ростовская ВПШ), Ташкенте (Ташкентская ВПШ); четырехгодичные школы работали в городах: Горьком (Горьковская ВПШ), Хабаровске (Хабаровская ВПШ), Вильнюсе (Вильнюсская ВПШ) (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2. Д.224. Л. 3).

В 1970-х годах центр полностью контролировал процесс обучения в высших партшколах по всей стране, информация о тех, кто плани-

руется на замещение должностей заведующих кафедрами, и о тех, кто уже в этих должностях работает, постоянно поступала в ЦК КПСС (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2. Д.224. Л.13–24).

К 1970 году ВПШ при ЦК КПСС имела кафедры: истории КПСС; марксистско-ленинской философии; научного коммунизма; политической экономии; партийного строительства; современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения; советской экономики; экономики сельского хозяйства; государственного права и советского строительства; журналистики и литературы, русского языка; иностранных языков. Кафедры, наряду с учебно-методической, ведут научно-исследовательскую работу, подготавливают монографии, разрабатывают программы, учебники и учебно-методические пособия. На всех кафедрах ВПШ (кроме языковых) работали 120 преподавателей, в том числе докторов наук и профессоров – 21, кандидатов и доцентов – 99. ВПШ принимала к защите диссертации на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

На учёбу в ВПШ принимаются члены партии с высшим образованием, в возрасте до 40 лет, имеющие партийный стаж не менее пяти лет. Приём слушателей проводится ЦК КПСС по рекомендации ЦК КП союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Срок обучения – два года. В ВПШ организованы постоянно действующие курсы по переподготовке руководящих партийных и советских работников. ВПШ оказывает помощь странам социализма в подготовке кадров для партийной и государственной работы. ВПШ окончило около 10 тыс. партийных и государственных работников и свыше 14,5 тыс. прошло курсовую переподготовку. В 1970 году обучалось 720 слушателей (Высшая партийная школа при ЦК КПСС // *Большая советская энциклопедия*. 3-е издание. Т.5 // <http://bse.uaio.ru/BSE/0503.htm>).

1 сентября 1972 года ЦК КПСС принял Постановление «О мерах по улучшению подго-

товки партийных и советских кадров в Высшей партийной школе при ЦК КПСС» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т.12. 1971–1975 гг. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – С.280–283). Постановление обязывало ректорат сосредоточить усилия «на подготовке руководящих партийных и советских кадров, владеющих марксистско-ленинской теорией, умеющих творчески применять ее в практической деятельности, хорошо знающих современные проблемы коммунистического строительства». Постановление предписывало ввести новый курс обучения – «Основы научного управления социалистической экономикой», а также «перестроить организацию учебного процесса, улучшить методическую работу, повысить требовательность к кафедрам и деканатам». Срок обучения в ВПШ при ЦК КПСС сохранялся прежний – два года. По завершении обучения выпускник получал диплом о высшем партийно-политическом образовании, а также справку о сдаче кандидатского минимума по философским, экономическим и историческим наукам.

Важным этапом в деле улучшения курсовой подготовки кадров стало принятое 17 августа 1976 года Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы повышения идейно-теоретического уровня и деловой квалификации руководящих партийных и советских кадров» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т.13. 1976–1980 гг. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – С.127–131). В документе основное внимание было уделено курсам переподготовки партийных кадров. Говорилось, что «за прошедшие годы в центре и на местах подготовку на курсах прошли 433 тыс. человек». В целях дальнейшего совершенствования этой работы курсы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС преобра-

зовывались в Институт повышения квалификации руководящих партийных и советских кадров. «Институт должен стать ведущим учебным и научно-методическим центром всей системы повышения квалификации кадров». Предписывалось «положить в основу работы института и курсов повышения квалификации руководящих партийных и советских кадров изучение слушателями актуальных проблем марксистско-ленинской теории и практики коммунистического строительства в свете задач, изложенных в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС т. Брежнева Л.И. XXV съезду партии...».

1978 ГОД: СЛИЯНИЕ ИЛИ ПОГЛОЩЕНИЕ?

2 марта 1978 года выходит в свет Постановление ЦК КПСС «О мерах по совершенствованию подготовки кадров в высших партийных учебных заведениях в свете указаний тов. Брежнева Л.И., изложенных в Отчетном докладе Центрального Комитета XXV съезду партии» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т.13. 1976–1980. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – С.235–237).

Для работников ВПШ оно было как гром среди ясного неба.

В постановлении говорилось, что «в целях обеспечения систематической подготовки руководящих кадров высокой квалификации для центральных, республиканских, краевых и областных партийных и государственных органов, идеологических учреждений и организаций» на базе ВПШ, АОН и ЗВПШ при ЦК КПСС создано единое, качественно новое учебное заведение – Академия общественных наук при ЦК КПСС. Она стала ведущим учебным, научным и научно-методическим центром всей системы подготовки партийных, советских и идеологических кадров. Ей было поручено проведение научно-исследовательской работы

по актуальным проблемам марксизма-ленинизма, теории и практики коммунистического строительства, мирового революционного процесса. На академию было возложено научно-методическое руководство республиканскими и межобластными партийными школами, подготовка и издание научных трудов, учебников и учебных пособий, повышение квалификации преподавателей и научных работников высших партийных школ.

События 1978 года – удивительное и в то же время часто повторяющееся административное решение. Неоднократно в российской и советской истории бывало так, что как только какой-то институт достигал определенного уровня развития, демонстрировал успехи, его упраздняли, подчиняли более сильным (или слабым) организациям. В сети подготовки управленческих кадров так было с Коммунистическим университетом им. Я.М. Свердлова, так было с ВПШ, а в последующем стало и с правопреемницей Академии общественных наук – Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации, которую фактически присоединили к Академии народного хозяйства в 2010 году. Было ли это методом решения проблемы ректора ВПШ в 1978 году или стремлением сэкономить бюджетные средства, было ли это отражением общих процессов централизации в стране (которые идут до сих пор уже в российском масштабе), нужно специально исследовать и для этого иметь доступ к архивам, которые пока исследователям недоступны.

Партийное образование, несмотря на то что его система приобрела вполне устойчивый вид, тем не менее на пике построения «развитого социализма» изменилось, и его ядро – Высшая партийная школа при ЦК КПСС – оказалось упраздненным. Конечно, в этом можно было видеть и объективные причины: к 1978 году существенно вырос образовательный уровень кадров, советская средняя и высшая школа готовили качественных специалистов, и

голая пропаганда и агитация в работе с людьми были уже лишними. Но на идеологическом фронте тем не менее требовались опытные и знающие работники – их была призвана готовить Академия общественных наук при ЦК КПСС. Но на местах работа высших партшкол по-прежнему виделась важной и значимой, сеть ВПШ сохраняется до 1991 года. Несмотря на то что сотни тысяч слушателей прошли через эту систему, партийное образование не могло охватить всех членов КПСС, оно ориентировалось на партработников, номенклатуру, оставалось элитарным.

ВПШ при ЦК КПСС прекратила свое существование, однако региональная сеть высших партийных школ продолжила свою деятельность. Этим школам было адресовано вышедшее 13 июня 1978 года Постановление ЦК КПСС «О мерах по совершенствованию подготовки партийных и советских кадров в республиканских и межобластных высших партийных школах» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.13. 1976–1980. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – С.259–262). ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, ректорам высших партийных школ было поручено разработать и осуществить меры по дальнейшему совершенствованию подготовки и повышению квалификации кадров. В Минской, Бакинской, Московской, Ленинградской, Горьковской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Свердловской и Хабаровской ВПШ созданы 3- и 5-годичные заочные отделения, в ВПШ при ЦК КП Украины, Алма-Атинской и Ташкентской – 3-годичные, в Вильнюсской и Одесской – 5-годичные заочные отделения. Установлен перечень кафедр, которые целесообразно иметь в высших партийных школах, при них созданы учебно-методические кабинеты. В школах образованы лаборатории по обобщению опыта партийной и советской работы. На ректораты возложена обязанность

улучшить организацию учебно-методического процесса, активнее внедрять новые формы обучения, шире использовать современные технические средства, организовать дифференцированную подготовку слушателей, систематически проводить стажировку преподавателей в партийных, советских, идеологических органах, повысить уровень научно-исследовательской работы. Для координации учебно-методической, научно-исследовательской и издательской деятельности на базе АОН при ЦК КПСС образован совет ректоров ВПШ.

Только за послевоенные годы (с 1946-го по 1983-й) партийные учебные заведения окончили 275 тыс. партийных, советских, идеологических работников. В начале 1980-х годов в системе партийных учебных заведений страны занимаются свыше 16 тысяч человек (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.25).

Таблица 4 – Общее количество выпускников высших партийных учебных заведений (по пятилеткам) (РГАСПИ. Ф.606. Оп.2/с. Д.394. Л.27)

Table 4 – Total number of graduates of higher party educational institutions (by five-year plans)

Годы	Количество выпускников
1966–1970 гг.	21 507
1971–1975 гг.	28 926
1976–1980 гг.	29 070
1981–1985 гг.	25 823

Теперь руководство этой сетью было передано Академии общественных наук при ЦК КПСС. В первую очередь внимание уделялось аспирантуре, куда направляются также преподаватели республиканских, межобластных ВПШ. Так, в 1979–1980 годах в аспирантуру было принято 10 человек. В отчете АОН в ЦК за 1978–1980 годы руководство академии писало:

«Учитывая острую потребность местных

ВПШ в квалифицированных преподавателях по различным профилям, было бы целесообразным несколько увеличить число преподавателей, принимаемых в аспирантуру, особенно по таким специальностям, как партийное строительство, идеологическая работа, социальная психология и педагогика. По нашим наблюдениям, преподаватели неохотно идут в аспирантуру из-за установленного ныне порядка назначения стипендии. Преподаватель ВПШ, направленный на учёбу в Академию, получает стипендию в размере 160 рублей в месяц. Такую сумму делить на «два дома» (на содержание аспиранта и семьи, которая остается по месту нахождения той или иной ВПШ) весьма трудно. Следовало бы установить им размер стипендии в размере 200–220 руб. в месяц. Расходы окупятся. Подготовка преподавателей для республиканских и межобластных ВПШ через Академию общественных наук – одно из наиболее важных средств повышения уровня их работы по подготовке руководящих кадров» (РГАСПИ. Ф.606. Д.2431. Л.31).

Отмечалось, что постановлениями ЦК КПСС от 2 марта и 13 июня 1978 года на Академию общественных наук было возложено научно-методическое руководство республиканскими и межобластными ВПШ, подготовка и издание научных трудов, учебников и учебных пособий, повышение квалификации преподавателей и научных работников высших партийных школ; организация курсов повышения квалификации преподавателей республиканских и межобластных высших партийных школ. Поэтому для координации учебно-методической и научно-исследовательской работы системе партийных учебных заведений ЦК КПСС признал целесообразным образовывать на базе Академии общественных наук Совет ректоров высших партийных школ. Такой совет был создан в ноябре 1978 года в составе 33 человек во главе с ректором АОН при ЦК КПСС В.А. Медведевым. Совет собирался регулярно для обсуждения важнейших

вопросов учебной и научной работы в системе партийных учебных заведений (РГАСПИ. Ф.606. Д.2431. Л.59).

При организации научно-методической помощи высшим партийным школам со стороны кафедр АОН при ЦК КПСС активно использовались такие формы, как подготовка и проведение в академии семинаров-совещаний руководителей кафедр высших партийных школ; выезды профессоров и преподавателей академии в ВПШ для чтения лекций по актуальным проблемам учебных курсов, ознакомление с работой кафедр и оказание им методической помощи; рассмотрение на кафедрах академии концепций и планов кандидатских и докторских диссертаций преподавателей ВПШ; подготовка и издание учебных программ, учебных и методических пособий для ВПШ, а также материалов к лекциям; обеспечение учебного процесса на курсах повышения квалификации преподавателей ВПШ.

В академии проводились семинары-совещания руководителей кафедр высших партийных школ, в 1978–1979 учебном году их было четыре. Был проведен также семинар-совещание заведующих лабораториями ВПШ по обобщению опыта партийной и советской работы (РГАСПИ. Ф.606. Д.2431. Л.61).

За два года ректорат АОН организовал командирование в высшие партийные школы более 20 руководителей и профессоров академии (РГАСПИ. Ф.606. Д.2431. Л.62). В академии в основном сложилась курсовая система повышения квалификации преподавателей высших партийных школ. Прошло пять потоков преподавателей в количестве 147 человек. Это преподаватели экономических дисциплин, истории КПСС, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, международных отношений и внешней политики КПСС и Советского государства, а также русского и иностранных языков (РГАСПИ. Ф.606. Д.2431. Л.63).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежняя система партийно-государственного управления была обречена после проведения в 1990 году масштабной политической реформы: отмена ст. 6 Конституции СССР, на основании которой КПСС объявлялась «руководящей и направляющей силой советского общества», стала приговором и партии, и стране. Путч 1991 года и роспуск КПСС окончательно поставили крест на всём советском режиме, а система партийного образования просто повисла в воздухе, пока после долгих и мучительных поисков новых форм подготовки кадров управленцев она не приобрела современный вид.

И история КПСС, и партстроительство, и диамат с истматом, и научный коммунизм, и история международного коммунистического движения – всё это в одночасье исчезло из учебных планов по всей стране, в том числе и в бывших ВПШ.

Такая быстрая смена содержания деятельности не может не озадачивать. Это показывает, как велика, с одной стороны, была усталость советских людей от пропаганды марксизма-ленинизма, а с другой – насколько адаптивным к потрясениям, к изменившейся политической реальности оказалось общество. Оно продемонстрировало феноменально короткую память: то, что насаждалось изо дня в день, из года в год, просто было отброшено и забыто. Более семи десятков лет создавалась, развивалась, реорганизовывалась и вновь разрасталась система партийного образования. Через нее прошли миллионы слушателей и студентов, там складывались биографии, делались карьеры, эта работа воспринималась как важнейшая профессия – и полный крах, распад, забвение... Можно только удивляться, как много социальной энергии, общественных средств было потрачено (по сути) совершенно зря, раз такой был получен результат.

Организационные структуры пережили то,

ради чего, собственно, они в свое время были созданы. Сегодня бывшие ВПШ уверенно себя чувствуют в статусе региональных академий государственной службы, причем в отдельных областях и республиках они даже не входят в общую систему Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации с центром в Москве, а отлично идут в своем развитии дальше под опекой администраций субъектов Федерации (например, в Курске и Башкортостане). То есть форма оказалась более живучей, чем содержание. И хотя на протяжении всех лет советской власти именно организационные структуры были объектом всяческих улучшений и преобразований, оказалось, что не они, а ими распространяемые идеи и ценности требовали пересмотра и обновления. Форма победила содержание. Ну или, по крайней мере, его пережила.

Пример Высшей партийной школы в Москве, высших партийных школ на местах – урок для постижения социального. Оказывается, можно длительно проповедовать те или иные идеи, но от этого каждодневного труда ничего не останется. Останется только то, что было вспомогательным, техническим для осуществления задачи – организационные структуры, которые будут с успехом взяты на вооружение новым политическим режимом и станут проводником новых общественно и государственно значимых идей.

Режим сметен, но его инструменты и институты сохранены, используются, действуют, создавая ту самую преемственность, которая и позволяет нам говорить о едином потоке истории.

Библиография / References:

1. Авраамова, Е. М. Реформы системы образования в СССР и России как отражение трансформации общественных потребностей / Е.М. Авраамова. – М.: Издательство Дело, 2014.

– 52 с. – ISBN 978-5-7749-0932-2. – EDN WBZDUX.

2. Гришаев, О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. в СССР / О.В. Гришаев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – 370 с. – ISBN 978-5-9273-2399-9. – EDN RTPFSA.

3. Гросул, В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.) / В.Я. Гросул. – издание 2-е. – М.: ИТРК, 2012. – 215 с. – ISBN 5-88010-236-X. – EDN QPYBZX.

4. Кант, И. Критика чистого разума / пер. Н.М. Соколова. – [2-е изд.]. – СПб.: М.В. Попов, 1902. – 658 с.

5. Наумов, С. Ю. Элитные кадры партии большевиков в Саратове и Саратовском регионе (1917–1941 гг.): очерки истории / С.Ю. Наумов, Н. В. Саранцев; под ред. П.П. Фролкина. – 2-е издание, расширенное и дополненное. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 2013. – 504 с. – ISBN 978-5-4345-0240-5. – EDN WEXBHH.

6. Нигматулин, М. В. Реформа образования в СССР и России глазами старшеклассника: История. Мифы. Перспективы / М. В. Нигматулин. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 180 с. – ISBN 978-5-9710-5787-1.

7. Петрова, Я. И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-х гг.: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Петрова Ярославна Игоревна. – Самара, 2010. – 218 с. – EDN QEXZNN.

8. Понявина, М. Б. Политика в сфере образования в СССР и современной России (политологический анализ) / М. Б. Понявина. – М.: ООО «Издательский Дом «Вузовский учебник»,

2017. – 126 с. – ISBN 978-5-9558-0539-9. – EDN YYWZIV.
9. Селютин, В. Н. История становления и развития общеобразовательной школы в СССР в 20-30-е годы / В. Н. Селютин // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования: Материалы Международной научно-практической конференции, Орёл, 24–28 марта 2014 года. – Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2014. – С. 145–147. – EDN SYHMSP.
10. Смагулов, Н. К. Кадровая политика большевиков в партийных и государственных органах Казахстана в 1917–1936гг: монографическое исследование / Н. К. Смагулов; Н.К.Смагулов; Министерство образования и науки Республики Казахстан, Карагандинский государственный технический университет. – Караганда: Издательство КарГТУ, 2011. – ISBN 978-601-296-118-8. – EDN QVMQXL.
11. Штудер Б., Унфрид Б. Сталинские партийные кадры: практика идентификации и курсы в Советском Союзе 1930-х гг. [пер. с нем. И. А. Золотарева]; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. – М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011.
12. Ярмолич, Ф. К. Культурно-образовательный уровень и подготовка цензоров в 1920-1930-е гг. в СССР (на материалах Ленинграда, Петрозаводска, Мурманска) / Ф. К. Ярмолич // Цензура в России: история и современность: Сборник научных трудов. Том Выпуск 7. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2015. – С. 272-283. – EDN ZVSJTH.
1. Avramova, E. M. Reformy sistemy obrazovaniya v SSSR i Rossii kak otrazhenie transformacii obshchestvennyh potrebnostej [Reforms of the education system in the USSR and Russia as a reflection of the transformation of social needs]. – М.: Delo, 2014. (In Russ.).
2. Grishaev, O. V. Politika partijnyh i gosudarstvennyh organov v oblasti institucional'noj i nauchnoj organizacii istoricheskogo obrazovaniya i izuchenija otechestvennoj istorii v 1917-m - seredine 1940-h gg. v SSSR [The policy of party and state bodies in the field of institutional and scientific organization of historical education and the study of national history in 1917 - mid-1940s. in the USSR]: monografija. – Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2020. (In Russ.).
3. Grosul, V. Ja. Obrazovanie SSSR (1917-1924 gg.) [Education of the USSR (1917-1924)]. 2-e izd. – М.: ITRK, 2012. (In Russ.).
4. Kant, I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. М.: Akademicheskij proekt, 2018. (In Russ.).
5. Naumov S. Ju., Sarancev N.V. Jelitnye kadry partii bol'shevikov v Saratove i Saratovskom regione (1917-1941 gg.) [Elite cadres of the Bolshevik Party in Saratov and the Saratov region (1917-1941)]: ocherki istorii. – Izd. 2-e, rassh. i dop. – Saratov: Saratovskij gos. social'no-ekonomicheskij un-t, 2013. (In Russ.).
6. Nigmatulin, M. V. Reforma obrazovaniya v SSSR i Rossii glazami starsheklassnika [Education reform in the USSR and Russia through the eyes of a high school student]: Istorija. Mify. Perspektivy. – М.: LENAND, 2019. (In Russ.).
7. Petrova Ja. I. Organizacija obuchenija vzroslyh v processe likvidacii negramotnosti v SSSR v 1920-1930-e gody [Organization of adult education in the process of eliminating illiteracy in the USSR in the 1920-1930s]: [monografija]. – Samara: Samarskij un-t, 2011. (In Russ.).
8. Ponjavina M. B. Politika v sfere obrazovaniya v SSSR i sovremennoj Rossii: politologicheskij analiz [Policy in the field of education in the USSR and modern Russia: political science analysis]: monografija. – М.: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M, 2015. (In Russ.).
9. Selyutin, V. N. Istorija stanovleniya i razvitiya obshcheobrazovatel'noj shkoly v SSSR v 20-30-ye gody / V. N. Selyutin // Formirovaniye regional'noy kul'turnoy politiki v kontekste moderni-

zatsii obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Orol, 24–28marta 2014 goda. – Orol: Orlovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2014. – S. 145–147. – EDN SYHMSP. (In Russ.).

10. Smagulov, N. K. Kadrovaya politika bol'shevi-kov v partiynykh i gosudarstvennykh organakh Kazakhstana v 1917–1936gg: monograficheskoye issledovaniye / N. K. Smagulov; N.K.Smagulov; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan, Karagandinskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. – Karaganda: Iza-tel'stvo KarGTU, 2011. – ISBN 978-601-296-118-8. – EDN QVMQXL. (In Russ.).

11. Studer B., Unfrid B. Stalinskie partijnye kadry: praktika identifikatsii i diskursy v Sovetskom Sojuze 1930-h gg.[Stalinist Party Cadres: Identification Practices and Discourses in the Soviet Union of the 1930s][per. s nem. I. A. Zolotareva]; Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federatsii [i dr.]. – M.: Fond "Prezidentskij centr B. N. El'cina": ROSSPJeN, 2011. (In Russ.).

12. Yarmolich, F. K. Kul'turno-obrazovatel'nyy uroven' i podgotovka tsenzorov v 1920-1930-ye gg. v SSSR (na materialakh Leningrada, Petrozavodska, Murmanska) / F. K. Yarmolich // Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost': Sbornik nauchnykh trudov. Tom Vypusk 7. – Sankt-Peterburg: Rossiyskaya natsional'naya biblio-teska, 2015. – S. 272-283. – EDN ZVSJTH. (In Russ.).

Author:

ILARIONOVA T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: ilarionova-ts@ranepa.ru, SPIN code: 8795-9627, ORCID 0000-0002-8615-5374

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no onflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 14.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 20.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

Информация об авторе:

ИЛАРИОНОВА Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адрес: 119606, Россия, Москва, пр. Вернадского 82, e-mail: ilarionova-ts@ranepa.ru, SPIN-код: 8795-9627, ORCID 0000-0002-8615-5374

С. П. ФЕДОТОВ, Д. В. НЕХАЕВА

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ

Аннотация. Целью статьи является изучение исторического опыта организации работы органов государственной статистики в Российской империи, СССР и современной России. С момента появления первых статистических органов в начале XIX века и до настоящего периода была проделана большая работа по формированию её комплексной системы. В этой связи актуально провести анализ наработанных практик, которые могут найти своё применение в современности. На этой основе сформулирована основная проблема данной статьи. Она связана с выявлением особенностей и характерных черт организации работы органов статистики и определением порядка их взаимоотношений с государством.

В ходе исследования использовались как общенаучные методы (сравнение, анализ, дедукция и индукция), так и специально-научные исторические методы. Общенаучные методы позволили определить тенденцию исследования и сформулировать его проблему. Среди специально-исторических методов были использованы источниковедческий и историографический методы. Они позволили определить степень изученности темы, а также имеющиеся источники.

На основе проведённого исследования выявлены этапы формирования органов статистики в России с начала XIX века. Определены особенности, в которых происходило становление органов статистики. Охарактеризованы ключевые исторические личности, которые оказали влияние на развитие статистики в России. В частности, отмечена роль первого руководителя Центрального статистического комитета – известного русского учёного П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

На основе проведённого исследования возможно дальнейшее, более детальное изучение деятельности статистических органов в отдельно взятые временные периоды. Приоритетным вопросом, например, является изучение роли центрального статистического органа в организации первой в истории России переписи населения в 1897 года. Кстати, центральный статистический орган осуществлял подготовку итоговых документов и сборников после прошедшей переписи.

Говоря о результатах исследования, нужно отметить, что органы статистики являются неотъемлемой частью функционирования государственного механизма. Благодаря статистическим данным правительство получает возможность своевременного принятия необходимых мер и преобразований, а также нововведений. Начало деятельности статистических органов связано с периодом правления императора Александра I. Следующим важным этапом развития органов статистики в Российской империи стала эпоха императора Александра II. Именно в период правления этого императора был образован Центральный статистический комитет. С наступлением эпохи советской власти органы статистики быстро были преобразованы и включились в обычную работу Советского государства. Важной была роль органов статистики в период Великой Отечественной войны. Органами статистики осуществлялся сбор и подготовка информации для Правительства СССР о запасах, производстве, наличии материальных ресурсов и др.

После распада СССР статистические органы снова изменились, но продолжают выполнять свою важную функцию сбора и актуализации данных, крайне необходимых для функционирования государства.

Ключевые слова: Российская империя, СССР, РФ, статистический комитет, Центральный статистический комитет, статистика

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Федотов С.П., Нехаева Д.В. К вопросу истории статистических органов в Российской империи, СССР и РФ // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 102–112.

© Федотов С.П., Нехаева Д.В., 2024г.

Original article

S. P. FEDOTOV, D. V. NEKHAEVA

THE DEVELOPMENT OF STATE STATISTICS SERVICES IN RUSSIA

Abstract. The purpose of the article is to study the experience of State Statistics Services in the Russian Empire, the USSR and modern Russia. A lot of work was done to form the comprehensive system from the establishing the first statistics service at the beginning of the 19th century till the present. In this regard, the analysis of Statistics Services actual experience is relevant. It helps to prioritize the research problem of the article. The research problem is to identify the features and characteristics of the Statistics Services work and to determine their relationship with the state.

Both general scientific (comparison, analysis, deduction and induction) and special scientific historical methodologies are used in the current research. The goal of general scientific analysis is to identify the re-search trends and to formulate the research problem. Such special historical methods as source study and historiographic analysis are used. They are to determine the level of knowledge and to identify available sources.

The authors reveal the formation stages of Statistics Services since the beginning of the 19th century in Russia. The authors determine the formation features of Statistics Services and identify the key historical figures who influenced the statistics development in Russia. Notably, they mention the role of the famous Russian scientist P.P. Semenov-Tyan-Shansky, the first head of the Central Statistical Committee.

The given analysis forces the research to examine Statistics Services experience in details at any one time. A priority issue is to study the role of the Central Statistical Committee in organizing the first in the history of Russia population census in 1897. The Central Statistical Committee prepared final documents and collections after the census.

As a result, the authors conclude that Statistics Services are an integral part of the state mechanism functioning. Through statistics, the government takes the necessary steps on time, and have opportunities for changes and innovations. The beginning of the Statistics Services functioning dates back to the reign of Emperor Alexander I. The era of Emperor Alexander II was the next important stage in the Statistics Services development in the Russian Empire. It was when the Central Statistical Committee was established. During the Soviet era, Statistics Services were quickly transformed and integrated into the everyday work of the Soviet state. During the Great Patriotic War, the role of Statistics Services was very important. Statistics Services were responsible for collecting statistics related to food stocks, production and available material resources for the USSR Government. After the USSR collapsed, Statistics Services were transformed again, but they continue to perform their important function of data collecting and updating that are essential for the State functioning.

Keywords: Russian Empire, USSR, Russian Federation, Statistical Committee. Central Statistical Committee, statistics

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Fedotov, S.P., Nekhaeva, D.V. (2024) The development of State Statistics Services in Russia. Vestnik of State and Municipal Management. Vol.13. – no. 1, P.102-112

ВВЕДЕНИЕ

Органы статистики выполняют важную функцию, позволяющую проследить, как выстраиваются отношения государства и общества. Их работа позволяет определить тенденции, которые складываются в государстве. Благодаря этому становится возможным вовремя предпринять необходимые меры в той или иной сфере жизни общества.

Сегодняшнее государство России нельзя представить без существующих органов статистики. Правительству РФ важно понимать, как складываются дела в сфере здравоохранения, образования, экономики, дорожного строительства и других сфер. За счёт налаженной за более чем двухвековой период существования системы статистических органов сейчас это становится возможным.

Сегодня в период стремительного развития процессов цифровизации в российском обществе происходит трансформация работы органов статистики. Однако в любом случае текущие изменения базируются на большом опыте работы органов статистики с момента их образования еще в начале XIX века. В этой связи важно провести исследование организации и работы органов статистики за долгий период их функционирования. На основе этого актуально сделать выводы сложившегося исторического опыта работы органов статистики. Для этого необходимо провести соответствующее исследование на основе имеющихся историографических исследований из этой области, а также имеющегося источникового базиса. Как показала практика подготовки статьи, на сегодняшний день имеется перечень исторических источников, которые в своём объёме позволяют провести данное исследование.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Основная проблема статьи связана с выявлением особенностей и характерных черт организации работы органов статистики в заявленный в статье период, а также с определением порядка взаимоотношений государства с органами статистики. Образование

органов статистики происходило в период важных изменений в жизни Российской империи. Активная фаза развития органов статистики относится ко времени эпохи Великих реформ императора Александра II. В тот период в России происходили значительные изменения, связанные с массовым проведением целого ряда реформ. основополагающей реформой оказалась реформа по отмене крепостного права, которая завершилась публикацией манифеста от 19 февраля 1861 года. В этот период государству было необходимо точно понимать происходящие в губерниях процессы. В первую очередь это касалось земельных вопросов, так как необходимо было произвести наделение крестьян землёй. Помимо этого, в дальнейшем с проведением Земской реформы 1864 года нужно было определиться с численностью населения по отдельно взятым губерниям, городам, уездам. В этой связи была высока потребность государства в статистических данных. По этой причине в 1863 году был образован Центральный статистический комитет. В дальнейшем значение органов статистики не становилось ни в коем образе меньше. Напротив, с совершенствованием государственного аппарата роль статистики только росла. Государству нужно было понимать, где и каким образом формируется та или иная ситуация и где нужно ожидать возникновения каких-то проблемных моментов. В этом и состоит высокая значимость современных статистических органов. В этой связи данная тема является актуальной и на сегодняшний день.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор научной литературы, связанной с различными проблемами истории органов статистического учета за период XIX – начала XXI века, позволяет констатировать отсутствие комплексных научных исследований по данной проблематике. В то же время есть частные статьи, а также ряд диссертаций по отдельным периодам и регионам.

В целом изучение функционирования органов статистики в разные периоды истории России начиная с XIX века имеет свои особенности. В частности, справедливости ради нужно отметить наличие работ [20] [17], имеющих региональную специфику. Причём важно отметить, что есть диссертационные работы, посвящённые изучению статистических органов отдельно взятых регионов и территорий. При подготовке таких работ авторы делают в них исторические срезы по развитию статистических органов общероссийского масштаба.

Отдельно нужно отметить современного исследователя А.Ю. Скрыдлова. У него опубликован ряд работ [18], [19], посвящённых работе органов статистики. В большей части это особенности, касающиеся работы органов статистики Российской империи. Статьи автора отличаются привлечением широкого круга источниковых и историографических материалов.

Говоря об исследовательских работах, касающихся истории функционирования органов статистики в годы Великой Отечественной войны, стоит отметить работы [7], [8], [9] исследователей В.В. Нехаева, Т.Г. Нехаевой. В ряде их работ присутствуют интересные сведения о деятельности статистических органов в годы Великой Отечественной войны, например, в Тульской области. У этих авторов есть также работы, касающиеся юридической основы функционирования органов статистики. Такие материалы позволяют проследить основы законодательного сопровождения деятельности органов статистики в разные периоды.

Говоря об источниках, которые были применены в данной статье, нужно отметить в первую очередь юбилейную работу «История государственной статистики 1811–2011 гг.» [4]. Это издание было подготовлено к 200-летнему юбилею существования органов государственной статистики. Большой плюс данного издания заключается в том, что в него заложена взятая из материалов архивохранилищ информация, содержащая факты по истории развития органов статистики с мо-

мента возникновения органов государственной статистики. Справедливо, нужно заметить, это издание включается в перечень опубликованных источников. При подготовке данной статьи эта работа оказалась важным источником.

К опубликованным источникам стоит отнести юбилейное издание [21] от Статистического комитета, выпущенное в 1913 году. Собранный в этом издании материал содержит важную информацию о работе Центрального статистического комитета в период пореформенной России. Более того, в этом системном сборнике содержится интересная информация о жизни общества в Российской империи.

Следующим не менее важным источником выступает Полное собрание законов Российской империи. Из общего перечня томов в ходе подготовки статьи использовался, например, том 31. В нём шла речь о функционале специализированного стола при департаменте полиции [12]. Примеры организации органов статистики в разные периоды есть и в других томах Полного собрания законов Российской империи.

К источниковой базе стоит отнести также труды [2] известного статистика и историка, а также экономиста, академика Петербургской академии наук и автора первой в истории Российской империи работы по демографии и первой таблицы смертности в России К.Ф. Германа. Благодаря его работам есть возможность получить сведения о начальном этапе развития статистических органов в Российской империи в начале XIX века.

В целом в современной исторической науке, безусловно, есть работы, касающиеся деятельности статистических органов. Интерес к сфере статистических органов проявляют и авторы из правового сектора, исследуя свой предмет в этой области.

Помимо этого, история органов статистики подкрепляется и существенной базой источниковых материалов. Присутствуют как источники опубликованного характера, так и труды известных учёных из периода, например, императорской России. Есть и сводные

материалы об истории статистических органов.

Таким образом, историографических и источниковых материалов для рассмотрения проблемы данной статьи вполне достаточно. Они и позволили проследить тенденцию развития деятельности статистических органов в указанный в статье период истории России. За счёт этого и была достигнута цель данной статьи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Органы статистики выполняют важную роль взаимодействия общества и государства. Так складывалось с момента их образования в XIX веке и вплоть до сегодняшнего дня. Сегодня в России в целом ряду приоритетных направлений остаётся вопрос развития информационного общества. Этому сейчас способствует повсеместное внедрение информационных технологий и внедрение цифровой экономики. В любом случае для государства сейчас важно оперативно получать информацию, касающуюся функционирования всех сторон жизни российского общества. В то же время цифровизация общества ставит перед органами, занимающимися статистической работой, новые вызовы. В этой связи важно определиться с тем историческим опытом, который существовал ранее, и использовать его в современной жизни. Речь идёт о применении практики российских органов статистики.

Важно отметить, что в 1802 году по инициативе императора Александра I были созданы министерства. Для функционирования этих отраслевых органов исполнительной власти необходимы были статистические данные. Как видим, спустя недолгое время зашла речь и об организации работы статистических органов. При этом важно отметить, что созданные министерства охватили все важнейшие на тот период времени отрасли жизни общества [13].

Кстати, тогда же в 1802 году в высочайшем манифесте императора Александра I

отмечалось, что губернаторам в конце года нужно подавать отчёты «Его Императорскому величеству через Правительствующий сенат» [4, С. 7]. Важную роль в этой работе сыграл министр внутренних дел В.П. Кочубей. Он в сентябре 1802 года и предписал губернаторам отправлять соответствующие отчёты о происходящем в их губерниях. При этом отмечалось, что статистические данные имеют особую важность для организации государственных дел [3, С. 38].

Образование органов государственной статистики России относится к началу XIX века, к эпохе императора Александра I. Организация и внедрение органов статистики стало результатом образования до этого времени министерств как новых органов исполнительной власти отраслевого характера.

В 1811 году было создано Статистическое отделение Департамента исполнительной полиции Министерства полиции [4, С. 5]. Это отделение возглавил К.Ф. Герман [4, С. 5]. Он возглавлял Статистическое отделение вплоть до 1819 года. В 1819 году произошло объединение Министерства полиции с МВД. После этого Статистическое отделение отнесли к канцелярии министра МВД. В 1828 году в здании, где находилось Статистическое отделение, произошел пожар. В результате погребено много документов [4, С. 15].

В 1834 году Статистическое отделение было реорганизовано. Статистическое отделение было образовано на новой основе при Совете министра МВД. Этим же положением от 20 декабря 1834 года император Николай I утвердил положение, которое касалось вопросов организации работы губернских и областных статистических комитетов [4, С. 18].

Образование губернских статистических комитетов активно началось с 1835 года: указ Правительствующего сената об организации губернских статистических комитетов был принят 28 января 1835 года. Первые такие комитеты появились в Николаеве и Севастополе [4, С. 18, 19].

Здесь уместно отметить, что прописывалось по этому вопросу в Полном собрании

законов Российской империи. Есть интересные факты в IX томе Полного собрания. Например, указывается, что губернские статистические комитеты могут требовать оказания помощи у землемеров и архитекторов. При этом отмечается любопытное утверждение, что оказание помощи не должно отвлекать представителей указанных профессий от их основной работы [16, С. 238].

В 1852 году Статистическое отделение Совета министров было соединено с учрежденным в 1847 году Люстрационным комитетом [6, С. 56], [13]. В дальнейшем в результате этого слияния был образован статистический комитет. В соответствии с проведенными преобразованиями комитет становился под непосредственное руководство министра МВД. В это время был увеличен штат статистического комитета. Было увеличено также финансирование комитета [21].

Статистический комитет с этого времени получил новые функции: статистическую и инвентарную. Комитету необходимо было вести работу по сбору информации о населении в губерниях, областях и пр. Статистика велась, кстати, с отнесением жителей к отдельным группам. В частности, по вероисповеданию, расселению и так далее. Анализировались статистическим комитетом также пространство и распределение земель, число поселений, усадеб, храмов и т. д. [4, С. 28]. Объем работы был довольно широким. Однако это было необходимо для понимания происходящих процессов в государстве в тот период времени. По таким правилам статистический комитет начал свою работу в 1853 году.

В то же время спустя год министр МВД С.С. Ланской в циркуляре от 12 декабря 1857 года писал о том, что губернские статистические комитеты подали недостаточный объем информации, а отдельные комитеты присылали неясные и сбивчивые таблицы. По итогам такого подхода произвести приемлемую оценку происходящих в обществе процессов было довольно сложно [4, С. 29].

Из-за неэффективности работы статисти-

ческого комитета, как показал вышеприведенный циркуляр министра МВД в 1857 году, произошли изменения в структуре самого комитета. В первую очередь управляющим делами комитета стал А.Г. Тройницкий. Помимо всего, работа статистического комитета стала касаться сбора информации о крепостном населении России. Также в статистическом комитете начали разрабатывать новые, упрощенные формы отчетности и инструкции для губернских статистических комитетов. Именно в это время началась активная подготовка к отмене крепостного права. Тогда же начал действовать секретный комитет по крестьянскому вопросу.

В марте 1858 года статистический комитет был снова преобразован. На его основе был образован Центральный статистический комитет при МВД. В Центральном статистическом комитете было образовано два отдела: 1) статистический; 2) земский [14].

Работа проводилась большая. Действия правительства были связаны с необходимыми изменениями, которые нужно было проводить в государстве в преддверии больших изменений – имеется в виду проведение целой серии реформ. В первую очередь речь идет об отмене крепостного права в 1861 году.

В этой связи справедливо упомянуть, что 20 декабря 1860 года император Александр II утвердил новое положение о губернских и областных статистических комитетах. Впереди будет целая серия реформ Александра II. По этой причине император и правительство сделали шаг для того, чтобы преобразовать систему губернских статистических комитетов. Это было необходимо для исследования и получения нужных данных о происходящих в губерниях процессах.

Отмена крепостного права продолжала оказывать влияние на развитие статистических органов. Так, уже после манифеста от 19 февраля 1861 года, по которому крепостное право в Российской империи было отменено, 27 июля 1861 года император Александр II утвердил Положение об устройстве

сельского состояния. В результате этого из Центрального статистического комитета выделили земский отдел как отдельное учреждение. Это было вынужденной мерой, так как необходимо было проводить устройство и общественное управление крестьянами после отмены крепостного права [15].

В 1863 году произошло крупное изменение в работе статистических органов Российской империи. В апреле 1863 года в результате преобразования был создан Центральный статистический комитет. Руководителем вновь созданного учреждения стал известный отечественный ученый и географ, а также статистик П.П. Семёнов-Тян-Шанский. Он возглавлял этот комитет вплоть до 1882 года. В этот период времени была проведена большая работа по реформированию организации сбора и обработки статистических данных. В целях разработки научно-практических особенностей работы Центрального статистического комитета в 1870 году состоялся первый и единственный всероссийский статистический съезд. Здесь же обсуждался вопрос организации первой переписи населения Российской империи, которая, кстати, прошла в 1897 году. Инициатором съезда стал руководитель Центрального статистического комитета П.П. Семёнов-Тян-Шанский [4, С. 18].

Первая перепись населения Российской империи проводилась в период с 18 ноября по 30 мая 1897 года. Обработкой итогов переписи занимался Центральный статистический комитет. Подготовленные сведения включали в себя информацию о жизни общества Российской империи того периода времени. Материалы публиковались потом ещё в течение семи лет. Справедливо отметить, что материалы этих сборников имеют важное значение при изучении истории имперского периода [4, С. 66].

Кроме основной переписи населения в 1897 году Центральный статистический комитет проводил и другие переписи. Так, в 1903 и в 1910 годах была осуществлена перепись машин и орудий в сфере сельского хозяйства. А с 1904 года стали собирать данные о чис-

ленности скота [4, С. 66, 67]. В этот же период проходила аграрная реформа П.А. Столыпина.

После Октябрьской революции в соответствии с решением Совнаркома статистика была реорганизована на ленинских принципах и в 1920–1930 гг. радикально, базисно изменилась как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. В первую очередь это коснулось принципов статистической работы: введён сплошной статистический учёт всех хозяйствующих субъектов; установлена уголовная ответственность за искажение данных; прекратилась связь с международными организациями и использование зарубежного опыта; запрещена публикация статистической информации и её открытое обсуждение (осуществлялась только с грифом «для служебного пользования») для партийно-советских работников). Кадровые чистки органов статистики страны, начавшиеся в 1917 году, привели к масштабным репрессиям в конце 1930-х годов, особенно после Всесоюзной переписи населения 1937 года, признанной партией вредительской [4, С. 97–98]. Состав чиновников-статистиков также претерпел кардинальное изменение – фактически исчезли дворяне и мужчины из их среды, а также лица с высшим образованием. Эти страницы трагичной истории описываются в монографии французских исследователей Алена Блюма и Мартина Меспуле «Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине» [1].

Во время Великой Отечественной войны статистика полностью служила фронту. В этот период учет был направлен на сбор информации для Правительства СССР о запасах, производстве, наличии материальных ресурсов [7], [8], [9]. Хрущевские реформы дали некоторую либерализацию и в статистической сфере. Однако весь советский период 1970-х – 1980-х годов не был снят гриф закрытости со статистической информации. Следует согласиться с мнением, что в «Советском Союзе статистика, выполняя задачи по отражению динамики экономики развитого социализма и планового хозяйства, руководствовалась

решениями коммунистической партии».

Распад Советского Союза и возрождение капитализма в России в 1990-е годы вновь радикально изменили основополагающие принципы деятельности и законодательство о статистике в соответствии с основами рыночной экономики.

Тем не менее законодательство о статистике в современной России полностью оформилось только в 2000-х годах с принятием в 2007 году Федерального закона Российской Федерации от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учёте и системе государственной статистики в Российской Федерации» и других федеральных законов [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Органы статистики, которые в разные периоды истории России с момента своего основания имели разное наименование, являлись и по сей день являются неотъемлемой частью функционирования государственного организма. За счёт статистических данных правительство получает возможность своевременного принятия необходимых мер и преобразований, а также нововведений.

Деятельность статистических органов берет своё начало с периода правления императора Александра I. В период правления молодого императора был проведен ряд крупных преобразований. В частности, в 1802 г. взамен утративших свою функциональность коллегий были введены министерства. Для организации работы новых отраслевых органов исполнительной власти были необходимы сведения о происходящих в губерниях процессах. По этой причине в первые годы правления императора Александра I и был сделан шаг к образованию органов статистики.

Следующим важным этапом развития органов статистики в Российской империи стала эпоха императора Александра II. Именно в период правления этого императора был образован Центральный статистический коми-

тет, руководителем которого стал Семёнов-Тян-Шанский. В эпоху Александра II, помимо реформы по отмене крепостного права, был проведён ещё целый ряд реформ. В это время статистика значительно изменилась и усовершенствовалась. В результате этого в 1897 году была проведена первая в истории России перепись населения. Обработкой полученных результатов занимался Центральный статистический комитет. В начале XX века спектр исследовательских статистических данных значительно увеличился. Например, стали проводиться исследования в области сельского хозяйства.

С наступлением эпохи советской власти органы статистики быстро были преобразованы и включились в обыденную работу Советского государства. Значительно высока была роль органов статистики в период Великой Отечественной войны. Осуществлялись сбор и подготовка информации для Правительства СССР о запасах, производстве, наличии материальных ресурсов и др.

После распада СССР статистические органы снова изменились, но продолжают выполнять свою важную функцию сбора и актуализации данных, крайне необходимых для функционирования государства. Законодательство о статистике в современной России оформилось в 2007 году, когда был принят Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учёте и системе государственной статистики в Российской Федерации» и другие федеральные законы.

Библиография / References:

1. Блюм, А. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле; [пер. с фр. В.М. Володина]. – М.: РОССПЭН, 2006. – ISBN 5-8243-0705-9. – EDN OXNFLA.
2. Герман, К. Ф. Краткое руководство ко всеобщей теории статистики: для употребления в училищах Российской империи / Изданное от Главного правления училищ. – СПб.:

- Типография при Императорской Академии наук, 1808. – 22 с.
3. Доклад министра внутренних дел с представлением отчёта с учреждения Министерства за последние четыре месяца 1802 г. // Санкт-Петербургский журнал. – 1804. – № 1.
 4. Елисеева, И. И. История российской государственной статистики: 1811–2011 / И.И. Елисеева, А.Л. Дмитриев. – М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2013. – 143 с. – ISBN 978-5-4269-0029-5. – EDN TRXYLZ.
 5. Меркулов, П. А. Государственная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков по отношению к подкинутым детям / П.А. Меркулов, О.В. Леонова, Е.Н. Селютин // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 786–798. – DOI 10.13187/bg.2021.2.786. – EDN BCWTQW.
 6. Министерство внутренних дел: исторический очерк: [1802–1902 гг.]. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. – 41 с.
 7. Нехаев, В. В. Деятельность органов государственной статистики Тульской области в годы Великой Отечественной войны / В.В. Нехаев // Героическая оборона Тулы в битве за Москву: к 75-летию: Материалы научной конференции, Тула, 30 ноября – 2 декабря 2016 года. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2017. – С. 254–256. – EDN ZANHGX.
 8. Нехаев, В. В. Правовое регулирование государственной статистики России в условиях международной интеграции / В.В. Нехаев, Т.Г. Нехаева // Мы продолжаем традиции Российской статистики: Сборник докладов I Открытого российского статистического конгресса, Новосибирск, 20–22 октября 2015 года / Российская ассоциация статистиков; Федеральная служба государственной статистики РФ; Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». Том 1. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2016. – С. 108–111. – EDN XGZUQT.
 9. Нехаев, В. В. Статистическое обеспечение деятельности руководства страны в годы Великой Отечественной войны / В.В. Нехаев, Т.Г. Нехаева // Вопросы статистики. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 104–109. – DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-3-104-109. – EDN AQWOIG.
 10. Об официальном статистическом учёте и системе государственной статистики в Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6043.
 11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 27. № 20 406.
 12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 31. № 24 687.
 13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 27. № 26 877.
 14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 33. № 32 826.
 15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. № 37 290.
 16. Полное Собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. 9: 1834: [В 2-х отделениях]. – 1835. – № 7684.
 17. Савинова, Т.А. Земская статистика как источник формирования организационно-производственной школы: специальность 08.00.01 «Экономическая теория»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Савинова Татьяна Александровна. – Москва, 2010. – 220 с. – EDN QETUTB.
 18. Скрыдлов, А. Ю. А. Чупров и развитие статистического образования в Санкт-Петербургском политехническом институте (к 145-летию со дня рождения ученого) / А.Ю. Скрыдлов // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 6 (24). – С. 20. – DOI 10.34680/2411-7951.2019.6(24).20. – EDN RQPNBD.
 19. Скрыдлов, А. Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819 гг.) /

- А.Ю. Скрыдлов // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 461–478. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478. – EDN UIXYOF.
20. Тагиева, М. Р. Органы государственной статистики на Тереке во второй половине XIX – первой четверти XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тагиева Мадина Руслановна. – Нальчик, 2012. – 209 с. – EDN QFXZBT.
21. Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства Внутренних Дел. L 1863 30/IV 1913. – Санкт-Петербург, 1913. – 331 с.
1. Blyum, A. (2006) Byurokraticheskaya anarkhiya. Statistika i vlast' pri Staline / A. Blyum, M. Mespule; [per. s fr. V.M. Volodina]. – M.: ROSSPEN. – ISBN 5-8243-0705-9. – EDN OXNFLA. (In Russ.).
2. German, K. F. (1808) Kratkoye rukovodstvo ko vseobshchey teorii statistiki: dlya upotrebleniya v uchilishchakh Rossiyskoy imperii / Izdannoye ot Glavnago pravleniya uchilishch. – SPb.: Tipografiya pri Imperatorskoy Akademii nauk. – 22s. (In Russ.).
3. Doklad ministra vnutrennikh del s predstavleniyem otcheta s uchrezhdeniya Ministerstva za posledniye chetyre mesyatsa 1802 g. // Sankt-Peterburgskiy zhurnal. – 1804. – №1. (In Russ.).
4. Yeliseyeva, I. I. (2013) Istoriya rossiyskoy gosudarstvennoy statistiki: 1811–2011 / I.I. Yeliseyeva, A.L. Dmitriyev. – M.: Informatsionno-izdatel'skiy tsentr «Statistika Rossii». – 143s. – ISBN 978-5-4269-0029-5. – EDN TRXYLZ. (In Russ.).
5. Merkulov, P. A. (2021) Gosudarstvennaya politika Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov po otnosheniyu k podkinutym detyam / P. A. Merkulov, O.V. Leonova, Ye.N. Selyutina // Bylyye gody. – №16 (2). – S.786–798. – DOI 10.13187/bg.2021.2.786. – EDN BCWTQW. (In Russ.).
6. Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskiy ocherk: [1802–1902gg.]. – SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1901. – 41s. (In Russ.).
7. Nekhayev, V. V. (2017) Deyatel'nost' organov gosudarstvennoy statistiki Tul'skoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny / V.V. Nekhayev // Geroicheskaya oborona Tuly v bitve za Moskvu: k 75-letiyu: Materialy nauchnoy konferentsii, Tula, 30 noyabrya – 02 dekabrya 2016 goda. – Tula: Tul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. L. N. Tolstogo. – S. 254–256. – EDN ZANHGX. (In Russ.).
8. Nekhayev, V. V. (2016) Pravovoye regulirovaniye gosudarstvennoy statistiki Rossii v usloviyakh mezhdunarodnoy integratsii / V. V. Nekhayev, T. G. Nekhayeva // My prodolzhayem traditsii Rossiyskoy statistiki: Sbornik dokladov I Otkrytogo rossiyskogo statisticheskogo kongressa, Novosibirsk, 20–22 oktyabrya 2015 goda / Rossiyskaya assotsiatsiya statistikov; Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF; Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya «NINKH». Tom 1. – Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya «NINKH». – S.108–111. – EDN XGZUQT. (In Russ.).
9. Nekhayev, V. V. (2021) Statisticheskoye obespecheniye deyatel'nosti rukovodstva strany v gody Velikoy Otechestvennoy voyny / V.V. Nekhayev, T.G. Nekhayeva // Voprosy statistiki. – T.28, №3. – S.104–109. – DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-3-104-109. – EDN AQWOIG. (In Russ.).
10. Ob ofitsial'nom statisticheskom uchote i sisteme gosudarstvennoy statistiki v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 29.11.2007g. №282-FZ // SZ RF. – 2007. – № 49. – St.6043. (In Russ.).
11. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr.1. T.27. №20 406. (In Russ.).
12. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr.1. T.31. №24 687. (In Russ.).
13. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr.2. T.27. №26 877. (In Russ.).
14. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr.2. T.33. №32 826. (In Russ.).
15. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy

imperii. *Sobr.* 2. Т. 36. №37 290. (In Russ.).

16. *Polnoye Sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: Sobr. 2-ye. T. 9: 1834: [V 2-kh otdeleniyakh].* – 1835. – №7684. (In Russ.).

17. Savinova, T. A. (2010) *Zemskaya statistika kak istochnik formirovaniya organizatsionno-proizvodstvennoy shkoly: spetsial'nost' 08.00.01 «Ekonomicheskaya teoriya»: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk / Savinova Tat'yana Aleksandrovna.* – Moskva. – 220 s. – EDN QETUTB. (In Russ.).

18. Skrydlov, A. Yu. (2019) *A.A. Chuprov i razvitiye statisticheskogo obrazovaniya v Sankt-Peterburgskom politekhnicheskom institute (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) / A.Yu. Skrydlov // Uchonyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta.* – № 6(24). – S.20. – DOI 10.34680/2411-7951.2019.6(24).20. – EDN RQPNBD. (In Russ.).

19. Skrydlov, A. Yu. (2021) *Formirovaniye organov administrativnoy statistiki v Rossiyskoy imperii: Statisticheskoye otdeleniye Ministerstva politsii (1811-1819gg.) / A.Yu. Skrydlov // Nauchnyy dialog.* – № 12. – S. 461–478. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478. – EDN UIXYOF. (In Russ.).

20. Taziyeva, M. R. (2012) *Organy gosudarstvennoy statistiki na Tereke vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v: spetsial'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Taziyeva Madina Ruslanovna.* – Nal'chik. – 209 s. – EDN QFXZBT. (In Russ.).

21. *Yubileyny sbornik Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva Vnutrennikh Del. L 1863 30/IV 1913.* – Sankt-Peterburg, 1913. – 331s. (In Russ.).

Информация об авторах:

ФЕДОТОВ Сергей Петрович, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская,

д. 12, e-mail: 79192014630@yandex.ru, SPIN-код: 6261-4220, ORCID 0009-0003-0400-6610

НЕХАЕВА Дарья Викторовна, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: nehaevadash@yandex.ru, SPIN-код: 3228-9425, ORCID 0009-0005-1740-3150

Authors:

FEDOTOV S.P., Candidate of Historical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: 79192014630@yandex.ru, SPIN code: 6261-4220, ORCID 0009-0003-0400-6610

NEKHAIEVA D.V., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: nehaevadash@yandex.ru, SPIN-code: 3228-9425, ORCID 0009-0005-1740-3150

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 11.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 25.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕГАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В 1906–1907 ГГ.

Аннотация. Целью работы является определение особенностей становления первых праволиберальных партий и избирательных стратегий, которые они выбирали в ходе избирательной кампании. Идеология консервативного либерализма близка к идеологии современного Российского государства. Избирательные практики в условиях ограниченной демократии актуальны для нашего времени. Интересно выяснить для нынешних подобных организаций, каким избирательным потенциалом обладают умеренно либеральные партии в России.

При проведении исследования использовался проблемно-хронологический метод. С помощью этого метода тематика была разделена на несколько хронологически выстроенных стадий формирования легалистских партий. Используя этот приём, автор показывает последовательное развитие легалистского движения в ходе избирательных кампаний. Но в целом попытка консервативно-либеральных партий занять стабильное положение в парламенте не реализовалась из-за совокупности объективных и субъективных причин.

Исследование основано на широком круге источников. Практики политиков-идеалистов, продвигающих этико-правовые концепции «правильного» государства, оказались неудачными для того периода. Избиратели были настроены более радикально, чем партии центра. Одновременно с выборами организации занимались внутривнутрипартийным строительством. Они конфликтовали друг с другом, разделялись и объединялись. Как следствие, легалистские организации проиграли выборы в I и II Государственную Думу.

Результаты исследования оставляют поле для размышления о востребованности консервативно-идеологических концепций у российского избирателя. Перспективными могут считаться дальнейшие исследования о развитии и становлении легалистских организаций до 1917 года и об изменении их избирательных стратегий на выборах в III и IV Государственную Думу и органы местного самоуправления.

Несмотря на поддержку легалистов со стороны Витте, а потом Столыпина, их деятельность не встретила понимания у МВД. Для них они оставались опасными либералами. Правые организации и полиция агрессивно подавляли умеренно либеральные группы. В сочетании с индивидуализмом лидеров, слабым партийным строительством, малой поддержкой, преувеличением нравственных начал в политике это предопределило провал партий в избирательных кампаниях 1906–1907 гг. Можно сделать предположение, что от государства зависит существование партийных организаций, опирающихся на праволиберальные идеи. Поддержка таких партийных групп могла бы укрепить и усилить позиции государства. Но этого не произошло в начале XX века, и пока не происходит сейчас.

Ключевые слова: легалисты, консервативный либерализм, Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, М.М. Ковалевский, П.А. Гейден, Государственная Дума

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Рыбин Д.В. Партийное строительство легалистских организаций и их участие в выборах в Государственную Думу в 1906–1907 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 113–123.

© Рыбин Д.В., 2024г.

**PARTY BUILDING OF LEGALISTIC ORGANIZATIONS AND THEIR PARTICIPATING
IN THE STATE DUMA ELECTIONS IN 1906–1907**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the development of the first right-wing Liberal Parties and their electoral strategies. The conservative liberalism ideology is very close to the ideology of the modern Russian state. Elections in the conditions of limited democracy are relevant for the modern state. The study is an attempt to measure electoral potential of moderate Liberal Parties in Russia.

The problem-chronological method is used in the study. The goal of the method is to reveal several chronologically arranged stages of the Legalist Parties development. The author shows the consistent development of the legalistic movement during the election campaigns. But in general, the Conservative Liberal Parties failed in the attempt to occupy a stable position in Parliament.

The article presents a study of a wide range of sources. The practices of idealistic politicians promoting ethical and legal concepts of the «correct» State did not succeed. Voters were more radical than the Center parties. Simultaneously with the elections, organizations were engaged in internal party building. They clashed with each other; they were separated and then united. As a result, the legalistic organizations lost the I and II State Duma elections.

As a result, the author concludes that the study provides an opportunity to rethink the relevance of conservative ideological concepts among Russian voters. Further research on the legalistic organizations development before 1917 and on changes in their electoral strategies in the III and IV State Duma elections and local governments can be considered promising.

Despite S.Yu Witte's and then P.A Stolypin's support of the Legalists, their activities were not understood by the Ministry of Internal Affairs. The Legalists were considered as dangerous Liberals. The Right-wing organizations and the police aggressively suppressed moderate liberal groups. The Parties failure in 1906-1907 election campaigns was determined by the individualism of the leaders, weak party building, little support, and exaggeration of moral political principles.

The author formulates a hypothesis that the existence of the right-wing Liberal Parties depends on the State. The support of such party groups could strengthen the position of the State. But it did not happen at the beginning of the 20th century, and it does not happen now.

Keywords: Legalists, Conservative Liberalism, Democratic Reform Party, Peaceful Renewal Party, M.M. Kovalevsky, P.A. Heyden, State Duma

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Rybin, D.V. (2024) Party building of Legalistic organizations and their participating in the State Duma Elections in 1906–1907. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, no.1, P.113–123.

ВВЕДЕНИЕ

Тема политической борьбы в годы первой революции и роль партий центра отражена в различных специализированных работах. Здесь мы выделим только труды авторов, напрямую занимающихся праволиберальными политическими силами. В первую очередь это работы Н.Б. Хайловой о Партии демократических реформ и либеральному центризму [12; 13; 14, С. 120–153; 15, С. 138–159]. А также труды В.М. Шевырина о Партии мирного обновления [16, С. 33; 17]. И многочисленные исследования В.В. Шелохаева, К.А. Соловьёва [8], О.А. Патрикеевой [5, С. 326–334; 6, С. 25–31; 7], А.В. Костылева [4] и других ученых. Можно также выделить труды Т. Эммонса [19] и М. Брэйнерда [20] о Партии мирного обновления, А. Рибера о центристском движении в русском либерализме [21], Эда Вишневи о либеральной оппозиции [18]. Тем не менее, несмотря на обилие исследований, часть истории создания консервативно-либеральных партий остается нераскрытой. Так, относительно мало исследован процесс формирования легалистских структур. Многие проблемы избирательных кампаний не изучены. В нашей статье мы раскрываем процесс становления легалистских партий, избирательную стратегию, которую они выбирали, особенности проводимой избирательной кампании и причины их неуспеха.

Опубликовано множество региональных статей, диссертаций, которые мы здесь не приводим. В качестве источников для подготовки данной работы использовались материалы департамента полиции МВД, личный фонд П.Н. Милюкова, фонд партии октябристов (ГАРФ), газетные материалы, материалы Главного управления по делам печати МВД (РГИА), брошюры программ и деклараций партий [1; 2; 9, С. 7–12; 10, С. 5–12; 11, С. 5–9], а также воспоминания участников выборной кампании¹.

¹ Выборы в I – IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников.

В 1905–1906 годах группы юристов, составлявших основу легалистского движения (легализм – общественное объединение российских юристов, возникшее после реформ 1860-х годов, являлось частью освободительного движения накануне первой русской революции), активно включились в процесс трансформации государства. Исповедуя идеи консервативного либерализма (в интерпретации Б.Н. Чичерина), они стремились через активное участие в политике реализовать свои идеалы, состоящие из причудливого смешения либерализма, консерватизма, практической этики, демократизма, правового государства и социальной справедливости. С внешней стороны они конституировались в партийные легалистские структуры, с внутренней стороны стремились продолжать политику тайных переговоров и манипуляций внутри государственного аппарата власти. Большинство лидеров легализма были бывшими или действующими сановниками империи, некоторые – с 1860-х годов.

При проведении исследования использовался проблемно-хронологический метод. С помощью указанного метода мы разделили нашу тему на несколько стадий становления легалистских партий в хронологической последовательности. Используя метод, мы показываем последовательное развитие легалистского движения в ходе избирательных кампаний. Попытка консервативно-либеральных партий занять постоянное положение в парламенте не получилась по совокупности объективных и субъективных причин.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 1905 – начале 1906 года многие либеральные сановники, прежде всего юристы, вели переговоры о создании единой партии, в которую входили бы праволиберальные об-

Материалы и документы) / авторы концепции и составители: И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко. – М.: [б.и.], 2008. – 860 с.

щественные деятели: земцы, юристы, чиновники и преподаватели университетов. Эти переговоры привели к созданию общества, а затем партии «Союз 17 октября». В то же время наиболее прозорливые либералы указывали, что взгляды людей, входящих в эти организации, различаются и «ужиться в одной лодке» не удастся. Леволиберальные политики (первоначально в основном профессора вузов) сразу же перешли к созданию партии кадетов. Умеренные либералы (лидер М.М. Ковалевский) стали создавать Партию демократических реформ. В ней преобладали экономисты и юристы-профессора, бывшие работники юстиции.

Партия имела отделения только в крупных городах, постоянная структура длительное время не была создана. Каждый член партии имел свое мнение и не был связан партийной дисциплиной. Несмотря на присутствие известных общественных деятелей (М.М. Ковалевский, К.К. Арсеньев, М.М. Стасюлевич, В.Д. Кузьмин-Караваев и другие), массовой она не стала, так как представляла маленькую группу городских интеллигентов. Численность сторонников партии никогда не превышала 2000 человек. За весь период своего существования руководители партии не смогли ее зарегистрировать, и она выступала на выборах полуофициально. Хотя ей удалось за счет известности лидеров провести немного депутатов в I и II Государственную Думу (где они выступали с блестящими речами), популярности она не приобрела. Выборы в III Государственную Думу партия проиграла, почти не проведя предвыборную кампанию за отсутствием финансовых средств.

Внутри «разношерстного» общества «Союза 17 октября» между политиками (бывшими общественными деятелями) в 1906 году разгорелись конфликты, которые проистекали как из личных амбиций лидеров, так и из разницы в оценке характера реформ в России. Поэтому, несмотря на массовый характер партии, на первых выборах она выступила слабо, получила мало мест. Ряд создателей

партии П.А. Гейден, Д.Н. Шипов, М.А. Стахович вышли из нее и летом 1906 года стали создавать Партию мирного обновления. Партия, переманив часть октябристов на свою сторону (ее состав не превышал 2000 человек), получила финансирование от крупного капитала. Популярность партии (будущая партия прогрессистов) постепенно росла во время работы III Государственной Думы.

Ещё в 1905 году легалисты отрицали возможность введения в России всеобщего избирательного права. Так, один из их лидеров В.Д. Кузьмин-Караваев на заседании Санкт-Петербургского юридического общества 7 марта заявлял, что Россия к всеобщему избирательному праву не готова. Необходимо вводить многоступенчатые выборы (ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.102. Оп.228. Д.274. Л.7). Весь 1905 год земские съезды обсуждали порядок будущих выборов. Так, на очередном съезде 12 сентября в Москве призвали формировать Государственный совет из состава земского самоуправления. Несмотря на существенную архаичность избирательной системы, по закону от 6 августа 1905 года съезд призывал участвовать в кампании, чтобы не дать правительству сформировать псевдопарламент. Предлагалось сформировать серию комитетов, которые должны были выдвигать выборщиков в местные избирательные комиссии (РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф.150. Оп.1. Д.267. Л.6–10). Меньшинство делегатов съезда пыталось включить в резолюцию пункт о предоставлении женщинам избирательных прав, но большинство делегатов им воспрепятствовало.

Из «бульона» земских съездов родились десятки партий зимой 1905–1906 гг. Среди них формировались легалистские, праволиберальные организации. Так, 26 февраля 1906 года прошел учредительный съезд Партии демократических реформ. Лидер партии М.М. Ковалевский (один из ведущих легалистов) стремился вступить в коалицию с либеральными партиями – «свободомыслящими»,

кадетами и прочими. Но в итоге коалиция не состоялась. Перипетии избирательной кампании партии описаны Н.Б. Хайловой (РГИА. Ф.150. Оп.1. Д.267. Л.376) [13, Л.186–192].

Внутренний конфликт привёл к выходу из «Союза 17 октября» сначала Гейдена (июль), а затем Шипова (сентябрь), оба – создатели партии. Выход лидеров партии и части партийцев из «Союза» сопровождался скандалами, взаимными обвинениями и ослабил обе группы накануне вторых выборов в Государственную Думу. Столкнулись личные амбиции Гучкова и Шипова [13, Л.243]. В то же время лидеры «Союза 17 октября» со своей стороны предпринимали попытки привлечь в свои ряды ярких деятелей Партии мирного обновления и сожалели, что у них ничего не выходит. А.А. Столыпин (брат П.А. Столыпина и участник создания партии октябристов) писал А.И. Гучкову 26 декабря 1906 года: «...ни Арсеньева, ни Стасюлевича невозможно привлечь на нашу сторону. Евгений Трубецкой пылает какой-то хищной ненавистью к «Союзу», как будто бы его лично обидели...»¹.

В июне 1906 года члены Партии мирного обновления и прогрессисты выработали совместный проект программы Партии МО, который включал в себя ряд либеральных проектов. Сами авторы программы признавали, что большой разницы между ними и Партией ДР нет. По вопросу об избирательной системе лидеры ПМО заявляли, что, «не отрицая принципиально справедливости всеобщего, прямого, равного и тайного голосования», немедленное проведение этого принципа в жизнь даст «результаты, не отвечающие цели истинного, народного представительства». Население малокультурное, неграмотное, сельское население не готово к политической борьбе, невозможно вести «правильную»

агитацию. Что же стоило сделать? Надо предоставить прямое избирательное право только горожанам, сельчанам же – двухстепенное. Что касается женщин, то распространение на них избирательных прав «теоретически справедливо», но является «искусственно навязанным положением без серьезных практических оснований». Но всё же стоит дать избирательное право женщинам в местном самоуправлении. Что касается второй палаты, то избирать ее состав должны органы местного самоуправления (проект писали земцы и легалисты) (ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.1265. Л.14,15). Интересное и разумное по большому счету откровение писалось не политиками, а кабинетными людьми. Такие заявления в совокупности с другими умеренными рассуждениями легалистов неизбежно отталкивали от них больше половины потенциальных избирателей, которые ждали «все-го – сейчас и немедленно» и предопределяли их поражение. У правых же либеральная партия получить популярность не могла. Стоит также отметить, что избирательная модель ПМО совпадала с планами «Союза 17 октября».

Впрочем, в вышедшей вскоре предвыборной листовке ПМО необходимость введения двухстепенных выборов в деревне и малых городах объяснялась тем, что якобы из-за отдаленности мест избиратели могут и не знать, кого они выбирают, а вот их доверенные лица якобы точно будут это «знать». Это были идеи Е.Н. Трубецкого, вошедшие в программу партии (ГАРФ. Ф.115. Оп.1. Д.103. Л.22). Следующие оправдания и пояснения ограничений, необходимых для избирательной системы, содержались в речи И.Н. Ефремова, одного из лидеров партии. Выступая 29 ноября среди петербургских (Петербургской стороны) членов партии, он говорил, что партия стремится к установлению 25-летнего избирательного возраста, признавая права женщин, считает, что предоставлять им выборное право преждевременно из-за консерватизма населения, прямое голосование – хорошая идея, но «неудобоосуществимая»

¹ Столыпин, А.А. Санкт-Петербург – Гучкову, А.И. Москва 26 декабря 1906 год // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисловия К.А. Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 53.

из-за низкой культуры народа, неграмотности и больших расстояний (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.251. Л.60).

Партия демократических реформ опубликовала свою программу только 21 октября. По избирательному вопросу ПДР предлагала ввести всеобщее мужское избирательное право (этот пункт сближал их с кадетами) в нижнюю палату и выборы в верхнюю палату земскими собраниями (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.247. Л.45). Разница предвыборных программ либеральных партий подробно описана в диссертации Н.Б. Хайловой [13, Л.151–158].

3 октября 1906 года ПМО предприняла первую попытку регистрации и получила отказ. Якобы ПМО «угрожала общественному спокойствию». Причём партии прямо ставился в вину проект введения прямого голосования в городах (решающим стало мнение петербургского градоначальника) (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.246. Л.48, 49, 123). ПМО тут же обжаловала решение в Сенат (ГАРФ. Ф.102. Оп.236 (II). Д. 795-1906. Л.1–3). Одновременно Н.Д. Байдак (секретарь партии) встретился с П.А. Столыпиным, который поддержал позицию руководства партии. Вскоре на встрече с П.А. Гейденым Столыпин заверил последнего, что партия будет зарегистрирована. Наконец, 16 октября под названием «Общество мирного обновления» партия была зарегистрирована (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.246. Л.165, 172, 277, 292; Д.249. Л.321). К слову сказать, ПДР и ПНС (партия кадетов) зарегистрировать так и не удалось. ПДР было отказано в регистрации три раза.

Лидеры партий пытались создать местные комитеты, договориться с другими либералами. Крупные партийные отделы ПМО были созданы только в 12 городах России. Причем существовало два центральных комитета: в Санкт-Петербурге (контролировал западные партийные отделы) и Москве (восточные отделы) (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.252. Л.108). Чувствуя слабость ПДР, её лидеры неоднократно пытались объединиться с ПМО и кадетами, но коалиции не получилось (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.248. Л.204). Ковалевский вел

переговоры подпольно, а Гейден с Шиповым – открыто. Переговоры Шипова в октябре 1906 года с другими либералами провалились. Как следствие, главный спикер Партии мирного обновления («Гамлет» русской революции) князь Евгений Трубецкой подверг разгрому в печати партии октябристов и кадетов, подрывая к ним доверие. ПМО никто всерьез не воспринимал, только лидеров партий звали персонально в союз с собой октябристы и кадеты, рассчитывая на дополнительные голоса избирателей. 26 октября на совещании руководства ПМО было принято решение предоставить право местным комитетам партии вступать в соглашения с другими «конституционными партиями» (либеральными) о совместной коалиции на выборах. Размытость и неопределенность партии была настолько велика, что Шипов и Стахович даже после вхождения в нее еще два месяца оставались членами «Союза 17 октября» (Стахович пытался усидеть в двухпартийных комитетах как можно дольше). Также медленно происходил раздел местных комитетов. Агитации почти не было. Всё это происходило накануне выборов (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.247. Л.162, 172, 174, 187, 201, 213, 222, 227–229; Д.249. Л.297).

ПМО в отдельных регионах активно приступила к избирательной кампании. Однако она подверглась давлению со стороны МВД. Такое давление сформировало у части политиков и журналистов мнение, что это было связано с необходимостью убрать основного конкурента октябристов. «Союз 17 октября» в тот момент превращался в партию премьера («партию последнего правительственного сообщения», как ее тогда в шутку называли). Так, чиновники – члены Партии МО (и ПДР) были поставлены перед выбором: уйти в отставку или выйти из партии. 8 ноября 1906 года в Одессе конфисковали избирательные листовки ПМО. В декабре в Ростове-на-Дону собрания мирнообновленцев были запрещены, рассылать воззвания они не могли. В Астрахани черносотенцы срывали заседания мирнообновленцев. Вскоре либералы

стали любимым объектом нападков радикальных националистов. С января 1907 года полиция препятствовала проведению собраний ПМО в столицах. В Киеве комитет ПМО был закрыт военными властями. ПМО и ПДР травили в прессе. 23 января 1907 года черносотенцы напали на бюро ПМО в Одессе, унесли 13 000 бюллетеней, уничтожили тысячи конвертов с воззваниями партии. Так государство ущемляло «вегетарианскую» партию, которая фактически являлась ее базой поддержки. Сужалась избирательная группа ПДР и ПМО. Серия разъяснений Сената и Совета министров ограничила или лишила чиновников права участия в выборах (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.248. Л.181,198; Д.250. Л.32; Д.252. Л.185; Д.254. Л.35, 224, 242; Д.255. Л.50, 147).

Первоначальная стратегия ПМО состояла в том, чтобы не блокироваться на первом этапе и лишь после избрания выборщиков вступать в соглашения с кадетами. В конце 1906 года столичный городской комитет ПМО констатировал, что партия не сможет выступить со своим списком на выборах. В то же время кадеты отказались от союза с левыми партиями. Комитет ПМО призвал избирателей голосовать за кадетский список. ПДР решила в начале декабря не выставлять кандидатов в выборщики и поддержала кадетов (ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.1263. Л.1; РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.249. Л.14; Д.250. Л.323). Ухудшили избирательные перспективы неудачные выступления Гейдена по еврейскому вопросу и Трубецкого против кадетов. Партия подвергалась осмеянию почти во всех газетах (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.249. Л.190).

Декабрь 1906 года прошел в массовых политических дебатах – своего рода турнирах, проходивших в столицах. Непосредственно мирнообновленцы активно выступали на собраниях 21 декабря в Москве, 23 декабря в Санкт-Петербурге. Причем на этих дебатах, где присутствовали представители разных партий, Трубецкой проявлял способности прирожденного оратора, Гейден же, напротив, своим поведением отталкивал участников совещаний. Стоит отметить, что в

этих дебатах побеждали кадетские ораторы, октябристы терпели поражение. Едва ли не основным вопросом дискуссий стало определение положения октябристов, кадетов и мирнообновленцев в либеральном лагере (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.253. Л.180, 237–252, 254, 264–265, 271–274).

В январе 1907 года, накануне выборов, обе легалистские партии чувствовали свою предвыборную слабость. М.М. Ковалевский стал активно настаивать на более тесной связи с кадетами и социалистами ради блока «любой ценой». Е.Н. Трубецкой сетовал о развале центристских партий. П.А. Гейден безмятежно готовился войти во II Думу, формировал комиссии партии, которые должны были разрабатывать законопроекты для Думы. Вслед за ПДР региональные отделы ПМО (Тульский, Московский и пр.) стали отказываться от самостоятельного выступления на выборах, заключать договоры с кадетами о поддержке.

При этом непосредственно в самой Москве стараниями Д.Н. Шипова ПМО не поддержала ни одну партию и не выступила самостоятельно. Та же ситуация сложилась в столице, где 16 января городской отдел партии по аналогии с Шиповым принял решение никого не поддерживать и не выступать самостоятельно. Однако уже 6 февраля Петербургский отдел призвал поддержать кадетов (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.254. Л.53, 87, 121, 136, 141, 168, 176; Д.255. Л.49; Д.256. Л.88). Н.Б. Хайлова в своей работе указывает, что мирнообновленцы энергично приступили к избирательной кампании. Однако имеющиеся данные говорят о том, что, хотя начало кампании было и энергичным, но из-за ошибок лидеров, беспорядка и отсутствия опыта она проходила неудачно [13, Л.246, 247].

Стоит отметить, что еще до дня голосования Е.Н. Трубецкой, а затем и пресса обсуждали провал ПДР и ПМО (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.254. Л.176-178; Д.255. Л.32, 33, 170). Партии проявили негибкость. Не отказавшись ни на йоту от своих праволиберальных ценностей, они не вступили в полноценные коалиции с

октябристами или кадетами. Таким образом, провал партий центра на вторых выборах был неизбежен. Члены партий почти не работали с избирателями. Например, провалились переговоры с питерскими приказчиками.

Провал переговоров, медленное выстраивание партий, почти полный отказ от пропаганды и работы с массами, отказ от выдвижения кандидатов в депутаты и в ряде случаев в выборщики, поддержка других партий привели ПДР и ПМО к сокрушительному поражению. Н.Б. Хайлова также добавляет про момент высокой политизированности избирателей, требующих более радикальных действий и голосующих за левые партии [13, Л.248]. Хотя это и верное утверждение, но оно, на наш взгляд, может считаться только одной из причин провала. Так, в конце января 1907 года Д.Н. Шипов, баллотировавшийся в Волоколамском уезде, при выдвижении получил незначительное количество голосов «за» и даже не смог зарегистрироваться как кандидат. П.А. Гейден проиграл выборы в своей Псковской губернии (выиграв их в 1906 году с большим перевесом) никому не известному беспартийному инженеру (через несколько месяцев Гейден скончался). Ковалевский не был избран выборщиком от Харьковской губернии. 28 января состоялась маленькая сенсация – кадеты выдвинули в числе кандидатов по Санкт-Петербургу М.М. Ковалевского, которому удалось с ними договориться. Ковалевский поставил условие – он будет председателем новой Государственной Думы. И на выборах... Ковалевского не допустили к кампании, так как он не прошел ценз оседлости. Е.Н. Трубецкой рассчитывал на прохождение в Госсовет, но и туда его не пропустили (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.255. Л.188б, 257, 282; Д.256. Л.13, 52). Были избраны в Думу только В.Д. Кузьмин-Караваев и М.А. Стахович. Так важным результатом выборов стало откровение, что «лидеры общественного мнения» никакими лидерами вовсе не являются. Стоит отметить, что октябристы набрали меньше мест в Думе, чем на выборах 1906 года. Это тоже было поражение.

Из 4690 выборщиков только лишь 70 были мирнообновленцами и семь – демореконструкторами. Это отражало их реальное положение в политической системе империи (РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.256. Л.192).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие либералы в то время и впоследствии оценивали перспективы умеренных либералов очень скептически. Так, П.Н. Милюков дал такую характеристику политическим проектам легалистского движения: «В партию [кадетов] не вошли некоторые идейные вожди русской интеллигенции, как К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский и др., много поработавшие над подготовкой ее же идеологии. Непривычка ли к коллективному действию и взаимным идейным уступкам, индивидуальность ли личностей, жизненных привычек и взглядов, – как бы то ни было, эти общественные деятели, даже пытаясь объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране. Одним из них «кадеты» казались слишком умеренными, другим – слишком радикальными. Они и остались наблюдателями событий и критиками – со стороны» [2, С.102].

После слабого выступления при выборах в I Думу и после провала выборов во II Думу дезинтегрированные легалистские партии ещё продолжали существовать в 1907–1909 годах, не выступая в качестве партийных структур, а проводя в Государственную Думу только отдельных деятелей, зарекомендовавших себя среди избирателей. Сформировать альтернативный блок конституционно-го центра лидерам легалистов не удалось.

Причины неудачи, что называется, лежат на поверхности. К их числу можно отнести: узкую социальную базу легалистов; негативное отношение со стороны государств; отсутствие политического опыта у лидеров партий, ошибки во время кампании; более радикальные устремления, господствующие в обще-

стве; недостаточное финансирование; превалирование в идеологии партий нравственных начал над политическими. К сожалению, «центр центра», который мог бы выражать интересы средних обеспеченных групп населения, центром на тот момент не стал.

Библиография / References:

1. Арсеньев, К. К. Оригинальный совет [о необходимости предвыборного блока конституционных партий] // Страна. – 1907. – 6 января. – № 5.

2. Выборы в I – IV Государственные думы Российской империи: (воспоминания современников, материалы и документы) / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; авт.-сост.: И. Б. Борисов [и др.]. – М.: РЦОИТ, 2008. – 859 с.

3. Ковалевский, М. М. С кем возможны предвыборные соглашения? // Страна. – 1906. – 28 декабря. – № 249.

4. Костылев, А. В. Выборы в I Государственную Думу: автореф. дисс... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2005. – 316 с.

5. Патрикеева, О. А. Русские либералы: поиск оптимальной системы выборов // Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции «Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.)». – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 326–334.

6. Патрикеева, О. А. Всеобщее избирательное право в проектах русских либералов // Вестник молодых учёных. – 2002. – № 2. – С. 25–31.

7. Патрикеева, О. А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные Думы (1905–1907 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2005. – 208 с.

8. Соловьев, К. А. Законодательная и исполнительная власть в России в 1906–1914 гг.: механизмы взаимодействия: специ-

альность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2012. – 685 с.

9. Трубецкой, Е. Н. К вопросу о выборах в Думу // Московский еженедельник. – 1906. – № 37. – 2 декабря. – С. 7–12.

10. Трубецкой, Е. Н. Новогодние перспективы [полемика с кадетами и М.М. Ковалевским о возможности блока с «левыми» в период избирательной 502 кампании во II Думу] // Московский еженедельник. – 1907. – № 1. – 6 января. – С. 5–12.

11. Трубецкой, Е. Н. Результаты выборов [во II Государственную думу] // Московский еженедельник. – 1907. – 17 февраля. – № 7. – С. 5–9.

12. Хайлова, Н. Б. Партия демократических реформ: автореф. дисс... канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 1994.

13. Хайлова, Н. Б. Центризм в идеологии и практике российского либерализма в начале XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Хайлова Нина Борисовна, 2021. – 695 с. – EDN MKTSJP.

14. Хайлова, Н. Б. «Предупредить разгром либерализма справа и слева»: либералы-центристы и II Дума / Н.Б. Хайлова // Россия XXI. – 2020. – № 3. – С. 138–159. – EDN WXWWWWF.

15. Хайлова, Н. Б. «Извлечь из пучины забвения старый лозунг: «В единении – сила»: надежды и тревоги либералов-центристов накануне созыва I Государственной думы / Н. Б. Хайлова // Россия XXI. – 2020. – № 1. – С. 120–153. – EDN ZWWSMP.

16. Шевырин, В.М. Партия мирного обновления в избирательной кампании во II Государственную Думу // Вестник Московского университета. Серия 9: История. – 1972. – № 5. – С. 33.

17. Шевырин, В. М. История Партии мирного обновления (1906–1907 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – М.: [б. и.], 1973. – 185 с.
18. Вишневецки Эд. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. – М.: Издательский центр «Россия молодая», 1994. – 189 с.
19. Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge (Mass.) – L., 1983.
20. Brainerd M. The Octobrists and the gentry, 1905–1907: Leaders and followers? // Haimson L., ed. The politics of rural Russia. 1905–1914. Bloomington – L., 1979.
21. Rieber A. J. Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.
1. Arsen'yev, K. K. Original'nyy sovet [o neobkhodimosti predvybornogo bloka konstitutsionnykh partiy] // Strana. – 1907. – 6 yanvarya. – №5. (In Russ.).
2. Vybory v I–IV Gosudarstvennyye dумы Rossiyskoy imperii: (vospominaniya sovremennikov, materialy i dokumenty) / Tsen-tral'naya izbiratel'naya komissiya Rossii-skoy Federatsii, Rossiyskiy tsentr obucheniya izbiratel'nym tekhnologiyam pri Tsentral'noy izbiratel'noy komissiya Rossiyskoy Federatsii; avt.-sost.: I. B. Borisov [i dr.]. – M.: RTSOIT, 2008. – 859s. (In Russ.).
3. Kovalevskiy, M. M. S kem vozmozhny predvybornyye soglasheniya? // Strana. – 1906. – 28 dekabrya. – № 249.
4. Kostylev, A. V. Vybory v I Gosudarstvennyuyu Dumu: avtoref. diss... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A.I. Gertsena. – SPb., 2005. – 316s. (In Russ.).
5. Patrikeyeva, O. A. Russkiye liberaly: poisk optimal'noy sistemy vyborov // Materialy Vserossiyskoy nauchnoteoreticheskoy konferentsii «Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (XVI – nachalo XXvv.)». – SPb.: SPbGU, 2004. – S.326–334. (In Russ.).
6. Patrikeyeva, O. A. Vseobshcheye izbiratel'noye pravo v proyektakh russkikh liberalov // Vestnik molodykh uchonykh. – 2002. – №2. – S.25–31. (In Russ.).
7. Patrikeyeva, O. A. Rossiyskaya obshchestvennost' i vybory v I i II Gosudarstvennyye Dумы (1905–1907 gg.). – SPb.: SPbGU, 2005. – 208s. (In Russ.).
8. Solov'yev, K. A. Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii v 1906–1914gg.: mekhanizmy vzaimodeystviya: spetsial'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. – M., 2012. – 685s. (In Russ.).
9. Trubetskoy, E. N. K voprosu o vyborakh v Dumu // Moskovskiy yezhenedel'nik. – 1906. – № 37. – 2 dekabrya. – S. 7–12. (In Russ.).
10. Trubetskoy, E. N. Novogodniye perspektivy [polemika s kadetami i M.M. Kovalevskim o vozmozhnosti bloka s «levymi» v period izbiratel'noy 502 kampanii vo II Dumu] // Moskovskiy yezhe-nedel'nik. – 1907. – № 1. – 6 yanvarya. – S. 5–12. (In Russ.).
11. Trubetskoy, E. N. Rezul'taty vyborov [vo II Gosudarstvennyuyu dumu] // Moskovskiy yezhenedel'nik. – 1907. – 17 fevralya. – №7. – S.5–9. (In Russ.).
12. Khaylova, N. B. Partiya demokraticeskikh reform: avtoref. diss... kand. ist. nauk / MGU im. M.V. Lomonosova. – M., 1994. (In Russ.).
13. Khaylova, N. B. Tsentrizm v ideologii i praktike rossiyskogo liberalizma v nachale KHKH veka: spetsial'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / Khaylova Nina Borisovna, 2021. – 695 s. – EDN MKTSJP. (In Russ.).
14. Khaylova, N. B. «Predupredit' raz-grom liberalizma sprava i sleva»: liberaly-tsentristy i II Duma / N.B. Khaylova // Rossiya XXI. – 2020. – №3. – S.138–159. – EDN WXWWWF. (In Russ.).
15. Khaylova, N. B. «Iz vlech' iz puchiny zabveniya staryy lozung: «V yedinenii – sila»:

- nadezhdy i trevogi liberalovtsentri-stov nakanune sozyva I Gosudarstvennoy dumy / N.B. Khaylova // Rossiya XXI. – 2020. – №1. – S.120-153. – EDN ZWW SMP. (In Russ.).
16. Shevyrin, V. M. Partiya mirnogo obnoveniya v izbiratel'noy kampanii vo II Gosudarstvennyuyu Dumu // Vestnik Moskovsko-go universiteta. Seriya 9: Istoriya. – 1972. – №5. – S.33. (In Russ.).
17. Shevyrin, V. M. Istoriya Partii mirnogo obnoveniya (1906–1907gg.): diss. ... kand. ist. nauk. – M.: [b. i.], 1973. – 185s. (In Russ.).
18. Vishnevski Ed. Liberal'naya oppozi-tsiya v Rossii nakanune Pervoy mirovoy voy-ny. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Rossiya molodaya», 1994. – 189s. (In Russ.).
19. Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge (Mass.) – L., 1983.
20. Brainerd M. The Octobrists and the gentry, 1905–1907: Leaders and followers? // Haimson L., ed. The politics of rural Russia. 1905–1914. Bloomington – L., 1979.
21. Rieber A. J. Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.
- Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.
Поступила в редакцию (Received) 10.12.2023.
Поступила после рецензирования (Revised) 24.01.2023.
Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

Информация об авторе:

РЫБИН Данил Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), адрес: 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 10-я Линия В.О., д. 19 А, e-mail: danilarybin@rambler.ru, SPIN-код: 9503-1890, ORCID 0000-0003-4851-2235

Author:

RYBIN D.V., Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the Department of State and Legal Disciplines, All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Saint Petersburg), e-mail: danilarybin@rambler.ru, SPIN-код: 9503-1890, ORCID 0000-0003-4851-2235

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Целью статьи является анализ особенностей становления добровольческих инициатив в контексте исторических периодов Российского государства. Анализ эмпирического материала предваряет краткий экскурс в историю добровольчества в дореволюционный и советский периоды. Показано, что это движение развивалось противоречиво – в контексте социально-политических тенденций становления элементов гражданского общества и организационного влияния органов власти.

Исследование было осуществлено с использованием разных методов. Историографический метод включал обзор существующих научных источников и публикаций, связанных с историей добровольчества в России. В результате применения математических методов были выявлены масштабы участия и виды волонтерской деятельности, социальные установки и реальная вовлечённость в волонтерское движение. Контент-анализ применялся для характеристики текстов и материалов, связанных с добровольчеством. Разнообразные источники способствовали выявлению тенденций, ключевых тем и характеристик добровольческого движения. Компаративный анализ использовался автором для сравнения различных исторических периодов, регионов или типов добровольческих организаций, выявления общих закономерностей и отличий.

Статья подчеркивает значимость социокультурных факторов и традиций в становлении особенностей добровольческого движения в России. Это позволит лучше понять уникальные черты данного явления в российской истории.

Исследование показало, что потенциал добровольческой деятельности у молодёжи значительно выше её реального участия. Развитие этой деятельности, преодоление её бюрократизации может стать побудительным мотивом к уменьшению социальной апатии молодёжи. Автор пришёл к выводу, что добровольчество в контексте традиционных ценностей России имеет глубокие исторические корни и важное значение для общества. В российской культуре ценятся такие принципы, как самоотверженность, солидарность, взаимопомощь и любовь к ближнему, которые находят отражение в понятии добровольчества.

Постепенно добровольческое движение в России стало неотъемлемой частью социокультурной истории страны. В разные исторические периоды добровольцы играли важную роль в различных общественных и политических событиях, проявляя свою готовность отдавать себя делу, ценить общие цели и помогать нуждающимся. Добровольческое движение олицетворяет дух самопожертвования, добра и общенародного интереса, что соответствует традиционным ценностям российского общества. Участие в добровольческих инициативах способствует укреплению общественной солидарности, формированию позитивного образа страны и развитию гражданского общества.

Ключевые слова: история добровольчества, благотворительность, меценатство, эволюция добровольчества, волонтерство, традиционные ценности

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Бочанов М.А. Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодёжи // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 124–136.

© Бочанов М.А., 2024г.

VOLUNTEERING IN RUSSIA: FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND MODERN YOUTH GOALS

Abstract. The purpose of the article is to analyze volunteering in the Russian historical context. The empirical material analysis introduces the history of volunteering in the pre-revolutionary and Soviet periods. The author shows that this movement developed in a complex historical reality – in the context of social political trends in civil society development and in terms of government's interest and support.

Different methods are used to carry out the study. The goal of the historiographic method is to overview existing scientific sources and publications related to the history of volunteering in Russia. Mathematical methods reveal the extent of participation and types of volunteer activities, social attitudes and real involvement in the volunteer movement. Content analysis is used to characterize texts and materials related to volunteering. Varieties of sources identify trends, key themes, and characteristics of volunteering. Comparative analysis helps to compare different historical periods, regions, or types of voluntary organizations, identifying common patterns and differences.

The article emphasizes the importance of social cultural factors and traditions of volunteering in Russia. It allows better understanding the unique features of this phenomenon in Russian history.

The study shows that the potential for volunteer activity among young people is significantly higher than their actual participation. The development of volunteering and overcoming its bureaucratization can become an incentive to reduce the social apathy of young people.

As a result, the author concludes that volunteering has deep historical roots in the context of traditional Russian values, and is important for society. Russian culture values as selflessness, solidarity, mutual assistance and love of neighbor are reflected in the concept of volunteering.

Gradually, volunteering became an integral part of the sociocultural history of Russia. In various historical periods, volunteers played important roles in various social and political events, demonstrating self-abnegation and tendency to value common goals and help those in need. Volunteering contributes to strengthening social solidarity, forming a positive image of the country and developing civil society.

Keywords: history of volunteering, charity, patronage, volunteering evolution, volunteering, traditional values

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Bochanov, M.A. (2024) Volunteering in Russia: Features of the Development and Modern Youth Goals. Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no.1, P.124–136.

ВВЕДЕНИЕ

На Руси с древних времён существовали различные формы добровольной помощи нуждающимся. Уже в X веке появились сиротские приюты и больницы, где работники трудились безвозмездно. В деревнях проводились ритуалы помощи, такие как «помочи», «толока» или «кануны», где крестьяне помогали друг другу строить дома, обрабатывать поля и собирать дрова.

С развитием христианства в 988 году появилось добровольческое движение, поддерживаемое русскими правителями. Например, Иван IV Грозный и Пётр I осуществляли программы помощи малоимущим, сиротам и больным. Екатерина II создала воспитательные дома для сирот и подкидышей, где работали добровольцы.

В XIX веке в России активно развивались благотворительные организации, включая Императорское человеколюбивое общество, учрежденное Александром I в 1802 году. Оно занималось помощью бедным, старым и трудоспособным людям.

Важным этапом стало появление земств. Под руководством Александра II в 1864 году была проведена реформа местного самоуправления, в результате чего появились земства. Они стали источником развития образования и здравоохранения в сельской местности. Благодаря их инициативе в деревнях и сёлах строились школы и больницы, где добровольно работали врачи и учителя. Этот период также характеризовался активным участием студентов в деревенских миссиях, где они предоставляли образование и медицинскую помощь – так называемое хождение в народ.

С возрастанием числа благотворительных учреждений в XIX веке росло и число филантропов, которые с радостью приносили свой вклад в улучшение жизни меньшего состоятельного населения. Императорское человеколюбивое общество стало курировать более 200 благотворительных учреждений по всей стране, охватывая различные области помощи.

Интересно, что и в дореволюционную эпоху добровольчество и благотворительность считались важными ценностями для поддержания социальной справедливости и развития общества. Такие усилия не только улучшали жизнь нуждающихся, но и внесли свой вклад в формирование культуры взаимопомощи и солидарности.

Императорское человеколюбивое общество под предводительством Александра I стало центром сбора средств для помощи нуждающимся в обществе. Оно не только финансово поддерживало различные благотворительные проекты, но и организовывало медицинские и образовательные учреждения для бедных, больных, сирот и вдов.

Члены общества и меценаты не просто жертвовали деньги, но и активно участвовали в организации и проведении благотворительных мероприятий. Многие из них выделяли значительные суммы на содержание больниц, приютов, учебных заведений. Так, граф Сергей Орлов-Давыдов продолжал поддерживать детскую больницу в течение 15 лет, а купец Александр Елисеев вложил средства в исследования раковых заболеваний и создания лаборатории по онкологии.

Благодаря усилиям членов общества и других филантропов появились новые социальные и медицинские учреждения, которые охватывали различные категории людей в нужде. Особое внимание было уделено образованию детей из малообеспеченных семей, а также лечению болезней и социальной реабилитации нуждающихся.

Члены общества признавали важность не только оказания помощи в настоящем, но и создания условий для самостоятельной жизни и трудоустройства нуждающихся. Так, в рамках проектов общества начали создаваться трудовые мастерские, где люди, что в состоянии работать, получали возможность освоения ремесел и заработка.

Благодаря усилиям Императорского человеколюбивого общества и поддержке его участников благотворительность стала неотъемлемой частью общественной жизни России.

Оно стимулировало сотрудничество и солидарность между различными слоями общества, помогая создать атмосферу взаимопомощи и вдохновляя людей на добрые дела.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение истории развития добровольчества в России представляет собой сложную научную проблему, сталкивающуюся с несколькими вызовами и трудностями. Одной из ключевых проблем является отсутствие полной и достоверной исторической документации о добровольческом движении. Многие архивные материалы утеряны или недоступны историкам, что затрудняет полное и объективное изучение данной темы. Другим значимым аспектом является неоднозначность периодизации развития добровольчества в России. Сложно определить четкие временные рамки и выделить ключевые этапы в истории добровольческого движения из-за сложной культурной и социальной динамики страны.

Актуальна проблема интерпретации источников: различные источники могут представлять собой субъективные данные или быть искаженными сквозь призму идеологии, что усложняет задачу в анализе исторических материалов.

Несмотря на значительный вклад добровольцев в различные сферы общественной жизни, оценка их деятельности и результатов часто остается субъективной и сложной для классификации.

Достаточно сложно выявить социокультурные особенности России и их влияние на формирование и развитие добровольческих инициатив. Ход российской истории, традиции, ценности и особенности социально-экономического развития страны оказывают существенное влияние на специфику добровольчества в российском обществе.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Добровольчество и волонтерство играют значительную роль в социокультурной жизни общества – исследование истории их развития позволяет понять эволюцию этого феномена в России. В работах Е.А. Луговой,

Н.В. Тарасовой, В.Р. Каримова и других исследователей выделяются различные этапы развития добровольчества и волонтерства с разных временных периодов.

Первый этап в развитии добровольчества, описанный Е.А. Луговой [8, С. 8], связан с дохристианским периодом взаимопомощи внутри родовой общины. На втором этапе, с конца X века по середину XVI века, добровольчество основывалось на нормах христианской добродетели. Третий этап, с середины XVI века до конца XVIII века, характеризуется секуляризацией добровольческой деятельности и ее частичной институционализацией. Далее, на четвертом этапе, с XIX века до 1917 года, добровольческий труд становится формой выражения гражданской активности интеллигенции. Представим периодизацию Е.А. Луговой на рисунке 1.

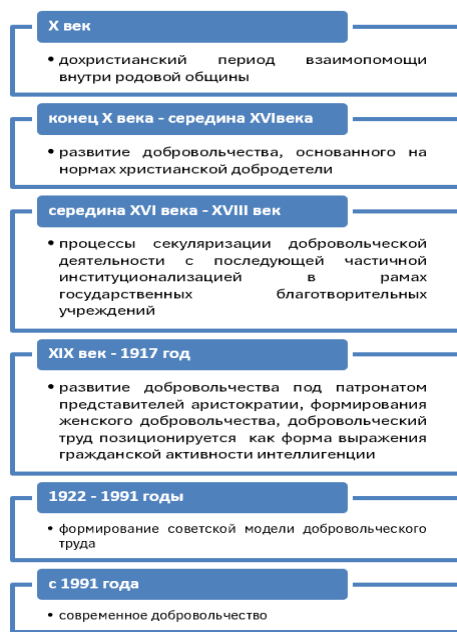

Рисунок 1 – Этапы развития добровольчества, выделенные Е.А. Луговой

Figure 1 – Stages of development of volunteering, identified by E.A. Lugovoy

В работе Н.В. Тарасовой [11, С. 48] описаны с точки зрения историко-педагогического феномена шесть конкретно-исторических

периодов развития волонтерского движения в России (см. рисунок 2) начиная с благотворительной деятельности в Древней Руси до развития государственной благотворительности в XVII веке. Современный период начинается с 1990 года и продолжается до настоящих дней, и автор выделяет его как седьмой этап.

до 988 г.	благотворительная деятельность в Древней Руси
988–1551 гг.	процессы христианской благотворительности
1551–1649 гг.	сотрудничество светских и церковных властей в сфере благотворительности
1649–1750 гг.	развитие государственной благотворительности
1750–1917 гг.	форма общественного служения граждан, принципы и формы определяются Церковью и членами императорской семьи
1917–1990 гг.	развитие советского феномена добровольческого труда

Рисунок 2 – Конкретно-исторические периоды, выделенные Н.В. Тарасовой

Figure 2 – Specific historical periods identified by N.V. Tarasova

В.Р. Каримов [6] рассмотрел историю формирования волонтерского движения педагогов, выделяя этапы вовлечения различных слоёв общества и появление различных общественных добровольческих организаций.

Следует отметить, что в отечественной научной среде существует и другой подход к периодизации исследуемого феномена. Так, Л.А. Кудринская считает, что добровольческие практики в России появились только в XIX веке, подчеркивая при этом важную роль проводимых во второй половине столетия буржуазных реформ [7, С. 32–36]. Близкой позиции придерживается и М.В. Певная, подходу к вопросу периодизации с точки зрения политико-экономического контекста, основываясь на степени включенности добровольчества в жизнь общества и изменении его характерных свойств. Данные критерии позволили автору выделить четыре этапа в развитии отечественного добровольчества: XVI век – середина XIX века; вторая половина

XIX века – 1917 год; Великая Октябрьская революция – 90-е гг. XX век; конец XX века – до настоящего времени (см. рисунок 3) [9, С. 569–571].

XVI в. – сер. XIX в.

формирование церковно-приходское предпосылок к добровольчеству возникновению добровольчества

вторая пол. XIX в. – 1917 год

зарождение светский характер: добровольческой деятельности - частная благотворительность купечества и предпринимателей; - социальная активность интеллигенции; - общественные организации и благотворительные фонды

1917 – 90-е гг. XX в.

советская общественная деятельность - развитие форм общественной деятельности молодежи

конец XX в. – до настоящего времени

становление и развитие добровольчества в демократических условиях и волонтерские центры, добровольческие движения, международные и национальные благотворительные фонды

Рисунок 3 – Исследование периодов в истории развития российского волонтерства (по М.В. Певной)

Figure 3 – Study of periods in the history of the development of Russian volunteering (according to M.V. Pevna)

Важно отметить, что понимание и периодизация добровольчества и волонтерства имеют критическое значение. Некоторые авторы подчеркивают необходимость учета исторических традиций при формировании современных моделей добровольчества. К примеру, Е.А. Воронова указывает на то, что добровольчество и благотворительность как виды социальной деятельности имеют тесную связь, исторические традиции добровольчества относятся к развитию благотворительной деятельности. Более того, в социальной сфере добровольчество выступает формой благотворительности. Следовательно, правомерно говорить о том, что еще в первобытном обществе наблюдаем предпосылки формиро-

вания добровольческого труда [3, С. 330–336].

Изучая феномен добровольчества, ряд отечественных ученых сходятся во мнении о том, что соучастие и сопереживание судьбе ближнего, добровольческая помощь нуждающимся отличают русскую национальную культуру [10, С. 123], тем самым на протяжении многих веков являясь характерной чертой русского менталитета.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование развития добровольчества и волонтерства в истории России может быть дополнено подробным анализом каждого из выделенных исследователями этапов.

Добровольчество в дохристианский период: в данном этапе исследователи обращают внимание на формы взаимопомощи в древних общинах и родовых структурах до появления христианства. Это может включать обмен услугами, поочередное кормление обездоленных по домам, помощь в трудных ситуациях и другие проявления взаимопомощи на уровне родовой общины, которые расцениваются как изначально присущее человеку явление, органически вплетаются в принципы и правила жизнедеятельности общины. Разные виды добровольческого участия этого времени заложили ставшие впоследствии традиционными основы поддержки наименее защищенных слоев [4, С. 28].

Добровольчество в христианскую эпоху: в этот период добровольчество начинает основываться на христианских нормах милосердия и добродетели. Церковь играет значительную роль в стимулировании благотворительности и помощи нуждающимся.

Появление первых сиротских приютов и больниц, где без вознаграждения за свой труд люди оказывали помощь, связано со временем правления князя Владимира. Ещё одна добровольческая инициатива этого периода – выдача монет и пропитания обездоленным и неимущим. При правлении Ярослава Мудрого на пожертвования горожан и селян обучали

сирот в открывающихся в те годы училищах. «Помочи», «толока», «кануны» как особые ритуалы безвозмездной общественной помощи вдовам, сиротам, погорельцам, больным и слабым, существовавшие в сельской местности, сохранялись в российских деревнях вплоть до XX века (см. рисунок 5).

Благотворительная - крестьяне всей деревней работали на сиротские, вдовьи или просто маломощные хозяйства, помогли миром погорельцам

"В обработку" - соседи договаривались по очереди помогать друг другу, т.е. происходил обмен работниками

Одноразовая - хозяину необходимо было в один день завершить определенную работу

Рисунок 5 – Основные типы общественной помощи в российской деревне

Figure 5 – Main types of public assistance in a Russian village

Институционализация добровольчества: в период с середины XVI века до конца XVIII века происходит секуляризация добровольческой деятельности. Появляются различные общественные организации, целью которых становится помощь нуждающимся и поддержка общественных проектов.

При Иване Грозном впервые задумались о необходимости создания организованного, упорядоченного призрения в связи с большим ростом нищеты в стране. С 1551 года стали переписывать обездоленных и открывать богадельни за счет средств частных лиц, контроль за расходованием которых осуществляло духовенство и целовальники.

XVIII столетие – развитие государственной помощи беспризорным детям и сиротам. Изменилось отношение к сиротам, об их воспитании и образовании стали заботиться не только Церковь или, думая о спасении своей души через милосердную деятельность, отдельные лица, но и государство, местные власти, что говорит о зарождении государственной политики по защите сиротства и детства.

Положил этому начало в 1706 году новгородский митрополит Иов, открывший на личные сбережения воспитательное заведение для данной категории детей при монастыре. Впоследствии кто-то из них выбирал путь церковнослужителя, кто-то нес военную или административную службу в пользу государства.

Проникновение государства при Петре Великом в занимавшуюся ранее в основном Церковью сферу призрения неимущих и оставшихся без опеки малолетних детей стало толчком именно в развитии государственной помощи сиротам. С целью преобразования социальной сферы Пётр I стремится сократить число как беспризорных детей, так и обездоленных нищих людей (ведь среди просящих подавание были и дети). По этой причине по его указу с 1715 года при церквях открываются госпитали для незаконнорождённых детей, где анонимно можно было оставить младенца. Пожертвования прихожан, взносы частных лиц и городские доходы – вот источники финансирования данных учреждений. В период правления Петра I стали производиться вычеты у воинских, статских и духовных чинов на благотворительность.

Дело Петра Великого продолжила Екатерина II, развивая систему государственной благотворительности (см. рисунок 6).

Исследователи называют благотворительной новацией для России того времени появление сети воспитательных домов для сирот и незаконнорождённых детей. Первое государственное учреждение такого типа было построено на пожертвования частных лиц, в том числе и самой императрицы, и открыто в Москве (1764 год) – воспитательный дом с госпиталем для бедных рожениц.

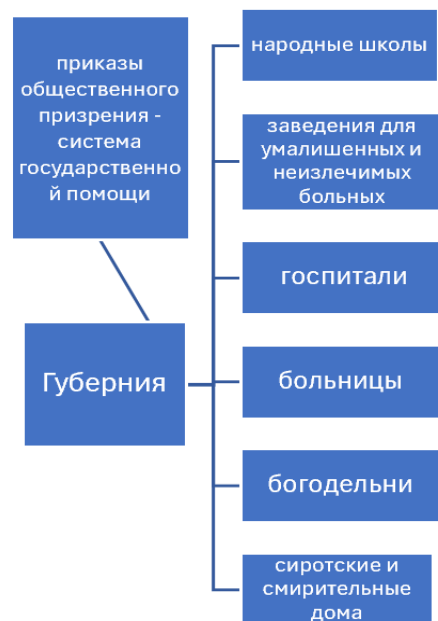

Рисунок 6 – Система государственной благотворительности, действовавшая в России при Екатерине II

Figure 6 – The system of state charity that operated in Russia under Catherine II

В этот период интерес представляют добровольческие движения на территории отдельных городов и провинций тогдашней страны. К примеру, в конце XVIII века в Тамбовской губернии были организованы различные благотворительные организации, в том числе Общество по крестьянским и городским делам, по указу губернатора среди крестьян производились сборы в продовольственные запасы на случай стихийных бедствий [2, С. 67].

Добровольчество в XIX веке: в этот период добровольческий труд становится инструментом гражданской активности и самореализации. Интеллигенция активно включается в благотворительные проекты, образование и помощь нуждающимся, поскольку считает, что личное участие и инициатива способствуют улучшению социального положения обездоленных, нежели просто раздача милостыни. И с этого времени говорят об организованном

характере добровольчества [1, С. 21].

Во времена руководства социальными учреждениями императрицей Марией Фёдоровной отмечается появление «Мариинских» благотворительных больниц, вдовьих домов – богаделен, в содержание последних вкладывала свои личные средства.

Следующий виток в своем развитии волонтерство сделало в годы Русско-турецкой войны с появлением сестер милосердия, которыми стали монахини московской Свято-Никольской обители, добровольно уехавшие на фронт помогать раненым. Затем это движение объединило женщин-волонтеров и стало называться «Красный Крест». Медики-волонтеры впоследствии оказывали бесплатную медицинскую помощь в деревне.

Рассматривая историю волонтерства в России, нельзя обойти стороной деятельность императрицы Александры Фёдоровны. В годы Первой мировой войны вместе с четырьмя великими княжнами она стала сестрой милосердия, открыв в Зимнем дворце госпиталь. Ею был организован эвакуационный пункт для раненых из 85 лазаретов, десять санитарных поездов, передвижная походная церковь, санитарные пункты, где изготавливали перевязочный материал.

Волонтерское движение в истории образования: анализ истории формирования волонтерского движения среди педагогов позволяет выявить этапы развития данной сферы, а также роль образования в стимулировании гражданской активности и волонтерства среди различных слоев общества. Исследователи относят к добровольческой деятельности такое движение молодой российской интеллигенции, просвещающее крестьян, как «хождение в народ». Кто-то из них становился учителем на селе. Но были и революционные агитаторы.

На рубеже XIX – XX веков с открытием для детей и подростков общественных приютов и яслей говорят о новых проявлениях добровольческого участия. Крестьянские сообщества явились создателями данных учреждений, содержание осуществлялось за счет крестьянских пожертвований.

Подробный анализ каждого из этих этапов развития добровольчества и волонтерства позволит более глубоко понять историю и эволюцию данного социокультурного феномена в российском обществе. Каждый этап отражает изменения в ценностях, общественных потребностях и роли гражданского общества, формируя основу для современных моделей добровольчества и волонтерства.

После Октябрьской революции 1917 года в России волонтерство стало частично принудительным, когда государство контролировало все добровольческие действия. Но первые годы молодой власти дали нам новые понятия в добровольчестве: «поднятие целины», «субботник», «тимуровец». В 1930 году был закрыт российский отдел Международного Красного Креста, но даже при таких условиях волонтерство продолжало существовать в СССР. Следует отметить, что добровольческая работа претерпела изменения, и в обществе сформировался образ комсомольца-добровольца, который участвовал в военных действиях, восстанавливал сельское хозяйство, помогал в комсомольских проектах и т. д.

В 1940-е годы под влиянием повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» начало развиваться тимуровское движение среди школьников, задачей которого было помогать семьям военнослужащих, престарелым, детским садам, больницам и другим. Участники этого движения внесли значительный общественно-политический и социальный вклад, помогая формировать у детей моральные ценности, патриотизм и духовность. СМИ широко освещали деяния тимуровских команд, стимулируя школьников к благородным поступкам.

Особенность волонтерской работы на советском этапе заключалась в широкой поддержке общества, одобрении, направленности на формирование моральных качеств у добровольцев, государственной поддержке добровольческих инициатив, принятии культурных ценностей волонтерства и формировании нормативно-ценностного ядра культуры волонтерства как общественного явления.

В годы СССР добровольческий труд рассматривался руководством страны как средство формирования деятельной личности, активно участвовавшей в построении коммунистического общества [5, С. 28].

С 90-х годов прошлого столетия и до 2010-х годов отмечается локальный характер волонтерских инициатив, однако были федеральные акции, например, Всероссийская неделя добра. Изменения отмечаются с началом подготовки к XXII Олимпийским зимним играм в Сочи через развитие волонтерского движения на базе российских вузов посредством активизации студенчества в подготовке для работы на олимпийских объектах волонтеров. Вследствие этой деятельности 25 высших учебных заведений и один колледж из 17 городов страны составили волонтерскую сеть. В этот период положено начало государственного курса на институционализацию добровольчества. В результате данного процесса уже к 2016 году в волонтерскую деятельность в той или иной мере было вовлечено 24,6 % россиян. С 2010 года как часть платформы «Россия – страна возможностей» действует конкурс «Доброволец России» – масштабная программа поддержки добровольческих инициатив. С ноября 2017 года в праздничном календаре появился День добровольца (волонтера) – 5 декабря, учрежденный Указом Президента Российской Федерации. А уже 6 декабря 2017 года В.В. Путиным был подписан Указ «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)», которым и стал 2018 год. В настоящие дни отмечается рост популярности волонтерства. Так, официально зарегистрированных волонтеров в 2021 году насчитывалось около 3 млн человек, а работающих на базе НКО или образовательных организаций добровольцев – свыше 7,5 млн человек.

Следует отдельно сказать о волонтерстве в период пандемии, поскольку в это время фиксируются определенные изменения. Прежде всего, увеличивается количество добровольцев (Росстат сравнивает II квартал 2019 года и 2020 года и насчитывает разницу

в 226 тысяч человек в пользу 2020 года), и согласно опросу ВЦИОМ, они входят в топ-10 героев 2020 года, в частности добровольцы из «красной зоны». На рисунке 7 представим соответствующие статистические данные периода пандемии.

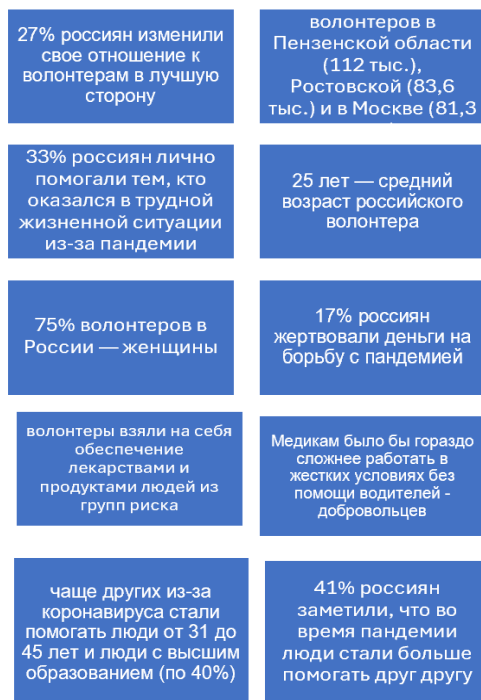

Рисунок 7 – Статистические данные периода пандемии о волонтерской деятельности
Figure 7 – Statistics of the pandemic period on volunteer activities

Таким образом, волонтерская деятельность сегодня – значимая тенденция социальной реальности нашей страны.

С начала специальной военной операции добровольческое движение активно развивается по разным направлениям помощи участникам боевых действий. Это широко развито по всей стране. Движение помогает – от закупки продуктов питания и специальных средств защиты в виде бронежилетов, оптических прицелов до сменного белья, печей-буржук, которые изготавливаются самими

волонтерами вручную. Одним из ярких примеров активности в области помощи солдатам является Орловская область, в которой действуют целый ряд добровольческих организаций, деятельно помогающих бойцам. Причем активность проявляют как в областном центре, так и в районах области, поселках городского типа, сёлах и деревнях. Приведем ряд ярких примеров в этом направлении.

В Ливенском районе представители Свято-Александринского сестричества и братства на базе мастерской «Омофор» приступили к пошиву спальных мешков для военнослужащих. Им помогают студенты Ливенского строительного техникума и медицинского колледжа. В настоящее время мастера и мастерицы шьют мешки 58-го размера. Впоследствии будут создавать более габаритные изделия. Всего в мастерской посменно помогают 37 волонтеров. Средства на приобретение материала жертвуют неравнодушные ливенцы. Однако требуется различная фурнитура: молнии, карабины, верёвочки, пряжки.

Другие орловчанки шьют для военных тактические носилки. Так, волонтерское общественное движение «Золотые руки ангела», в состав которого входят добровольцы из всех регионов России, организовало пошив важных для военнослужащих вещей. Девушка в социальных сетях обратилась ко всем неравнодушным жителям региона, готовым и желающим помочь.

«Женский батальон 57» – волонтерская организация, имеющая уже несколько пунктов – в Урицком районе, Орле и Мценске. Его участницы занимаются шитьём одежды для госпиталей, а также изготовлением маскировочных халатов, лежаков, носилок, блиндажных свечей и многих других необходимых фронту вещей.

«Также женский батальон занимается сбором и отправкой гуманитарной помощи госпиталям и российским военнослужащим на границу Белгородской, Курской, Воронежской областей, жителям Луганской и Донецкой области, детским домам», – сообщили в

Среднерусском институте управления. «Женский Батальон 57» из поселка Нарышкино доставил гуманитарную помощь для участников СВО. С начала специальной военной операции Александра Дзюбина вместе со своим мужем и волонтерами собирают и доставляют гуманитарный груз бойцам СВО. В марте этого года они доставили очередной груз нашим парням: масксети и баннеры. Вместе с этим и новогодние подарки от школы № 2 пгт Нарышкино перед старым Новым годом. «Разгрузка была достаточно быстрой, парой слов всего перекинулись. У ребят – задачи, и их надо выполнять. А у нас – свои, и тоже надо ехать...» – написала Александра Дзюбина.

Ко всему прочему в Орле появился самый настоящий «швейный батальон». Он состоит из десяти неравнодушных женщин, которые по собственной инициативе решили помочь российским бойцам, участвующим в СВО. Орловские рукодельницы шьют флисовые толстовки, футболки и бельё. Затем всё это отдают волонтерам, которые отправляют одежду по назначению.

Орловчанка Ирина Рюрикова – организатор этого маленького женского швейного клуба. Увлекающиеся шитьём для себя и близких в сентябре организовали сбор средств для закупки тканей. Раскрой и пошив одежды они взяли на себя. Орловчанки шьют дома по вечерам и в выходные, в свободное от основной работы время. После пошива одежду стирают, гладят и отправляют военнослужащим через волонтерское движение «Войско заботы». «...У нас собралась группа по интересам. Мы шьём для себя, для своих...» – рассказала Ирина Рюрикова.

На сегодняшний день рабочих рук сообществу хватает, а вот средства очень нужны. Недавно спонсоры передали флис и термолотно. В ближайшее время рукодельницы начнут пошив утеплённых вещей и термобелья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы отметить, что добровольчество играет важную роль в раз-

витии традиционных ценностей, так как оно способствует формированию и укреплению основ общественной ответственности, взаимопомощи и солидарности. Участие в добровольческих инициативах позволяет людям проявлять свою самоотверженность, доброту и готовность помогать другим, что является важным аспектом традиционных ценностей.

Через добровольчество люди могут выражать свою любовь к ближнему, своей стране и обществу в целом. Участие в благотворительных мероприятиях, помощь нуждающимся, организация социальных проектов – всё это способствует укреплению общественных связей, расширению круга общения и формированию духовных ценностей. Добровольчество также содействует развитию патриотизма, поскольку люди, участвуя в проектах на благо своей страны, проявляют глубокую привязанность к ее ценностям и идеалам. Такие действия вносят вклад в создание единого фронта для достижения общих целей и укрепления национального единства.

Библиография / References:

1. Антонович, И. В. Добровольчество в российском обществе: история и перспективы развития: Монография / И.В. Антонович. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. – 108 с. – ISBN 978-5-7904-1996-6. – EDN VVHEGP.
2. Великанова, Е. В. Истоки зарождения добровольчества в России и формирование гражданского общества / Е.В. Великанова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (71). – С. 67–71. – EDN KZJBUJ.
3. Воронова, Е. А. Добровольчество как форма благотворительности в современной России / Е. А. Воронова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 330–342. – EDN NSAIUP.
4. Горлова, Н. И. Социально-культурные предпосылки формирования добровольных форм помощи в России / Н.И. Горлова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2020. – № 3 (68). – С. 27–34. – DOI 10.37724/RSU.2020.68.3.003. – EDN ZEICWF.
5. Горлова, Н. И. Отражение истории волонтерства советского периода в фондах центральных российских архивов / Н.И. Горлова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 26–35. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.3.26. – EDN XQRUXB.
6. Каримов, В. Р. Развитие волонтерской компетенции студентов педагогических вузов: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Каримов Вадим Раулович. – Челябинск, 2011. – 237 с. – EDN MFDFAI.
7. Кудринская, Л. А. Добровольческий труд в контексте системно-синергетического подхода / Л.А. Кудринская // Омский научный вестник. – 2006. – № 2 (35). – С. 31–34. – EDN HUMRGR.
8. Луговая, Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Луговая Елена Александровна. – Саратов, 2012. – 206 с. – EDN QFZKMOV.
9. Певная, М. В. К вопросу о периодизации истории развития волонтерства в России / М.В. Певная // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв.: XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы в 2-х томах, Екатеринбург, 04–05 декабря 2014 года / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Уральское отделение Российской Академии Наук, Институт истории и археологии; Главный редактор: Запарий В. В. Том 1. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2014. – С. 567–572. – EDN TMAUML.

10. Ситаров, В. А. Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи (начало) / В.А. Ситаров, Л.Е. Сикорская // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – С. 122–127. – EDN KYPDST.
11. Тарасова, Н. В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен / Н. В. Тарасова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 46–52. – EDN PEIZMP.
12. Бочанов, М. А. Социальная политика российского государства: новые вызовы и угрозы / М. А. Бочанов, А. С. Муромский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 194–207. – DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-1-194-207. – EDN OZVTPR.
13. Бочанов, М. А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: от истории к современности / М. А. Бочанов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 34–41. – DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-1-34-41. – EDN XUUNWX.
1. Antonovich, I.V. (2015) *Dobrovol'chestvo v rossiyskom obshchestve: istoriya i perspektivy razvitiya* [Volunteering in Russian society: history and development prospects]: Monografiya / I. V. Antonovich. – Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet. – 108s. – ISBN 978-5-7904-1996-6. – EDN VVHEGP. (In Russ.).
2. Velikanova, E.V. (2009) *Istoki zarozhdeniya dobrovol'chestva v Rossii i formirovaniye grazhdanskogo obshchestva* [The origins of volunteering in Russia and the formation of civil society] / E.V. Velikanova // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – №3(71). – S.67–71. – EDN KZJBUJ. (In Russ.).
3. Voronova, E.A. (2011) *Dobrovol'chestvo kak forma blagotvoritel'nosti v sovremennoy Rossii* [Volunteering as a form of charity in modern Russia] / E. A. Voronova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. – № 1. – S.330–342. – EDN NSAIUP. (In Russ.).
4. Gorlova, N. I. (2020) *Sotsial'no-kul'turnyye predposylki formirovaniya dobrovol'nykh form pomoshchi v Rossii* [Socio-cultural prerequisites for the formation of voluntary forms of assistance in Russia] / N. I. Gorlova // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina. – №3 (68). – S.27–34. – DOI 10.37724/RSU.2020.68.3.003. – EDN ZEICWF. (In Russ.). (In Russ.).
5. Gorlova, N. I. (2018) *Otrazheniye istorii volonterstva sovetskogo perioda v fondakh tsentral'nykh rossiyskikh arkhivov* [Reflection of the history of volunteerism of the Soviet period in the funds of the central Russian archives] / N.I. Gorlova // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – №3. – S.26–35. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.3.26. – EDN XQRUXB. (In Russ.). (In Russ.).
6. Karimov, V.R. (2011) *Razvitiye volonterской kompetentsii studentov pedagogicheskikh vuzov* [Development of volunteer competence of students of pedagogical universities]: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk / Karimov Vadim Raulevich. – Chelyabinsk. – 237s. – EDN MFDFAI. (In Russ.).
7. Kudrinskaya, L. A. (2006) *Dobrovol'cheskiy trud v kontekste sistemno-sinergeticheskogo podkhoda* [Volunteer work in the context of a systemic-synergetic approach] / L.A. Kudrinskaya // Omskiy nauchnyy vestnik. – №2(35). – S.31–34. – EDN HUMRGR. (In Russ.).
8. Lugovaya, E. A. (2012) *Fenomen dobrovol'chestva v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii* [The phenomenon of volunteering in the sociocultural space of Russia]: spetsial'nost' 24.00.01 «Teoriya i istoriya kul'tury»: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata kul'turologii / Lugovaya Yelena Aleksandrovna. – Saratov. – 206s. – EDN QFZKMV. (In Russ.).
9. Pevnaya, M. V. (2014) *K voprosu o periodizatsii istorii razvitiya volonterstva v Rossii* [On the issue of periodization of the history of the development of volunteering in Russia] / M.V. Pevnaya // Ural industrial'nyy. Bakuninskiye cht-

eniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.: XII Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vasil'yevicha Bakunina. Materialy v 2-kh tomakh, Yekaterinburg, 04–05 dekabrya 2014 goda / Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina; Ural'skoye otdeleniye Rossiyskoy Akademii Nauk, Institut istorii i arkheologii; Glavnyy redaktor: Zaparyi V.V. Tom 1. – Yekaterinburg: OOO «Izdatel'stvo UMTS UPI». – S.567–572. – EDN TMAUML. (In Russ.).

10. Sitarov, V. A. (2009) Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' kak shkola нравственного становления молодежи (nachalo) [Volunteer activity as a school for the moral development of youth (beginning)] / V.A. Sitarov, L.E. Sikorskaya // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – №4. – S.122–127. – EDN KYPDST. (In Russ.).

11. Tarasova, N.V. (2012) Volonterskaya deyatel'nost' kak istoriko-pedagogicheskiy fenomen [Volunteer activity as a historical and pedagogical phenomenon] / N. V. Tarasova // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. – №4. – S.46–52. – EDN PEIZMP. (In Russ.).

12. Bochanov, M.A. (2021) Sotsial'naya politika rossiyskogo gosudarstva: novyye vyzovy i ugrozy [Social policy of the Russian state: new challenges and threats] / M.A. Bochanov, A.S. Muromskiy // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.16, №1. – S.194–207. – DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-1-194-207. – EDN OZVTPR. (In Russ.).

13. Bochanov, M. A. (2020) «Tsvetnyye revolyutsii» na postsovetskom prostranstve: ot istorii k sovremennosti [«Color revolutions» in the post-Soviet space: from history to modernity] / M.A. Bochanov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T. 9, № 1. – S. 34-41. – DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-1-34-41. – EDN XUUNWX. (In Russ.).

Информация об авторе:

БОЧАНОВ Максим Александрович, кан-

дидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, адрес: 125167, Россия, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, e-mail: max8797@list.ru, SPIN-код: 4326-4510, ORCID 0000-0002-0802-1418

Authors:

BOCHANOV M.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government (Russian Federation, Moscow), e-mail: max8797@list.ru, SPIN code: 4326-4510, ORCID 0000-0002-0802-1418

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 12.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 25.12.2023.

Принята к публикации (Accepted) 28.02.2024.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (1870–1890-е гг.)

Аннотация. Целью статьи является анализ статистической информации о преступности в Ярославской губернии в 1870–1890-е гг. Автором особое внимание уделяется половозрастным и территориальным аспектам в контексте сравнительного анализа динамики уровня преступности. Также рассматриваются виды преступлений, мотивы их совершения, категории преступников и меры по борьбе с преступностью. Особое внимание уделяется анализу влияния различных факторов на количество и виды преступлений и изменение числа совершённых преступлений в рассматриваемый период.

В основе проведённого исследования лежит анализ статистических материалов. Автор, используя данные «Обзора Ярославской губернии [по годам]» за период с 1876 по 1895 год, вычисляет динамику преступлений и сравнивает полученные показатели с данными, имеющимися в исследовательской литературе. В работе были применены проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, синхронический методы, а также общенаучные методы – анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Анализируя материалы и полученные данные, автор приходит к выводу, что содержащаяся в исследовательской литературе информация о непрерывно возрастающем уровне преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века частично опровергается статистическими данными. Анализ использованных источников позволил выявить ряд региональных особенностей преступности в рассматриваемый период: динамика не имеет резких скачков; кривая, отражающая число преступлений на протяжении 20 лет, фиксирует как взлёты, так и спады. В то же время для Ярославской губернии были характерны процессы, происходившие на общероссийском уровне. Как и в целом по империи, большинство преступных деяний было совершено мужчинами среднего возраста, русскими по национальности, что обусловлено демографическими и социальными характеристиками губернии, являющейся типичной для центра России. Лидирующим видом преступлений на протяжении всего изучаемого периода являлись кражи.

Полученные в рамках исследования результаты позволяют уточнить имеющиеся данные о преступности в Ярославской губернии второй половины XIX века, выявить основные виды, мотивы, факторы возникновения преступлений, характеристику преступников; сравнить данные с показателями по другим губерниям и общероссийскими, что способствует более глубокому анализу причин и особенностей возникновения преступности в России в пореформенный период. Материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по историческому краеведению, истории преступности, общественной жизни российского общества, социальной истории России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Ярославская губерния, преступность, динамика преступности, история преступности, краеведение, виды преступлений

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Попова А.В. Динамика и особенности преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX в. (1870–1890-е гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 137–152.

THE FEATURES OF CRIME IN Yaroslavl PROVINCE IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY (1870-1890s)

Abstract. The purpose of the article is to do statistical analysis of crimes in Yaroslavl province in the 1870-1890s. The author compares the dynamics of the crime rate and pays special attention to gender, age and territorial aspects. The author also considers the types of crimes, motives for their commission, categories of criminals and measures to combat crime. The author analyzes the influence of various factors over the number and types of crimes, and examines the changes in crime rates during the period under review.

A statistical data analysis as well as problem-chronological, comparative-historical, synchronic and general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) methodologies are used in the study. The author examines the data from "Review of Yaroslavl Province [by year]" from 1876 to 1895, calculates the crime dynamics and compares the results with the available data from academic papers.

As a result, the author concludes that the statistical data partially refute traditional knowledge on the continuously increasing crime rate in Yaroslavl province in the second half of the 19th century. The academic paper analysis identifies some local features of crime during the period under review: the dynamics do not have sharp rise, and the crime curve reflects increasing and decreasing for 20 years. At the same time, the author notes that Yaroslavl province had the same crime processes as the whole country did. Due to demographic and social characteristics of the Central Russian typical province, the majority of offenses were committed by Russian middle-aged men as in the whole empire. Theft is the leading type of crime throughout the period under study.

The research results helps to clarify the available data on crime in Yaroslavl province in the second half of the 19th century, to identify the main types, motives, factors of crime and the characteristics of criminals, to compare the data with those of other Russian provinces. The data analysis provides a better understanding the causes and features of crime in Russia in the post-reform period. The research materials can be used in the development of special courses and special seminars on local history, the history of crime, the public life of Russian society, and the social history of Russia in the second half of the 19th century.

Keywords: Yaroslavl province, crime, crime dynamics, crime history, local history, types of crimes

Funding information: *This study was performed without external funding.,*

For citations: Popova, A.V. (2024) The features of crime in Yaroslavl province in the second half of the 19th century (1870-1890s). *Journal of Public and Municipal Administration*. Volume 13, no. 1, P. 137–152.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность как социальная аномалия является маркером любого общества. Это явление тесно связано со всеми сферами жизни: социальной, экономической, политической и т. д. Девиантное поведение всегда являлось объектом внимания для специалистов разных областей, так как отчасти отражает многие процессы, происходящие в общественной жизни и порой выступающие катализатором увеличения или снижения числа преступлений. Мотивы, виды, факторы и динамика преступности способны проиллюстрировать те обстоятельства, в которых они возникли. Это, в свою очередь, даёт возможность для анализа уровня жизни, социальных характеристик населения, политических и иных процессов, происходящих в обществе. Кроме того, анализ преступности в прошлом способствует выявлению определённых закономерностей, причин её возникновения, факторов, способствующих снижению или росту количества преступлений, мотивов преступников и пр., что, безусловно, способно помочь повысить эффективность механизмов борьбы с преступностью и на современном этапе. В связи с этим преступность и связанные с ней явления всё чаще становятся предметом исследования специалистов из разных областей [1; 3; 4; 5; 12; 13].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Обращение к прошлому способствует выявлению и анализу глубинных причин возникновения и роста такого негативного явления в обществе, как преступность. По этой причине уголовная преступность становится объектом повышенного внимания в рамках общественных наук (неспециального юридического характера): криминологии, социологии, психологии и др. Востребованность названной проблемы продиктована разными факторами, в т. ч. потребностью изучения причин, порождающих преступ-

ность, с целью выработки способов её предупреждения; необходимостью создания эффективного механизма для борьбы с ней; возможностью сохранения и передачи накопленного обществом и государством опыта борьбы с преступностью.

Преступность как социально-историческое явление отражает не только уровень жизни населения страны или конкретного региона в определённый период времени, но и действия государственной власти по обеспечению стабильности в стране. При этом уровень преступности обратно пропорционален уровню и качеству жизни населения. Вопросы изучения уголовной преступности как части социальной сферы российского общества в исторической ретроспективе, выявление факторов изменения её структуры, а также проблемы борьбы с криминалом не только представляют интерес для исторической науки, обогащая и расширяя знания в числе прочего и о процессах, происходивших во всех сферах общественной жизни связанного с изучением преступности периода, но и несут в себе практическую значимость. Изучение эволюции уголовной преступности и механизмов, порождающих её в переходные эпохи, может способствовать лучшему пониманию действительности, а следовательно, и выработке эффективных мер по её предупреждению. Обращение к опыту прошлого по противостоянию государственными органами уголовной преступности позволяет избежать ошибок в организации этого процесса. В связи с этим особенно актуальным становится комплексное изучение преступности, выявление факторов, влияющих на динамику, мотивов, видов и т. п.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к историографии проблемы, стоит отметить, что комплексный подход к изучению преступности практически не

применялся. При этом преступность в разные исторические периоды становится предметом изучения не только историков, но и юристов, психологов и т. д. Изучение и анализ динамики, особенностей преступности как в целом по России, так и в отдельных регионах привлекали внимание как дореволюционных исследователей, так и советских учёных. Однако в основном исследования посвящены отдельным сюжетам, связанным с этим социальным явлением (например, мотивам, организации борьбы с преступностью, пенитенциарной системе и т. п.). На современном этапе заметна тенденция к изучению преступности и выявлению её особенностей в конкретных регионах. Однако проблема состояния преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века на данный момент остаётся всё ещё малоизученной.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К факторам, так или иначе оказывающим влияние на социальные аномалии (в т. ч. на преступность), можно отнести географические особенности местности, состав населения, экономические показатели, социальные характеристики, уровень грамотности и пр. Проанализируем эти показатели применительно к изучаемому автором региону. Во второй половине XIX века Ярославская губерния относилась к ряду среднеполосных территорий и соседствовала на северо-востоке с Вологодской, на востоке с Костромской, на юге и юго-востоке с Владимирской, на западе с Тверской, а на северо-западе с Новгородской губерниями. По величине своей площади она занимала 45-е место среди 50 губерний европейской части Российской империи и находилась в числе наименьших, хотя стоит отметить, что по территории превосходила некоторые гос-

ударства Европы, например, Голландию или Бельгию.

Выгодное географическое положение, наличие крупных водных путей (Волга, Шексна, Молога), близость к Москве, а также роль в торговых сообщениях Российской империи способствовали выработке в менталитете ярославского населения таких качеств, как подвижность, хитрость, оборотливость и умение приспосабливаться к различным обстоятельствам, которые были известны далеко за пределами Ярославского края. В административном отношении в рассматриваемый период Ярославская губерния состояла из 10 уездов: Ярославского, Рыбинского, Мологского, Угличского, Мышкинского, Ростовского, Даниловского, Любимского, Пошехонского и объединённого в 1822 году Романово-Борисоглебского. Причём уездными городами считались 11, включая заштатный Петровск.

По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года, в Ярославской губернии постоянного населения числилось 1 072 713 чел. В 1858 году его число было 976 866 чел., а в 1885 году – 1 049 497 человек. Таким образом, за почти 40 лет население увеличилось всего на чуть менее чем 96 тыс. чел., или на 9,7 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.3). Причём мужчины из этого числа составляют только 6,5 тыс. чел., или 1,4 %. Одной из причин такого перевеса женской половины губернии может быть особая подвижность населения, выражающаяся в том, что уже с детских лет мужчины выбывали за пределы губернии в значительном количестве в целях поиска заработка: обучения торговой деятельности и для самостоятельного ведения различных предприятий преимущественно торгово-промышленного характера. От-

ходничество в рассматриваемый период было ярко выраженной чертой для Ярославской губернии. В основном мужчины искали заработок в Москве и Санкт-Петербурге. Так, на момент переписи в последнем находилось более 65 тыс. ярославцев, т. е. около 6 % наличного населения Ярославского края (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.4).

По численности населения уезды Ярославской губернии в конце XIX века распределялись от менее населённых к более следующим образом: Любимский (64 472 чел.), Даниловский (68 933 чел.), Романово-Борисоглебский (74 055 чел.), Мышкинский (86 384 чел.), Рыбинский (90 747 чел.), Угличский (94 336 чел.), Пошехонский (114 369 чел.), Мологский (119 190 чел.), Ростовский (149 616 чел.), Ярославский (210 376 чел.) (Население империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 1. – СПб., 1898. – С.17). При этом городское население составляло незначительную часть от общего числа – чуть менее 14 %. Очевидно, что, несмотря на развитую торгово-промышленную деятельность, сельское хозяйство удерживало лидирующие позиции в экономической жизни региона и служило источником пропитания для большинства жителей. Что касается вероисповедания населения, то абсолютное большинство составляли православные – более 98 %. Далее шли старообрядцы (около 1 %), католики, лютеране и иудеи занимали в общем числе менее 1 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.5).

По национальности более 99 % жителей губернии являлись русскими, но также

в незначительном количестве проживали 34 народности, из которых наиболее выделяются поляки, прибалты, немцы и евреи (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.6–7). Они проживали преимущественно в крупных городах – Ярославле, Рыбинске; кроме того, среди народностей можно выделить цыган, живущих, помимо названных городов, в Романово-Борисоглебске и Данилове, и сицкарей (до 500 семей) в Мологском крае [1, С.18]. Наибольшую массу населения представляют лица сельского состояния, преимущественно крестьяне, а затем городские сословия. Среди последних почти 90 % – мещане. Дворян в губернии насчитывалось менее 1 %, из них более трети – потомственные. На момент переписи населения иностранцев в губернии было зафиксировано только 287 душ, из которых 54 % заняли германцы, а менее половины в общей сложности составили подданные Австро-Венгрии, Швейцарии и Англии. Причём половина из них родились уже на территории Российской империи.

Семейное положение населения характеризовалось тем, что как в общем числе жителей, так и в каждой сословной группе по отдельности наибольшая по относительной величине часть состояла из холостых мужчин и девиц, причём последних всегда меньше. И это тоже являлось характерной особенностью населения Ярославской губернии, так как обычно ситуация была противоположной. Данное же обстоятельство можно рассматривать как косвенное подтверждение отсутствия среди постоянного населения значительной части холостых мужчин, благодаря чему относительная величина остающихся на месте женатых повышалась. Наибольшее количество состоящих в браке наблюдалось среди сельского населе-

ния, что в целом вполне традиционно. Число вдовых значительно ниже, причём вдовцов втрое меньше вдов. Наиболее резко данная ситуация прослеживается среди дворян. Разведённых на 1897 г. зафиксировано в крайне незначительном количестве.

Однако эти характеристики применимы к общему числу населения Ярославской губернии. Если же из него вычесть лиц младше 14 лет, которые не могли вступать в брак, то соотношения для взрослого населения изменятся в сторону преобладания женатых и замужних. Причём доля первых будет в 2 раза превышать долю холостых; замужних женщин в 1,5 раза больше, чем девиц. Из рассмотренных данных можно сделать вывод, что численность не вступивших в брак относительно наивысшая среди наиболее молодой части населения, а с 20-летнего возраста наблюдается резкое понижение, что объясняется вступлением в брак лиц, достигших этого возраста (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.8–9).

По месту рождения большинство относительно всего числа населения в целом и крестьян (как большей части) в частности состоит из местных уроженцев. Более значительным количеством неместных выделяются лица привилегированного сословия. Из них большинство родились в пределах Европейской России, преимущественно в смежных губерниях и в Привислянском крае (крайние западные губернии Российской империи) – 98,5 %.

Ярославская губерния входила в число губерний, где грамотность населения находилась на весьма высоком уровне. Хотя перепись 1897 г. выявила, что около половины мужского населения было неграмотным, среди женщин этот процент был ещё выше – 76 %. Образование вы-

ше начального было у 2 % мужчин и 1,1 % женщин. Среди мужчин, наиболее распространённых в Ярославском крае народностей (русские, поляки, немцы, евреи) наибольшее число грамотных – евреи, среди женщин лидерство занимают немки. Что касается религиозного влияния, наибольшее число грамотных наблюдается у протестантов, наименьшее – у православных. Высшее образование имели лица дворянского, духовного и городского сословия (купцы, мещане), причём высшее военное – исключительно первые. Среднее образование было распространено в губернии практически равномерно, хотя небольшой перевес здесь наблюдался у духовенства.

Основным занятием населения в рассматриваемый период, несмотря на значительное распространение в губернии торгово-промышленной деятельности, оставалось земледелие (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.10–11). В целом Ярославская губерния во второй половине XIX века не имела выраженных особенностей, кроме высокой степени отходничества преимущественно мужского населения.

Статистическая информация о преступности в регионе в наиболее детализированном, на наш взгляд, рассмотрении представлена в «Обзорах Ярославской губернии» (далее – Обзор), в разделе «Общественное устройство и благочиние»: «Народная нравственность». С 1880 г. материалы уголовной статистики губернии публиковались также в форме ведомости «О числе и роде преступлений» там же. Так, в качестве примера можно рассмотреть данные за 1876 г. По данным прокурорского надзора, преступлений в указанном году было совершено 531, а осуждено по ним 609 чел. (548 муж.

и 61 жен.).

По сословиям преступники разделились следующим образом: дворяне – 3 потомственных, 9 личных; почётных граждан и купцов – 7; мещан – 70; крестьян – 373; военного сословия – 98 и других – 49. По возрастным группам осуждённые распределились так: младше 17 лет – 21 чел., от 17 до 20 лет – 69 чел., от 21 до 30 лет – 184 чел., от 31 до 40 лет – 167 чел., от 41 до 50 лет – 108 чел., от 51 до 60 лет – 45 чел., старше 60 лет – 15 чел. Число преступников к общему числу жителей губернии составило 1:1645. Среди особо важных преступлений:

- богохуление и порицание веры – 1, осуждено военное лицо;

- святотатство – 2, осуждены купец и крестьянин;

- взломы тюрем, увод и побег находящихся под стражей – 7, осуждено 7 лиц разного сословия;

- нарушение уставов монетных – 1, обвинён 1 крестьянин;

- смертоубийства – 22, обвинены 24 чел., среди которых 1 личный дворянин, 1 купец, 20 крестьян и 2 – военного сословия;

- нанесение увечья и ран – 24, обвинены: 1 потомственный дворянин, 1 мещанин, 22 крестьянина и 2 военных;

- истребление и повреждение чужого имущества поджогом или другим образом – 25, обвинены 23 лица, в т. ч. 1 мещанин, 19 крестьян и 3 – военного сословия;

- разбой – 2, обвинены 2 крестьянина и 2 военных;

- грабежи – 25, осуждены: 2 мещанина, 13 крестьян и 8 из военного сословия;

- кражи – 268, обвинено 305 человек, из которых 2 личных дворянина, почётных граждан и купцов – 4, мещан – 49, крестьян – 170, военного сословия – 69, др. – 11;

- мошенничества – 2, обвинён 1 крестьянин;

- против воинской повинности – 4, обвинены 2 мещанина.

Из числа преданных суду оправданы были 106 муж. и 32 жен. – примерно 23 %. По сравнению с предыдущим, 1875 годом количество преступлений уменьшилось на 70, а преступников на 38 (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. Ярославль, 1877. – С.33–34). Как видно из приведённых данных, больше всего среди преступлений краж – их число в несколько раз превышает любую другую категорию и составляет почти половину от общего количества преступлений за год. Интересно отметить, что, несмотря на подавляющее большинство среди преступников представителей крестьянского сословия, в некоторых серьёзных преступлениях, вроде убийств, нанесения увечий и ран, а также всё тех же краж, присутствуют выходцы из привилегированного слоя, в т. ч. потомственные дворяне. Однако современники справедливо отмечали, что «преступления совершаются преимущественно принадлежащими к разряду низших и менее образованных сословий, а это обстоятельство приводит к тому убеждению, что только с распространением в простом народе истинного образования может улучшиться и нравственность народная, а с тем вместе и количество преступлений уменьшится» (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. – Ярославль, 1877. – С.34).

В качестве мер противодействия преступности полицией предпринимались: внимательный надзор за сомнительными личностями и явно неблагонадёжными; учреждение ночных караулов и обходов, а в некоторых местностях губернии пикетной стражи на дорогах; арест лиц, находящихся в алкогольном опьянении, беспаспортных, бродяг и дезертиров. Однако отмечалось, что ввиду малочисленного штата полиции этих мер было недоста-

точно для охраны общественного порядка. В 1876 году полиция задержала 268 бродяг и беспаспортных, 30 дезертиров и 6 беглых каторжников из Сибири (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. – Ярославль, 1877. – С. 35). Согласно данным за 1878 год беспаспортных чаще всего находили в Рыбинске (426 чел.), Рыбинском уезде (107 чел.) и Ярославле (133 чел.). В других уездах цифры редко превышают 50 человек. В Ростове и Ростовском уезде таковых не обнаружено вовсе. Бродяги зафиксированы в незначительном количестве в Ярославле (4 чел.), Ростове (2 чел.), Рыбинске (6 чел.) и Романово-Борисоглебске (7 чел.) (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С.44).

Вышеприведенные данные показывают, что наиболее сложная обстановка в связи с нехваткой чинов полиции наблюдалась в Рыбинске и его уезде. Особенно это было заметно в летние месяцы, когда прибывало «значительное количество крючников и прочего чернорабочего люда, которые в Рыбинскую – Петровскую ярмарку, по случаю получения половинных расчётов за свою работу, предаются всевозможному разгулу» (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С.38). Между тем весь штат нижних чинов городской полиции в это время насчитывал до 10 человек, из которых трое в обязательном порядке должны были находиться на дежурстве при городском полицейском управлении. Наличие для охраны порядка менее 10 служащих полиции, безусловно, было крайне незначительно для такого города, как Рыбинск (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С.38). Осложняла ситуацию ещё и необходимость наблюдения полицейскими чинами за освобождёнными из тюрем и исправительного отделения, а также поднадзорными по реше-

нию судов, численность которых нередко превышала 150 человек (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С.45).

Кроме того, в Ярославской губернии наблюдались случаи, связанные с изготовлением, сбытом и распространением фальшивых монет и государственных денежных бумаг. Например, в 1877 году в Рыбинске был установлен факт сбыта купонов; в Пошехонье, где особенно было распространено данное преступное деяние, зафиксировано появление фальшивых кредитных билетов достоинством в 3, 5, 10 и 25 руб., которые были найдены у торговых лиц, занимающихся скупкой и продажей товаров в ближайших и соседних городах и уездах; появление фальшивых кредитных билетов было обнаружено в Романово-Борисоглебске и его уезде, они оказались преимущественно у малограмотных сборщиков податей, заменяющих их сельских старост и у частных лиц, вернувшихся на малую родину с отхожих промыслов.

В Ярославле в указанный год также были отмечены случаи появления фальшивых кредитных билетов, которые привлекли к себе пристальное внимание губернского начальства, которое, в свою очередь, постановило полиции выявить особый бдительный надзор за всеми лицами, заподозренными в умышленном сокрытии и сбыте фальшивых кредитных билетов (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С.39). Появление фальшивых монет фиксируется реже, однако тоже имело место: в 1878 г. крестьянин деревни Дерягино Покровской волости Угличского уезда был уличён в подделке серебряной монеты, а в Романово-Борисоглебском уезде зафиксировали попытку сбыта фальшивой 10-копеечной монеты (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С.45).

Таблица 1 – Изменение численных показателей по половозрастной характеристике совершаемых преступлений с 1876 по 1895 г. (данные по Ярославской губернии)

Table 1 – Changes in numerical indicators by gender and age characteristics of crimes committed from 1876 to 1895 (data for Yaroslavl province)¹

Год	Общее число преступлений	Число преступлений, совершенных лицами мужского пола	Число преступлений, совершенных лицами женского пола
1876	531	548	61
1877	558	517	68
1878	591	546	74
1879	613	559	78
1880	618	558	80
1881	492	516	63
1882	438	480	57
1883	368	444	51
1884	6057	5143	733
1885	7318	5656	938
1886	9315	7359	1120
1887	10 050	6814	1081
1888	9767	6866	900
1889	10 768	6982	1127
1890	11 780	8272	1186
1891	9854	7583	1423
1892	8938	7785	1379
1893	8799	8546	1507
1894	8546	7210	1528
1895	7924	6398	1141

¹ В целях анализа числа и динамики преступлений была составлена таблица и графики с данными за 20 лет – с 1876 по 1895 год (сост. по: Обзор Ярославской губернии за 1876 год. Ярославль, 1877. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1877 год. Ярославль, 1878. С.35; Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль, 1879. С.42; Обзор Ярославской губернии за 1879 год. Ярославль, 1880. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1880 год. Ярославль, 1881. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1881 год. Ярославль, 1882. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1882 год. Ярославль, 1883. С.15; Обзор Ярославской губернии за 1883 год. Ярославль, 1884. С.16; Обзор Ярославской губернии за 1884 год. Ярославль, 1885. С.16; Обзор Ярославской губернии за 1885 год. Ярославль, 1886. С.18; Обзор Ярославской губернии за 1886 год. Ярославль, 1887. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1887 год. Ярославль, 1888. С.29; Обзор Ярославской губернии за 1888 год. Ярославль, 1889. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1889 год. Ярославль, 1890. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1890 год. Ярославль, 1891. С.18; Обзор Ярославской губернии за 1891 год. Ярославль, 1892. С.25; Обзор Ярославской губернии за 1892 год. Ярославль, 1893. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1893 год. Ярославль, 1894. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1894 год. Ярославль, 1895. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1895 год. Ярославль, 1896. С.24).

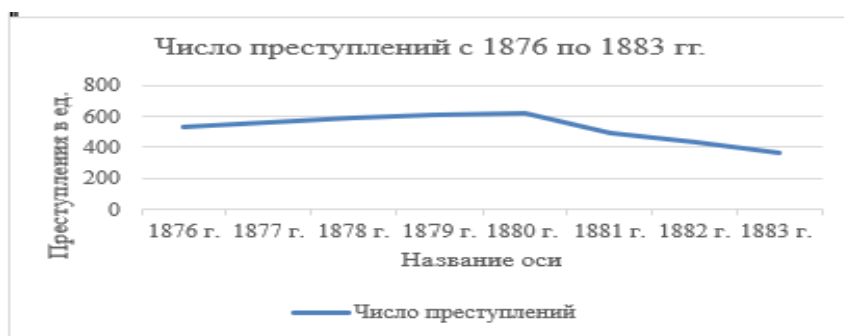

Рисунок 1 – Динамика преступлений, совершённых в Ярославской губернии в период с 1876 по 1883 г.

Figure 1 – Dynamics of crimes committed in the Yaroslavl province in the period from 1876 to 1883.

Рисунок 2 – Динамика преступлений, совершённых в Ярославской губернии в период с 1884 по 1895 г.

Figure 2 – Dynamics of crimes committed in the Yaroslavl province in the period from 1884 to 1895.

Стоит отметить, что выявленные цифры не дают основания говорить о перманентном возрастании числа преступлений в указанный период, поскольку наблюдается как рост, так и спад количества преступных деяний. Поскольку в Обзорах начиная с 1884 года число преступлений стало публиковаться с учётом данных мировых судов губернии, мы сочли необходимым разделить данные на два графика: с 1876 по 1883 года и с 1884 по 1895 г. Таким образом, за первый период наблюдался плавный рост преступ-

ности (примерно 3–5 % в год) до 1880 г., а затем начался резкий спад.

Минимальное количество преступлений было зафиксировано в 1883 году – 368. Далее преступность в губернии растёт и достигает пика в 1890 году, затем снова наблюдается тенденция к снижению. По соотношению гендерной окраски преступления в Ярославской губернии, так же, как и в Российской империи в целом, характеризуются перевесом в пользу мужского населения. Доля уча-

стия женщин составляет в среднем 15–20 %.

Что касается распределения преступлений по возрастам, то, по данным дел, разбиравшихся за 1896 год в Ярославской губернии, малолетними (до 17 лет) были совершены:

- святотатство, разрытие могил и ограбление мёртвых тел – 1;
- нарушение против общественного спокойствия, порядка – 1;
- оскорбление чести и целомудрия женщин, личные обиды и клевета – 1;
- кражи – 7, причём две из них совершены девочками (Ведомость о числе и роде преступлений // Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879).

Всего 11 преступлений. Из общего числа (404 преступления) это составляет меньше 3 %. В учреждениях, замещающих с 1889 г. мировые суды (земские начальники, городские судьи, уездные члены окружных судов), из 7095 преступлений рассматриваемой возрастной группой не было совершенно ни

одного. Большинство же преступных деяний совершалось мужчинами в возрасте 21–30 лет (183) и 31–40 лет (102). В указанный год зафиксировано 16 преступников, чей возраст превышал 60 лет.

По национальности, например, в 1888 г. преступники в Ярославской губернии распределились следующим образом: 526 русских, 2 поляка, 2 немца, 6 евреев, 1 татарин, 1 мордвин, 2 финляндца, 4 представителя других национальностей и 4 неизвестно (Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1892. Ч. 2. – С.136).

Рассмотрим распределение преступлений по месяцам (сост. по: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1896 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1900. Ч. 2. – С.78).

Таблица 2 – Распределение совершения преступных деяний в Ярославской губернии по месяцам в 1896 году, по данным Ярославского окружного суда

Table 2 – Distribution of criminal acts in the Yaroslavl province by month in 1896 according to the Yaroslavl District Court

Месяц	Мужчины	Женщины	Всего
Январь	45	13	58
Февраль	36	6	42
Март	40	5	45
Апрель	36	6	42
Май	36	9	45
Июнь	51	11	62
Июль	56	4	60
Август	45	13	58
Сентябрь	81	6	87
Октябрь	46	7	53
Ноябрь	52	8	60
Декабрь	51	11	62

Согласно составленной нами таблице, по данным Ярославского окружного суда, наибольшее количество преступлений за 1896 год зафиксировано в сентябре (87),

июне (62) и декабре (62); наименьшее – в период с февраля по май (42–45). В 1888 году Ярославский и Рыбинский окружные суды суммарно фиксировали мак-

симум в июле (64), ноябре (50) и октябре (49); минимум – в марте (30), январе (32) и апреле (32) (Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1892. Ч. 2. – С.142). Таким образом, ярко выраженной связи совершения преступных деяний с временем года и конкретными месяцами выявить не удалось.

По оценкам Б.Н. Миронова, вторая половина XIX века характеризуется непрерывным ростом преступлений «с одной остановкой в 1890-х гг.» [6, С.84]. По мнению исследователя, преступность на протяжении всего XIX века и начала XX столетия не возрастала линейно: «она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь, весьма значительно – в 2,7 раза, возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла на 55 % при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II» [6, С.84]. Б.Н. Миронов считал, что динамика преступности в рассматриваемый период имела явно циклический характер, который напрямую был связан с консервативной или либеральной окраской проводимой конкретным императором внутренней политики, и по существу показал прямую зависимость количества преступлений от характеристики типа правления: либеральный – преступность растёт, консервативный – падает.

С.С. Остроумов отмечал ежегодное увеличение числа преступлений, указывая, что наибольший удельный вес среди них применительно к территории Российской империи в общих судах составляли: против собственности частных лиц – 35,45 %; против имущества и доходов казны (главным образом, хищение казённого леса) – 30,30 %; против благоустройства и благочиния (буйство, драки, брань, пьянство и пр.) – 12,05 %; против лич-

ности – 10,91 %; против порядка управления и суда (фальшивомонетчество, лжеприсяга, оскорбление полиции, неуплата налогов и сборов и пр.) – 5,05 % [9, С.27]. Данные категории составляли 90 % от общего числа преступлений, причём 66 %, или 2/3, из них являлись имущественными преступными деяниями, что может указывать на тяжёлое материальное положение непривилегированных сословий в рассматриваемый период. В мировых судах картина была следующая: с 1866 по 1871 год привлекались за хищение и повреждение леса – 22,21 %; за кражи, мошенничество и обман – 16,43 %; за самовольное пользование чужим имуществом и повреждение оно – 5,37 %, за нарушение устава о паспортах – 6,19 % [7, С.19–20].

Наибольшее число осуждённых за преступления против собственности наблюдалось в большинстве губерний Центрального промышленного региона страны: в Московской, Ярославской, Владимирской, Смоленской и Тульской губерниях. Е.И. Олейникова в своей статье приводит любопытные вычисления: из 10 губерний Европейской России (Вологодская, Воронежская, Гродненская, Киевская, Московская, Новгородская, Пермская, Санкт-Петербургская, Симбирская и Ярославская) по числу осуждённых за преступления против личности Ярославская губерния занимает 2-е место в числе регионов, где с 1896 по 1912 год данный вид преступности имел тенденцию к снижению. По преступлениям против собственности наибольшее увеличение по сравнению с 1896 г. произошло (по убыванию) в Вологодской, Пермской, Воронежской, Симбирской и Санкт-Петербургской губерниях (2 и более раз). Далее идут Новгородская (1,9 раза), Киевская (1,6 раза), Московская (1,5 раза) и Ярославская губернии (1,3 раза). В последней после 1896 г. наблюдается снижение количества данного вида преступлений, однако к 1908–1910 гг. заметно возрастание. В целом же наибольшее относительное число осуждённых за имущественные преступления приходится на Санкт-Петербургскую губернию, затем на Москов-

скую, далее на Ярославскую, Новгородскую, Пермскую и Киевскую [8, С.171–203].

При анализе динамики преступности и определении её объёма закономерен вопрос о единицах её измерения, которыми могут выступать как число уголовных дел или зафиксированных преступных деяний, так и лица, выявленные в их совершении (осуждённые, обвиняемые). Так, В.И. Срезневский в качестве наиболее чёткого показателя для характеристики преступности населения рассматривал число преступлений, совершённых одним лицом: «Важно деяние, причём безразлично, удалось ли судебной власти обнаружить лицо, виновное в совершении сего злодеяния, или нет: факт злодеяния существует, а, следовательно, существует и лицо, быть может и необнаруженное» [10, С.22]. Также он отмечал, что только в Германии и Швеции существовал правильный учёт уголовных преступлений, который отсутствовал в большинстве других стран, в т. ч. в России. Идеи В.И. Срезневского были созвучны положениям профессора статистики Петербургского университета Л.В. Ходского: «При совокупности преступлений, совершённых одним лицом, например, 4 воровства – в Австрии, Бельгии, Франции, Венгрии и России – принимают во внимание только преступника и регистрируют одно преступление; в Германии и Швеции – 4 воровства, т. е. 4 преступления» [15, С.161]. Е.Н. Тарновский считал, что «предпочтительнее брать число ежегодно возникающих уголовных дел, так как оно более соответствует числу ежегодно совершаемых преступлений, чем число осуждённых» [11, С.77–78]. В другом труде тем же автором отмечалось, что в целях измерения преступности лучше использовать число возникших дел, чем количество осуждённых и подсудимых, т. к. первое относится к определённому отчётному году и не зависит от воздействия посторонних, не относящихся к условиям «народной жизни причин», таким как строгость или снисходительность судебной власти, «всемилодивейшие манифесты» и пр. [12, С.120].

Пик преступных деяний приходится на

1891–1892 гг. и продолжает держаться на примерно таком же уровне в 1893–1894 гг. при сохранении низких цен на хлеб. Стоит отметить, что вычисленные нами данные по Ярославской губернии не совпадают с приведёнными выше показателями. Так, в 1880–1881 гг. в регионе не было выявлено увеличения числа преступлений, а в 1881 году отметился даже спад. В 1885–1890 гг., когда Е.Н. Тарновским был отмечен спад преступности, в Ярославской губернии, наоборот, цифры возрастали. Единственное совпадение – минимум также фиксируется в 1888 году; в 1890 г. преступность в регионе возрастает, и данный год является пиком роста преступлений. В 1891–1894 гг. в противовес выявленной Е.Н. Тарновским тенденции в Ярославской губернии фиксируется спад преступности.

Исходя из этого, отметим, что сделанные исследователем выводы носят усреднённый характер и не отражают положения дел в конкретной губернии. По нашему мнению, несмотря на несовпадение показателей в регионе с общероссийской тенденцией, всё же возможно проследить некую взаимосвязь уровня преступности и показателей урожайности и стоимости хлеба. Так, в 1890 г., как уже было отмечено выше, был достигнут максимальный уровень преступности в регионе за вторую половину XIX века. Данные за предыдущий ему 1889 г. позволяют выявить как одну из возможных причин взлёта числа преступных деяний неудовлетворительную урожайность зерновых. По заявлению Пошехонского уездного земства, 1889 г. был одним из самых тяжёлых в хозяйственном отношении для населения этого уезда, занимающегося преимущественно земледелием: «Такого плохого урожая озимых хлебов, какой оказался в отчётном году, в Пошехонском уезде не запомнят местные старожилы, и последствия неурожая тем более тягостны, что 1888 год был тоже неурожайный, истощивший все продовольственные запасы» (Обзор Ярославской губернии за 1889 год. – Ярославль, 1890. – С.3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ источников позволил выявить ряд региональных особенностей исследуемого предмета. Динамика преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века не имеет резких скачков, и линия, отражающая количество преступлений на протяжении 20 лет, фиксирует как взлёты, так и спады. В целом для Ярославской губернии были характерны процессы, происходившие на общероссийском уровне. Однако анализ статистических источников показал, что динамика преступлений во второй половине XIX века в данном регионе не может оцениваться как исключительно возрастающая, поскольку заметны как ее подъёмы, так и спады. Как и в целом по Российской империи, большинство преступных деяний совершено мужчинами среднего возраста, русскими по национальности. Лидирующим видом преступления на протяжении всего изучаемого периода являлись кражи. Основным мотивом совершения указанных преступных деяний, на наш взгляд, является желание улучшить своё материальное положение, что подтверждается исследовательской литературой и обнаруженной связью урожайности и уровня преступности в регионе.

Библиография / References:

1. Акользина, М. К. Преступность в среде купечества провинциальных городов Тамбовской губернии в первой половине XIX века / М.К. Акользина // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 15–18. – DOI 10.30853/manuscript.2019.1.2. – EDN VSBSRY.

2. Беседкин, П. Ф. Обзор Ярославской губернии / П.Ф. Беседкин. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1892. – 68 с.

3. Бражников, Д. А. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в Российской империи XIX – начала XX века / Д. А. Бражников, В.И. Шиян // Об-

щество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 86–89. – EDN ZGURWT.

4. Жеребчиков, Д. П. Имущественные преступления в провинциальном городском социуме Тамбовской губернии во второй половине XIX века / Д.П. Жеребчиков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 56–60. – EDN WHSOOT.

5. Кузнецов В. В. Состояние преступности в Воронежской губернии в 1900–1915 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 171–179. – EDN RTPLCP.

6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. Том 1. – 2-е издание, исправленное. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с. – ISBN 5-86007-257-0. – EDN VZRCLD.

7. Новаковский, В. А. Опыт подведения итогов уголовной статистики с 1861 до 1871 год: Сост. по имеющимся офиц. данным / В.А. Новаковский. – Санкт-Петербург: Типография В.В. Комарова, 1891. – 63 с.

8. Олейникова, Е. И. Динамика преступности в губерниях Европейской России в 1896–1912 гг. по региональным данным о количестве осужденных: статистический и геоинформационный анализ / Е.И. Олейникова // Историческая информатика. – 2021. – № 2 (36). – С. 171–203. – DOI 10.7256/2585-7797.2021.2.36025. – EDN RTVPWR.

9. Остроумов, С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России / С.С. Остроумов. – Москва: Издательство МГУ, 1980. – 204 с.

10. Срезневский, В. И. Новые сведения о преступности Германии / В.И. Срезневский // Журнал министерства юстиции. – 1897. – № 3. – С. 19–40.

11. Тарновский, Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России / Е.Н. Тар-

- новский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 8. – С. 73–106.
12. Тарновский, Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–1894 г. / Е.Н. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 112–138.
13. Харсеева, О. В. Влияние революционных событий начала XX века на уровень преступности населения Центрально-Черноземной России / О. В. Харсеева // *Innova*. – 2017. – № 2 (7). – С. 39–44. – EDN XYJPKH.
14. Харсеева, О. В. Преступность мещан в губерниях Центрально-Черноземной России во второй половине XIX – начале XX в. / О.В. Харсеева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 2. – С. 141–154. – EDN ZRUJFN.
15. Ходский, Л. В. Основы теории и техники статистики / Л.В. Ходский. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. – 207 с.
1. Akol'zina, M. K. Prestupnost' v srede kupechestva provintsial'nykh gorodov Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka / M.K. Akol'zina // *Manuskript*. – 2019. – T.12, №1. – S.15–18. – DOI 10.30853/manuskript.2019.1.2. – EDN VSBSRY. (In Russ.).
2. Besedkin, P. F. Obzor Yaroslavskoy gubernii / P.F. Besedkin. – Yaroslavl': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1892. – 68s. (In Russ.).
3. Brazhnikov, D. A. Kriminologicheskiye issledovaniya prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiyskoy imperii XIX – nachala KHKH veka / D.A. Brazhnikov, V.I. Shiyan // *Obshchestvo i pravo*. – 2017. – №3(61). – S.86-89. – EDN ZGURWT. (In Russ.).
4. Zherebchikov, D. P. Imushchestvennyye prestupleniya v provintsial'nom gorodskom sotsiume Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka / D.P. Zherebchikov // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2015. – №4(68). – S.56–60. – EDN WHSOOT. (In Russ.).
5. Kuznetsov V. V. Sostoyaniye prestupnosti v Voronezhskoy gubernii v 1900-1915 gg. // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. – 2018. – № 2. – S. 171-179. – EDN RTPLCP. (In Russ.).
6. Mironov, B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda Imperii (XVIII-nachalo KHKH v.): Genzis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva / B. N. Mironov. Tom 1. – 2-ye izdaniye, ispravlennoye. – Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2000. – 548 s. – ISBN 5-86007-257-0. – EDN VZRCLD. (In Russ.).
7. Novakovskiy, V. A. Opyt podvedeniya itogov ugolovnoy statistiki s 1861 do 1871 goda: Sost. po imeyushchimsya ofits. Dannym / V. A. Novakovskiy. – Sankt-Peterburg: Tipografiya V. V. Komarova, 1891. – 63 s. (In Russ.).
8. Oleynikova, Ye. I. Dinamika prestupnosti v guberniyakh Yevropeyskoy Rossii v 1896-1912gg. po regional'nym dannym o kolichestve osuzhdennykh: statisticheskiy i geoinformatsionnyy analiz / Ye.I. Oleynikova // *Istoricheskaya informatika*. – 2021. – № 2(36). – S. 171–203. – DOI 10.7256/2585-7797.2021.2.36025. – EDN RTVPWR. (In Russ.).
9. Ostroumov, S. S. Prestupnost' i yeyo prichiny v dorevolutsionnoy Rossii / S.S. Ostroumov. – Moskva: Izd-vo MGU, 1980. – 204 s. (In Russ.).
10. Sreznevskiy, V. I. Novyye svedeniya o prestupnosti Germanii / V.I. Sreznevskiy // *Zhurnal ministerstva yustitsii*. – 1897. – № 3. – S. 19–40. (In Russ.).
11. Tamovskiy, Ye. N. Vliyaniye khlebnykh tsen i urozhayev na dvizheniye prestupleniy protiv sobstvennosti v Rossii / Ye.N. Tamovskiy // *Zhurnal ministerstva yustitsii*. – 1898. – №8. – S.73–106. (In Russ.).
12. Tamovskiy, Ye. N. Dvizheniye prestupnosti v Yevropeyskoy Rossii za 1874–1894gg. / Ye.N. Tamovskiy // *Zhurnal ministerstva yustitsii*. – 1899. – №3. – S.112–138. (In Russ.).

13. Kharseyeva, O. V. Vliyaniye revolyutsionnykh sobytiy nachala KHKH veka na uroven' prestupnosti naseleniya Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii / O.V. Khars eyeva // Innova. – 2017. – № 2(7). – S. 39–44. – EDN XYJPKH. (In Russ.).

14. Kharseyeva, O. V. Prestupnost' meshchan v guberniyakh Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH vv. / O.V. Kharseyeva // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. – 2017. – № 2. – S. 141–154. – EDN ZRUJFN. (In Russ.).

15. Khodskiy, L. V. Osnovy teorii i tekhniki statistiki / L.V. Khodskiy. – Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1896. – 207 s. (In Russ.).

Информация об авторе:

ПОПОВА Алина Владимировна, ассистент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, e-mail: wwaaww1@rambler.ru, SPIN-код: 4745-6376, ORCID 0009-0002-6475-0161

Author:

POPOVA A.V., Assistant, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: wwaaww1@rambler.ru, SPIN-код: 4745-6376, ORCID 0009-0002-6475-0161

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 22.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024

ИНСТИТУТ ЧЛЕНСТВА В ГУБЕРНСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТАХ:
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСОНАЛЬНОГО СОСТАВА
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе разносторонней активности деятелей Костромского губернского статистического комитета. Автором раскрывается проблема влияния персонального состава членов на эффективность и результативность работы губернского статистического комитета. Особое внимание в статье уделяется эволюции законодательного регулирования института членства в губернских статистических комитетах, сословному и профессиональному анализу их персонального состава.

Исследование основывается на неопубликованных материалах Костромского губернского статистического комитета второй половины XIX века из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Костромской области. В качестве дополнения проанализированы делопроизводственные и статистические материалы, периодическая печать и источники личного происхождения. В работе были применены специально-исторические методы (проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-исторический), а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Анализируя архивные материалы, автор приходит к выводу, что среди членов Костромского губернского статистического комитета были различные представители общественности. Большинство членов комитета составляли местные священнослужители, что было типичной особенностью губернских статистических комитетов Российской империи. В состав комитета входили также разночинцы и мещане, местные купцы и даже крестьяне. Единственным условием для избрания в члены комитета было наличие у кандидата желания и возможностей посвятить себя исследованию различных вопросов состояния губернии. Такой широкий сословный состав губернских статистических комитетов способствовал демократизации их деятельности во второй половине XIX века. В них присутствовали также активная часть городского сообщества, представители интеллигенции и чиновничества. Это высоко поднимало статус комитета и делало его одним из ведущих научных центров провинции.

Полученные в рамках исследования результаты помогут лучше понять специфику деятельности губернских статистических комитетов, представлявших собой синтез государственного учреждения и научного общества, выявить их значение в формировании общегосударственной правительственной статистики, вклад в развитие научно-просветительской и краеведческой деятельности в российской провинции во второй половине XIX века. Материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по историческому краеведению, истории статистики, общественной жизни российского общества в пореформенное время.

Ключевые слова: Костромской губернский статистический комитет, губернский статистический комитет, краеведение, история статистики

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Харитонов Г. П. Институт членства в губернских статистических комитетах: анализ законодательного регулирования и персонального состава (на материалах Костромской губернии) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 153–165.

©Харитонов Г.П., 2024г.

PROVINCIAL STATISTICAL COMMITTEE MEMBERSHIP: LEGISLATIVE AND PERSONNEL ANALYSIS (A CASE STUDY OF KOSTROMA PROVINCE)

Abstract. The purpose of the article is to analyze the diverse activity of the Kostroma provincial Statistical Committee members. The author examines the influence of the personnel on the effectiveness and efficiency of the provincial Statistical Committee work. Special attention is paid to the evolution of legislation and regulation of membership in provincial Statistical Committees, and to analysis of their social and professional structure.

Unpublished archival materials of the Kostroma provincial Statistical Committee of the second half of the XIX century are used in the study. In addition, records and statistical materials, periodicals and personal papers are examined. Special-historical (problem-chronological, historical-systemic and comparative-historical methods) and general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction) are used in the study.

Due to the archival materials analysis, the author concludes that the Kostroma provincial Statistical Committee staff consisted of various social members. Local clergymen made up the committee majority. It was a typical feature of the provincial Statistical Committees of the Russian Empire. The committee staff also consisted of *raznochintsy* and burghers, local merchants and even peasants. The ability and desire to devote himself to the study of various province issues were the only condition for the Committee membership. A wide social structure of the provincial Statistical Committees facilitated the democratization of their activities in the second half of the XIX century. An active part of the urban community, representatives of the intelligentsia and officials also belonged to the Committee. The wide social structure highly raised the status of the Committee and made it one of the leading scientific centers in the province.

The research results provide a better understanding the special activities of provincial Statistical Committees, which were a synthesis of state institution and scientific society, and identifying Committees importance in the formation of national government statistics, their contribution to the scientific development, educational and local history activities in the Russian province in the second half of the 19th century. The research materials can be used in the development of special courses and special seminars on local history, the statistics history, and the public life of Russian society in the post-reform period.

Keywords: Kostroma provincial Statistical Committee, provincial Statistical Committee, local history, statistics history ma Provincial Statistical Committee, provincial statistical committee, local history, history of statistics

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Kharitonov, G.P. (2024) Provincial Statistical Committee membership: legislative and personnel analysis (a case study of Kostroma province). *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13, no.1. P.153–165.

ВВЕДЕНИЕ

Губернские статистические комитеты оставили яркий след в региональной истории, культуре и краеведении губерний и областей Российской империи. Учреждённые в 1835 году, они сочетали в себе функции, с одной стороны, местного государственного органа административной статистики, а с другой – научного общества с самым широким составом членов и неограниченным полем научной деятельности. Помимо обязательных работ – сбора и обработки статистических данных о состоянии губернии, они занимались вопросами изучения локальной истории, археологии, этнографии, фольклора, геологии и минералогии, флоры и фауны, местных природных ресурсов, устраивали научные экспедиции и выставки, собирали естественно-научные коллекции, участвовали в работе по выявлению и сохранению памятников старины, становились инициаторами создания региональных музеев, архивов и библиотек [3; 6].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сбор и обработка статистических материалов в губерниях, их достоверность и качество, многообразие форм и направлений краеведческой работы во многом зависели от персонального состава губернских статистических комитетов. От членов комитета, их образованности, заинтересованности в деле зависело, будет ли функционировать на должном уровне губернский статистический комитет или останется фиктивным органом, существующим только на бумаге. В связи с этим особенно актуальным становится комплексное изучение сословного и профессионального состава деятелей губернских статистических комитетов.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

История развития государственной статистики в России привлекала внимание как дореволюционных исследователей, так и советских учёных. Но при этом основное внимание уделялось деятельности столичных статистиче-

ских учреждений, тогда как функционирование губернских комитетов характеризовалось весьма схематично. Особый интерес к их трудам возник только в конце 1980-х гг. Появившиеся с тех пор работы позволили лучше понять роль местных органов в общей системе государственной статистики империи, особенности наиболее важных изданий, подготовленных ими, а также региональную специфику их деятельности. В то же время деятельность губернских статистических комитетов остаётся исследована недостаточно, при этом история губернских статистических комитетов Верхнего Поволжья, в том числе Костромского, подробному, всестороннему изучению не подвергалась вовсе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Министерство внутренних дел, в чьём ведении находились указанные комитеты, уделяло большое внимание персональному составу членов. По «Правилам для статистического отделения при совете министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях» 1834 года (далее – «Правила...») в губернских статистических комитетах учреждались следующие должности: председатель, производитель работ комитета, непрременный член и член-корреспондент (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр.2. Т.9. Отд.2. – СПб., 1835. – С.280–283).

Непрременными членами комитета назначались руководители губернских ведомств, вместе составлявшие верхушку губернской администрации. По «Правилам...» 1834 года в состав непрменных членов губернского статистического комитета входили: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, почётный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, губернский директор училищ и член духовной консистории по избранию епархиального архиерея (ПСЗ. Собр.2. Т.9. Отд.2. – СПб., 1835. – С.280–283).

Непрременные члены, в отличие от членов-корреспондентов, обязаны были присутство-

вать на заседаниях комитета, участвовать в принятии решений по его управлению, а также способствовать скорейшему доставлению статистических сведений по той части управления губернии, которой они руководили в соответствии с занимаемой должностью. Непременные члены реально не осуществляли составление таблиц, сбор сведений или их проверку, а лишь руководили этим процессом, оказывая необходимое содействие комитету.

Первый состав непреременных членов Костромского губернского статистического комитета, сформированный в 1835 году, остаётся неизвестным. Мы можем лишь предполагать, кто из руководителей ведомств из перечисленного выше списка реально вошёл в его состав. Достоверно известно лишь то, что это звание носил отставной штабс-капитан, советник губернского правления Иван Дмитриевич Бартенев, одновременно выполнявший ещё и функции производителя работ комитета (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1290. Оп.1. Д.51. Л.5).

Наиболее многочисленной категорией вовлечённых в деятельность комитета лиц являлись члены-корреспонденты. Они избирались из числа известных комитету достойных лиц, постоянно проживающих в губернии и способных принести ему пользу своими трудами. Предполагалось, что они будут содействовать комитету в сборе сведений на местах в уездах губернии, составлять описания и таблицы по разным предметам статистики губернии (ПСЗ. Собр.2. Т.9. Отд.2. – СПб., 1835. – С.280–283). Члены-корреспонденты не входили в постоянный штат комитета и не получали жалованья за свою работу. Свою деятельность они вели добровольно, по собственному желанию и инициативе, выполняя работу по мере сил и возможностей и при наличии свободного времени.

При образовании Костромского статистического комитета в 1835 году, помимо светских лиц – статского советника П.П. Свинына, инспектора Костромской гимназии А.А. Горского, члена губернского приказа общественного призрения П.Н. Колюпанова и правителя канцеля-

рии Костромского губернатора П.Д. Голенбовского, в состав Костромского комитета вошли и лица духовного звания, а именно: ректор Костромской семинарии архимандрит Афанасий, а в 1840 году сменивший его на посту ректора семинарии архимандрит Нафанаил (РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.51. Л.4, 12).

Среди первых членов-корреспондентов Костромского комитета особенно выделяется личность уроженца Костромского края дворянина Павла Петровича Свинына (1787–1839 гг.). Он был хорошо известен среди современников не только в Костромской губернии, но и далеко за её пределами. Свинын обладал широкими интересами, являлся разносторонней личностью. Получив прекрасное образование, свою молодость он посвятил гражданской службе в министерстве иностранных дел: сначала работал в московском архиве коллегии иностранных дел, затем в качестве дипломатического сотрудника был прикомандирован к эскадре адмирала Д.Н. Сенявина, несколько лет провёл в Америке в должности секретаря в русском консульстве в Филадельфии. После выхода в отставку он сосредоточился на творческой, научной и общественной деятельности [4, С.283–285]. В 1818 году в Санкт-Петербурге П.П. Свинын основал литературный журнал «Отечественные записки», оказавший впоследствии большое влияние на общественную и литературную жизнь в России. Помимо литературных произведений Свинын публиковал в журнале материалы по истории, географии и этнографии народов России, описания отдельных регионов страны [5, С.240–241]. Таким образом, ещё задолго до создания губернских статистических комитетов П.П. Свинын активно занимался исследованиями, относящимися к их непосредственной сфере деятельности. В связи с этим неудивительно, что именно он первым был приглашён войти в состав членов-корреспондентов Костромского комитета. К сожалению, каких-либо свидетельств об участии Свинына в делах Костромского статистического комитета не сохранилось.

В период с 1840 по 1853 год состав чле-

нов-корреспондентов Костромского комитета, по всей видимости, не пополнялся, а, напротив, лишь уменьшался в связи со смертью раннее избранных членов.

Существенные изменения в институте членов-корреспондентов произошли в соответствии с циркуляром 1853 года «О должном направлении работ губернского статистического комитета», который дополнил правила, действовавшие в отношении избрания и функций членов-корреспондентов (РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.193. Л.69–72).

Согласно новым правилам в члены-корреспонденты губернских статистических комитетов теперь могли быть избраны не только лица, способные оказать комитету помощь в сборе статистических сведений и составлении описаний, но и лица, имевшие возможность и желание поддержать комитет в финансовом плане, при этом обе категории членов были объединены одним званием члена-корреспондента. Такое дополнение к правилам было продиктовано желанием улучшить тяжёлое финансовое состояние губернских статистических комитетов за счёт внебюджетных источников.

Состав членов-корреспондентов Костромского статистического комитета в период между 1853 и 1861 годом остаётся неизвестным из-за отсутствия сохранившихся источников. Достоверно известно лишь имя одного члена-корреспондента – 24 декабря 1854 года это звание получил известный костромской историк, археограф и этнограф, священник Михаил Яковлевич Диев (1794–1866 гг.) [11; С.6]. Он являлся знаковой фигурой в костромском краеведении XIX века. Первые работы по истории края он создал ещё в 1820-е гг. К моменту вступления в члены-корреспонденты Костромского статистического комитета он являлся членом Московского общества истории и древностей российских и Московского общества любителей российской словесности и был уже хорошо известен как знаток местной истории, этнографии, автор многочисленных статей в «Костромских губернских ведомостях», историк Костромской

епархии [8]. Таким образом, на примере личности М.И. Диева мы можем утверждать, что в 1850-е гг. вокруг губернского статистического комитета также сплотились талантливые исследователи Костромского края.

26 декабря 1860 года выходит новое Положение о губернских и областных статистических комитетах (далее – Положение), ставшее главным юридическим документом для статкомитетов и регламентировавшее их деятельность вплоть до упразднения в 1918 году (ПСЗ. Собр.2. Т.35. Отд.2. – СПб., 1860. – С.504–512). Коренные изменения произошли в институте членов комитета. Существовавшее ранее звание члена-корреспондента упразднилось. Взамен него вводились два новых звания – действительного и почётного членов комитета.

Звание почётного члена губернского статистического комитета вводилось с целью разделения функций членов. В отличие от действительных, на почётных членов не возлагалось вовсе никаких обязанностей. Звание почётного члена могли получить только две категории лиц: известные учёные и деятели, нахождение которых в составе комитета поднимало бы его значимость, или лица, изъявившие готовность вносить значительные денежные пожертвования для проведения работ комитета. Почётные члены наравне с действительными обладали правом голоса на общих заседаниях комитета (ПСЗ. Собр.2. Т.35. Отд.2. – СПб., 1860. – С.507).

Звание почётного члена Костромского статистического комитета присваивалось крайне редко и исключительно известным лицам или священнослужителям высокого сана. Всего достоверно известны имена пяти почётных членов комитета. 30 мая 1861 года это звание было присвоено драматургу А.Н. Островскому, владевшему усадьбой Щельково, расположенной в Кинешемском уезде, и имевшему тесные связи и контакты с Костромским краем [9, С.187]. В последующие годы звание почётного члена губернского статистического комитета присваивалось ещё как минимум три раза. Этого вы-

сокого звания были удостоены высокопоставленные духовные лица Костромской епархии: костромской архиепископ Платон, епископ Кинешемский Палладий (Костромской календарь на 1871 год. – Кострома, 1870. – С.17) и сменивший его в 1872 году на этом посту епископ Геннадий (Костромской календарь на 1873 год. – Кострома, 1873. – С.16). В Костромском статистическом комитете неизвестно ни одного случая присвоения звания почётного члена выдающимся учёным и исследователям. Кроме того, нет сведений и о том, что почётные члены оказывали какую-либо финансовую поддержку комитету, как это было принято в других губерниях.

Состав действительных членов Костромского статистического комитета являлся типичным для губернских статистических комитетов России [3, С.60]. Его основу составляли действующие и отставные чиновники и приходские священники. Каждая из этих групп составляла более трети общего числа действительных членов комитета.

Среди чиновников наибольшее число действительных членов по своему служебному положению являлись губернскими и уездными предводителями дворянства. Это связано с тем, что, согласно постановлениям Костромского статистического комитета, все предводители дворянства вне зависимости от личных заслуг и наличия заинтересованности в деле всестороннего изучения губернии являлись действительными членами комитета по должности (Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1913 год. – Кострома, 1913. – С.60).

К категории действительных членов в Костромском статистическом комитете относились и секретари комитета. Если в других губерниях, как правило, секретарь получал звание действительного члена только после отставки от должности секретаря, то в Костромском комитете принято было совмещать должность секретаря и звание действительного члена, в связи с этим в документах и публикациях должность секретаря комитета часто звучала как «член-секретарь». Так, за-

нимавший пост секретаря с 1867 года В.Г. Пирогов решением комитета в 1875 году был избран ещё и в число действительных членов (Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.1290. Оп.3. Д.252. Л.180). Известно, что действительными членами комитета также являлись секретари Е.Н. Вахрамеев, А.В. Попов и В.А. Кравков.

В группу действительных членов-чиновников входили также известные костромские краеведы и историки: П.И. Андроников, Н.П. Колюпанов, А.П. Поливанов и уже упоминавшийся ранее Г.М. Девочкин.

Одним из наиболее известных костромских краеведов, активно сотрудничавшим с Костромским статистическим комитетом, являлся Павел Иванович Андроников (1835–1888 гг.). Он вступил в число членов-корреспондентов комитета ещё в 1857 году, а впоследствии на протяжении десятилетий состоял действительным членом. П.И. Андроников был сыном священника из Чухломского уезда, окончил Костромскую духовную семинарию, после чего поступил на службу в Костромскую гражданскую палату. В 1854 году он был назначен редактором неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» и занимал эту должность до 1859 года (ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.52-А. Л.19). В период редакторства П.И. Андроников привлёк в «Костромские губернские ведомости» многих талантливых корреспондентов, наполнил газету оригинальными краеведческими материалами и исследованиями, литературными произведениями местных авторов. Сам редактор помещал в газете собственные статьи на различные темы, все вместе составлявшие летопись Костромской губернии в 1850-е гг. В 1859 году П.А. Андроников открыл в Костроме собственную типографию, в которой печатал книги местных авторов, в том числе и собственного сочинения. За одну из них, вышедшую под заглавием «Александр II в Костромской стороне» и поднесённую императору, Александром II П.А. Андроников был удостоен бриллиантового перстня [10, С.71].

П.И. Андроников в течение длительного времени сотрудничал с Костромским губернским статистическим комитетом. Например, известно, что в 1877 году он предоставил подготовленный по заданию комитета «Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» со времени учреждения их с 1838 по 1863 год» (Отчёт Костромского губернского статистического комитета за 1877 год // КГВ. Ч. Неоф. 1878. № 20). Несмотря на большую практическую пользу и ценность этого труда краеведа, указатель не был опубликован, однако впоследствии он послужил основой для аналогичного указателя, составленного в 1914 году костромским краеведом Н.Н. Виноградовым (Виноградов Н.Н. Хронологический и систематический указатель к неофициальной части «Костромских губернских ведомостей». Ч.1: 1838–1850 гг. // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 3. – Кострома, 1914).

Видным членом Костромского статистического комитета являлся активный деятель Костромского земства, Ветлужский уездный предводитель дворянства Нил Петрович Колюпанов (1827–1894 гг.). Выпускник юридического факультета Московского университета, он был известен своими статьями о народной жизни, крестьянском хозяйстве и быте, которые публиковались на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русской мысли», «Вестника Европы». Помимо публицистических статей, им был написан ряд исторических работ: «Очерк истории русского театра до 1812 года», «Очерк внутреннего управления в России, начиная с московского периода», «Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II» и другие (Колюпанов Нил Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XVA. 1895. С.807).

Сотрудничество Н.П. Колюпанова как уездного предводителя дворянства с Костромским губернским статистическим комитетом выразилось в ежегодном предоставлении статистических данных, кроме того, он выполнял и

другие задания комитета. Например, в 1868 году он принимал деятельное участие в составлении планов и инструкций для проведения статистических исследований губернии (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1868 год // КГВ. Ч. Неоф. 1869. № 19).

Другим действительным членом губернского статистического комитета – историком являлся Александр Петрович Поливанов (1845–...). Выпускник Санкт-Петербургского университета, определённый на гражданскую службу в Костромскую губернию, он активно сотрудничал с губернским статическим комитетом в период его работы чиновником особых поручений при костромском губернаторе. Известно, что в 1868 году он активно участвовал в проведении и разработке результатов городской переписи населения Костромской губернии, по заданию комитета подготовил записку о способе собирания более подробных сведений о народных училищах губернии (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1868 год // КГВ. Ч. Неоф. 1869. № 19). В дальнейшем интересы А.П. Поливанова были связаны с изучением археологии Костромского края. Являясь членом Костромской губернской учёной архивной комиссии, он проводил раскопки в Варнавинском уезде, участвовал в археологических и антропологических выставках [1, С.13].

Самой многочисленной группой действительных членов Костромского губернского статистического комитета являлись приходские священники. Всего нам известны имена 27 священников, носивших звание действительных членов комитета, однако их число могло быть намного больше. В отчёте Костромского статистического комитета за 1893 год указывалось, что из 322 корреспондентов, задействованных комитетом при сборе статистических сведений в указанном году, 207 являлись представителями духовенства (РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.397. Л.168–169). Однако статус корреспондента комитета не означал, что данное лицо обязательно будет избрано в действительные чле-

ны. Как правило, комитет предлагал это звание лишь наиболее активным и деятельным корреспондентам в качестве поощрения за регулярную безвозмездную помощь и содействие комитету в проведении статистических обследований.

Многочисленный состав священников в числе действительных членов комитета являлся закономерным явлением, объясняемым несколькими причинами. Во-первых, в Костромской губернии, как и по всей стране, общее количество священнослужителей значительно превышало численность дворянства, чиновничества и купечества. Во-вторых, духовенство являлись наследственно грамотным сословием. В период обучения в семинариях и академиях священнослужители, помимо изучения основного курса, приобретали и такие важные качества, как трудолюбие, упорство, любознательность, что являлось необходимым условием для плодотворного сотрудничества со статистическими комитетами в качестве действительных членов. В-третьих, приходские священники по долгу своей службы уже были непосредственно связаны со статистикой, так как выполняли функции регистраторов – фиксировали в метрических книгах случаи рождения, браки, факты смерти в своих приходах. В-четвёртых, постоянно проживая на территории своего прихода, тесно общаясь с прихожанами, они досконально знали уклад местной жизни, могли без дополнительных исследований предоставить статистическому комитету самые полные данные по многим вопросам. В связи с этим распространённым явлением стало почти повсеместное участие в деятельности губернских статистических комитетов представителей духовенства. Таким образом, многочисленный состав священнослужителей в числе действительных членов Костромского статистического комитета являлся типичным явлением для губернских статистических комитетов России.

Среди священников, которые активно участвовали в деятельности Костромского статистического комитета, следует отметить

следующих: о. Андрея Драницина, о. Федора Митинского, о. Александра Нифантова, о. Иакова Успенского. Они активно участвовали в издании «Материалов для статистики Костромской губернии», предоставляя различные статистические данные и даже иногда авторские статьи, сообщали срочные экономические корреспонденции. Так, священник о. Александр Нифантов, являясь действительным членом статистического комитета, провёл исследование о выяснении причин упадка и положении ткачества в Шенгенской волости Костромского уезда (ГАКО. Ф.161. Оп.1. Д.281. Л.1), занимался изучением продажных и арендных цен в Мисковской волости (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1874 год // КГВ. Ч. Неоф. 1875. № 18), составил этнографическо-статистический очерк волости, подготовил статьи о хмелеводстве (РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.257. Л.51) и о производстве ковшей в той же волости, опубликованные впоследствии в «Материалах для статистики Костромской губернии», в 1881 году представил в комитет оригинальное исследование на тему «Вредная сторона отхожих промыслов». Другой представитель костромского духовенства в губернском статистическом комитете – о. Федор Митинский, являясь священником церкви Зашуголье Солигаличского уезда, кроме представления кратких корреспонденций, требуемых комитетом, занимался исследованием экономики и кустарной промышленности Солигаличского уезда. Он изучил особенности известкового промысла, распространение отхода среди сельских плотников, развитие пчеловодства (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1884 год // КГВ. Ч. Неоф. 1884. № 16). Подготовленные им статьи также публиковались в «Материалах для статистики Костромской губернии».

Одним из наиболее известных представителей духовенства в составе действительных членов комитета являлся о. Павел Островский. Он приходился родным дядей драматургу А.Н. Островскому, а его супругой стала

сестра уже упоминавшегося выше краеведа и издателя П.И. Андроникова. П.Ф. Островский окончил духовное училище и семинарию, служил дьяконом, священником и ключарем в Успенском кафедральном соборе Костромы [2, С.27–28]. Научные интересы П.Ф. Островского были тесно связаны с изучением церковной истории Костромской епархии. Написанные им исторические статьи регулярно помещались в неофициальной части «Костромских губернских ведомостей», а три объёмные работы увидели свет в виде отдельных книжных изданий. Среди них наиболее популярной и ценной стала книга «Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора».

Будучи членом Костромской духовной консистории, П.Ф. Островский некоторое время входил в состав Костромского губернского статистического комитета как неперменный член, а затем после оставления этой должности был избран действительным членом. О статьях и исследованиях, выполненных им по заданию статистического комитета, известно немного. Так, в 1866 году на основе данных метрических книг П.Ф. Островский составил таблицу причин смертности населения по городу Костроме. Членство в комитете повлияло и на его труды, что, например, нашло отражение в названии книги «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря», посвящённой истории Костромского Ипатьевского монастыря.

Значительную роль в трудах губернского статистического комитета играли преподаватели духовных и светских учебных заведений Костромской губернии. В работе Костромского статистического комитета в разные годы принимали участие: старший учитель Костромской гимназии П.И. Шульгин, преподаватель Костромской семинарии С.И. Ширский, бывший секретарь комитета, старший учитель Костромской гимназии П.Н. Масленников, учитель народного училища Буйского уезда В.А. Самарянов и другие. Каждый из перечисленных преподавателей не только числился в звании действительного члена, но и активно сотрудничал с комитетом, предоставляя ему

свои труды и исследования. Например, С.И. Ширский, преподаватель, а затем и секретарь Костромской духовной семинарии, известными своими трудами о преподавании Закона Божьего в народных училищах (Ширский Семен Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XXXIX А. 1903. С.595), в 1875 году представил в комитет объёмный труд со статистическими данными о распространении грамотности в губернии, полученными в результате исследования записей в обыскных брачных книгах. Для этого автор лично просмотрел обыскные книги за 1873, 1874 и 1875 гг. по каждому церковному приходу губернии (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1875 год // КГВ. Ч. Неоф. 1876. № 24). В 1879 году С.И. Ширский принимал деятельное участие в выработке и применении новых правил регистрации смертей в г. Костроме (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1879 год // КГВ. Ч. Неоф. 1880. № 25).

В период своего проживания в губернии деятельным членом Костромского статистического комитета являлся Василий Алексеевич Самарянов (1822–1896 гг.) – выпускник Костромской семинарии, учитель народных училищ Буйского уезда, а затем столоначальник Костромской, а позднее Рязанской семинарий (Самарянов Василий Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVIII А. 1900. С. 192). В.А. Самарянов получил известность благодаря своим исследованиям по отечественной истории и истории Костромского края XVII века. Особое развитие в его трудах получила тема, связанная с подвигом Ивана Сусанина. В.А. Самарянов на основе уже известных ранее, а также обнаруженных лично им источников отстаивал позицию реальности и самой персоны народного героя, и совершённого им подвига. Защищая свою точку зрения, он вступил в дискуссию с ведущими отечественными историками, одним из которых стал Н.И. Костомаров [12, С.249–257]. Результаты своих исследований об Иване Сусанине, считающихся наиболее обстоятель-

ными трудами о костромском герое, В.А. Самарянов опубликовал в нескольких изданиях (Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. – Рязань, 1884; Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина. – Кострома, 1882 и др.).

В качестве действительного члена губернского статистического комитета В.А. Самарянов участвовал в проводимом комитетом исследовании о народной грамотности (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1875 год // КГВ. Ч. Неоф. 1876. № 24), в редактировании списков населённых мест и поземельных владений Костромской губернии по трём уездам (РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.141. Л.18). Увлекаясь историческими исследованиями, Самарянов по заданию комитета исследовал рукопись, содержащую описание Костромской губернии по данным на время между 5-й и 6-й народными ревизиями (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1880 год // КГВ. Ч. Неоф. 1881. № 20), на основе данных ревизии 1744 года составил список церквей и приходов Костромской епархии с указанием числа дворов по каждому приходу (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1883 год // КГВ. Ч. Неоф. 1884. № 16). В 1881 году представил в комитет рукопись своего труда «Материалы для отечественной истории начала XVII века», содержащую выписки из летописи Макарьевского на реке Унже монастыря. В следующем году эта работа была опубликована в виде отдельного издания.

В Костромском статистическом комитете в связи с развитием в его исследовательской деятельности санитарного направления сформировалась отдельная группа действительных членов – врачей. К этой группе относились костромской городской врач А.И. Резвяков, инспектор врачебной управы А.И. Орглерт, кинешемский городской врач М.М. Рубинский, помощник врачебного инспектора И.С. Иванов. Они занимались исследованием вопросов, связанных с санитарным состоянием городов, сёл, промышленных предприятий, распространени-

ем болезней среди различных групп населения и возможными мерами их профилактики.

Среди врачей, занятых в работе Костромского статистического комитета, особо следует выделить Ивана Савича Иванова. По его инициативе в статистическом комитете была развернута масштабная работа по исследованию санитарной статистики. С этой целью была введена карточная система учёта смертей, введены журналы учёта заболеваемости населения (Иванов И.С. Движение населения Костромской губернии в 1880 году и причины смертности // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 5. Ч.1–2. 1882–1883). Итоги учёта этих показателей и выводы из статистических наблюдений публиковались И.С. Ивановым в виде многочисленных статей и отдельных брошюр.

Самое небольшое представительство в губернском статистическом комитете имело купеческое сословие. Из представителей купечества в состав статистического комитета входил лишь костромской купец Владимир Андреевич Зотов – один из владельцев «Товарищества Костромской льнопрядильни братьев Зотовых», объединившего несколько ткацких фабрик. Известно, что, являясь действительным членом, он сообщал статистическому комитету ежемесячные данные о ценах на главнейшие предметы потребления и торговли в г. Костроме (Отчёт о занятиях Костромского губернского статистического комитета за 1871 год // КГВ. Ч. Неоф. 1872. № 22).

Из общего ряда членов Костромского статистического комитета несколько выбивается удивительный костромской краевед, историк-самоучка Дмитрий Петрович Дементьев (1859–1927 гг.). Он родился в бедной мещанской семье в Ветлуге, из-за бедности вёл образ жизни близкий к крестьянскому, в связи с чем его часто относят к крестьянскому сословию. С детских лет ему пришлось всего добиваться самому. Чтобы иметь средства к существованию приходилось много трудиться – он работал и плотником, и печником, и каменщиком, и портным. Несмотря на это, благодаря самообразованию ему удалось стать грамотным человеком, люби-

телем чтения и страстным собирателем старинных книг и рукописей. На основе собранного по крупицам уникального архива он описывал историю Ветлужского и Варнавинского уездов Костромской губернии, изучал особенности местной народности – черемисов, писал статьи и исследования [13, С.41–43]. Помимо членства в статистическом комитете он активно сотрудничал с Костромской губернской учёной архивной комиссией, которой передал значительную часть своего архива. К сожалению, о конкретных фактах участия Д.П. Дементьева в работе Костромского губернского статистического комитета ничего неизвестно.

В состав Костромского статистического комитета входили не только лица, постоянно проживающие на территории губернии, но и представители других регионов России, так или иначе связанные с костромским комитетом. «Положением...» 1860 года это прямо не запрещалось. По инициативе секретаря В.Г. Пирогова звание действительного члена Костромского губернского статистического комитета было присвоено незаурядным деятелям своего времени: председателю Нижегородского статистического комитета, писателю и краеведу А.С. Гацискому, известному русскому педагогу, автору учебных пособий по русскому языку Н.Ф. Бунакову и врачу, писателю, редактору «Земско-медицинского сборника» Д.Н. Жбанкову. Их избрание в число действительных членов Костромского комитета объясняется тем, что все они имели теплые дружеские связи с секретарём В.Г. Пироговым [6, С.358–368]. Однако, несмотря на удалённость от Костромы, они принимали участие в деятельности Костромского статистического комитета, присылали свои исследования для публикации в «Материалах для статистики Костромской губернии». Так, в 3-м выпуске этого издания была опубликована статья Н.Ф. Бунакова «Сведения о состоянии сельских школ Костромской губернии», а в 6, 7, и 8-м выпусках помещались медико-санитарные труды Д.Н. Жбанкова.

Активная деятельность и участие в трудах статистического комитета большинства выше-

перечисленных действительных членов Костромского статистического комитета приходится на конец 1860-х – 1880-е гг., т. е. период, когда работой комитета руководил секретарь В.Г. Пирогов. В последующие десятилетия состав действительных членов комитета почти не пополнялся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, состав действительных членов Костромского статистического комитета был довольно разнообразным и включал в себя представителей разных сословий и социальных групп. Среди членов комитета было немало талантливых, незаурядных, проявивших себя в различных областях науки, общественной и государственной деятельности лиц. При этом большинство его членов составляли священнослужители, что являлось типичной особенностью большинства губернских статистических комитетов Российской империи. Нахождение в составе комитетов таких незаурядных личностей выводило их в число ведущих научных центров губерний Верхнего Поволжья. Участие местных исследователей в трудах комитета было взаимовыгодным: с помощью комитета его члены могли реализовать проекты своих исследовательских работ, получить доступ к архивам, рассчитывать на финансирование экспедиций или гонорар за подготовленную по заданию комитета статью, опубликовать результаты своих научных работ в изданиях комитета.

Библиография / References:

1. Археология Костромского края / С.И. Алексеев, К.И. Комаров, А.Е. Леонтьев и др.; под ред. А.Е. Леонтьева. – Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. – 274 с.
2. Басова Н.Ф. Протоиерей Павел Федорович Островский и его историко-краеведческие труды // Губернский дом. – 1998. – № 1–2. – С. 27–28.
3. Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 522 с.

4. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: Костромской фонд культуры, 1993. – 472 с.
5. Западов А.В. История русской журналистики XVIII – XIX веков. – М.: Высшая школа, 1973. – 518 с.
6. Иерусалимский, Ю.Ю., Харитонов, Г.П. Значение личности секретаря в фокусе развития губернских статистических комитетов в пореформенное время. На примере деятельности В.Г. Пирогова в 1867–1907 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 358–368. – DOI 10.28995/2073-0101-2022-2-358-368. – EDN BIJVPH.
7. Иерусалимский, Ю.Ю., Харитонов, Г.П. Ярославский губернский статистический комитет во второй половине XIX века // Российская история. – 2021. – № 2. – С. 121–133. – DOI 10.31857/S086956870014464-1. – EDN AAXQPD.
8. Полетаев, Н.И. Протоиерей М.Я. Диев и его историко-археологические и этнографические труды. – Кострома: губернская типография, 1891. – 76 с.
9. Ревякин, А.И. А.Н. Островский в Щелькове. – М.: Всерос. театр. о-во, 1978. – 304 с.
10. Сапрыгина, Е.В. Свойственник драматурга. П.И. Андроников как сосредоточие костромского краеведения 1850–1880-х годов // Губернский дом. – 2003. – № 1–2. – С. 71–73.
11. Титов А.А. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву 1830–1857 гг. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете: 1887. Кн. 1. – М.: Университетская тип., 1887. – С. 469–476.
12. Толстов, В.А. Н.И. Костомаров и В.А. Самарянов: два взгляда на историческую достоверность личности Ивана Сусанина // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова: сборник трудов Всероссийской научной конференции. – Рязань: Рязанский ист.-архитектурный музей-заповедник, 2011. – С. 249–257. – EDN SIJCWZ.
13. Шарабарина, С.Г. Вклад Д.П. Дементьева в краеведческую деятельность костромской ученой обществности по изучению финно-угорских древностей Костромского края в 90-е гг. XIX века // Костромской гуманитарный вестник. – 2015. – № 2. – С. 41–44. – EDN VCISJL.
1. Arkheologija Kostromskogo kraia [Archeology of the Kostroma region] / S.I. Alekseev, K.I. Komarov, A.E. Leontiev and others; Ed. A. E. Leontyeva. – Kostroma: GNPTs po sokhraneniю, restavratsii i ispol'zovaniю ist.-kul'tur. naslediiа Kostrom. obl, 1997. – 274 s. (In Russ.)
2. Basova, N.F. Protoirei Pavel Fedorovich Ostrovskii i ego istoriko-kraevedcheskie Trudy [Archpriest Pavel Fedorovich Ostrovsky and his historical and local history works] // Gubernskii dom. – 1998 – №1-2. – S. 27-28. (In Russ.)
3. Berdinskikh, V.A. (2003) Uezdnye istoriki. Russkaia provintsial'naia istoriografiа. [District historians. Russian provincial historiography]. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. – 522 s. (In Russ.)
4. Grigorov, A.A. (1993) Iz istorii kostromskogo dvorianstva [From the history of the Kostroma nobility]. – Kostroma: Kostromskoi fond kul'tury. – 472 s. (In Russ.)
5. Zapadov, A.V. (1973) Istoriа russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov [History of Russian journalism of the 18th-19th centuries]. – M.: Vysshаia shkola. – 518s. (In Russ.)
6. Ierusalimskii, Yu.Yu., Kharitonov, G.P. Znachenie lichnosti sekretaria v fokuse razvitiа gubernskikh statisticheskikh komitetov v poreformennoe vremia. Na primere deiatel'nosti V.G. Pirogova v 1867–1907 gg. [The importance of the secretary's personality in the focus of development of provincial statistical committees in post-reform times. Using the example of the activities of V. G. Pirogov in 1867–1907.]. // Vestnik arkhivista. – 2022. – №2. – S.358–368. DOI 10.28995/2073-0101-2022-2-358-368. – EDN BIJVPH. (In Russ.)
7. Ierusalimskii, Yu.Yu., Kharitonov, G.P. (2021) Iaroslavskii gubernskii statisticheskii komitet vo vtoroi polovine XIX v. [Yaroslavl pro-

vincial statistical committee in the second half of the 19th century] // Rossiiskaia istoriia. – №2. – S.121–133. –DOI 10.31857/S086956870014464-1. – EDN AAXQPD. (In Russ.).

8. Poletaev, N.I. (1891) Protoierei M.Ia. Diev i ego istoriko-arkheologicheskie i etnograficheskie Trudy [Archpriest M.Ya. Diev and his historical, archaeological and ethnographic works]. – Kostroma: gubernskaia tipografiia. – 76 s. (In Russ.).

9. Reviakin, A.I. (1978) A.N. Ostrovskii v Shchelykove [A.N. Ostrovsky in Shchelykovo]. – M.: Vseros. teatr. O-vo. – 304 s. (In Russ.).

10. Saprygina, E.V. (2003) Svoistvennik dramaturga. P.I. Andronikov kak sosredotochie kostromskogo kraevedeniia 1850–1880-kh godov [The playwright's relative. P.I. Andronikov as the focus of Kostroma local history of the 1850–1880 s]. Gubernskii dom. №1–2. S. 71–73. (In Russ.).

11. Titov, A.A. (1887) Biograficheskii ocherk protoireia Mikhaila Dieva s prilozheniem ego pisem k Ivanu Mikhailovichu Snegirevu 1830–1857 [Biographical sketch of Archpriest Mikhail Diev with an appendix of his letters to Ivan Mikhailovich Snegirev 1830-1857], Chteniia v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete. Kn. 1. – Moskva: Universitetskaia tip. – S.469–476. (In Russ.).

12. Tolstov, V.A. (2011) N.I. Kostomarov i V.A. Samarianov: dva vzgliada na istoricheskuiu dostovernost' lichnosti Ivana Susanina [N.I.Kostomarov and V.A. Samaryanov: two views on the historical authenticity of the personality of Ivan Susanin] // Smutnoe vremia i zemskie opolcheniia v nachale XVII veka. K 400-letiiu sozdaniia Pervogo opolcheniia pod predvoditel'stvom P.P. Liapunova: sbornik trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. – Riazan': Riazanskii ist.-arkhitekturnyi muzei-zapovednik. – S. 249–257. – EDN SIJCWZ. (In Russ.).

13. Sharabarina, S.G. Vklad D.P. Dement'eva v kraevedcheskuiu deiatel'nost' kostromskoi uchenoi obshchestvennosti po izuche-

niiu finno-ugorskikh drevnostei Kostromskogo kraia v 90-e gg. XIX v. [Contribution of D.P. Demytyev into the local history activities of the Kostroma scientific community in the study of Finno-Ugric antiquities of the Kostroma region in the 90s. XIX century] // Kostromskoi gumanitarnyi vestnik. – 2015. – №2. – S.41–44. – EDN VCISJL. (In Russ.).

Информация об авторе:

ХАРИТОНОВ Герман Павлович, старший преподаватель, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, e-mail: german.kharitnv@rambler.ru, SPIN-код: 3272-3172, Author ID: 1038577, ORCID 0000-0003-4597-1137

Author:

KHARITONOV G.P., Senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: german.kharitnv@rambler.ru, SPIN-код: 3272-3172, ORCID 0000-0003-4597-1137

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 19.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 21.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

**ВОПРОСЫ ФИЛАНТРОПИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ
В ТУРКЕСТАНСКОМ РЕГИОНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе деятельности русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе второй половины XIX – начала XX века. Это позволит более глубоко понять роль и значение филантропии в процессе соприкосновения различных культур и цивилизаций. Анализ деятельности таких обществ даст возможность выявить их вклад в социальное развитие региона и оценить их влияние на формирование образа русского общества в глазах местного населения. Изучение такой темы позволит проследить эволюцию подходов к благотворительности и общественному участию в контексте исторических изменений, происходивших на просторах Центральной Азии в указанный период. В конечном итоге целью исследования может быть выявление влияния русских благотворительных организаций на процессы социокультурного взаимодействия и взаимопонимания между различными этническими и религиозными группами в Туркестане.

Тематика не является полно изученной из-за специфики региона и сложности получения достоверных данных. Существуют трудности в доступе к архивным материалам и источникам из-за различных ограничений или частичной утраты. Проблемой является также необходимость комплексного анализа и сопоставления различных источников и данных для формирования обоснованных выводов о роли и влиянии русских благотворительных организаций в Туркестанском регионе. Такие исследования требуют междисциплинарного подхода и обширной работы по анализу текстов, архивных материалов, статистических данных и других источников для получения объективной картины филантропической деятельности в указанный период в регионе Туркестана.

Методологическая база включает в себя анализ исторических источников, таких как архивные документы, публикации и статистические данные, связанные с филантропией и деятельностью благотворительных обществ в Туркестане. Это позволит получить первичную информацию о целях, механизмах и результатах их деятельности. Критический анализ этих источников и своеобразная историческая реконструкция позволят воссоздать хронологию событий, связанных с деятельностью русских благотворительных обществ, выявляя их вклад в социальное развитие региона. Сравнительный анализ поможет в сопоставлении опыта русских благотворительных организаций в Туркестане с аналогичными явлениями в других регионах. Междисциплинарный подход поможет использовать инструментарий различных областей знаний для комплексного анализа истории филантропии в Туркестанском регионе.

Исследование тематики может способствовать обогащению исторических знаний о регионе, особенно в контексте социальных и культурных взаимодействий между различными этническими и социальными группами. Рассмотрение исторического опыта русских благотворительных организаций в Туркестане может предложить ценные уроки и рекомендации для современных благотворительных организаций, помогая им развивать эффективные стратегии деятельности.

Результаты исследования могут служить отправной точкой для дальнейших академических работ в области истории, социологии, культурологии и других дисциплин, связанных с филантропией и социальной ответственностью.

Ключевые слова: благотворительность, филантропия, меценатство, Туркестанский край, Российская империя, фон Кауфман, Туркестанское благотворительное общество

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Абдуллаев Д.Н. Вопросы филантропии и деятельность русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 166–174.

**PHILANTHROPY AND THE ACTIVITIES OF RUSSIAN CHARITABLE SOCIETIES IN TURKESTAN
(THE SECOND HALF OF THE 19th - EARLY 20th CENTURY)**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the activities of Russian charitable societies in Turkestan from the second half of the 19th to the early 20th century. The study provides a better understanding of the role and significance of philanthropy at the interfaces between different cultures and civilizations. The analysis of charitable societies' activities identifies their contribution to the social development of the region and assesses their impact on the formation of the Russian society image in front of the residents. The study helps to trace the approaches evolution of philanthropy and public participation during historical changes that took place in Central Asia from the second half of the 19th to the early 20th century. Ultimately, the aim of the study is to identify the impact of Russian charitable organizations on the social and cultural interaction and mutual understanding between different ethnic and religious groups in Turkestan.

Due to the region's features and the difficulty in obtaining reliable data, the research subject is not carefully studied. Various restrictions and partial loss present special difficulties in accessing archival materials. Moreover, a comprehensive and comparative analysis of various sources and data should be done to form valid conclusions about the role and influence of Russian charitable organizations in Turkestan. The research requires an interdisciplinary approach and extensive work on the analysis of texts, archival materials, statistical data, and other sources to get an objective view on philanthropic activities in Turkestan from the second half of the 19th to the early 20th century.

The author uses historical research methods to analyze the sources such as archival documents, publications, and statistical data on philanthropy and charitable societies' activities in Turkestan. The historical analysis provide primary information about the goals, mechanisms and results of their activities. A critical review and a historical reconstruction helps to recreate the chronology of events related to the activities of Russian charitable societies and to reveal their impact on the social development of the region. The goal of a comparative analysis is to compare the Russian charitable organizations' experience in Turkestan with those in other regions. The interdisciplinary approach helps to use the different fields of knowledge tools to conduct a comprehensive analysis of the philanthropy history in Turkestan.

As a result, the author concludes that the study helps to enrich historical knowledge about the region, especially in social and cultural interactions between different ethnic and social groups. The historical review of Russian charitable organizations' experience in Turkestan gives recommendations for contemporary ones to help them develop effective activity strategies.

The research results can serve as the starting point for a new academic work in history, sociology, cultural studies and other disciplines related to philanthropy and social responsibility.

Keywords: charity, philanthropy, patronage, Turkestan, Russian Empire, Von Kaufman, Turkestan Charitable Society

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Abdullaev, D.N. (2024) Philanthropy and the activities of Russian Charitable Societies in Turkestan (the second half of the 19th - early 20th century). Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no. 1, P. 166–174

ВВЕДЕНИЕ

С исторической точки зрения тематика, раскрывающая вопросы филантропии и деятельность русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе второй половины XIX – начала XX века, является актуальной, так как представляет интересную и значимую часть истории этого региона. В данный период происходили значительные изменения как в самом обществе, так и в благотворительной деятельности.

Туркестанский регион в то время был частью Российской империи, и в нём действовали русские общества и благотворительные организации, оказывавшие помощь различным слоям населения. Филантропия играла важную роль в улучшении условий жизни местных жителей, поддержке образования, здравоохранения, социальной сферы. Русские благотворительные общества в Туркестане занимались различными проектами, связанными с обеспечением нуждающихся, развитием культуры и образования, помощью природоохранным объектам и другими социально значимыми инициативами.

Активность русских благотворительных организаций в Туркестане в тот период была связана не только с укреплением влияния Российской империи в регионе, но и с чувством гуманизма и ответственности перед нуждающимися. Благотворительность играла важную социокультурную и социально-экономическую роль, способствуя развитию общества и укреплению гражданского сознания.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение вопросов, раскрывающих тематику филантропии и деятельности русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе второй половины XIX – начала XX века, затрагивает проблемы связанные с социокультурным влиянием русских благотворительных обществ на

местное население, адаптацией западных подходов к благотворительности, к традициям и потребностям туркестанского общества, вопросами санитарно-гигиенического обслуживания и развития медицины в регионе, содействием в развитии образования и культуры туркестанского населения. Кроме того, важным является анализ влияния русских благотворительных организаций на экономические процессы и социальную структуру региона, а также этические аспекты осуществления благотворительности и распределения помощи в Туркестане. Изучение указанных аспектов позволяет более глубоко понять роль и значение филантропической деятельности русских обществ в Туркестанском регионе в указанный исторический период и выявить как положительные, так и возможные негативные последствия этой деятельности для местного населения и социокультурной среды. Помимо этого, такие исследования способствуют широкому освещению официального и широкого общественного мнения о значимости и эффективности благотворительных инициатив и их влиянии на региональное развитие.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование темы филантропии и деятельности русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе во второй половине XIX – начале XX века имеет свои особенности и трудности. Эти спорные вопросы затрагивают понимание исторического контекста и значения благотворительной деятельности в данном регионе. Одной из основных трудностей может быть ограниченный доступ к архивным материалам и источникам, связанным с деятельностью русских благотворительных обществ в Туркестане. Нередко исторические документы плохо сохранились, что затрудняет исследование прошлых событий и

инициатив. Другой проблемой может быть интерпретация источников, поскольку высказывания могут быть предвзято переведены авторами, что требует критического подхода к анализу материалов.

Также важно учитывать многообразие культурных контекстов и традиций в Туркестанском регионе, которые могли оказывать влияние на взаимодействие русских благотворительных обществ с местным населением. Понимание этих различий требует глубокого анализа исторических и антропологических данных. Несмотря на вышеуказанные трудности, исследование тематики имеет огромное значение для понимания взаимодействия различных культурных групп и требует серьезного подхода и комплексного анализа для выявления исторических и социокультурных особенностей этого процесса.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Деятельность русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе можно разделить на несколько исторических периодов, каждый из которых отражает особенности социокультурной среды и политического контекста своего времени.

Первый период – вторая половина XIX века – характеризуется активным расширением влияния Российской империи на Центральную Азию и образованием Туркестанского генерал-губернаторства. Благотворительные организации того времени выступали как средство социально-политического контроля. Они начали активно действовать в регионе, осуществляя гуманитарную помощь и влияя на местное население [8, С.89].

Второй период – начало XX века – связан с продолжением и расширением деятельности благотворительных обществ в Туркестане [8, С.89]. Под влиянием ряда общественно-исторических событий, таких как революция 1905 года и Первая мировая война, в филантропии происходили

изменения [6, С.32]. Отличительной особенностью является направленность на адаптацию к новым вызовам и потребностям региона.

Третий период – первые десятилетия XX века – отмечен активными преобразованиями в общественной сфере Туркестана. В условиях Тургайской автономии и революции 1917 года кардинально менялось положение благотворительных организаций, их статус и роль в обществе [8, С.90]. Эти изменения показывают динамику взаимоотношений между русскими благотворительными организациями и местным населением, а также их вклад в социальное развитие региона.

Известно, что исследование деятельности благотворительных учреждений, организованных в различных социально-культурных целях в Туркестанском крае во второй половине XIX и начале XX века, является одной из основных задач объективного изучения истории Узбекистана. Важным является и изучение деятельности благотворительных и спонсорских организаций, учреждённых Российской империей перед тем, как в крае были мусульманские благотворительные учреждения и законодательство, определяющее их. Создание Российской империей различных обществ было новшеством для Туркестанского края, так как до этого мусульмане, строго соблюдая предписания ислама, оказывали нуждающимся помощь в виде зякет (очистительная милостыня в пользу бедных в размере 1/40 стоимости имущества, материальных средств) и милостыни [6]. Данная благотворительность осуществлялась в индивидуальном порядке, без посредничества какой-либо благотворительной организации, где собирали все поступления.

В Российской империи система благотворительности развивалась в четыре этапа: первый – до реформ 1861 года – накопление законодательного и практического опыта в сфере

благотворительности; второй – деятельность в период после реформ – работа благотворительной сферы на основе частной документации; третий – деятельность коллегии Грот в 1890-е годы [8, С.4, 5, 24, 75]; четвертый – благотворительный период правления Николая II [10, С.9, 11, 134, 183]. Одним из основных актов, регулирующих деятельность благотворительных организаций, являлось опубликованное 10 июня 1897 года Примерное положение обществ, выплачивающих пособия беднякам [2]. К 1902 году по всей Российской империи было зарегистрировано 19 000 организаций, помогающих нуждающимся, осуществляли деятельность 11 040 благотворительных учреждений, из них 4762 благотворительных учреждения и 6278 благотворительных организаций [2].

Из архивных данных известно, что в Туркестанском крае первые благотворительные общества создавались в 70-е годы XIX века. Первым из них был открытый под попечительством администрации области в 1872 году «Детский дом, принадлежащий области по попечительству», данная организация включала в себя несколько учреждений: Детский дом имени фон Кауфмана на 70 мест для граждан, оказавшихся в трудных условиях (1872), и Детский дом, принадлежащий Александру (1882) [1, С.247–248]. Эти организации принимали русских детей, проживающих в Туркестанском крае, в них и происходило обучение грамоте.

Также в Туркестанском крае был учрежден ряд благотворительных организаций, таких как Туркестанское окружное управление Российского общества Красного Креста (1867 г.), Туркестанское благотворительное общество (1872 г.), Туркестанский комитет по попечительству слепых императрицы Марии Александровны (1888 г.), общество «Маяк» для оказания помощи бедным (1903 г.), Евангелиско-лютеранское женское благотворительное общество (1907 г.), Туркестанское римско-католическое

благотворительное общество (1906 г.), Общество раненых и больных военнослужащих, Военное благотворительное общество белого креста, Общество защитников животных и любителей драматического искусства. Членами данных благотворительных обществ были представители различных слоев русскоязычного населения, и они вели свою деятельность для русского населения края.

Российское общество Красного Креста имело своё окружное управление, учреждённое в 1867 году. К концу 1868 года собрано было 1039 рублей 65 копеек. Далее в 1879 году оно было переименовано из Российского общества Красного Креста в Общество попечительства больных и раненых военнослужащих, соответственно, местное отделение – в Туркестанское окружное управление Российского общества Красного Креста. В 1902 году обществом оказана помощь пострадавшим от землетрясения в Андижане, больным в период распространения эпизоотии. В 1898 году взяло под свою опеку больных проказой в махалле Махау в Ташкенте. С 1896 года в распоряжение управления было передано общество сестёр милосердия, а с 1903 года – больница данного общества, где в 1910 году работали один врач, 15 сестёр и учащихся-девушек [7. С.24]. Мысль о создании Туркестанского благотворительного общества возникла в 1871 году, впервые его учредители собрались 13 февраля 1872 года под председательством К.П. фон Кауфмана для рассмотрения положения общества, которое было утверждено 31 октября 1873 года министром внутренних дел Тимаше [11, С.52]. Цель Туркестанского благотворительного общества состояла в поставке средств для улучшения материального и морального положения бедняков Туркестанского края, в предоставлении им одежды, продовольствия и крова; уходе за детьми бедных семей; обеспечении пособием больных, размещении пожилых и неизлечимо больных в дома

инвалидов; организации при благотворительных организациях школ, крова, домов рабочих; способствовании улучшению и развитию благотворительных учреждений; заботе о надлежащем хоронении бедняков и т. п. Доходы благотворительного общества составляли денежные средства, вырученные от вакуфа Назарбека (вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели) [3, С.420–423], милостынь, собранных на Рождество и Пасху, сборов от спектаклей самодеятельности, концертов, членских взносов, пожертвований и случайных поступлений.

В составе Туркестанского благотворительного общества было учреждено несколько организаций, служивших русскому населению края. Первая из них – Ташкентский детский дом. Вторая – учреждение защиты материнства, открытое 27 апреля 1880 года. Третья – Дом инвалидов имени императора Александра II, который был основан 21 мая 1882 года. 6 декабря 1884 года открыта пятая организация – общежитие для лишенных постоянного крова и бедных. Также в разных уголках края осуществляли свою деятельность несколько отделений Туркестанского благотворительного общества. Например, согласно отчету Маргеланского отделения общества за 1902–1906 годы из поступивших в 1902 году 7363 рублей 82 копеек на благотворительность потрачено 4902 рубля 34 копейки; в 1903 году из поступлений в размере 7091 рубль 58 копеек – 2950 рублей 45 копеек, в 1904 году из 5638 рублей 30 копеек – 2510 рублей 7 копеек [12, С.58, 60, 108], в 1905 году из 5575 рублей 40 копеек – 2416 рублей 52 копейки, в 1906 году из 2465 рублей 30 копеек – 413 рублей 3 копейки [14, С.35, 36]. Кокандским отделением Туркестанского благотворительного общества, согласно отчетам, потрачено в 1904 году из поступивших 13 714 рублей 51 копейки – 3788 рублей 25 копеек [12, С.58, 60, 108], в

1905 году – все поступившие 3080 рублей 81 копейка [11, С.52], в 1906 году из 14 276 рублей 65 копеек – 5263 рубля 62 копейки [14, 27], в 1907 году из 8919 рублей 39 копеек – 6281 рубль 39 копеек [16]. Согласно отчетам Наманганского отделения Туркестанского благотворительного общества в 1906 году на благотворительность направлено из поступлений в 5192 рубля 8 копеек 2732 рубля 2 копейки, в 1907 году из 4167 рублей 44 копеек – 2863 рубля 51 копейка [16]. Согласно отчету Туркестанского благотворительного общества в 1904 году его капитал составил 84 136 рублей 26 копеек, в 1905 году из капитала в 98 626 рублей 33 копейки на благотворительность направлено 52 035 рублей 69 копеек, в 1906 году из 84 713 рублей 7 копеек – 35 947 рублей 69 копеек, в 1907 году из 3183 рублей 31 копейки – 2644 рубля 84 копейки [15, С.2–19]. В январе 1908 года из 1155 рублей 6 копеек – 1592 рубля 58 копеек [18], в феврале того же года из 1538 рублей 65 копеек – 2160 рублей 10 копеек [18]. Остаток капитала Туркестанского благотворительного общества на 1 января 1909 года составил 47 633 рубля 35 копеек [4, С.128]. После разрушений в городе Андижане 3 декабря 1902 года в результате землетрясения пострадало 50 тысяч человек, в те трагические дни Кокандское и Маргеланское отделения Туркестанского благотворительного общества оказали помощь жителям Андижана. Из Ташкентского уезда было пожертвовано 5186 рублей 42 копейки, из Чимкентского уезда – 2386 рублей 62 копейки, из Казалинского уезда – 1187 рублей 8 копеек [19].

В городе Ташкенте функционировали военная больница и общество заботы о бедных в других медицинских учреждениях, положение о котором было утверждено генерал-губернатором лейтенантом Ивановым 2 апреля 1902 года [17].

Следует отметить, что в крае функционировали такие учреждения, как ремесленнические приюты для

сельскохозяйственных колоний и функционировали в основном в городах и оказывали помощь русскоязычному населению края, представителям же местного населения помощь оказывалась в редких случаях. Малые медицинские отделения организовывались на отдаленных от центра территориях, поэтому люди не могли в полной мере воспользоваться их услугами.

В конце XIX века в Туркестане существовали все виды вышеперечисленных пожертвований. Большинство из них собиралось государством. Это касается только Бухарского и Хивинского ханств. В Туркестанском генерал-губернаторстве после введения российских законов жертвования приняли частный характер, т.е. жертвователи сами распределяли их как обязательные и частные пожертвования. Вследствие этого в Туркестане существовала только частная благотворительность. При этом частное лицо помогало частному лицу или создавало какое-либо общепольное учреждение, в основном мечеть, школу, мосты, дороги, и назначал этим сооружениям вакуфы [16, С.159].

В последней четверти XIX века в Туркестанском крае насчитывалось 64 благотворительные организации Российской империи, в том числе 32 благотворительных общества [5], 19 благотворительных организаций [9, С.57, 77], три церковные благотворительные общины. В течение 1872–1901 годов в Туркестанском крае осуществляли деятельность 83 благотворительные организации [1, С.39].

Следует отметить, что данное количество благотворительных организаций было очень мало в сравнении с другими территориями, завоеванными Российской империей. По официальным данным русской администрации Туркестана, на каждые 100 тысяч человек приходилось 0,97 благотворительной организации [1, С.33]. Деятельность их в жизни местного населения практически не ощущалась. Кроме того, благотворительные организации

и функционировали в основном в городах и оказывали помощь русскоязычному населению края, представителям же местного населения помощь оказывалась в редких случаях. Малые медицинские отделения организовывались на отдаленных от центра территориях, поэтому люди не могли в полной мере воспользоваться их услугами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение тематики, раскрывающей деятельность русских благотворительных обществ в Туркестанском регионе во второй половине XIX – начале XX века, представляет собой интересную и комплексную задачу, которая требует рассмотрения исторических и социокультурных аспектов в контексте российского присутствия на территории Туркестана.

В Туркестанском крае русскими было организовано более 80 благотворительных учреждений в различных социально-культурных целях. Однако из-за ориентированности их деятельности в основном на русскоязычное население края, ничтожно малого охвата детей из малообеспеченных, нуждающихся семей представителей местных национальностей к положительным изменениям в социальной жизни Туркестана в исследуемый период деятельность благотворительных организаций Российской империи не привела.

Исследование данной темы может пролить свет на важные аспекты истории благотворительности в контексте имперской политики Российской империи на просторах Центральной Азии.

Библиография / References:

1. Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Т.: Akademnashr, 2011. – 384 с.
2. Вестник благотворительности. – 1897. – № 9.

3. Добросмыслов, А. И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк / А.И. Добросмыслов. – Ташкент: Электропаровая типолитограф. О.А. Порцева, 1912. – 520 с.
4. Исмоилова Ж. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бoshларида Тошкентнинг «янги шаҳар» қисми тарихи. «Fan va texnologiya». – 2004 йил.
5. Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель, (12 января 1815 – 30 октября 1897 гг.): материалы для его биографии и характеристики: к столетию со дня его рождения. – Петроград: Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, 1915. – 24 с.
6. Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX в.: монография / Г.Н. Ульянова. – М.: Наука, 2005. – 402 с.
7. Lindenmayer A. Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. – Princeton, 1996. – P. 26-47, 74-98.
8. Абросимова, Е.А. История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций / Е. А. Абросимова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 6. – С. 89–94. – EDN TUCVMZ.
9. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 752.
10. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 707.
11. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 751.
12. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 832.
13. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 833.
14. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 947.
15. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 948.
16. ЦГА РУз. Фонд И – 1. Перечень 28. Папка 8949.
17. ЦГА РУз. Отчёт о деятельности Ташкентского комитета для сбора пожертвования Ф.36. Л.0-88.
18. Абдуллаев Д.Н. Ўзбекистонда хайрия ва ҳомийликнинг ривожланиш тарихи (XIX аср иккинчи – XX аср бoshлари). – Тошкент: «INNOVATSIYA-ZIYO» нашриёти, 2019.
1. Abdirashidov Z. Ismail Gasprinskiy i Turkestan v nachale XX veka: svyazi – otnosheniya – vliyaniye. – T.: Akadernashr, 2011. – 384s. (In Russ.).
2. Vestnik blagotvoritel'nosti. – 1897. – №9.
3. Dobrosmyslov, A.I. Tashkent v proshlom i nastoyashchem: istoricheskiy ocherk / A.I.Dobrosmyslov. – Tashkent: Elektro-parovaya tipolitogr. O.A. Portseva, 1912. – 520 s. (In Russ.).
4. Ismoilova ZH. XIX asrning ikkinchi yarmi – XX asr boshlarida Toshkentning “yangi shahar” k, ismi tarikh. “Fan va texnologiya”. – 2004 yil. (In Russ.).
5. Konstantin Karlovich Grot, kak gosudarstvennyy i obshchestvennyy deyatel', (12 yanvarya 1815 – 30 oktyabrya 1897gg.): materialy dlya yego biografii i kharakteristiki: k stoletiyu so dnya yego rozhdeniya. - Petrograd: Popchitel'stvo imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh, 1915. – 24 sm. (In Russ.).
6. Ul'yanova, G.N. Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii: XIX – nachalo KHKH v.: monografiya / G.N. Ul'yanova. – M.: Nauka, 2005. – 402s. (In Russ.).
7. Lindenmayer A. Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. – Princeton, 1996. – R.26-47, 74-98. (In Russ.).
8. Abrosimova, E. A. Istoriya zakonodatel'nogo regulirovaniya sozdaniya i deyatel'nosti rossiyskikh blagotvoritel'nykh organizatsiy / E.A. Abrosimova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 1992. – №6. – S. 89-94. – EDN TUCVMZ. (In Russ.).
9. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28. Papka 752. (In Russ.).
10. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28. Papka 707. (In Russ.).
11. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.

- Папка 751. (In Russ.).
12. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.
Папка 832. (In Russ.).
13. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.
Папка 833. (In Russ.).
14. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.
Папка 947. (In Russ.).
15. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.
Папка 948. (In Russ.).
16. TSGA RUz, Fond I – 1. Perechen' 28.
Папка 8949. (In Russ.).
17. TSGA RUz. Otchet o deyatel'nosti Tashkentskogo komiteta dlya sbora pozhertvovaniya F.36. L.0-88. (In Russ.).
18. Abdullayev D.N. Ўzbekistonda khayriya va xomiylikning rivozhlanish tarixi (XIX asr ikkinchi – XX asr boshlari). – Toshkent: «INNOVATSIYA-ZIYO» nashriyoti, 2019. (In Russ.).

Информация об авторе:

АБДУЛЛАЕВ Диёржон Нодиржон угли, доктор исторических наук (DSc), Ургенчский государственный педагогический институт, адрес: 220100, Узбекистан, г. Ургенч, ул. Гурлан, д. 1, e-mail: adn20@mail.ru, ORCID 0000-0001-8560-5604

Author:

ABDULLAEV D.N. Doctor of Historical Sciences (DSc), Urgench State Pedagogical Institute (Republic of Uzbekistan, Urgench), e-mail: adn20@mail.ru, ORCID 0000-0001-8560-5604

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 08.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 20.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.02.2024.

**ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ КАК ВЕДУЩАЯ ФОРМА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЛОВСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ (1950–2000-Е ГГ.)**

Аннотация. Основной целью статьи является анализ передвижных выставок как приоритетной формы научно-просветительской деятельности на примере Орловской картинной галереи. Создание этой галереи и других подобных открытых художественных музеев, по мнению организаторов, должно было способствовать эстетическому воспитанию и просвещению населения. Поэтому функционирование и организация выставок, подбор экспозиций и авторов выступают предметом пристального внимания при подведении результатов этой многогранной деятельности.

Музеи и галереи, в соответствии с идеологией партии, должны были стать доступными. Но не все формы просветительской работы были востребованы и соответствовали этому принципу. Формируя обязательства коллектива Орловской картинной галереи, руководство указывало на необходимость усиления работы по эстетическому воспитанию трудящихся города и области. Были разработаны рекомендации по проведению широкой выставочной работы за пределами картинной галереи. Особая роль в развитии этой деятельности возлагалась на передвижные выставки. Они способствовали тому, чтобы максимально большее число лиц их посещало. Выставки носили творческий и тематический характер, став важнейшей формой идейно-эстетического развития. При изучении материалов, связанных с работой передвижных выставок картинной галереи, стало возможным сделать выводы о результатах такой деятельности и о её актуальности и востребованности в работе картинной галереи. Достижением галереи явилось преобладание в составе выставок оригинальных, фондовых произведений, давших возможность осуществить наиболее тесный контакт между произведением искусства, художником и зрителем. Это стало основанием для создания передвижного фонда и большего пополнения собрания галереи разнообразными работами советских и местных, орловских художников, что значительно повышало значение проводимых мероприятий и позволяло достигать большей эффективности.

Становится очевидно, что передвижные выставки как самая актуальная форма научно-просветительской деятельности Орловской картинной галереи заняли ведущее место среди других видов музейной работы. Такой анализ даёт возможность выявить и усовершенствовать способы реализации передвижных выставок и их полноценного функционирования для получения наибольших результатов такой деятельности в современных музеях и галереях.

Результатами исследования можно считать выводы о необходимости проведения передвижных выставок в музеях и картинных галереях, так как анализ материалов данной тематики показал, что такая научно-просветительская деятельность была актуальна и будет востребована и далее, поскольку является наиболее интересной формой представления изобразительного искусства для большинства зрителей.

Ключевые слова: передвижные выставки, внемузейные формы работы, Орловская картинная галерея, идеология в культуре, научно-просветительская деятельность, формы музейной работы

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Четверикова А.С. Передвижные выставки как ведущая форма просветительской деятельности Орловской картинной галереи // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 175–189.

© Четверикова А.С., 2024г.

**TRAVELING EXHIBITIONS AS A LEADING EDUCATIONAL ACTIVITY
OF THE OREL ART GALLERY (1950s – 2000s)**

Abstract. The main purpose of the article is to analyze traveling exhibitions as leading educational activity of the Orel Art Gallery. According to the organizers, the creation of the Orel Art Gallery and other similar open art museums was supposed to promote the aesthetic and public education. Therefore, summarizing the results of this multifaceted activity, the functioning and organization of exhibitions, the selection of expositions and authors are the subject of close attention.

According to the Party ideology, museums and galleries had to be accessible. But not all forms of educational work were in demand and corresponded to this principle. Forming the obligations of the Orel Art Gallery staff, the management pointed out that the work on aesthetic education of city and regional workers had to be strengthened. Recommendations for conducting extensive exhibition work outside the Art Gallery were developed. A special role in the development of this activity was assigned to the traveling exhibitions. They helped to ensure that as many people as possible visited them. The exhibitions were creative and thematic in nature, and they became the most important form of ideological and aesthetic development.

After analyzing the traveling exhibitions educational work, the author draw conclusions that such activities of the Art Gallery was relevant and in demand. The predominance of original, fund items in the compositions of the exhibitions gave an opportunity to make the closest contact between the masterpiece, the artist and the viewer. It became the basis for the creation of a mobile fund and a greater replenishment of the Gallery's collection with various Soviet and Orel artists' works. Such activity significantly increased the importance of the travelling exhibitions and made them more effective.

The author emphasizes that traveling exhibitions took a leading place among other types of museum work as the most relevant form of the Orel Art Gallery's educational activity. Such analysis allows to identify the forms of traveling exhibitions implementation and find out the ways to improve their full functioning, in order to obtain the greatest results of such activities in modern museums and galleries.

As a result, the author concludes that museums and art galleries were in need of traveling exhibitions. The research revealed that such Art Gallery's scientific and educational activities were relevant in the past and will be in demand in the future because the traveling exhibitions are the most interesting form of fine art representation for most viewers.

Keywords: traveling exhibitions, non-museum forms of work, Orel Art Gallery, ideology in culture, scientific and educational activities, forms of museum work

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Chetverikova, A.S. (2024) Traveling exhibitions as a leading form of educational activity of the Orel Art Gallery. *Journal of Public and Municipal Administration*. Volume 13, I no. 1, P.175–189.

ВВЕДЕНИЕ

Задача просветительства всегда была одной из главных функций музея. Особое внимание развитию различных форм и методов взаимодействия музеев с населением стало уделяться на государственном уровне во второй половине XX века. Тесно связанное с идеологией просветительство музейными средствами предполагало «сделать культурные ценности достоянием широких народных масс», способствовать «повышению общеобразовательного и культурного уровня советских людей, их воспитанию и формированию марксистско-ленинского мировоззрения» [2, С.3–4].

В 1950–1960-х годах появляется целый ряд документов, регламентирующих массовую работу музеев. Среди них Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» (1960 г.), Постановление Верховного Совета РСФСР «О состоянии и мерах по улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР» (1960 г.), информационное письмо Института музееведения «О пропаганде музеями постановлений июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС», Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (1964 г.).

Традиционными становятся университеты культуры, лектории, кружки, дни открытых дверей, встречи зрителей с художниками, писателями, беседы по радио и телевидению. Но самой актуальной и востребованной формой просветительства продолжали оставаться выставки, диапазон которых значительно расширился. Ведущая роль в эстетическом воспитании, духовном развитии, проявлении творческих способностей советского человека принадлежала художественным музеям и картинным галереям. Этой приоритетной задачей обуславливалось интенсивное создание в послевоенные десятилетия, прежде всего, музеев и галерей такого профиля. «Выставочная деятельность художественных музеев отличается широтой диапазона, она

строится с учётом необходимости популяризации и русского дореволюционного, и зарубежного, и советского, особенно современного, искусства», – отмечал в статье «Выставочная деятельность художественных музеев» Н. Голованов [3, С.9]. Наряду с формированием постоянных экспозиций, большое значение приобретают временные выставки – как внутримузейные, так и проводимые вне музея. Особая роль в развитии этой деятельности возлагалась на передвижные выставки, дающие возможность охвата большого количества населения, обеспечения максимальной доступности к художественным ценностям.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Созданная в декабре 1957 года Орловская картинная галерея сразу же включилась в выполнение первоочередных задач, стоящих перед музеями в этот период. Несмотря на трудности, связанные с организацией нового учреждения культуры, уже в плане работы галереи на 1958 год на первом листе в разделе основной деятельности поставлена организация передвижной выставки по районам области, сформированной из репродукций живописи и графики (Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф.3782. Оп.1. Д.3. Л.1). Рассказывая о первых результатах просветительства музейными средствами, директор И.А. Круглый отмечал: «Картинная галерея проводит работу со специалистами изобразительного искусства, а также населением по пропаганде изобразительного искусства. Так было проведено обсуждение передвижной выставки советского искусства с участием художников г. Орла» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.3. Л.4). По факту 1958 год стал для сотрудников периодом передвижных выставок. На этапе формирования постоянной экспозиции, подготовки помещений для её полноценного размещения именно передвижные выставки для галереи явились объектом реализации всех форм работы с населением.

Как следует из отчёта о работе учрежде-

ния за 1958 год, «картинная галерея организовала в своём помещении четыре передвижные выставки» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.4. Л.5). Свои фонды представили Государственный Русский музей, Дирекция художественных выставок и панорам Художественного фонда СССР (Выставка произведений советского изобразительного искусства), Центральный дом народного творчества (Передвижная выставка прикладного искусства), а Министерство культуры СССР подготовило передвижную выставку советского изобразительного искусства современных художников. Налаженная система поддержки вновь созданных музеев и галерей ведущими центрами хранения и популяризации изобразительного искусства, федеральными и региональными властями способствовала укреплению позиций таких учреждений среди населения, формированию устойчивого интереса к их деятельности, включению в сферу эстетического влияния на людей новых произведений, знакомству с лучшими музейными собраниями.

Одновременно Орловская картинная галерея сформировала собственные передвижные экспозиции из подлинных произведений графики советского периода (одна выставка) и репродукций русских произведений живописи XIX века, а также работ советских художников (две выставки), предназначенные для показа в районах области. За год выставки побывали в 12 пунктах. Каждую передвижную выставку сопровождал научный сотрудник или главный хранитель, которые проводили беседы, читали лекции, давали консультации. Это значительно повышало значение проводимых мероприятий и позволяло достигать большей эффективности. С этой же целью в местной печати были подготовлены и опубликованы статьи «О передвижных выставках в районах области», «Передвижные выставки в районах», «На передвижной выставке» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.4. Л.3). Всё это позволило охватить в качестве посетителей 32 878 жителей районов.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обозначая перспективы работы Орловской картинной галереи в 1959 году, И.А. Круглый констатировал: «Коллектив научных сотрудников... полон решимости... выполнить задачи, которые стоят перед работниками идеологического фронта по поднятию эстетического уровня нашего народа. С этой целью необходимо в 1959 году обратить особое внимание... на дальнейшее обслуживание районов области передвижными художественными выставками» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.4. Л.6).

Так как первый год работы галереи показал большую востребованность у населения данных форм просветительства, то в последующие годы эта практика была взята за основу с расширением диапазона мероприятий и охвата целевой аудитории. Отмечая важность передвижных выставок, Э.А. Павлюченко обращал внимание на то, что «выставки расширяют контингент музейных посетителей... особенно много дают выставки, устраиваемые вне музеев. Они не только знакомят с определённой частью фондов, но и привлекают внимание к самому музею. Передвижные выставки на селе... для определённой части населения являются единственной возможностью ознакомиться с музейными ценностями» [13, С.69]. Уже упомянутый исследователь музейного дела Н.Н. Голованов сформировал основополагающий принцип массовой работы музеев середины XX века: «...чем больше устраивается выставок, тем основательнее поставлено эстетическое воспитание трудящихся...» [3, С.13].

Стремясь охватить большее количество зрителей, в 1959 году сотрудники Орловской галереи к уже существующим выставкам из репродукций скомплектовали ещё две. Их показали в следующих 11 районах, не участвовавших до этого в показе. С пониманием значения передвижных выставок в воспитательном процессе подрастающего поколения

в 12 школах города были организованы тематические экспозиции, знакомящие с русским искусством XIX века и советскими художниками. Включившись в реализацию Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (от 24.12.1958 г.), в частности задачи подготовки образованных людей, в галерее формируется актив из числа преподавателей рисования и черчения. Совместно с сотрудниками галереи ими на материалах выставок проводятся беседы. Успешный опыт сотрудничества был освещён в радиопередаче 19 декабря 1959 года «Картинная галерея и школа» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.10. Л.5). По информации в отчёте, всего за год для школьников было подготовлено 166 бесед, а их участниками стали 18 579 человек (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.10. Л.5).

Не уменьшая роли выставок-передвижек, демонстрирующих воспроизведение оригинальных работ, Научно-исследовательский институт музееведения рекомендовал активнее использовать фондовые коллекции для их широкого показа. «...Вместе с такими (передвижными. – **А. Ч.**) выставками музеи должны стремиться к максимальному раскрытию перед народом своих подлинных богатств, развитию таких форм пропаганды, которые позволили бы ярче и глубже показать населению историческое и культурное наследие прошлого и нашу современность...» [5, С.22].

Продолжая практику сотрудничества с известными художественными собраниями, представления собственных фондовых коллекций, галерея в 1959 году организовала на своей экспозиционной площади четыре выставки. Передвижные выставки из Эрмитажа представили посетителям западноевропейское искусство XVI – XIX веков и китайское прикладное искусство. Сотрудниками галереи была сформирована и показана выставка работ уроженца г. Орла театрального художника В.А. Шестакова, переданных в дар его вдовой.

Ведущую роль передвижных выставок в

сфере популяризации изобразительного искусства, эстетическом воспитании населения И.А. Круглый подчеркнул на областном съезде работников культуры в марте 1959 года, посвящённом работе культурно-просветительных учреждений области в свете задач, поставленных XXI съездом КПСС, мерам по её улучшению. «...Опытом работы картинной галереи по культурному обслуживанию трудящихся поделился директор галереи т. Круглый. Он рассказал об организации передвижных художественных выставок, способствующих эстетическому воспитанию молодёжи» [11, С.2]. Оценивая значение передвижных выставок в районах области, Игорь Аронович в рукописи «К вопросам эстетического воспитания» отмечал, что на примере только одного Дома культуры можно составить представление о востребованности такой формы. Так, в Доме культуры Свердловского района экспонировалась выставка произведений советской графики (эстампы). В рамках показа проводилась лекция о молодых художниках-графиках. «Собралось около 100 юношей и девушек, интересующихся изобразительным искусством. Интерес проявился в целом потоке вопросов после окончания лекции... Бесспорным был один вывод – это большой интерес сельской молодёжи к вопросам изобразительного искусства...» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.11. Л.3).

В 1960 году вопрос «О состоянии и мерах по улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР» обсуждается на III сессии Верховного Совета РСФСР. В принятом постановлении отмечалось, что «состояние культурного обслуживания сельского населения ещё отстаёт от задач, поставленных XXI съездом КПСС по коммунистическому воспитанию народа и растущих духовных запросов тружеников деревни...» [14, С.12]. В качестве первоочередной меры было предложено уделить больше внимания организации шефства над колхозами и совхозами. Новой формой становятся в это десятилетие народные самодеятельные музеи, колхозные галереи. В перечне основных за-

дач, решаемых созданием сельских «очагов культуры», фигурировали пропаганда искусства, приобщение всех категорий к культурным ценностям, выявление одарённых мастеров. «Ратую всемерно за посещение музеев сельскими жителями, следует иметь в виду, что многие из них в периоды напряжённых сельскохозяйственных работ, а также в силу отдалённости или других причин долгое время вообще не бывают в областных и районных центрах, имеющих музеи» [9, С.96].

Орловская картинная галерея становится одной из первых, инициирующих создание колхозной картинной галереи. В отчёте за 1960 год читаем: «...в колхозе «Путь к рассвету» Кромского района Орловской области была открыта Колхозная картинная галерея. Колхозом для этой цели предоставлено отдельное здание площадью 100 кв. метров» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.11. Л.18). Экспозиция включила в себя работы орловских художников из Орловской галереи. Как указывалось в том же отчёте, за 20 дней работы её посетило 900 человек колхозников, сельской интеллигенции, учащихся, было проведено девять экскурсий. В течение года на её базе экспонировалось три передвижные выставки. Материалы выставок широко использовались в организации систематической работы с сельскими тружениками. Стремление вовлечь в культурное просветительство жителей районов даже в период сельскохозяйственных работ позволило включить в маршруты выездов сотрудников Орловской картинной галереи не только дома культуры, но и фермы, бригады, полевые станы. Так, летом 1960 года было проведено семь бесед с организаторами выставок непосредственно на рабочих местах колхозников.

Устройство передвижных выставок в районах области, работа колхозной картинной галереи способствовали появлению ещё одного вида этой деятельности – организации выставок самодеятельных художников и народных мастеров. Известно, что многие сельские территории имеют свои художественные традиции, а их жители демонстри-

руют способности в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве. Выявление таких творческих людей решало задачу повышения эффективности эстетического воспитания, увеличения рядов любителей искусства.

С 1961 года подобные выставки становятся систематической формой работы Орловской картинной галереи. В справке о работе учреждения за 1960 год указывается, что «к 1 января 1961 года готовится выставка изобразительного искусства колхозников и населения Кромского района» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.11. Л.32). В статье «Колхозная выставка» подводятся итоги передвижной выставки самодеятельных художников и народных мастеров, объединившей 70 участников из 13 районов. «Проведение таких выставок выполняет большую задачу по воспитанию вкуса и украшению быта советского человека, вовлечению в творческую работу широкого круга тружеников и колхозников села», – отмечал И. Круглый (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.11. Л.41). Одновременно он акцентировал внимание на недостатках в работе районов, недобросовестно отнёсшихся к организации данной выставки. Например, во многом формальный подход к выявлению потенциальных участников, к их мотивации. «Известно, что некоторые художники и вышивальщицы имели интересные работы, но не захотели их давать для участия в выставке. Таким людям необходимо разъяснить, что они ведут себя неправильно и найти форму вовлечения их в общее дело развития народного творчества» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.11. Л.41).

В свою очередь, Орловская галерея не только являлась организатором выставок, но и оказывала существенную помощь консультациями и специализированной литературой. В качестве методической поддержки был издан «Каталог 1 Передвижной выставки самодеятельного изобразительного и прикладного искусства (1961 г., колхоз «Путь к рассвету» Кромского района, Орловская областная картинная галерея, Орловский дом народного творчества).

В дальнейшем работа по организации выставок в районах области приобрела ещё более широкие масштабы. Активнее стали использоваться творческие связи с Союзом художников РСФСР, его Орловским отделением, культурно-просветительными учреждениями города. Увеличилось количество передвижных экспозиций из подлинных произведений живописи, скульптуры и графики. Так, в 196–1964 годах были сформированы из фондов Орловской галереи выставки произведений советских художников «Родной край в произведениях орловских художников», отчётная выставка студентов художественно-графического факультета Орловского педагогического института, выставка работ народного художника РСФСР Н.Н. Жукова. С авторами работ были организованы встречи (в том числе и с Н.Н. Жуковым). Для эффективности деятельности в районах галерей была приобретена специально оборудованная машина, за отдельными сотрудниками закреплены определённые населённые пункты. Это дало возможность ещё больше раздвинуть рамки географического охвата, количественных показателей, тематики выставок из репродукций. Важная роль в работе выставок была отведена сельскому активу. «...Для успешного проведения работ по пропаганде изобразительного искусства на селе создан актив из преподавателей рисования и работников районных отделов культуры... Беседы по передвижным выставкам проводились главным образом активом галереи. Хорошо работали в Малоархангельском районе учитель рисования тов. Семёновский, в Ливнах – тов. Селищев, в Кромах – директор колхозной галереи, местный учитель – тов. Булгаков...» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.20. Л.4).

Отчитываясь о проделанной работе, директор И. Круглый отмечал результативность этих мероприятий: «Выполняя решения Совета Министров СССР об улучшении культурно-обслуживания сельского населения, а также решения XXII съезда КПСС о эстетическом воспитании народа, галерей было организовано в 18 районах области 35 передвижных

выставок (в год)» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.18. Л.10). Слушателями бесед при этом являлось в год от 40 до 50 тысяч человек. Уже к середине 1960-х годов количество выставок в районах возрастает до 60, а число посетителей составляет 92 000 человек. В то же время в письмах и справках об обслуживании сельского населения обозначаются проблемы, выявленные на местах при организации «передвижек»: «Недостаточное внимание районов к эстетическому воспитанию. На запросы какие выставки провести, более 50 % районов области не ответили...Отсутствуют удобные помещения для выставок. На стенах нет шанг... В Кромах и Новой Деревне не распакана выставка (лежит более 10 дней)» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.20. Л.13, 19).

Несмотря на подобное отношение части администраций, руководства районных центров, сельских поселений, Орловская картинная галерея продолжила развивать внемузейные формы работы, организуя новые передвижные выставки на территории области и на различных городских площадках. Учитывая выявленные недостатки, сотрудники галереи, укомплектовывая выезды в районы в соответствии с ситуацией, дополняли выставки техническими средствами, видеотехникой (проекторы, эпидиаскопы), корректировали состав выставки.

В 1963 году прошёл пленум ЦК КПСС (июньский), заостривший внимание на разработке и осуществлении мер в сфере идеологической работы и определивший культурно-просветительные учреждения «опорными пунктами воспитательной работы партийных организаций» [15, С.15]. В соответствии с его решениями в июле того же года в музее Институтом музееведения было разослано письмо «О пропаганде музеями постановлений июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС», обозначившее необходимость резкого повышения уровня массовой работы музеев. В 1964 году ЦК КПСС издаёт Постановление «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Первоочередной ставилась задача расширения массовой

научно-воспитательной работы, особенно на селе, путем устройства передвижных выставок, встреч со знатными тружениками. Пути и средства повышения уровня деятельности музеев были сформулированы приказом Министерства культуры СССР от 20 июня 1964 года № 256 «О мерах по обеспечению выполнения органами культуры и музеями постановления ЦК КПСС от 12 мая 1964 года» и Постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР от 20 августа 1964 года «О мерах по дальнейшему повышению роли музеев и картинных галерей в коммунистическом воспитании трудящихся».

Также значительное расширение работы передвижных выставок в контексте увеличения массового охвата населения и разнообразия предлагаемых мероприятий было связано с подготовкой к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и объявленными Всесоюзным и Всероссийским смотрами работы музеев. Были утверждены соответствующие положения, а на местах созданы оргкомитеты.

Все музеи, включившиеся в смотр, брали на себя повышенные социалистические обязательства. Орловской картинной галереей формируется перспективный план на период подготовки к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1965–1967 гг.), учреждение получает новое помещение по адресу: улица Салтыкова-Щедрина, д. 33. Передвижные выставки получают новое развитие, их количество значительно вырастает, плановый показатель перевыполняется. Наравне с сельской местностью временными экспозициями охватываются городские организации: кинотеатры, клубы заводов, школы, воинские части, а также в летний период пионерские лагеря. Показательна отчётная информация за 1965 год: «Галерея продолжила шефствовать над школой-интернатом № 1 города. Здесь экспонировались три выставки репродукций с картин советских художников. Также они были направлены в другие школы. В Знаменской, Кромской, Оптушанской и других школах были показаны учебные работы

студентов художественно-графического факультета Орловского педагогического института». Далее сообщалось, что всего в школах и училищах профтехобразования было проведено 14 выставок, на их базе прочитано 26 лекций, проведено 143 беседы. В свою очередь, в пионерских лагерях экспонировалось 12 выставок, которые просмотрели более 3 тысяч детей, проведено 157 бесед. (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.28. Л.13–14). Планом работы галереи на юбилейный, 1967 год предусматривалось комплектование дополнительных выставок репродукций, посвящённых военной теме, ленинским образам, 50-летию советского изобразительного искусства, формирование выставки орловских художников совместно с Орловским отделением Союза художников РСФСР. «Выставка «Городу Орлу – 400 лет» уже открыта в Ливнах, «Советский эстамп» в селе Покровское, «Советское искусство» – в клубе колхоза им. Дзержинского Покровского района» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.26. Л.18).

В этот период и в начале следующего десятилетия Орловская картинная галерея, выстроившая концепцию постоянной экспозиции, получившая в свои фонды большое количество новых произведений, достаточно дозированно экспонирует в своих стенах передвижные выставки из других собраний. Основными организациями, предоставляющими временные передвижные проекты, являются Дирекция художественных выставок и панорам МК РСФСР и Дирекция выставок Художественного фонда и проектирования памятников РСФСР. Рассматривая это направление в работе галереи, в понятие «передвижных», прежде всего, как системной деятельности входят организованные самим учреждением внемузейные экспозиции, предназначенные для показа на нескольких площадках.

Проводя параллели с опытом XIX века, директор галереи С.С. Киселёва в 1971 году пишет статью «Искусство для народа» (к 100-летию со дня открытия первой выставки художников-передвижников), подчёркивая в ней

важность подобной формы и отмечая преемственность традиции (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.36. Л.1–12). Руководствуясь очередным Постановлением ЦК КПСС – «О подготовке к 50-летию образования СССР», музеи ещё больше сосредотачивают внимание на организации выставок, их тематике. Этому способствовал и утверждённый постановлением Коллегии МК РСФСР и президиума ЦК профсоюзов работников культуры от 30 сентября 1971 года Всероссийский смотр массовой научно-просветительной работы, посвящённой 50-летию образования СССР. В отчёте о проведённых сотрудниками Орловской картинной галереи мероприятиях отдельно было выделено, что «галерея проводила эту работу исходя из решений XXIV съезда КПСС по эстетическому воспитанию тружеников сельского хозяйства и учащейся молодёжи... Пропаганда лучших произведений советского многонационального искусства для трудящихся Орловской области стала лучшим подарком в честь 50-летия образования СССР» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.39. Л.2). Так, в 1972 году эта тема стала основой двух передвижных выставок в помещении галереи – передвижной республиканской выставки «Земля и люди» и передвижной выставки МК РСФСР «Пейзажи нашей Родины» – и семи выставок, показанных в воинских частях, организациях и на промышленных предприятиях города, а также в районах области: «Жизнь и труд советской детворы», «Ленин – вождь и организатор Советского государства», «Образ нашего современника в изобразительном искусстве», «Художники братских республик навстречу 50-летию образования СССР» (репродукции), выставки подлинных произведений «Наш современник в работах орловских художников», «К 50-летию образования СССР» (живопись из фондов областного управления культуры), «Художники – селу» (произведения художников РСФСР из Дирекции выставок и художественного проектирования памятников МК РСФСР). Всего по итогам года было организовано 105 передвижных выставок с 19 темами. Вы-

езды имели комплексный характер и включали проведение бесед и лекций. Одновременно сотрудники музея проводили консультации для самодеятельных художников.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» и рекомендациями по организации научно-просветительных статей, буклетов, путеводителей, направленных на идейно-эстетическое воспитание населения и глубокое освещение в прессе проводимых выставок, отдельной строкой просветительской деятельности была выделена «пропаганда выставок в печати, по радио, телевидению, издание афиш, листовок, буклетов» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.39. Л.2).

Важной составляющей организации передвижных выставок в сельской местности стали работы с самодеятельными художниками и народными мастерами, а также выявление потомственных мастеров прикладного искусства и сбор созданных ими произведений для музейных фондов. При анализе исследователем Н. Головановым выставочной деятельности музеев в 1970-х годах отмечалось, что большинство музеев «...ещё мало занимаются сбором, изучением и популяризацией творчества народных умельцев, слабо влияют на их развитие, а это делать необходимо...» [3, С.29]. Им же подчёркивалась обязательность использования всех возможностей комплектования собрания научными сотрудниками музея в процессе подготовки и проведения выставок. Развитию музеев и галерей, росту коллекций способствовали и передвижные выставки современных художников. «...Музей, как настоящий собиратель, должен неустанно заботиться о росте своих фондов, об улучшении их качественного состава для дальнейшего совершенствования экспозиции и накоплений произведений к предстоящим выставкам...» [3, С.29]. Орловская картинная галерея к середине 1970-х годов уже накопила серьёзный опыт пополнения коллекций во взаимосвязи с организацией выездных выставок. Активное формирование получила коллекция народного искусства через выяв-

ление «очагов» традиционных промыслов, самобытных мастеров. Это способствовало и развитию научной деятельности в данном направлении: с 1972 по 1979 год была создана карта распространения памятников народного искусства, выпущены совместно с обществом «Знание» брошюры по видам народных промыслов Орловского края. Всё это дало возможность сформировать передвижные выставки «Декоративно-прикладное искусство Орловщины» и «Народное искусство Орловского края». Поступление в фонды произведений современных орловских художников, отобранных с выставок, организованных совместно с Орловской организацией Союза художников РСФСР, способствовало формированию новых выездных экспозиций современной живописи и графики.

Так, в отчёте за 1973 год о работе галереи отмечено, что для передвижных выставок «окантовано и остеклено более 60 художественных произведений» (ГАОО. Ф.3782. Оп.2. Д.44. Л.31). В справках о работе галереи в районах области за 1973–1974 годы сообщается: «...передвижными выставками были охвачены все районы области. Их посмотрело более 260 000 человек. Среди выставок следует отметить выставки подлинных произведений» (ГАОО. Ф.3782. Оп.1. Д.46. Л.4).

С середины 1970-х годов внемузейные формы работы приобретают ещё большее разнообразие. Деятельность музеев и галерей «строилась исходя из решений XXV съезда партии по идеологической работе», а также с учётом празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Для Орловской картинной галереи это время совпало с 20-летием её создания. Особое внимание было направлено на осуществление агитационно-массовой пропаганды. Её важной составной частью стала работа автомусеев, вагонов-музеев. В Орловской области свою деятельность развернул агитпоезд областного управления культуры. В его составе картинная галерея оформила передвижные экспозиции, организовала лектории.

Конец 1970-х годов был отмечен формированием совместного плана работы галереи с Орловским отделением Союза художников РСФСР. Недели изобразительного искусства, ставшие ежегодными в деятельности учреждения, в своей основе ориентировались на выездную работу. Кроме дня открытых дверей непосредственно в галерею, остальные мероприятия проводились в районах и организациях города. Помимо традиционных выставок репродукций, акцент в эти дни делался на выставке орловских художников, имевшей передвижной характер, и сопровождавшей её встрече с авторами произведений, а также на посещении их мастерских (в основном для жителей города). Так, в 1978 году в рамках Недели изобразительного искусства была организована выставка в ПО «Промприбор» и встреча рабочих объединения с орловским художником-графиком М. Долгоносом. В Ливенском и Мценском районах экспонировались передвижные выставки, представляющие народное искусство Орловской области и творчество орловских художников.

Было продолжено участие в работе эффективно зарекомендовавших себя агитпоездов «Орловский комсомолец», посвящённых 60-летию ВЛКСМ (1978 г.), ЦК ВЛКСМ и обкома ВЛКСМ (1979 г.), организованы выезды автомусея галереи на полевые станы, фермы, в сельские клубы. В 1979 году 40-летие отметило Орловское отделение Союза художников РСФСР. В рамках совместной деятельности выставки орловских художников были показаны на всех крупнейших предприятиях города, в 24 колхозах и совхозах. Этот же год был объявлен Международным годом ребёнка, в связи с чем сотрудниками галереи инициировались выезды в детские сады и школы с передвижными выставками «Художники – детям», «Ленин и дети», «Русские народные сказки».

Следующее десятилетие «отмечалось» целым рядом законодательных инициатив в области музейного дела. В 1983 году ЦК КПСС принимает Постановление «Об улучшении идейно-воспитательной работы

музеев», а Совет Министров РСФСР издаёт Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР». В 1982 году Министерство культуры СССР организует всесоюзную конференцию-семинар музейных сотрудников «Решения XXVI съезда КПСС и задачи научной пропаганды искусства в художественных музеях Советского Союза». Это период, когда все музеи берут на себя повышенные социальные обязательства, особенно в сфере просветительской работы. Формируя обязательства коллектива Орловской картинной галереи на 1982–1983 годы, администрация указывала на необходимость усиления работы по пропаганде изобразительного искусства и эстетическому воспитанию трудящихся города и области, проведения широкой выставочной работы за пределами картинной галереи, особенно в сельской местности. В соответствующем документе фиксировалось: «...добиться в работе следующих показателей... поднять уровень работы массового отдела на уровень современных требований, организовать работу по комплектованию передвижных выставок, обслужить передвижными вставками 45 объектов (в год), расширить тематику передвижных выставок» (архив Орловского музея изобразительных искусств (далее – Архив музея). Оп.1. Д.108. Л.27–29). В перспективном плане работы галереи на 1981–1985 годы основную часть составил раздел «Идеологическая политико-воспитательная работа в формировании активной жизненной позиции трудящихся аграрно-промышленного комплекса». Первым пунктом стал вопрос организации «не менее 114 передвижных выставок из подлинных экспонатов и репродукций» с темами, способствующими формированию активной жизненной позиции, и чтения лекций (не менее 223), пропагандирующих «советский образ жизни, советский патриотизм» (Архив музея. Оп.1. Д.90. Л.10). Также особое внимание обращалось на дальнейшее открытие сельских картинных галерей.

Основными событиями, к которым подготавливались новые передвижные выставки в 1980-е годы, стали 60-летие образования СССР, 40-летие освобождения г. Орла от немецко-фашистских захватчиков, 40-летие Великой Победы, 50-летие Орловской организации Союза художников РСФСР, Всесоюзный смотр работы музеев, посвящённый 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, а также юбилей основания самой галереи. Рассматривая на музейных советах и собраниях тематику и качество выставок, директор галереи С. Киселёва в 1982 году озвучила мнение об исключении из выставочного плана показа воспроизведений: «Нужно в срочном порядке решить вопрос с передвижками, избавиться от выставок из репродукций» (Архив музея. Оп.1. Д.105. Л.12). Несмотря на возражения сотрудников, что не следует отказываться от воспроизведений известных художников-классиков, приоритетность показа оригинальных произведений не вызывала сомнений. В качестве оптимального варианта было предложено создать в галерее передвижной фонд с целенаправленным комплектованием.

В 1985 году ЦК КПСС принимает Постановление «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений», которое предусматривало более эффективное обслуживание сельского населения городскими и областными учреждениями культуры, особенно музеями и картинными галереями. В рамках данного постановления Орловской картинной галереей был разработан план дальнейшей организации сельских картинных галерей. В том же году уже были открыты галереи в с. Тельче Мценского района и с. Алексеевка Покровского района (совхоз «Тельченский» и колхоз «Красная Звезда»). В качестве инновационного преобразования сельской жизни в Орловской области в эти годы разрабатывается и внедряется «Программа-100», направленная на возрождение 106 отстающих совхозов и колхозов. Особое

внимание обращается на культурное обслуживание этих хозяйств «различными методами научной пропаганды», в том числе посредством открытия народных колхозных галерей, передвижных выставок. В рамках поставленных задач Орловская галерея берёт культурное шефство над уже созданными сельскими музеями с отражением этой работы в ежегодных планах учреждения по обслуживанию сельского населения области. Результатом указанной деятельности стало открытие и функционирование к концу 1980-х годов 12 сельских народных музеев и колхозных картинных галерей в большинстве районов области.

Новыми экспонатами «передвижек» в этот период стали объекты знаковых строек Нечерноземья, в числе которых особое место было отведено строительству газопровода Уренгой – Помары – Ужгород. Так, галереи представлялись планы и справки по обслуживанию строителей этого объекта с тематикой выставок, лекций, бесед (Архив музея. Оп.1. Д.138. Л.6–7).

Так как задачей организации передвижных выставок было эстетическое воспитание не только сельского, но и городского зрителя, а собственные экспозиционно-выставочные площадки галереи могли разместить только одну действующую выставку, то не менее актуальным оставалось широкое просвещение музейными средствами максимального количества жителей города. К 1988 году в Орле сотрудниками галереи создаются постоянно действующие выставочные залы в клубах, организациях (школа ГАИ, клуб «Полёт», УВД по Орловской области). Показом передвижных выставок «охвачены 15 предприятий города» (Архив музея. Оп.1. Д.111. Л.1).

Как планировалось, экспозиции этих выставок в основном представляли оригинальные произведения живописи, графики и декоративно-прикладного искусства орловских художников, а также графические произведения советских мастеров, полученные из Росизопробанды РСФСР целенаправленно

для использования в выставочной деятельности. Всё это стало возможным благодаря созданию в конце 1987 года передвижного выставочного фонда в галерее и введению в штатное расписание должности научного сотрудника по организации передвижных выставок.

В 1990 году Орловская картинная галерея получила новое здание и новый статус Орловского музея изобразительных искусств. Новое десятилетие кардинально изменило идеологический вектор работы музеев. Уже в 1992 году передвижной фонд был расформирован, а музей поставлен в новые социально-политические и экономические условия. Передвижные выставки как вид работы музея прекратили своё существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Орловской областной картинной галереи хронологически охватывает три десятилетия – с 1958 по 1989 год. Главной целью создания и функционирования как Орловской галереи, так и других художественных музеев, открытых или уже работающих в этот период, явилось эстетическое воспитание и просвещение населения. Задачей музеев и галерей ставилось осуществление идеологии партии доступными им средствами. «...Политика партии предусматривает глубокую внутреннюю связь между поступательным развитием народного хозяйства и рациональным использованием культурного потенциала страны в деле формирования нового человека... [13, С.343]», – отмечалось на Всесоюзной конференции музейных сотрудников в 1982 году. Из многочисленных форм просветительской работы наиболее эффективной в плане охвата населения, доступности, наглядности и убедительности стала внемузейная выставочная деятельность. Нося тематический характер, в большей своей части передвижные выставки стали важнейшей формой идейно-эстетического направления этого вида дея-

тельности. Если количество зрителей, посетивших Орловскую картинную галерею, составляло от 20 до 35 тысяч человек в год, то численность внemuзейной аудитории на передвижных экспозициях достигала 350 тысяч человек ежегодно. Достижением галереи явилось преобладание к началу 1980-х годов в составе выставок оригинальных, фондовых произведений, давших возможность осуществить наиболее тесный контракт между произведением искусства, художником и зрителем. Это стало основанием для создания передвижного фонда и пополнения собрания галереи работами советских и местных, орловских художников.

Очевидно, что передвижные выставки как самая актуальная форма научно-просветительской деятельности Орловской картинной галереи заняли ведущее место среди других видов музейной работы. Их доказанная временем эффективность заставляет сегодня возрождать данный опыт в современном музее.

Библиография / References:

1. Возницкий Б.Г. Выставочная деятельность художественного музея в сельской местности / Материалы Всесоюзной научной конференции-семинара музейных сотрудников «Задачи совершенствования выставочной деятельности как одной из важнейших форм научной работы художественных музеев СССР». – М.: Типография МК СССР, ноябрь 1985. – С. 164–176.
2. Вопросы массовой научно-просветительской работы музеев: [Сборник] / Министерство культуры РСФСР. Научно-исследовательский институт музеев. – М.: [б. и.], 1961. – 499 с.
3. Выставочная деятельность музеев и картинных галерей / Труды научно-исследовательского института культуры (Министерство культуры РСФСР. Научно-исследовательский институт культуры; Т. 8) / науч. ред. – М.: [б. и.], 1972. – 99 с.
4. Данилова Л.А. Музеи: итоги, задачи / Музейное дело в СССР. – М.: «Советская Россия», 1970 – С. 9–36.
5. Зузыкина Н.М. Массовая научно-просветительская работа музеев на современном этапе / Вопросы массовой научно-просветительской работы музеев. – М., 1961. – 200 с.
6. Киракозова Н.А. Роль сельских картинных галерей в воспитании эстетической культуры у населения (Из опыта работы Ставропольского краевого музея изобразительных искусств) / Сборник докладов Всесоюзной конференции-семинара музейных сотрудников «Решения XXVI съезда КПСС и задачи научной пропаганды искусства в художественных музеях Советского Союза. – Ереван: Типография МК СССР, октябрь 1982. – С. 343–349.
7. Круглый И.А. К истории создания орловской областной картинной галереи / из книги воспоминаний. – Орёл.: Издатель А. Воробьев. – 2007. – 28 с.
8. Курлат Ф.Л. XXIV съезд КПСС и задачи научно-просветительской работы музеев / Труды научно-исследовательского института культуры. Т. 4. Вопросы массовой работы музеев. – М.: Мытищинская типография, 1972. – С. 3–22.
9. Лурье В.Г. Научно-просветительская работа музеев с сельским населением / Научно-просветительская работа музеев с сельским населением. – М., 1975. – С. 64–121.
10. Минц Н.В. Некоторые вопросы организации научно-исследовательской работы в местных художественных музеях / Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 17. «Научная работа в художественных музеях». – М.: Типография Профиздата, 1965. – С. 5–32.
11. Областной съезд работников культуры // Орловская правда. – 1959. – 27 марта. – С. 2.
12. Орловская областная картинная галерея. Советское искусство. Каталог «Живопись, графика, скульптура» / сост. С.С. Киселёва. – Л.: «Художник РСФСР», 1979. –

160 с.

13. Павлюченко Э.А. Фондовые выставки в краеведческих музеях (Труды научно-исследовательского института культуры. Т.8.) / Вставочная деятельность музеев и картинных галерей. – М., 1972. – С. 69–85.

1. Voznitskiy B.G. (1985) Vystavochnaya deyatel'nost' khudozhestvennogo muzeya v sel'skoy mestnosti / Materialy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii-seminara muzeynykh sotrudnikov «Zadachi sovershenstvovaniya vystavochnoy deyatel'nosti kak odnoy iz vazhneyshikh form nauchnoy raboty khudozhestvennykh muzeyev SSSR». – М: Tipografiya MK SSSR, noyabr'. – S.164-176. (In Russ.).

2. Voprosy massovoy nauchno-prosvetitel'noy raboty muzeyev: [Sbornik] / Ministerstvo kul'tury RSFSR. Nauchno-issledovatel'skiy institut muzeyev. – М.: [b. i.], 1961. – 499 s. (In Russ.).

3. Vystavochnaya deyatel'nost' muzeyev i kartinnykh galerey / Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury (Ministerstvo kul'tury RSFSR. Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury; T.8) / nauch. red. – М.: [b. i.], 1972. – 99s. (In Russ.).

4. Danilova L.A. (1970) Muzei: itogi, zadachi / Muzeynoye delo v SSSR. – М.: «Sovetskaya Rossiya». – S.9–36. (In Russ.).

5. Zuz'ykina N.M. (1961) Massovaya nauchno-prosvetitel'noy rabota muzeyev na sovremennom etape / Voprosy massovoy nauchno-prosvetitel'noy raboty muzeyev. – М. – 200 s. (In Russ.).

6. Kirakozova N.A. (1982) Rol' sel'skikh kartinnykh galerey v vospitanii esteticheskoy kul'tury u naseleniya (Iz opyta raboty Stavropol'skogo krayevogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv) / Sbornik dokladov Vsesoyuznoy konferentsii-seminara muzeynykh sotrudnikov «Resheniya XXVIs"yezda KPSS izadachi nauchnoy propagandy iskusstva v

khudozhestvennykh muzeyakh Sovetskogo Soyuza – Yerevan: Tipografiya MK SSSR, oktyabr'. – S.343-349. (In Russ.).

7. Kruglyy I.A. (2007) K istorii sozdaniya orlovskoy oblastnoy kartinnoy galerei / iz knigi vospominaniy. – Orel.: Izdatel' A. Vorob'yov. – 28s. (In Russ.).

8. Kurlat F.L. (1972) XXIV s"yezd KPSS i zadachi nauchno-prosvetitel'noy raboty muzeyev / Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury. T.4 Voprosy massovoy raboty muzeyev. – М.: Mytishchinskaya tipografiya. – S. 3-22. (In Russ.).

9. Lur'ye V.G. (1975) Nauchno-prosvetitel'naya rabota muzeyev s sel'skim naseleniyem / Nauchno-prosvetitel'naya rabota muzeyev s sel'skim naseleniyem. – М., – S.64–121. (In Russ.).

10. Mints N.V. (1965) Nekotoryye voprosy organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty v mestnykh khudozhestvennykh muzeyakh / Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta muzevedeniya. Vyp. 17. «Nauchnaya rabota v khudozhestvennykh muzeyakh». – М.: Tipografiya Profizdata. – S.5-32. (In Russ.).

11. Oblastnoy s"yezd rabotnikov kul'tury // Orlovskaya pravda. – 1959. – 27 marta. – S.2. (In Russ.).

12. Orlovskaya oblastnaya kartinnaya galereya Sovetskoye iskusstvo. Katalog Zhivopis', grafika, skulptura / sost. S.S. Kiselova. – L.: «Khudozhnik RSFSR», 1979. – 160s. (In Russ.).

13. Pavlyuchenko E.A. (1972) Fondovyye vystavki v krayevedcheskikh muzeyakh (Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury. T.8.) / Vstavochnaya deyatel'nost' muzeyev i kartinnykh galerey. – М. – S.69–85. (In Russ.).

Информация об авторе:

ЧЕТВЕРИКОВА Алиса Сергеевна, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: glamouaralica@mail.ru, ORCID 0009-0005-7176-0589

Author:

CHETVERIKOVA A.S., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: glamouaralica@mail.ru, SPIN-код: 4201-5606, ORCID 0009-0005-7176-0589

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 03.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 16.02.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

РАЗВИТИЕ ОРЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В 1988–1991 ГГ.

Аннотация. Целью статьи стал исторический анализ работы Орловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в период высшего подъёма политики перестройки – в 1988–1991 гг.

В центре внимания авторов – проблема осмысления отечественного опыта сохранения исторического наследия. Актуальность проблемы продиктована, прежде всего, необходимостью совершенствования существующей модели общественно-государственных отношений в области сохранения историко-культурного наследия.

Выделение наиболее значимых закономерностей, тенденций развития Орловского отделения общества охраны памятников в советский период российской истории стало возможным благодаря использованию историко-феноменологического метода, который позволил раскрыть внутреннюю сущность общественных процессов в сфере сохранения национального наследия России. Историко-генетический, хронологический и диахронический анализ способствовали выявлению предпосылок, обусловивших исследование основных направлений развития отделения общества охраны памятников. Историко-сравнительный метод, основывающийся на сопоставлении особенностей деятельности областного отделения с тенденциями в развитии общества на всероссийском уровне, позволил выявить региональную специфику системы сохранения памятников на разных исторических этапах.

Автором предпринята попытка выявления ключевых тенденций и направлений развития Орловского отделения общества охраны памятников в 1988–1991 гг. Опираясь на результаты историографического анализа, показана региональная специфика организации дела сохранения наследия в период высшего подъёма политики перестройки – в 1988–1991 гг.

Полученные в ходе исследования результаты станут базой для дальнейшего анализа перспектив включения институтов гражданского общества в работу по сохранению старины на современном этапе. Обобщения и выводы могут найти применение при разработке моделей совершенствования государственно-общественного сотрудничества в сфере охраны памятников в нашей стране.

Результатом проведённого исследования стал комплексный анализ деятельности Орловского отделения общества охраны памятников в 1988–1991 гг. В эти годы начавшийся ещё в 1970-е гг. процесс реформирования системы сохранения наследия не потерял своей динамики, более того, в нём обозначились качественно новые грани. Происходила трансформация системы государственно-общественного взаимодействия в деле сохранения свидетельств славного прошлого нашей страны. Появились новые направления в работе по сохранению наследия, происходила дифференциация функций государственных органов и общественных структур. Орловское отделение общества охраны памятников дало пример перестройки работы по сохранению наследия в регионе. Активно сотрудничая со всеми авторами инициатив по охране исторической памяти, оно играло значимую роль в общественной жизни региона.

Ключевые слова: ВООПИК, Орловское областное отделение общества охраны памятников, историко-культурное наследие, охрана памятников, перестройка, общественные объединения

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Савоськин А.В., Новиков И.В. Развитие Орловского областного отделения ВООПИК в 1988–1991 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 190–204.

© Савоськин А.В., Новиков И.В., 2024г.

**THE DEVELOPMENT OF THE OREL BRANCH OF THE SOCIETY FOR
THE PRESERVATION OF MONUMENTS IN 1988-1991**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the work of the Orel branch of All-Russian society for the preservation of historical and cultural monuments (VOOPIK) during the highest rise of the «perestroika» in 1988-1991.

The authors focus on the national experience of preserving historical heritage. The need to improve the model of state and society collaboration in preserving historical and cultural heritage determines the research relevance.

The authors use a historical-phenomenological method to identify the trends in the development of the Orel branch of VOOPIK in the Soviet period and to reveal the general nature of social processes in preserving Russia's national heritage. Historical-genetic, chronological and diachronic analysis reveal prerequisites that led to the study of the main directions of the branch development. The goal of the historical and comparative method is to compare the Orel branch activities with those of All-Russian society, and to identify the regional features of the monument preservation system at different historical stages.

Due to the historiographical analysis results, the authors show the regional particularities in heritage preservation during the highest rise of the «perestroika» in 1988-1991.

As a result, the authors conclude that the heritage preservation system reforming process, which began in the 1970s, did not lose its dynamics. Moreover, new areas were emerged. The transformation of the state and society collaboration system took place. New directions in the heritage preservation work were revealed, and the differentiation of the state bodies and public structures functions were made. The Orel branch of VOOPIK gave an example how to restructure the heritage preservation work in the region. The branch cooperated actively with the authors of historical memory initiatives, and played a significant role in the public life of the region.

The research results can fill the knowledge gap and can be applied as the future study basis to identify the prospects for the civil society institutions inclusion in the heritage preservation work at present. The findings can be used in the development of models for improving state and society collaboration to preserve historical and cultural monuments of our country.

Keywords: VOOPIK, Orel branch of VOOPIK, historical and cultural heritage, monument protection, perestroika, public associations of VOOPIK, historical and cultural heritage, protection of monuments, perestroika, public associations

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Savoskin, A.V., Novikov, I.V. (2024) The development of the Orel branch of the Society for the preservation of monuments in 1988-1991. Journal of Public and Municipal Administration. Vol. 13, no. 1, P.190–204.

ВВЕДЕНИЕ

В Советском Союзе модель взаимодействия государственных органов и общественности по вопросам сохранения наследия начала формироваться с начала 1970-х годов. В это время происходило активное реформирование системы органов охраны памятников, были сделаны серьёзные шаги в направлении совершенствования нормативно-правовой базы памятникоохранительной деятельности в стране. С принятием общесоюзного (в 1976 году), а затем и республиканского (1978 год) закона об охране памятников начался принципиально новый этап в развитии государственно-правового регулирования отношений в области сохранения объектов историко-культурного наследия. Принятые в 1970-х – первой половине 1980-х годов документы устанавливали и закрепляли правовые основы деятельности ВООПИК, что позволило этому обществу прочно занять своё место в системе государственно-общественных отношений советского периода. В период активной фазы перестройки в СССР важное место заняла проблема восстановления исторической памяти народа. В связи с этим общество охраны памятников и его региональные отделения оказались в центре общественного внимания. Орловское отделение ВООПИК в этот период укрепило свою самостоятельность, оставаясь при этом экспертом в вопросах сохранения наследия и партнёром государства. По сравнению с предшествующими периодами в 1988–1991 годах существенно расширился и усложнился комплекс вопросов, перед необходимостью решения которых было поставлено отделение. Это способствовало накоплению серьёзного практического опыта в деле сохранения наследия региона. Важным направлением в работе отделения в 1988–1991 годах, а также фактором роста его авторитета стало усиление связей с Русской Православной Церковью.

Кризис, возникший в СССР к концу перестройки, и распад СССР не дали реализо-

ваться тому потенциалу, который возник благодаря трансформации системы сохранения памятников. Изменение характера государственно-общественного взаимодействия в области охраны памятников, с одной стороны, повлекло обретение ВООПИК самостоятельности, с другой стороны, породило вопрос о роли общественных структур в деле охраны памятников. Изучение отечественного исторического опыта в сфере сохранения культурного наследия в наше время весьма актуально, поскольку является основой понимания уровня возможностей участия гражданского общества в деле сбережения памятников прошлого.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время существует некоторое количество научных публикаций, посвящённых тем или иным аспектам истории развития общественно-государственной системы охраны памятников в России.

Одной из первых попыток комплексно проанализировать историю ВООПИК явилась монография доктора исторических наук В.А. Ливцова и председателя Центрального совета ВООПИК (2000–2017) Г.И. Маланичевой «Этапы истории ВООПИК» (Орёл, 2016). Однако данная работа не содержит осмысления регионального аспекта проблемы.

Деятельности Орловского областного отделения ВООПИК в 1987–1991 годах посвящены статьи В.А. Ливцова «Охрана памятников: проблемы и перспективы» и «Проблемы реализации государственной культурной политики: о разработке региональной стратегии в Орловской области», посвящённые проблемам разработки региональной культурной стратегии в Орловской области. В них освещена региональная специфика работы по сохранению наследия.

Однако, несмотря на то что отдельные вопросы истории развития памятникоохранной деятельности в России нашли отражение в массиве научных публикаций, развитие Ор-

ловского регионального отделения ВООПИК в период высшего подъёма политики перестройки – в 1988–1991 годы – остаётся вопросом практически не исследованным и не получившим комплексного освещения в научных трудах.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1988–1991 годах одной из ключевых проблем, находившихся в центре внимания Орловского областного отделения ВООПИК, было состояние культовых памятников. В период высшего подъёма политики перестройки многие церкви не имели собственников и находились в неудовлетворительном состоянии. Отношение к Церкви в стране изменилось с лета 1988 года – в период празднования 1000-летия Крещения Руси. Русской Православной Церкви стали возвращать культовые постройки, принятые под охрану как памятники культуры. Тем не менее атеистическая идеология в регионах была ещё достаточно сильна. Поэтому священнослужители не всегда решались заявлять о своих претензиях на заброшенные культовые сооружения.

Руководитель областного управления культуры Иван Тихонович Рябцев справедливо считал, что государство не сможет восстановить все принятые на охрану церкви и монастыри, и решил побудить отделение ВООПИК проявить инициативу в деле передачи культовых памятников Русской Православной Церкви (РПЦ). Учитывая это пожелание, штатный руководитель Орловского отделения ВООПИК В.А. Ливцов опубликовал в газете «Орловский комсомолец» интервью «Что имеем, не храним» [37], предлагая передать церковь Михаила Архангела в городе Орле верующим [36]. Корреспондент А.И. Кондратенко написал очерк «Кому он нужен, этот храм...» для газеты «Орловская правда», породив дискуссию о возможности возвращения этого храма РПЦ [31]. Вскоре последовали отклики в газетах [47], новые

публикации [34], и лавина писем хлынула в органы власти. Руководство Орловской епархии, преодолев нерешительность, тоже обратилось с просьбой о возвращении ей этой церкви. На заседании президиума совета областного отделения 27 февраля 1989 года, когда общественное мнение было подготовлено к передаче верующим церкви Михаила Архангела, был рассмотрен вопрос о её состоянии.

Согласно представленной известным архитектором Б.В. Антиповым справке храм был отнесён к категории памятников классицизма республиканского значения, а имевшиеся в нём росписи, по мнению института «Спецпроектреставрация», оценивались как представляющие значительную художественную ценность. Храм был описан в произведениях Н.С. Лескова, Л.Н. Андреева, И.А. Бунина. Отмечалось, что ряд обстоятельств (например, вырытый под куполом котлован) ставит под вопрос существование этого памятника архитектуры. Критике подверглись попытки использовать здание храма исключительно в утилитарных целях – «под современные нужды». Предлагалось передать здание Церкви. Этот документ сохранился, и, хотя он не подписан, его текст явно повторяет интервью, которое в январе дал штатный зам. председателя совета областного отделения ВООПИК В.А. Ливцов областной газете «Орловский комсомолец».

Выступивший на заседании известный краевед В.А. Власов и главный архитектор города Орла В.Б. Фомин полностью поддержали высказанное предложение. Было решено направить в областной комитет правящей Коммунистической партии (фактически руководивший регионом) и облисполком соответствующую справку, а Заводскому отделению ВООПИК было поручено вместе с ответственностью обсудить вопрос сохранения церкви Михаила Архангела [13, Л. 15–16, 18–20]. Передача этого храма Русской Православной Церкви [39, С. 15] положила начало возвращению памятников культовой архитектуры Орловской области религиозным орга-

низациям.

Результаты работы Орловского отделения были оценены в Москве. В 1989 году, с 4 по 6 апреля, состоялся семинар-совещание штатных заместителей руководителей региональных отделений общества охраны памятников. На нём начальник орготдела Центрального совета ВООПИК Г.А. Заботкин сказал о появлении в ВООПИК «прогрессивно мыслящих молодых людей без налёта экстремизма». Говоря уже конкретно о В.А. Ливцове, он отмечал, что авторитет у него большой, и называл его лидером патриотической общественности. Было отмечено увековечение в регионе имени героя 1812 года генерала Фёдора Карловича Корфа, «возвращение верующим церкви Михаила Архангела» и «возрождение памятников Успенского монастыря» [38].

Стало меняться и общественное мнение по вопросу переименования улиц. Ярким примером стала статья Л. Бутузовой в газете «Орловская правда» о бездумном переименовании улиц города Орла под названием «Не торопись увековечить...» [1].

В соответствии с системой новых льгот для общества охраны памятников 12 мая при Орловском отделении ВООПИК было организовано хозрасчётное бюро пропаганды. 60 % своей прибыли оно должно было направлять областному отделению, поскольку работало в его помещениях [13, Л. 37–38, 42–43]. Это подразделение стало первым из организованных при отделении. Вскоре, 31 июля, была создана хозрасчётная производственная база для проведения ремонтно-строительных и реставрационных работ и изготовления сувениров [13, Л. 78, 82–83]. 24 октября 1989 года президиум образовал хозрасчётный археологический отряд [13, Л. 106–107, 113–114]. 10 ноября было создано хозрасчётное бюро пропаганды во Мценском районе [13, Л. 117–118, 120–122]. 28 ноября образована хозрасчётная реставрационно-художественная мастерская [13, Л. 124–125, 128–130]. Этим в 1989 году создание комплекса хозрасчётных подразделе-

ний облотделения ВООПИК было завершено.

На состоявшемся 11 июля пленуме Орловского отделения производственная группа управления культуры предложила провести паспортизацию парков региона. Это предложение поддержал заместитель председателя облисполкома А.С. Хохлов. Также были высоко оценены исследования орловских памятников московским искусствоведом Е.И. Островой (р. в 1941 году) [28, С. 297–299]. Ряд зданий XIX века в городе Орле передавались Музею И.С. Тургенева для хранения его фондов. Учхоз «Лавровский» принял решение на собственные средства восстановить храм, находившийся на его территории. Было доложено о новом явлении – передаче храмов Орловско-Брянской епархии. Новым направлением в деятельности ВООПИК стало открытие специальных счетов, средства которых направлялись на реставрацию конкретных объектов наследия. По результатам обращений Орловского отделения ВООПИК [13, Л. 21–22] впервые подверглись публичной критике руководители, допустившие разрушение памятников. Реставрационный участок превратился в управление во главе с А.П. Юдиным [49, С. 314–317]. СПТУ № 2 начало подготовку кадров по реставрационным профессиям [13, Л. 59–75].

21 июля 1989 года в целях «расширения самостоятельности местных организаций» президиум Центрального совета (ЦС) ВООПИК принял решение о переходе на новые условия хозяйствования. Кроме того, на заседании было заслушано обращение Московского городского отделения ВООПИК, содержащее критику в адрес Центрального аппарата общества охраны памятников и лично первого штатного заместителя председателя ЦС В.А. Петербуржцева, а также требование созвать внеочередной съезд общества. Однако В.А. Петербуржцев подал заявление об освобождении от занимаемой должности по собственному желанию и в связи с уходом на пенсию [12, Л. 8–9]. 7 августа данное письмо было обсуждено и на президиуме совета Орловского отделения и вызвало

неоднозначную оценку [13, Л. 89–90].

В это время в отделении ВООПИК активно велась деятельность по возвращению к жизни Успенского монастыря. На заседании президиума 31 июля 1989 года в соответствии с предложением краеведа В.А. Власова, подержанного Советским районным отделением ВООПИК города Орла, было выделено 5 тысяч рублей на отливку металлической мемориальной доски с барельефом графа Г.И. Чернышова, похороненного на Архиерейском кладбище, в соответствии с инициированным ВООПИК решением Советского районного исполнительного комитета [13, Л. 79–80, 87].

В общероссийском еженедельнике «Собеседник» в августе 1989 года была опубликована статья «Обыкновенные истории», подготовленная сотрудником ЦС ВООПИК Г.А. Заботкиным. Один из разделов данного материала под заголовком «О загробной жизни в Орле» повествовал о печальной участи Архиерейского Успенского кладбища. В ней рассказывалось о спасении останков героя войны 1812 года Ф.К. Корфа Орловским отделением ВООПИК [26].

В августе 1989 года председатель областного отделения Советского фонда культуры В.Г. Сидоров обратился в отделение ВООПИК с просьбой об изготовлении и установке мемориальной доски в память о родившейся в городе Орле А.П. Керн – адресате пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» [11, Л. 86]. 16 августа на совместном заседании президиума совета облотделения и президиума правления отделения Фонда культуры было решено поставить А.С. Пушкину памятный знак [13, Л. 93–95].

10 ноября, докладывая президиуму совета областного отделения о деятельности Советского райотделения, председатель его совета, директор областного архива Т.Н. Старых отметила, что благодаря требованиям общестественности удалось начать работы по реставрации Успенского мужского монастыря [13, Л. 115–116].

Состоявшийся 28 ноября 1989 года президиум совета Орловского облотделения заслушал доклад В.А. Ливцова, посвященный решениям пленума Центрального совета ВООПИК от 24 ноября 1989 года, и утвердил изменения в графике проведения отчётно-выборной кампании 1990 года – в целях проведения выборов делегатов от отделения отчётно-выборная конференция в регионе была перенесена с начала года на конец [13, Л. 123–124].

Новые возможности в деле сохранения наследия Орловскому отделению ВООПИК дало принятое в феврале 1990 года Постановление коллегии Минкультуры РСФСР (от 19.02.1990 года № 12), коллегии Госстроя РСФСР (от 28.02.1990 года № 3) и президиума ЦС ВООПИК (от 16.02.1990 года № 12 (162)) «Об утверждении нового списка исторических населённых мест РСФСР», куда были включены несколько городов Орловщины [21, Л. 55].

Предметом особой заботы Орловского отделения ВООПИК стало восстановление Иверской церкви Орла. Для этих целей отделением была организована кампания по сбору пожертвований. Деятельное участие в восстановлении церкви принял В.А. Ливцов [24, С. 20]. 9 января 1991 года частично восстановленный храм был освящён [25]. Усиление связей ВООПИК с Русской Православной Церковью способствовало росту авторитета Орловского отделения общества охраны памятников.

Вскоре при отделении создаются хозрасчётный Проектно-реставрационный центр [15, Л. 39–40, 52–53] и Научно-производственное объединение по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры [16, Л. 12–13]. Это были карликовые организации, смысл существования которых был направлен на финансирование деятельности областного отделения ВООПИК.

Археологические раскопки на территории бывшего Успенского монастыря были запланированы на начало 1990 года [15, Л. 28]. Большинство работ проводилось силами хоз-

расчётного археологического отряда ВООПИК [21, Л. 59]. В это время на бывшей территории обители всё ещё располагались Государственная автоинспекция (ГАИ) Управления внутренних дел, отдел исправительно-трудовых учреждений (ИТУ УВД) и Управление бытового обслуживания населения Орловского района.

В отделении ВООПИК возникла инициатива по увековечению имён видных орловцев, похороненных на монастырском кладбище. В её развитие была опубликована серия статей членов Орловского отделения ВООПИК: В.В. Шапочки [48], В.А. Власова [5], [3], А.И. Кондратенко [32], А.В. Гольцовой [6] и других краеведов.

В ходе начавшихся 25 апреля 1990 года несогласованных работ по строительству административного корпуса ГАИ УВД [9, С. 35] на территории бывшего монастыря подверглись уничтожению сохранившиеся фундаменты разрушенной церкви Рождества Иоанна Предтечи и были вскрыты захоронения священнослужителей, находившиеся в нём. Это вызвало скандал. ВООПИК и госорганы охраны памятников обратились в Комиссию по народному образованию и культуре Орловского горсовета, принявшую решение создать депутатскую комиссию для рассмотрения ситуации. Комиссия подтвердила предложения об отчуждении территории бывшего кладбища и создании мемориальной зоны. Эти предложения были вынесены на президиум городского совета. Затем состоялся выезд председателя горсовета А.Г. Кислякова с В.А. Ливцовым и встреча с представителями ГАИ УВД. Были определены меры по мемориализации территории [16, Л. 2].

Вопрос о судьбе Успенского монастыря был заслушан на президиуме отделения ВООПИК 22 июня 1990 года. Было решено обратиться в горсовет с просьбой ускорить решение вопроса, а хозрасчётному археологическому отряду поручалось провести археологические исследования котлована [16, Л. 2].

Охранно-археологические работы были произведены по договору с ГАИ УВД облисполкома в течение лета – осени 1990 года. В результате были выявлены элементы фундамента Успенского собора монастыря [21, Л. 70].

Летом молодой московский корреспондент Константин Михайлов опубликовал в газете «Собеседник» свою статью под псевдонимом Константин Пушилов с названием «Свидание с Орлом», где раздел под заголовком «Охотники за черепами» рассказывал о плачевном состоянии монастырского кладбища [44]. Благодаря этой и другим публикациям краеведам удалось добиться ликвидации автодрома областного ГАИ, располагавшегося на месте монастыря [17, Л. 5]. В конце октября, несмотря на дождь, на месте ликвидированного автодрома прошло захоронение черепа генерала Ф.К. Корфа [27]. Литию совершил секретарь Орловской епархии протоиерей Иоанн Троицкий. На состоявшемся кратком митинге по случаю совершения захоронения прозвучали траурные выступления В.А. Ливцова и В.М. Катанова [4].

Середина 1990 года стала периодом, связанным с деятельностью по возвращению исторических наименований улицам города Орла. Публикации в местной прессе того периода свидетельствуют о том, что орловская общественность поддерживала идею о необходимости принятия этих решений [46]. С активной поддержкой данной инициативы выступило Орловское отделение ВООПИК [7, С. 133]. Одним из первых рассматривался вопрос о восстановлении названия Гостиной улицы. На заседании президиума 17 июля 1990 года выступил краевед В.Г. Емельянов. Было принято решение о внесении соответствующего предложения в повестку очередного заседания Комиссии горсовета по наименованию улиц города Орла. Ответственными за подготовку исторических справок об улицах, претендовавших на возвращение исторических наименований, были назначены В.Г. Емельянов и В.А. Ливцов [16, Л. 12]. Как явствовало из справки об истории улицы

Гостиной, возвращение ей исторического названия облегчалось тем, что она вошла в состав улицы Московской и требовалось лишь выделить её из данной магистрали [16, Л. 18–19]. Процесс восстановления исторического наименования Гостиной улицы потребовал немалых усилий Орловского отделения [10, Л. 6–9]. Осенью 1990 года прошла 3-я сессия горсовета 21-го созыва, в ходе которой депутаты заслушали доклад В.А. Ливцова и задали ряд вопросов. В итоге Орловский городской Совет народных депутатов принял решение от 2 ноября 1990 года: «Восстановить название «Гостиная улица» [10, Л. 16].

Решением облсовета от 10 июля 1990 года № 325 [13, Л. 145] производственная группа по охране памятников преобразовывалась в Научно-производственный центр (НПЦ) по охране и использованию памятников истории и культуры. Впоследствии центр был ликвидирован распоряжением коллегии администрации области от 12 мая 2004 года № 113-р.

Одним из примеров, наглядно раскрывающих особенности и результаты взаимодействия Орловского отделения ВООПИК с органами власти региона, было решение облисполкома от 11 октября 1990 года № 447 «О мерах по обеспечению сохранности археологических памятников в области». На момент принятия документа в области была проведена работа по выявлению и обследованию более 400 памятников археологии [14, Л. 16 об.]. При этом на государственную охрану приняты лишь 30 [16, Л. 52], паспорта были составлены только на третью часть выявленных объектов. Отмечалась проблема отсутствия в регионе системы и механизма согласования проектных работ с органами охраны памятников. По этой причине организации при проведении дорожных, строительных и мелиоративных работ нередко действовали в нарушение требований, установленных статьей 42 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Руководствуясь изложенным, исполком Ор-

ловского облсовета решил: выявленные памятники археологии принять на госохрану как памятники местного значения; обязать руководителей организаций, учреждений и проектных институтов проекты работ на стадии подготовки заданий согласовывать с органами охраны памятников, закладывать в планы проведения дорожных, строительных и иных работ финансирование мероприятий, направленных на обеспечение сохранности археологических памятников. Контроль за исполнением возлагался на управление культуры исполкома.

Беспрецедентным стало решение президиума совета Орловского отделения ВООПИК от 5 ноября 1990 года об учреждении периодического печатного издания отделения – газеты «Вече» – и выделении на эти цели 15 тысяч рублей из бюджета облотделения ВООПИК [16, Л. 55].

При секции военно-исторических памятников создаётся Военно-исторический клуб. Председателем клуба стал кандидат исторических наук С.Т. Минаков, его заместителем А. Тихомиров [40]. Клуб занимался изучением истории Орловского полка [17, Л. 10].

Центральными вопросами повестки пленума совета Орловского отделения ВООПИК, прошедшего в декабре 1990 года, стали подготовка к XI отчётно-выборной конференции и решение задач, вытекающих из «Основных направлений Комплексной программы охраны, использования и реставрации памятников истории и культуры области на 1991–1995 годы и на период до 2000 года» [16, Л. 65]. Начальник управления культуры И.Т. Рябцев, говоря о направлениях развития отделения, отметил, что важнейшая роль в достижении поставленных задач принадлежит духовно-нравственному воспитанию как отдельно взятой личности, так и общества в целом, что, в свою очередь, неразрывно связано с проблемой сохранения исторической памяти и культурного наследия. Однако отмечалось, что при росте финансирования из бюджета восстановления наиболее ценных памятников реставрационное управление

предпочитало зарабатывать на неплановых объектах, беря заказы на стороне [16, Л. 71–78].

К концу 1991 года было учреждено Орловское землячество, вошедшее после утверждения устава и избрания совета на официальном собрании в Москве в Союз российских землячеств [41].

27 декабря 1990 года на внеочередном пленуме совета отделения ВООПИК [16, Л. 94] А.С. Хохлов был освобождён от обязанностей председателя по его просьбе. Новым председателем был избран его штатный заместитель – молодой ученый и краевед В.А. Ливцов [16, Л. 98–99], [42].

Продолжается процесс создания подразделений отделения, действующих на условиях хозяйственного расчёта. Создается Региональное научно-производственное объединение (НПО) по сохранению историко-культурного наследия [19, Л. 17].

18 апреля 1991 года прошла XI отчетно-выборная конференция Орловского отделения ВООПИК [18, Л. 54–69]. По её итогам было принято постановление о дальнейшем совершенствовании деятельности отделения и обеспечении контроля за проведением работ в охранных зонах [18, Л. 31]. Сразу после конференции состоялся организационный пленум совета Орловского ВООПИК, председателем которого был снова избран В.А. Ливцов [18, Л. 82].

На VI съезде ВООПИК, прошедшем в начале мая 1991 года в Костроме [23], отметили небывалый подъём и рост масштабов деятельности общества, к концу 1980-х гг. насчитывавшего 17 миллионов членов. Рассматривая вопрос о выдвижении и избрании председателя президиума ЦС ВООПИК, участники съезда не поддержали кандидатуру прежнего председателя Е.М. Чехарина. В ходе открытого голосования был избран народный депутат РСФСР Ф.Д. Поленов (чья кандидатура была предложена председателем ростовской делегации). От Орловского отделения были избраны В.А. Ливцов – в состав Центрального совета и Г.Г. Лазарев – в состав Центральной ревизионной комиссии

[23].

Вновь избранный председатель ЦС ВООПИК в 1990–1993 годах возглавлял Комиссию по культуре Совета Республики Верховного Совета РСФСР. По его просьбе организационный пленум был отсрочен и собрался значительно позднее.

12 июля 1991 года итоги VI съезда ВООПИК обсудил президиум совета Орловского отделения [19, Л. 42].

Лето 1991 года в работе Орловского отделения ВООПИК стало периодом активного восстановления Успенского монастыря. По договору с Управлением внутренних дел обл-исполкома, силами археологической лаборатории Орловского областного отделения ВООПИК на территории монастыря были проведены охранные археологические работы [21, Л. 71]. Обнаруженные в процессе работ находки подтвердили древнюю историю этого места [22, Л. 1–6].

По инициативе регионального отделения ВООПИК 28 августа, в праздник Успения, прошло освящение алтарного места бывшего Успенского собора благочинным Орловского округа протоиереем Иоанном Кардашем [30, С. 32]. В дальнейшем на месте престола храма был установлен поклонный крест [43, С. 67].

Осенью по инициативе Орловского отделения ВООПИК был организован митинг у стен Успенского монастыря. Он был посвящён требованиям восстановления монастыря. Открывший митинг В.А. Ливцов отметил большое значение монастыря в истории города. О необходимости восстановления этого исторического места и объявления его заповедным высказались краеведы, члены ВООПИК: литературовед В.А. Власов, учёный А.С. Тарапанов, краевед Ю.В. Семеняко, депутат горсовета Н.М. Кирилловская [45].

17 октября 1991 года на заседании президиума совета Орловского отделения обсуждались итоги работы I пленума ЦС ВООПИК [19, Л. 46], рассматривались вопросы о возвращении названий улиц г. Орла, предложения по восстановлению герба г. Орла. Крае-

ведом В.Г. Емельяновым была подготовлена историческая справка, подписанная председателем облотделения В.А. Ливцовым [10, Л. 42]. 29 октября 1991 года предложения направили в Орловский горсовет [19, Л. 47] с итогами социологического исследования [10, Л. 29]. За восстановление названий в основном ратовала молодёжь [10, Л. 30–41, 43–44].

Несколько позже Малый совет Орловского горсовета решением от 10 сентября 1992 года № 191 возвратил исторические названия улицам Карачевской, Покровской, Васильевской; переулкам Михаило-Архангельскому, Воскресенскому, а также Богоявленской площади, отменив решения горсовета 1919–1929 годов [2].

Но на рубеже 1991–1992 годов резко ухудшилось материально-финансовое состояние Всероссийского общества охраны памятников. Ситуация усугублялась в связи с оттоком членов из отделения общества. Значительная часть аппарата организации была уволена из-за недостатка средств. Все марки, которые выдавались членам общества в подтверждение оплаты членских взносов, оставшиеся в отделении, были списаны и уничтожены [20, Л. 4]. Вскоре Орловское отделение было также вынуждено отказаться от выпуска печатной продукции [19, Л. 48].

Распад Советского Союза повлёк за собой утрату силы (или невозможность применения в новых условиях) ряда законодательных положений, ранее определявших правовые основы деятельности общества охраны памятников. Была фактически упразднена система налоговых льгот для общества. В результате общество было поставлено перед необходимостью реорганизации структуры своих подразделений, действовавших ранее на условиях хозяйственного расчета, – их слияния, а впоследствии и ликвидации. В связи с невозможностью содержать и реставрировать недвижимое имущество общество отказалось от значительной части своей собственности.

В марте 1992 года по решению президиума совета Орловского отделения ВООПИК

шесть его подразделений были слиты с единственным оставшимся НПО ВООПИК [20, Л. 34]. Отделение осталось без средств для своего существования. От ликвидации организацию спасло только собственное здание, с 1992 года сдававшееся в аренду коммерческим структурам [20, Л. 5]. Другое здание, по адресу ул. Ленина, д. 25а, ранее также находившееся на балансе Орловского регионального отделения ВООПИК, было передано в частные руки в связи с отсутствием средств на его восстановление. Вскоре В.А. Ливцов перешёл на основную работу в администрацию области, оставшись в ВООПИК на условиях совместительства [20, Л. 29].

В конце 1991 года и на территории Орловского региона установилась новая структура власти. 5 декабря указом Президента РФ Б.Н. Ельцина главой нового органа исполнительной власти – администрации Орловской области был назначен Н.П. Юдин. Кресло начальника областного управления культуры получил Н.Д. Щиголев. Первым, что сделал вновь назначенный начальник, был звонок председателю совета облотделения В.А. Ливцову. Н.Д. Щиголев сказал только одну фразу: «...мы покончим с ВООПИК – этим охвостом КПСС...» [35]. Но эта угроза не была осуществлена. Общественная организация не только сохранилась, но и продолжила деятельность по сохранению наследия.

Несмотря на тяжёлые финансово-экономические условия, Орловская общественная организация ВООПИК не только смогла продолжить свою деятельность после распада Советского Союза, но и сохранила авторитет самостоятельной и действенной силы в сфере сохранения наследия региона, с которой считались государственные органы [8, С. 37], в этом была заслуга В.А. Ливцова [33, С. 257–264].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в развитии системы сохранения памятников в Орловской области в 1988–1990 гг. явно обозначились качественно новые тенденции. Существенно выросли масштабы реставрационной деятельности в

регионе, которая также стала более качественной и эффективной после реорганизации структуры органов управления. Так, подготовка областным управлением культуры исторических справок на памятники позволила придать работе в области реставрации системный характер. Активизация деятельности регионального отделения ВООПИК в значительной степени была связана с проведением в этот период паспортизации воинских захоронений и парков, подготовкой свода памятников области и формированием Книги Памяти. Орловское отделение играло большую роль в разработке программы развития культуры в регионе до 2000 года, в обсуждении проекта охранных зон города Болхова.

Характерной чертой деятельности ВООПИК в период 1988–1990 годов стало широкое использование различных форм общественных инициатив для решения задач в деле охраны исторической памяти. На всероссийском уровне новый виток развития получает движение добровольных помощников реставраторов. Названные тенденции отчётливо прослеживаются на региональном уровне, определяя особенности и содержание работы Орловского областного отделения общества. Показательным примером привлечения инициативной общественности к решению проблем реставрации памятников истории и культуры является деятельность Орловского молодёжного любительского объединения «Феникс», которое к концу 1980-х годов не только стало «сложившимися коллективом со своим лицом». Благодаря инициативе председателя Орловского областного совета ВООПИК В.А. Ливцова по привлечению наиболее активных участников шефской организации к штатной работе в структурах отделения общества «Феникс» продолжил работу по всем своим направлениям на более высоком профессиональном уровне, а накопленный опыт общественного движения реставраторов в регионе приобрёл ни с чем не сравнимое воспитательное значение, особенно для детей и подростков. Следует отметить, что в описываемый период в развитии шеф-

ского движения также появляются качественно новые черты. На смену волне массовых субботников приходит общественный подъём, объединивший усилия множества людей в помощь восстановлению церковных зданий, возвращённых или возвращаемых религиозным организациям. Многие из ветеранов шефского движения стали инициаторами возвращения Церкви её храмовых зданий. Развитие связей областного отделения ВООПИК с Орловской епархией способствовало росту его авторитета, а также накоплению серьёзного практического опыта в деле сохранения наследия региона.

В работе отделения появляются принципиально новые направления. Возникает, получает обоснование и поддержку общественности инициатива по возвращению исторических наименований улицам города. Впервые ставятся вопросы об увековечении памяти жертв фашизма и жертв репрессий.

Вместе с тем существенно расширяется и усложняется круг вопросов, поставленных перед Орловским отделением ВООПИК. Так, приобретают особую актуальность проблемы незаконной приватизации и злоупотреблений собственниками памятников. Выявляются случаи фальсификации фактов перезахоронений воинов Великой Отечественной войны.

Орловское отделение ВООПИК лидировало в перестройке форм и методов своей деятельности, опережая другие региональные и даже федеральные структуры. Превращение областного отделения ВООПИК в самостоятельный орган, неподконтрольный когда-то всевластным партийным структурам, вывело его на новый этап развития, создался новый стиль государственно-общественного партнёрства в сфере сохранения наследия.

Глобальные трансформации в стране, произошедшие в 1991 году, сыграли значительную роль в дальнейших изменениях в сфере сохранения культурного наследия, создав задел для будущего формирования новых отношений в этой сфере.

Библиография / References:

1. Бутузова, Л. Не торопись увековечить... // Орловская правда. – 1989. – 12 апреля.
2. В Горсовете // Орловские вести. – 1992. – 15 сентября.
3. Власов, В. А. «Вольтера ученик счастливый» // Орловская правда. – 1990. – 2 февраля.
4. Власов, В. А. Нравственный долг // Орловская правда. – 1990. – 3 ноября.
5. Власов, В. А. Со свойственной ему храбростью // Политическая агитация. – 1988. – № 21. – Ноябрь.
6. Гольцова, А. В. Монастырка: сегодня и завтра // Орловская правда. – 1990. – 19 мая.
7. Гольцова, А. В. Орёл и орловцы / А. Гольцова; Фонд гуманитарных и экономических исслед. «Созидание». – Орёл: Труд, 2008. – 237 с.
8. Гольцова, А. В. Память сердца. – Орёл, 2001. – 120 с.
9. Гольцова, А. В. Покажите свой город: избранная публицистика / А. Гольцова. – Орёл: Картуш, 2016. – 294 с.
10. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 301а.
11. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 352.
12. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 374.
13. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 375.
14. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 389.
15. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 391.
16. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 392.
17. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 397.
18. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 413.
19. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 415.
20. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 1. Д. 423.
21. ГАОО. Ф. Р 3686. Оп. 3. Д. 4.
22. ГАОО. Ф. Р 3899. Оп. 1. Д. 7.
23. Григорьев, Г. (Лазарев Г. Г.). Внимание охране памятников // Орловская правда. – 1991. – 18 июля.
24. Дёмина, Н. Е. Летопись Иверской церкви, город Орёл / [сост. Н.Е. Дёмина]. – М.: [б. и.], 2007. – 40 с.
25. Жилиев, И. Второе рождение храма // Вече. Вестник общественно-культурного центра Орловского областного отделения ВООПИиК. – 1991. – № 2.
26. Заботкин, Г.А. Обыкновенные истории // Собеседник. – 1989. – № 34. – Август.
27. Заруднев, С. Погребение на Архирейском // Поколение. – 1990. – 3 ноября.
28. Краеведческие записки: сборник / Орловский областной краеведческий музей. – Вып. 4: Орловские краеведы / В.П. Еремин. – Орёл: Вешние воды, 2005. – 447 с.
29. Кому он нужен, этот храм... Резонанс // Орловская правда. – 1989. – 4 марта.
30. Кондратенко, А. И. Встречи у микрофона. – Орёл: Издательство «Картуш», 2019. – 120 с.
31. Кондратенко, А. И. Кому он нужен, этот храм... // Орловская правда. – 1989. – 22 января.
32. Кондратенко, А. И. Оставайся с нами, Монастырка! // Орловская правда. – 1989. – 21 мая.
33. Кондратенко, А. И. Ревнитель Орловской старины // В живом потоке времени. Статьи и очерки о краеведах. – Орёл: Издательство «Картуш», 2019. – С. 257–264.
34. Кондратенко, А. И. «Я неверующий, но...»: Заметки по поводу одной дискуссии // Политическая агитация. – Орёл. – 1989. – № 22 (нояб.). – С. 17–18.
35. Ливцов, В. А. Воспоминания: Машинопись. [Хранятся в личном архиве автора].
36. Ливцов, В. А. Как возвращали верующим храм Михаила Архангела в г.Орле: Воспоминания: Машинопись. [Хранятся в личном архиве автора]. – 20 с.
37. Ливцов, В. А. Что имеем, не храним // Орловский комсомолец. – 1989. – 14 января.
38. Наши заботы // Информационный вестник ВООПИиК. – 1990. – № 2. – С. 15–16.
39. Неделин, В. М., Ромашов, В. М. Архитектурные древности Орловщины. – Орёл: АПЛИТ, 2020. – 256 с.
40. Орлов, А. Ведь были ж схватки боевые! // Знамя коммунизма. – 1991. – 25 апреля.
41. Официальная хроника // Вече. Вестник

- общественно-культурного центра Орловского областного отделения ВООПИиК. – 1991. – № 1.
42. Официальная хроника // Вече. Вестник общественно-культурного центра Орловского областного отделения ВООПИиК. – 1991. – № 2.
43. Прокопий, монах. История Орловского Успенского мужского монастыря. – Орёл: издатель Александр Воробьёв, 2001. – 112 с.
44. Пушилов, К. Свидание с Орлом // Собеседник. – 1990. – № 23. – Июнь.
45. Тарасова, С. Место старинное, не заповедное... // Орловская правда. – 1991. – 26 сентября.
46. Увековечиться не желаете? / интервью В.А. Ливцова // Поколение. – 1990. – 6 октября.
47. Храм // Орловский комсомолец. – 1989. – 4 февраля.
48. Шапочка, В. Забытое имя // Политическая агитация. – 1988. – № 13. – Июль.
49. Юдин, А. П. Замечательная профессия – реставратор... // Моя жизнь в культуре. Время. События. Люди: Сборник статей. – Орёл, 2014. – 409 с.
50. Ливцов, В. А. Влияние Орловского православного петропавловского братства на распространение образования в Орловской губернии во второй половине XIX начале XX века / В. А. Ливцов, Е. С. Матвеева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3(66). – С. 53-57. – EDN UZDABZ.
1. Butuzova, L. Ne toropis' uvekovechit'... [Don't rush to immortalize] // Orlovskaya pravda. – 1989. – 12 aprelya. (In Russ.).
2. V Gorsoвете [In the City Council] // Orlovskiyе vesti. – 1992. – 15 sentyabrya. (In Russ.).
3. Vlasov, V. A. «Vol'tera uchenik schastlivyyu» [«Voltaire's happy student»] // Orlovskaya pravda. – 1990. – 2 fevralya. (In Russ.).
4. Vlasov, V. A. Nrvstvennyy dolg [Moral duty] // Orlovskaya pravda. – 1990. – 3 noyabrya. (In Russ.).
5. Vlasov, V. A. So svoystvennoy yemu khrabrost'yu [With his characteristic courage] // Politicheskaya agitatsiya. – 1988. – №21. – Noyabr'. (In Russ.).
6. Gol'tsova, A. V. Monastyrka: segodnya i zavtra [Monastery: today and tomorrow] // Orlovskaya pravda. – 1990. – 19 maya. (In Russ.).
7. Gol'tsova, A.V. Orol i orlovtsy [Oryol and Oryol residents] / A. Gol'tsova; Fond gumanitarnykh i ekonomicheskikh issled. «Sozidaniye». – Orol: Trud, 2008. – 237 s. (In Russ.).
8. Gol'tsova, A. V. Pamyat' serdtsa [Memory of the heart]. – Orol, 2001. – 120s. (In Russ.).
9. Gol'tsova, A. V. Pokazhite svoy gorod: izbrannaya publitsistika [Show your city: selected journalism] / A. Gol'tsova. – Orol: Kartush, 2016. – 294s. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archive of the Oryol Region] (daleye – GAOO) F.R3686. Op.1. D.301a. (In Russ.).
11. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.352. (In Russ.).
12. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.374. (In Russ.).
13. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.375. (In Russ.).
14. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.389. (In Russ.).
15. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.391. (In Russ.).
16. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.392. (In Russ.).
17. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.397. (In Russ.).
18. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.413. (In Russ.).
19. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.415. (In Russ.).
20. GAOO. F. R 3686. Op.1. D.423. (In Russ.).
21. GAOO. F. R 3686. Op. 3. D.4. (In Russ.).
22. GAOO. F. R 3899. Op.1. D.7. (In Russ.).
23. Grigor'yev, G. (Lazarev G.G.). Vnimanije okhrane pamyatnikov [Attention to the protection of monuments] // Orlovskaya pravda. – 1991. – 18 iyulya. (In Russ.).

24. Domina, N. E. Letopis' Iverskoy tserkvi, gorod Orol [Chronicle of the Iveron Church, city of Orel Chronicle of the Iveron Church, city of Orel] / [sost. N.Ye. Demina]. – M.: [b. i.], 2007. – 40 s. (In Russ.).
25. Zhilyayev, I. Vtoroye rozhdeniye khrama [The second birth of the temple] // Veche. Vestnik obshchestvenno-kul'turnogo tsen-tra Orlovskogo oblastnogo otdeleniya VO-OPlIK. – 1991. – №2. (In Russ.).
26. Zabotkin, G. A. Obyknovennyye istorii [Ordinary stories] // Sobesednik. – 1989. – №34. – Avgust. (In Russ.).
27. Zarudnev, S. Pogrebeniye na Arkhiyereyskom [Burial at Archbishop] // Pokoleniye. – 1990. – 3noyabrya. (In Russ.).
28. Kravevedcheskiye zapiski [Notes of local history: collection]: sbornik / Orlovskiy oblastnoy kravevedcheskiy muzey. – Vyp.4: Orlovskiy kravevedy / V.P. Yeremin. – Orol: Veshniye vody, 2005. – 447s. (In Russ.).
29. Komu on nauzhen, etot khram... Rezonans [Who knows this temple... Resonance] // Orlovskaya pravda. – 1989. – 4mart. (In Russ.).
30. Kondratenko, A.I. Vstrechi u mikroфона [Meetings at the microphone]. – Orol: Izdatel'stvo «Kartush», 2019. – 120 s. (In Russ.).
31. Kondratenko, A. I. Komu on nuzhen, etot khram... [Who needs it, this temple...] // Orlovskaya pravda. – 1989. – 22yanvarya. (In Russ.).
32. Kondratenko, A. I. Ostavaysya s nami, Monastyrka! [Stay with us, Monasteryka!] // Orlovskaya pravda. – 1989. – 21 maya. (In Russ.).
33. Kondratenko, A. I. Revnitel' Orlov-skoy stariny [A zealot of Oryol antiquity] // V zhivom potoke vremeni. Sta-t'i i ocherki o kravevedakh. – Orol: Izdatel'stvo «Kartush», 2019. – S.257–264. (In Russ.).
34. Kondratenko, A. I. «Ya neveruyushchiy, no...»: Zametki po povodu odnoy diskussii [«I'm not a believer, but...»: Notes on one discussion] // Politicheskaya agitatsiya. – Orel. – 1989. – №22 (noyab.). – S.17–18. (In Russ.).
35. Livtsov, V. A. Vospominaniya: Mashinopis' [Memoirs: Typescript]. [Khryaniatsya v lichnom arkhive avtora]. (In Russ.).
36. Livtsov, V. A. Kak vozvrashchali veruyushchim khram Mikhaila Arkhangel a v g.Orle [How the Church of the Archangel Michael in Orel was returned to the believers]: Vospominaniya: Mashinopis'. [Khryaniatsya v lichnom arkhive avtora]. – 20s. (In Russ.).
37. Livtsov, V.A. Chto imeyem, ne khranim [What we have, we don't keep] // Orlovskiy komsolets. – 1989. – 14 yanvar'. (In Russ.).
38. Nashi zaboty [Our concerns] // Informatsionnyy vestnik VOOPliK. – 1990. – № 2. – S.15–16. (In Russ.).
39. Nedelin V.M., Romashov V.M. Arkhitekturnyye drevnosti Orlovshchiny [Architectural antiquities of the Oryol region]. – Orol: APLIT, 2020. – 256 s. (In Russ.).
40. Orlov, A. Ved' byli zh skhvatki boye-vyye! [After all, there were battles!] // Znamiya kommunizma. – 1991. – 25aprelya. (In Russ.).
41. Ofitsial'naya khronika [Official chronicle] // Veche. Vestnik obshchestvenno-kul'turnogo tsentra Orlovskogo oblastnogo otdeleniya VOOPliK. – 1991. – №1. (In Russ.).
42. Ofitsial'naya khronika [Official chronicle] // Veche. Vestnik obshchestvenno-kul'turnogo tsentra Orlovskogo oblastnogo otdeleniya VOOPliK. – 1991. – №2. (In Russ.).
43. Prokopiyy, monakh. Istoriya Orlovskogo Uspenskogo muzhskogo monastyrya [Procopius, monk. History of the Oryol Assumption Monastery]. – Orol: iz-datel' Aleksandr Vorob'yov, 2001. – 112s. (In Russ.).
44. Pushilov, K. Svidaniye s Orlom [Date with Eagle] // Sobesednik. – 1990. – № 23. – Iyun'. (In Russ.).
45. Tarasova, S. Mesto starinnoye, ne zapovednoye... [An ancient place, not a sacred place...] // Orlovskaya pravda. – 1991. – 26 sentyabrya. (In Russ.).
46. Uvekovechit'sya ne zhelayete? [Don't want to be immortalized?] / interv'yu V.A. Livtsova // Pokoleniye. – 1990. – 6 oktyabr'. (In Russ.).
47. Khram [Temple] // Orlovskiy komsolets. – 1989. – 4 fevralya. (In Russ.).
48. Shapochka, V. Zabytoye imya [Forgotten

name] // Politicheskaya agitatsiya. – 1988. – №13. – Iyul'. (In Russ.).

49. Yudin, A. P. Zamechatel'naya profes-siya – restavrator... [A wonderful profession – restorer...] // Moya zhizn' v kul'ture. Vremya. Sobytiya. Lyudi: Sbornik statey. – Orol, 2014. – 409 s. (In Russ.).

50. Livtsov, V. A. Vliyaniye Orlovskogo pravoslav'nogo petropavlovskogo bratstva na rasprostraneniye obrazovaniya v Orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka / V. A. Livtsov, E. S. Matveyeva // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2015. – № 3(66). – S. 53-57. – EDN UZDABZ.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 11.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 22.02.2024.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

Информация об авторах:

САВОСЬКИН Александр Владимирович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: grefent.brit@mail.ru, SPIN-код: 1593-2682, AuthorID: 1243028

НОВИКОВ Илья Владимирович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: x.telefon@gmail.com, SPIN-код: 8796-9671, AuthorID: 1243041

Authors:

SAVOSKIN A.V., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: grefent.brit@mail.ru, SPIN-код: 1593-2682, AuthorID: 1243028

NOVIKOV I.V., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: x.telefon@gmail.com, SPIN-код: 8796-9671, AuthorID: 1243041

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ПИОНЕРСКИЕ ГАЗЕТЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе особенностей становления периодической пионерской печати с 1922–1927 гг. на примере Орловской губернии. В статье авторы раскрывают содержание резолюции съездов и пленумов РКП(б) и РЛКСМ, касающееся вопросов расширения публикации периодических изданий и литературы, направленных на пропаганду и развитие пионерского движения.

В исследовании определяются особенности работы первых пионерских журналов и газет; тематика их публикаций; содержательная работа с корреспондентами (пикорами, деткорами). Эта работа была чрезвычайно важной не только для улучшения содержания издания, его распространения, но и для формирования общественно активной позиции пионеров. Пикоры были застрельщиками многих полезных дел в своих отрядах, деятельно участвовали в борьбе с недостатками, выступали организаторами стенной печати в отрядах.

Методологией исследования является количественный и качественный анализ тематики и содержания пионерских газет Орловской губернии «Юный пионер» и «Красный галстук» с 1922 по 1927 год.

Первая однодневная газета Орловской губернии «Юный пионер» вышла в 1922 году. Она была посвящена Международной детской неделе. В ней нашли отражение вопросы взаимодействия «трудового русского скаутинга» с губернской дружиной юных пионеров. Там проходила агитация за вступление в ряды пионерской организации и рассказывалось об истории Международной детской недели.

После создания Орловской губернской дружины юных пионеров (1 апреля 1923 года) возник вопрос издания массовой пионерской газеты.

В 1924 году выходит первый номер «Красного галстука», редактором которого стал руководитель пионерской организации Александр Смирнов. Газета выступала «создателем» общественного мнения в отношении пионерской организации, способствовала выявлению существующих проблем в отрядах и путей их решения. Основные направления работы «Красного галстука» определялись задачами воспитания, которые ставило Советское государство, а именно: идейно-политического воспитания, трудового, оборонно-массового, пропаганды физкультуры и спорта, борьбы за новый быт и др. В статье анализируются рубрики, рассказывающие о жизни юных пионеров Орловской губернии.

«Красный галстук» выступал и как инициатор различных акций; им проводились различные смотры и конкурсы. Газета выходила с 1924 по 1927 год. Можно констатировать, что она стала действительно массовой при том количестве пионерских корреспондентов, которые охотно присылали в нее свои заметки. Из этих пикоров впоследствии даже те, кто не связал свою жизнь с журналистикой, выросли личностями с ярко выраженной гражданской позицией.

Ключевые слова: пионерская организация, пионерская печать, пикор, деткор, пионерская газета, газета «Юный пионер», газета «Красный галстук», воспитание и пропаганда

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Орлова Л.Н., Цыганкова Е.А. Пионерские газеты 20-х годов XX века: региональный аспект // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 205–215.

© Орлова Л.Н., Цыганкова Е.А., 2024г.

Original article

L.N. ORLOVA, E.A. TSYGANKOVA (LEVINA)

PIONEER NEWSPAPERS IN THE 1920S: THE REGIONAL CONTEXT

Annotation. The purpose of the article is to study the Pioneer periodicals from 1922 - 1927 both at the national level and in Orel province. The article analyzes the congresses and plenums resolutions of the Russian Communist Party and the Russian Leninist Communist Youth League concerning the periodicals and literature expanding aimed at promoting and developing the Pioneer movement.

The study reveals such peculiarities of the first Pioneer magazines and newspapers as the publications subject and a special work with both Pioneer reporters and children reporters. The work was important for improving the publications content, their expanding and forming Pioneers' social activity. The Pioneer reporters initiated useful work in their groups. They struggled with disadvantages and published wall-newspapers in their groups.

The authors used quantitative and qualitative analysis to examine the subject and the content of such Orel Pioneer newspapers as «Young Pioneer» and «Red Scarf» from 1922 till 1927.

The first Orel one-day newspaper «Young Pioneer» was published in 1922. It was dedicated to the International Children's Week. The newspaper covered the issues of the interaction between Russian labor scouts and Orel Pioneer groups and told about the history of the International Children's Week. "Young Pioneer" encouraged to join Vladimir Lenin All-Union Pioneer Organization.

The issue arose about Pioneer newspaper mass publishing after the Orel Pioneer squad was created on April the 1st in 1923.

«Red Scarf» was published for the first time in 1924 edited by Alexander Smirnov. Alexander Smirnov became the head of the Orel Pioneer organization. The newspaper influenced public opinion regarding the Pioneer organization, indicated the existing problems in Pioneer groups, and suggested the ways to solve them. The main tasks of «Red Scarf» were determined by ideological and political education, labor education, military-patriotic popularization, propaganda of physical education and sports, the struggle for a new way of life, etc., that the Soviet state formulated. The article analyzes the columns about the Pioneers' life in Orel province.

«Red Scarf» held various promotions, shows and competitions. The newspaper was published from 1924–1927. The authors conclude that the newspaper became very popular as many Pioneer reporters sent their notes to it. The Pioneer reporters, even those who did not connect their lives with journalism, became responsible members of the society with active citizenship.

Keywords: Pioneer organization, Pioneer periodicals, Pioneer reporters, children reporters, Pioneer newspaper, «Young Pioneer», «Red Scarf», education and propaganda

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Orlova, L.N., Tsygankova, E.A. (2024) Pioneer Newspapers in the 1920s: the Regional Context. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 13. no. 1, P. 205–215.

ВВЕДЕНИЕ

С зарождением пионерского движения перед Советским государством встала задача создания специальной периодической печати: «Для каждого основного читателя необходимо создать особый тип газеты».

XIII съезд РКП(б) (23–31 мая 1924 года) в своей резолюции отметил, что необходимо развернуть дело издания пионерской литературы [24, С.28].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На VI Всероссийском съезде РЛКСМ (12–18 июля 1924 года) в вопросе «Об очередных задачах детского коммунистического движения» рассматривалось расширение периодических изданий и литературы, направленных на пропаганду и развитие пионерского движения [26, С.68]. Отмечалось, что необходимо имеющемуся журналу «Пионер» дать широкое распространение и привлечь к участию в нём самих детей. Кроме него, указывалось в постановлении, необходимо издание и массовой пионерской газеты... так как печатное слово является мощным средством воздействия на развитие ума и характера ребенка [26, С.69].

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отражение данная тематика нашла в монографиях Л.Н. Орловой «Страницы истории» [25]; В.А. Ливцова, А.Ю. Сарана, Л.Н. Орловой, О.С. Фефеловой «Комсомол Орловской области: история становления и развития. 1918–1991 гг.» [23]; статье А.И. Кондратенко «Мы не страшились никаких преград (штрихи биографии сотрудника Коминтерна и автора книг на международные темы А.А. Смирнова)» [5].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развертывание пионерского движения в стране способствовало развитию местной пионерской печати. 15 декабря 1922 года в Харькове вышла первая пионерская газета

«Юный Спартак» – орган Харьковского горкома юных спартаковцев. С 1924 года эта газета выходила под названием «Юный ленинец». К концу 1924 года выходило 15 пионерских газет общим тиражом 80 тысяч экземпляров: «Юная гвардия» – в Курске, «Ленинская искра» – в Ленинграде, «Красный галстук» – в Орле, «Дети октября» – во Владивостоке, «Юный строитель» – в Минске и другие.

Важную роль в развитии пионерского движения сыграл журнал «Вожатый», первый номер которого вышел в свет в июне 1924 года.

Особенностью работы первых пионерских журналов и газет являлась их глубокая связь с пионерами; вокруг каждого издания действовала широкая сеть пикоров (пионерских корреспондентов. – *Авт.*), впоследствии деткоргов. Особенно содержательно работа велась с пикорами в «Пионерской правде», «Вожатом» и региональных газетах. При пионерских газетах существовали детские редколлегии. Пионерские корреспонденты собирали заметки, писали их, распространяли пионерские издания. Работа была чрезвычайно важной не только для улучшения содержания издания, его распространения, но и для формирования общественно активной позиции пионеров. Пикоры были застрельщиками многих полезных дел в своих отрядах, деятельно участвовали в борьбе с недостатками, выступали организаторами стенной печати в отрядах.

Комитеты комсомола совместно с редакциями газет организовывали курсы, конференции, кружки пикоров. В сентябре 1925 года отдел печати ЦК комсомола утвердил Положение о работе кружков пионерских и детских корреспондентов [4, Л.14].

Пионерские газеты Орловской губернии в 20-е годы XX века прошли путь, характерный для истории пионерской журналистики того времени.

До августа 1922 года издавалась газета «Костёр», освещавшая вопросы жизни и дея-

тельности губернской дружины юных разведчиков (скаутов).

Однако фактически сразу же после появления первых отрядов детских коммунистических групп Орловский губернский комитет РКП(б) и губернский комитет РКСМ стали уделять огромное внимание печати как одному из важнейших средств воспитания и пропаганды.

23 августа 1922 года вышла однодневная газета Орловского губернского комитета РКСМ «Юный пионер», посвященная Международной детской неделе. Редакционную коллегию составили Л. Колесников, Ю. Шафит и А. Смирнов, впоследствии возглавивший Орловское губернское бюро юных пионеров, а затем ставший редактором губернской газеты «Красный галстук».

В «Юном пионере» нашли отражение вопросы взаимодействия «трудового русского скаутинга» с губернской дружиной юных пионеров, чтобы построить «цельную, мощную организацию под руководством комсомола». [27, С.2]; агитация за вступление в ряды пионерской организации от Иннокентия Жукова (старшего друга пионеров России) на сравнительной основе со скаутами («пионеры – это семья рыцарей-братьев, всегда готовых помочь людям в беде» [27, С.2]); письма-пожелания юным пионерам от так называемого бывшего скаута, где в доступной форме говорилось о навыках, которыми должен обладать пионер как «постовой революционного трудового народа» [27, С.1] (в первую очередь знать какое-либо ремесло и любить работать); рассказ об истории Международной детской недели.

Официальной датой создания Орловской губернской дружины юных пионеров считается 1 апреля 1923 года. На тот момент в нее вошло два отряда: отряд мальчиков и отряд девочек – всего 60 человек. Однако к августу 1924 года организация выросла до 3503 человек [12, С.3]. В связи с повышением численности организации начал возникать вопрос идеологического, содержательного,

методического обеспечения деятельности отрядов детских коммунистических групп.

На заседаниях губернского комитета РЛКСМ неоднократно поднимался вопрос о необходимости выпускать свою газету для орловских пионеров, в первую очередь для пропаганды, создания общественного мнения в отношении детского движения, особенно в деревне. Как отмечалось в журнале «Вожакий», если в городе пионерский отряд стал «своим детищем» рабочего клуба, рабочего коллектива, то этого нельзя сказать про деревенский отряд, так как отсутствует систематическая пропаганда словом и делом в массах крестьян [1, С.34].

1 сентября 1924 года в свет выходит первый номер газеты «Красный галстук», ответственным редактором которой стал Александр Смирнов.

Для того чтобы стать интереснее своим читателям, собрать корреспондентский актив, практически в одном из первых номеров редакция предлагает каждому стать пионерским корреспондентом, для чего просит присылать в редакцию заметки на следующие темы: «Как работает твой отряд? (работа в клубе, в мастерских, экскурсии, общественно-трудовая работа, новости отряда)»; «Как работает звено, в котором ты состоишь?»; «Как отряд проводит смычку с деревней и деревенскими пионерами, какие есть достижения?»; «Как обстоит связь с комсомолом и партией, что дает хорошего и что еще слабо поставлено?»; «Связан ли отряд с Красной Армией и Флотом, что делается в этом отношении?»; «В чем заключается борьба вашего отряда с беспризорностью?»; «Как идут занятия в школе и как там работают пионеры?»; «Как смотрят на тебя родители, что ты пионер? Что ты постоянно делаешь дома?» [9, С.3].

В «Красном галстуке» № 8 за 1924 год Александр Смирнов пытается получить обратную связь от пионеров с помощью следующих вопросов: «Что надо изменить в газете? Следует ли увеличить газету вдвое? Как о газете отзываются другие школьники? Понят-

на ли газета деревенским ребятам и пионерам?» [11, С.3].

Из номера в номер регулярно появляются соответствующие обращения к пионерам, призывающие сделать газету ярче и интереснее. Так, в № 1 от 4 января за 1925 год звучит призыв ответственного редактора А. Смирнова к пионерам: освещать своим «мощным оружием, карандашом, в газете, точно в зеркале», жизнь организации, семьи и школы; организовывать коллективы пикиров, агитировать за подписку, высылать больше интересных и важных заметок [15, С.2].

Основные направления «Красного галстука» определялись задачами воспитания, которые ставило Советское государство, а именно: идейно-политического воспитания, трудового, оборонно-массового, пропаганды физкультуры и спорта, борьбы за новый быт и др.

На первых полосах газет были размещены резолюции ЦК РЛКСМ и Центрального бюро юных пионеров; отрывки из выступлений руководителей Советского государства, а также их письма пионерам; информация о жизни в стране, в том числе о новых праздниках (Международная детская неделя, Международный юношеский день и др.); рассказ о жизни сверстников других стран; материалы о Красной Армии и Флоте.

Рубрики, рассказывающие о жизни юных пионеров Орловской губернии, назывались: «Наша жизнь», «Пионеры и школа», «Уголок пикира», «По городским отрядам», «По сельским отрядам», «По юной деревне», «Почтовый ящик», «Литературный отдел», «В наших рядах» и др.

Следует отметить, что практически все рубрики заполнялись детскими корреспондентами. И само отношение к газете тоже формировали они.

Так, в № 11 за 1924 год «Красный галстук» опубликовал заметки юных корреспондентов о газете:

«Любят «Красный Галстук» ученики Орловской 5-й совшколы: как только раздаётся звонок на большую перемену, так дети млад-

ших классов бегут в зал читать свою любимую газету.

Сколько тут бывает шума и споров из-за того, кому прочитать первому...».

«Успешно провели кампанию подписки на свою газету пионеры Дмитровской школы-десятилетки. На школу теперь выписывается 30–35 экз.

Учащиеся интересуются «Красным галстуком», особенно разделом «За рубежом».

«Красный Галстук» – это газета понятная и легкая, – так говорили Малоархангельские школьники, – и на вопрос что их больше интересует, отвечали: всё. Но некоторые говорили, что больше всего любят разделы «В часы досуга» и «Литературный».

«Выписали 10 экземпляров «Красного Галстука» школьники с. Колпна Малоархангельского уезда после того, как увидели они эту газету. «Красный Галстук» ребятам понравился, и они ведут теперь агитацию за расширение подписки на неё...» [13, С.3].

В селе Волово Ливенского уезда группа детей – будущий отряд пионеров – 24 августа поставили детский спектакль и из вырученных средств отчислили 1 рубль 60 копеек на выписку газеты «Красный галстук», который помогал в работе [6, С.2].

Пикоры в своих заметках советовались, как лучше и интереснее организовывать жизнь в пионерских отрядах и школе либо решить насущные проблемы.

Например, пикир Анохин в № 14 газеты за 1924 год обратил внимание на то, что «ругаются с пионерами ученики Орловской школы при Юго-Восточной железной дороге. Они всячески дразнят пионеров и вообще стараются сделать им плохое. Хочу обратиться через газету, чтобы педагоги обратили на это внимание» [14, С.3].

Или ученик Штерн в этом же номере газеты описывал нездоровые условия, в которых находились ученики 2-й Орловской совшколы: «4-й класс составляют 42 человека, и они занимают комнатку, предназначенную по большей мере на 25–30 человек. Парт очень мало: на каждую садится по 4–5 человек.

Воздуху, конечно, мало для такого количества учеников. Администрации школы надо обратить на это внимание» [14, С.2].

Пикоры в газете получали рецензии на свое творчество и советы в рубрике «Почтовый ящик». Например, в № 6 за 1925 год пикору А.Г. (Ливны): «Из твоей заметки: «Звено Будённого» понять что-нибудь очень трудно. Пиши яснее». Кладову Н.: «Про уборку огорода напиши подробнее, так как твоя заметка очень коротка – из нее ничего не поймешь». Деткору Г. Бронштейн (г. Ольгополь): «Твои заметки используем. Пиши больше живых корреспонденций с разговорами и пр. Они будут читаться с большим интересом. Пишешь ты неплохо» [18, С.2]. Пионеры-поэты тоже получали советы в отношении своего творчества. Редакция отмечала, что поступает очень много стихотворений от пионеров и про пионеров, и редакция приветствует такие начинания. Однако «многие из них еще слабы, и пионерам надо поучиться их составлять и разбирать на кружках пикоров» [9, С.2].

Кстати, еженедельно, по субботам, на базе Центрального дома пионеров проходило обучение пионерских корреспондентов под руководством Александра Смирнова, где подростки осваивали азы журналистики.

В День печати, который отмечался в СССР 5 мая, устраивался праздник детского корреспондента под лозунгом «В день печати положим кирпич в фундамент укрепления «Красного галстука» [22, С.2].

Для этого в пионерских отрядах устраивались торжественные вечера с выступлением «живых газет», декламацией стихов, напечатанных в газете, разгадыванием шарад, загадок, выставками стенных газет «Как пионеру работать с газетой» [22, С.3].

К июню 1927 года в составлении каждого номера газеты принимало участие 30–40 человек, которые, в свою очередь, являлись пропагандистами «Красного галстука».

На страницах губернской газеты отражались всё многообразие пионерской жизни 20-х годов прошлого века.

В связи с тем, что первый номер «Красного галстука» вышел в рамках Международной детской недели, то очень много материалов было посвящено ей. В № 3 от 17 сентября 1924 года описывалось проведение недели в городе Орле: в первый день нашей недели все пионеры, собравшись у комсомольского клуба, выстроились поотрядно и стройными колоннами под музыку двинулись к памятнику Ильича, где открылся митинг. Выступавшие старшие товарищи давали наказания юной смене.

Вечером было открытие Центрального дома пионеров, где силами пионеров были поставлены инсценировки, выступление «живой газеты» и др.

В течение недели пионеры устраивали платные вечера в пользу беспризорных; в пятницу был большой вечер в городском театре. В предпоследний день недели некоторые отряды выезжали в деревни, где тоже устраивали вечера, игры вместе с деревенскими ребятами, беседовали с ними, подарили красные галстуки и пионерские значки. В течение всей недели пионерами был организован сбор по подписным листам и продажа цветов в пользу беспризорных [7, С.3].

Лозунг Международной детской недели «О смычке городских ребят с деревенскими» получил живой отклик в сельских отрядах. 2-й Орловский отряд юных пионеров взял шефство над детьми деревни Ольшань: поехали туда с ячейкой РЛКСМ, взяли газет, литературы; проводили беседы с крестьянскими детьми (пикоры Лимка и Рэмка) [8, С.2]. А Дросковский волостной комитет РЛКСМ организовал отряд пионеров в 54 человека. Занятия отряда проходят три раза в неделю (пикор Комсомолец-2935) [8, С.2]. «Железнодорожные пионеры» провели смычку с отрядом д. Овсянниково.

С песнями, знаменами пришли три отряда городских пионеров. Была проведена совместная фигурная маршировка, вольные движения. Потом разделились на отряды и на трех концах деревни устроили игры [6, С.3].

После детской недели пионерская работа переходила в клуб. «Красный галстук» подробно рассказывал о подготовке к клубной работе. Необходимо, отмечалось в газете, чтобы осень и зима не застали в необорудованном клубе: вставляются стёкла, исправляется мебель, и делается другой мелкий ремонт. Все собранные за лето коллекции просматриваются, поправляются и выставляются в клубе. Зачитываются дневники звеньев, отряда, пионеры их дополняют. Принимается шефство над деревенскими отрядами, которым надо помочь подготовиться к зиме (улучшить помещение, дать отряду программы занятий, материал и помочь составить план работы). Затем приводятся в порядок мастерские, собирается инструмент, устанавливается порядок работы, в мастерских можно было начать работать. Возобновляются пионерские звенные уголки, дополненные коллекциями. Все книги в библиотеке проветриваются, подклеиваются, делается переучет, и библиотека должна быть уже открыта для пользования пионерами. «Следует сделать так, чтобы к годовщине Октябрьской революции наши клубы были бы вполне пионерские и там кипела бы наша жизнь» [7, С.2].

Много материалов было посвящено проведению уездных конференций пионеров. Так, при подготовке ее в Ельце достали бумагу, написали плакаты, по телефонам обзвонили волости, чтобы приезжали делегаты, позаботились о питании. В день конференции собралось 70 делегатов, чтобы обсудить такие вопросы, как задачи юных пионеров, работа в школах, пионеры в деревне, пионерская печать, физкультура в отрядах (пикор Колька Елецкий) [10, С.3].

Печатались в газете и советы, как готовиться к государственным праздникам. Например, к очередной годовщине Октябрьской революции: что прочесть, как провести беседу, как организовать «октябрьский вечер» и из каких элементов он должен состоять (декламация, устная газета, инсценировка, выкрикивание лозунгов, спортивные выступления, хоровое пение, игры) [11, С.2].

«Красный галстук» выступал и как инициатор различных акций. Так, в одном из номеров 1925 года просит помочь деревенским пионерам, у которых вследствие недорода начался голод, для чего нужно собрать средства, купить муку и отправить голодающим [17, С.2].

Публиковались разъяснения по отдельным вопросам внутрисоюзной жизни, как-то: для чего организуются форпосты (для того чтобы руководить всей школьной жизнью) (пикор Суруда) [12, С.3]; о работе с детьми младшего школьного возраста – октябрятами, в том числе об играх.

Газетой проводились различные смотры и конкурсы: смотр форпостов по губернии (для чего необходимо было прислать различные материалы: дневник, отчет о работе, стенные газеты, заметки пикоров, схемы работ форпоста, его связи с отрядом); конкурс на лучший звеньевой и отрядный дневник, которые, по задумке организаторов, должны были служить отражением (историей) жизни звена, отряда. Фактически по дневнику можно было судить, как работает пионерская первичка. В качестве премии – пионерские книжки [16, С.3].

В газете публиковались заметки о взаимодействии частей Красной армии с пионерскими отрядами, о занятиях на свежем воздухе, о новых постановках спектаклей в центральных домах пионеров г. Орла и Ельца.

Даже подробно разбиралась работа пионерских отрядов во время перевыборов сельских и городских советов народных депутатов (1927 год): помочь писать и разносить повестки гражданам о перевыборах; разъяснить домашним о задачах перевыборов; обсудить, что нужно включить в наказ новому совету от детей (подвоз дров к школе, ремонт клуба, охрана труда малолетних пастушков, борьба с беспризорностью, забота о здоровье детей и т. д.); разобрать в школе, что сделал за год прежний совет; подготовить к собранию граждан хороший номер стенгазеты [19, С.3].

Начиная с 1927 года активно развивается рубрика «Дорогу юной творческой мысли»,

рассказывающая о юных изобретателях. Это в первую очередь связано с усилением работы Советского государства по развитию технического творчества обучающихся. Как отмечалось в № 7 от 26 февраля 1927 года, в Центральном доме пионеров открылась выставка технических работ подростков. Особое внимание привлекли фотографический аппарат и фонарь-отражатель, увеличивающий в 50 раз какую-либо картинку. Пионер первого отряда Стефашин за эти работы получил премию в размере семи рублей [21, С.3]. На выставке были представлены также радиоприемники, собранные самими пионерами [20, С.3]. Выставка проработала более месяца, и за это время ее посетило более трёхсот человек.

После первого пионерского слета, состоявшегося в 1929 году, делегаты в своем наказе взяли обязательство за пять лет организовать пять тысяч детских птицеводческих товариществ, а также организовать детские «садово-огородные» артели. Однако еще в 1927 году такая работа уже была поставлена на Орловщине. «Красный галстук» активно включился в пропаганду сельскохозяйственного воспитания. Как отмечала газета (№ 11 от 23 марта 1927 года), состоявшийся пленум губернского бюро юных пионеров выдвинул основные задачи: участие пионеров в улучшении куроводства (организовать правильный уход за курами, производить подкорм, делать гнезда, производить учет яиц, отличать более породистых кур и выводить лучших цыплят от них); необходимость организовать каждому пионеру показательную грядку (тщательно обработанная и засаженная огородными культурами); создание пионерских огородов, урожай с которых должен пойти в пользу беспризорных и на горячие завтраки в школе [21, С.3]. Данные проблемы обсуждались практически в каждом номере. Здесь же обобщался лучший опыт работы в данных направлениях.

Недисциплинированность отдельных пионеров, недостатки работы, формализм – это тоже находило отражение в газете. В каче-

стве примера такой эпизод: в День леса пионеры заложили молодой лес, но не огородили его. В результате саженцы были вытоптаны скотом. Большая работа пошла насмарку [22, С.3].

С 1927 года четвертая полоса газеты была полностью посвящена рубрике «Наш пионерский отдых», где пионерам не только предлагались интеллектуальные головоломки, ребусы, шутки, но и давались правила новых игр. Например, «На защиту красного знамени», в которой игроки делились на три отряда по 15–20 человек. Первый отряд – «Красная армия», защищающий красное знамя, находящееся в центре круга, от ударов мяча «белогвардейцев», расположенных по кругу на расстоянии 6–10 шагов от знамени. Задача часового у знамени – отбить все «нападения» самыми разнообразными парирующими движениями в течение трех минут. Если это удалось, то часовой идет «на отдых», попутно беря в плен кого-то из «белогвардейцев»; в случае сбития знамени мячом «красноармеец» идет в плен к «белогвардейцам». Интересно то, что игра носила ярко выраженную политическую окраску и идеологическую нагрузку. Перед началом игры вожакий разъяснял играющим положения «Народной красной присяги» (торжественное обещание при вступлении в Красную армию), которую затем подростки повторяли за вожаким [20, С.3].

Для того чтобы продвинуть газету в массы, в октябре 1924 года в «Красном галстуке» появилось обращение об укреплении пионерской печати, в котором говорилось, что впервые в Орловской губернии организованная детвора имеет свою газету, где много пишется о жизни детей в отряде, школе, дома... Газета начинает завоевывать внимание детей, о чём красноречиво говорит множество писем, прибавляющихся с каждым днем... Для того чтобы улучшить газету, ее содержание и дать хорошие рисунки, необходимо расширить размер газеты, а для этого требуются подписчики. Следовательно, с тиража в 2500 экз. надо подняться до 5000. Стоимость

одного экземпляра газеты – 10 копеек. Пора объявить поход «Красного галстука» на школу [10, С.2].

Такая борьба за подписчиков велась регулярно. На заседаниях уездных и областного бюро РЛКСМ (ВЛКСМ) рассматривались вопросы подписки на «Красный галстук».

Из протокола заседания Дмитровского у бюро юных пионеров от 13 августа 1925 г.: «Необходимо в городе на проведении МДН (Международной детской недели. – **Авт.**) распространить газету «Красный Галстук» и пионерскую литературу» [2, Л.24].

Из резолюции XI Губконференции ВЛКСМ о состоянии и очередных задачах пионерской работы: «Увеличить тираж газеты «Красный Галстук», активное сотрудничество работников детдвижения каждого комсомольца и пионера. Это поможет укрепить и улучшить газету» [3, Л.15].

Ежемесячно сама газета в различных формах агитировала за подписку:

Пионер ты или школьник –

Это безразлично.

Подпишись на «Красный Галстук»,

И жизнь будет отлична [22, С.3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Печатный орган Орловского губернского бюро юных пионеров «Красный галстук» выходил с сентября 1924 года до конца 1927 года. Ответственным редактором с 1924 по 1926 год был А. Смирнов. После того как в 1926 году А. Смирнова перевели на работу в Центральное бюро юных пионеров, в 1927 году редактором утверждают А. Панфилова. В течение всего времени газета отражала пионерскую жизнь губернии, освещала актуальные вопросы деятельности детских коммунистических групп, давала практические рекомендации, в том числе по руководству отрядной работой, связям со школой, иными организациями. Можно констатировать, что она стала действительно массовой при том количестве пионерских корреспондентов, которые охотно присылали в нее свои заметки.

Из этих пикетов впоследствии даже те, кто не связал свою жизнь с журналистикой, выросли личностями с ярко выраженной гражданской позицией.

К сожалению, после 1927 года газета выходить перестала. Это было связано с политическими и административно-территориальными изменениями. В 2000-х годах была попытка восстановить газету. Но, к сожалению, это были лишь эпизодические номера, приуроченные к тем или иным событиям. Но тем не менее значение «Красного галстука» 20-х годов прошлого века в воспитании подрастающего поколения того времени трудно переоценить. Газета являлась коллективным пропагандистом, идеологом, организатором и методистом, развивая личность каждого пионера.

Библиография / References:

1. Вожатый. – 1926. – № 4.
2. ГАОО. Ф № П-1281. Оп. 1. Д. 67.
3. ГАОО. Ф № П-1281. Оп. 1. Д. 116.
4. ГАОО. Ф № П-1287. Оп. 28. Д. 5.
5. Кондратенко А.И. Мы не страшились никаких преград (штрихи биографии сотрудника Коминтерна и автора книг на международные темы А.А. Смирнова) // Панорама: научный журнал Воронежского госуниверситета. – 2011. – № 1. – С. 191–199.
6. Красный галстук. – 1924. – № 2.
7. Красный галстук. – 1924. – № 3.
8. Красный галстук. – 1924. – № 5.
9. Красный галстук. – 1924. – № 6.
10. Красный галстук. – 1924. – № 7.
11. Красный галстук. – 1924. – № 8.
12. Красный галстук. – 1924. – № 9–10.
13. Красный галстук. – 1924. – № 11.
14. Красный галстук. – 1924. – № 14.
15. Красный галстук. – 1925. – № 1.
16. Красный галстук. – 1925. – № 9.
17. Красный галстук. – 1925. – № 17.
18. Красный галстук. – 1925. – № 25–26.
19. Красный галстук. – 1927. – № 3.
20. Красный галстук. – 1927. – № 7–8.
21. Красный галстук. – 1927. – № 11.

22. Красный галстук. – 1927. – № 15.
23. Ливцов В. А., Саран А. Ю., Орлова Л.Н., Фефелова О.С. Комсомол Орловской области: история становления и развития. 1918–1991 гг.: монография / под общ. ред. В.А. Ливцова. – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019.
24. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – Москва: Мысль, 1972.
25. Орлова Л.Н. Страницы истории. – Орёл, 2002.
26. Орлова, Л. Н. История развития октябрятских групп как феномен преемственности поколений в отечественном детском и молодежном движении / Л. Н. Орлова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 125-138. – DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-2-125-138. – EDN IUDQBC.
27. Товарищ комсомол. Т.1.
28. Юный пионер. – 1922. – № 1.
11. Krasnyy galstuk. – 1924. – №8. (In Russ.).
12. Krasnyy galstuk. – 1924. – № 9–10. (In Russ.).
13. Krasnyy galstuk. – 1924. – №11. (In Russ.).
14. Krasnyy galstuk. – 1924. – №14. (In Russ.).
15. Krasnyy galstuk. – 1925. – №1. (In Russ.).
16. Krasnyy galstuk. – 1925. – №9. (In Russ.).
17. Krasnyy galstuk. – 1925. – №17. (In Russ.).
18. Krasnyy galstuk. – 1925. – №25–26. (In Russ.).
19. Krasnyy galstuk. – 1927. – №3. (In Russ.).
20. Krasnyy galstuk. – 1927. – №7–8. (In Russ.).
21. Krasnyy galstuk. – 1927. – №11. (In Russ.).
22. Krasnyy galstuk. – 1927. – №15. (In Russ.).
23. Livtsov V. A., Saran A.Yu., Orlova L.N., Fefelova O.S. Komsomol Orlovskoy oblasti: istoriya stanovleniya i razvitiya [Komsomol of the Oryol region: history of formation and development]. 1918–1991 gg.: monografiya / pod obshch. red. V.A. Livtsova. – Orol: Izdatel'stvo Sredne-russkogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 2019. – 216s. (In Russ.).
24. O partiynoy i sovetskoy pechati, radioveshchani i televidenii [On the party and Soviet press, radio broadcasting and television]: Sbornik dokumentov i materialov. – M.: Mysl', 1972. – 635 s. (In Russ.).
25. Orlova, L.N. Stranitsy istorii [Pages of history]. – Orol, 2002. – 126 s. (In Russ.).
26. Orlova, L. N. Istoriya razvitiya oktyabryatskikh grupp kak fenomen preymstvenno-sti pokoleniy v otechestvennom detskom i molodezhnom dvizhenii / L. N. Orlova // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2020. – T. 9, № 2. – S. 125-138. – DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-2-125-138. – EDN IUDQBC. (In Russ.).
1. Vozhatyy. – 1926. – №4. (In Russ.).
2. GAOO. F № P-1281. OP.1. D.67. (In Russ.).
3. GAOO. F № P-1281. OP.1. D.116. (In Russ.).
4. GAOO. F № P-1287. OP.28. D.5. (In Russ.).
5. Kondratenko, A.I. «My ne strashilis' nikakikh pregrad» [«We were not afraid of any obstacles»] (shtrikhi biografii sotrud-nika Kominterna i avtora knig na mezhduna-rodnnye temy A.A. Smirnova) / A.I. Kondratenko // Panorama. – 2011. – №1. – S.191–199. – EDN YHYIIR. (In Russ.).
6. Krasnyy galstuk. – 1924. – №2. (In Russ.).
7. Krasnyy galstuk. – 1924. – №3. (In Russ.).
8. Krasnyy galstuk. – 1924. – № 5. (In Russ.).
9. Krasnyy galstuk. – 1924. – №6. (In Russ.).
10. Krasnyy galstuk. – 1924. – № 7. (In Russ.).

27. Tovarishch komsomol. – Т.1. (In Russ.).

28. Yunyu pioner. – 1922. – № 1. (In Russ.).

Информация об авторах:

ОРЛОВА Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», адрес: 141406, Россия, Центральный федеральный округ, Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com, SPIN-код: 4449-8144, ORCID: 0000-0003-3149-2370

ЦЫГАНКОВА (ЛЕВИНА) Елена Александровна, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАН-ХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: Helen231987@mail.ru, SPIN-код: 2294-4973, AuthorID: 1125184, ORCID 0000-0002-4993-1506

Authors:

ORLOVA L.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, (Russian Federation, Moscow), e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com, SPIN-код: 4449-8144, AuthorID: 948230

TSYGANKOVA (LEVINA) E.A., Postgraduate student of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: Helen231987@mail.ru, SPIN code: 2294-4973, AuthorID: 1125184, ORCID 0000-0002-4993-1506

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 16.12.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 26.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК с 01.02.2022 г.:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

«Journal of Public and Municipal administration» invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

12+

Главный редактор П. А. Меркулов

**Ответственный секретарь Е. С. Матвеева
Переводчик Е. А. Князькова
Корректор И. Л. Кургузова**

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.
Адрес редакции и издателя: 302001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 302001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.
Подписано в печать 28.03.2024. Дата выхода тиража в свет 15.05.2024

Усл. п. л. 12,4.
Формат 70x100 1/16
Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

**© Вестник государственного и муниципального управления
Научно-образовательное издание
№ 1 (51) 2024г.**